М. Е.
САЛТЫКОВ
ЩЕДРИН

18
(1)

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Издание осуществляется
совместно с Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1975

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том восемнадцатый

КНИГА ПЕРВАЯ

*

ПИСЬМА

1839—1868

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1975

Р1
С16

Вступительная статья
С. А. Макашина

Подготовка текста
Д. М. Климовой
при участии *М. Я. Блинчевской* (письма к Н. А. Некрасову),
*В. Э. Боград*а и *С. А. Макашина* (письма к А. Ф. Каблукову).

Примечания
С. А. Макашина
при участии *М. Я. Блинчевской* (письма к Н. А. Некрасову)
и *В. Э. Боград*а (письма к И. А. Панаеву).

Оформление художника
И. ЖИХАРЕВА

С $\frac{70301\text{-}245}{028(01)\text{-}75}$ подписное

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Фотография с дарственной надписью:

«Кн. А. И. Урусову. 1 марта 1868 г. Салтыков»

ПИСЬМА САЛТЫКОВА

Не только писатель, но и редактор двух крупнейших демократических журналов XIX века — «Современника» и «Отечественных записок»,— Салтыков вел обширную переписку. «Корреспондент он был изумительный по аккуратности,— свидетельствует Н. А. Белоголовый,— и я всегда удивлялся, как при обилии своих письменных работ он не только не тяготился часто писать письма, но и любил сам их получать...» [1]

К сожалению, переписка Салтыкова сохранилась относительно плохо, значительно хуже других частей его рукописного наследия. Известны десятки корреспондентов, письма Салтыкова к которым либо вовсе не дошли до нас, либо дошли крайне фрагментарно. Все же и сохранившаяся переписка Салтыкова значительна по объему и представляет выдающуюся ценность по важности и многообразию своего содержания.

Письма Салтыкова — первейший, во многих случаях единственный, источник для установления фактов биографии писателя, для характеристики его личности, взглядов, его творческого пути. Они позволяют заглянуть во внутренний мир автора «Истории одного города» и «Господ Головлевых», уяснить его суровый образ, соприкоснуться с драматизмом его судьбы. Сверх того, многие письма имеют всю цену первоклассных исторических документов эпохи, особенно в сфере общественно-политической и духовной жизни. Наконец, письма великого художника, каким был Салтыков, интересны и важны не только извлекаемым из них познавательным материалом. Они имеют и самостоятельную ценность. Иные из них приближаются по своему содержанию, стилистической манере и языковому совершенству к страницам салтыковской прозы и публицистики, блещут всеми их красками и читаются с таким же интересом, как и произведения писателя. И они всегда исполнены ума и проницательности, глубокой и сильной мысли. Недаром Тургенев, не раз восхищавшийся эпистолярными посланиями Салтыкова, писал ему однажды: «Петр Великий, говорят, когда встречал умного человека, целовал его в голову; я хоть и не Петр и не Великий — а, прочитав Ваше письмо от 30-го ноября <1875 г.>, охотно бы облобызал Вас, любезнейший Михаил Евграфович...» [2]

---

[1] «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1957, с. 594.

[2] И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, т. XI. М.—Л., «Наука», 1966, с. 164. Письмо от 25 ноября (7 декабря) 1875 г.

* * *

Публикация писем Салтыкова началась сразу же после смерти писателя. Но в течение длительного времени это были, за единичными исключениями, разрозненные, мелкие публикации, рассеянные по многим изданиям [1]. До революции сколько-нибудь полное обнародование эпистолярного наследия Салтыкова было практически и принципиально неосуществимо. С одной стороны, письма даже первично не были учтены и собраны, а с другой — содержание многих из них было противоцензурно. Мешали и содержащиеся в письмах резкие отзывы писателя о еще здравствовавших или недавно ушедших современниках, в том числе знаменитых — о Тургеневе, Достоевском, Толстом.

Время для планомерных систематических разысканий писем Салтыкова и их публикаций пришло лишь после Октября.

Инициатором этих работ и их главным исполнителем стал Н. В. Яковлев. Под его руководством и под его редакцией в Пушкинском доме были подготовлены и изданы два эпистолярных сборника Салтыкова — в 1925 году (302 письма) [2] и в 1932 году (313 писем) [3]. В том же 1932 году появилась в печати серия писем Салтыкова к А. Н. Островскому (36)[4], а в 1934 году — коллекция писем к ряду писателей (54) [5].

Названные книги и публикации послужили основой для издания в 1937—1939 годах первого собрания писем Салтыкова. Оно было осуществлено под редакцией того же Н. В. Яковлева, в составе Полного собрания сочинений писателя издания 1933—1941 годов. В завершающих издание трех эпистолярных томах (XVIII—XX) напечатано 1434 письма, из них около 400 увидело свет впервые. Дополнение к этому собранию появилось лишь в 1959 году в количестве 39 писем [6].

---

[1] Описание этих публикаций, а также позднейших, вплоть до 1945 г., см. в кн.: Л. М. Добровольский и В. М. Лавров. М. Е. Салтыков-Щедрин в печати. Л., 1949, с. 144—155.

[2] М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под ред. Н. В. Яковлева, при участии Б. Л. Модзалевского. Л., Государственное издательство, 1925 (Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук).

[3] М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма (1844—1889). Редакция Н. В. Яковлева. М.—Л., «Academia», 1932 (Труды Института русской литературы Академии наук СССР).

[4] Неизданные письма к А. Н. Островскому. Из архива А. Н. Островского по материалам Театрального музея им. А. А. Бахрушина. Пригот. к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин, Н. Л. Бродский. М.—Л., «Academia», 1932.

[5] Из эпистолярного наследия Салтыкова. Предисловие и примечания С. Макашина. Публикация В. Гиппиуса, С. Макашина, Н. Яковлева и др.— «Литературное наследство», т. 13—14. М., 1934, с. 277—344.

[6] «Неизданные и несобранные письма Салтыкова...» Приложения: I. Неизданные письма к А. Ф. Каблукову (обзор) и II. Сожженные письма к А. М. Унковскому (аннотации). Публикация С. А. Макашина.— «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, с. 449—536.

Настоящее издание представляет второе, самое полное и впервые целиком комментированное собрание писем Салтыкова. В него входят все доныне известные письма писателя — опубликованные и неопубликованные, частные и официальные (за исключением, однако, служебных), сохранившиеся в подлинниках или только в печатных текстах.

Всего в эпистолярных книгах будет помещено свыше 1500 писем; многие из них появляются в печати впервые. Кроме того, в разделах Приложения даются аннотации к нескольким десяткам не дошедших до нас писем, о содержании которых известно из других источников.

* * *

Известные ныне письма Салтыкова охватывают период с 1839 по 1889 год, то есть жизнь писателя, начиная с его отрочества, почти детства, до предсмертных дней. Однако распределяются письма по основным периодам биографии Салтыкова крайне неравномерно, как в количественном отношении, так и по характеру и существу своего содержания. Уже одно это обстоятельство служит предупреждением не усматривать в предлагаемом собрании писем некоего подобия биографии их автора. Иные из писем и даже целые серии их, взятые вне учета других материалов, в частности, существовавших, но не дошедших до нас одновременных писем к другим адресатам, могут создать у малоосведомленного читателя односторонние и даже превратные представления не только об отдельных суждениях и поступках Салтыкова, но и о целых полосах его жизни. Сказанное, впрочем, касается преимущественно писем ранних этапов биографии писателя, так как последующие, относящиеся ко второй половине его жизни, содержат материал для более цельных и аутентичных биографических характеристик.

От первого, представленного в эпистолярном собрании Салтыкова, лицейского периода дошло всего одно письмо, 1839 г. Было же их много. Из материалов семейного архива известно, что, исполняя «приказание» своей грозной «маменьки», Ольги Михайловны, Салтыков писал родителям в их имения Спас-Угол и Заозерье регулярно каждый месяц, и даже чаще, как из московского Дворянского института, так и из Царскосельского (потом Александровского) лицея.

Можно не сомневаться (это подтверждает и сохранившееся письмо 1839 г.), что в институтских и особенно в лицейских письмах содержалось немало сообщений и признаний юного Салтыкова, относившихся не только к обстоятельствам его учебного и бытового обихода (хотя нельзя не сожалеть об утрате и этой информации), но и к его духовному и литературному развитию, в частности, к кругу чтения и к писанию стихов «запоем», о чем писатель сообщал впоследствии в своих автобиографических записках.

Почти столь же бедно представлен в письмах следующий этап — послелицейского четырехлетия в Петербурге (1844—1848) — этап крутого и стремительного подъема мысли и творчества Салтыкова. Это время его увлечения идеями утопического социализма и революционной Францией кануна 1848 го-

да, годы участия в кружках петрашевцев, годы начала писательской работы. О том, чем было для него и его друзей-единомышленников это время, Салтыков написал впоследствии удивительные слова в знаменитой IV главе «За рубежом». Но в дошедших от этого периода письмах — всего восьми — лишь в одном находим отражение предмета и страстности идейных интересов, которыми жил тогда Салтыков: в письме к В. Р. Зотову. Он просит одолжить ему «на неделю» сочинение известного социалиста-утописта В. Консидерана «Destinèes sociale» и мотивирует свою просьбу словами: «до зарезу нужно».

Арест и вятская ссылка представлены, на первый взгляд, достаточно богато, несколькими десятками писем. Но все они, за исключением нескольких, к официальным лицам, обращены к старшему брату Дмитрию Евграфовичу и членам его семьи. Как заметил еще П. Н. Лепешинский [1], переписку эту приходится скорее отнести к тем «письмам-маскам», имеющимся в эпистолярном наследии писателя, из-под которых нелегко разглядеть его подлинное лицо. Типичный царский чиновник-бюрократ, всецело погруженный в интересы петербургских департаментов и своей служебной карьеры, Дмитрий Евграфович, так же как его жена Аделаида и сестра жены Алина, дочери французских эмигрантов-роялистов [2], были людьми духовно чуждыми Салтыкову, хотя он и находился с ними в это время в добрых родственных отношениях. В письмах к ним Салтыков нигде, ни разу, даже намеком не говорит о своих идейных интересах, общественном самосознании, литературных мечтаниях, как не упоминает вообще о каких-либо предметах и вопросах, не относящихся непосредственно к конкретному деловому поводу или поводам каждого из писем. Эти письма, хотя и свидетельствующие об энергии борьбы Салтыкова за свое освобождение, могут, при некритическом подходе к ним, внушить (и внушали) представления о полной будто бы погруженности их автора в сферу служебных интересов, карьеры и житейского практицизма, о капитуляции перед николаевской действительностью. Однако таким представлениям и выводам противостоят объективные итоги Вятки: исполненные «жара негодований» против существовавших в стране порядков «Губернские очерки» — одна из этапных книг в истории русской литературы и русского общественного самосознания — и статья «Стихотворения Кольцова» — «манифест» новой демократической эстетики, написанные почти сразу же после возвращения в Петербург. История духовного созревания автора, которая принесла эти плоды, не видна в дошедших письмах, утаена в них. Письма же к друзьям-единомышленникам В. А. Милютину и петрашевцу Н. В. Ханыкову и к единомысленным же тогда товарищам по службе в Военной канцелярии Д. И. Каменскому и Ю. В. Толстому до нас не дошли. Не дошли и письма к вятчанам, с которыми у Салтыкова установились дружеские отношения, в частности, письма к местному врачу Н. В. Ионину — человеку широкого образования и интере-

---

[1] См. его предисловие к т. XVIII, *Изд. 1933—1941.*

[2] Отец — Brune de St. Catrin, мать — урожденная Chanwin de Courtine.

сов. Говоря о крупных эпистолярных утратах вятского периода, необходимо сказать еще об обширной переписке с матерью [1] и с невестой Лизой Болтиной (после ее отъезда в 1853 г. во Владимир) [2], а также о двух переписках интимного характера, относящихся к пережитым Салтыковым в годы Вятки любовным увлечениям — женою губернатора Середы, Натальей Николаевной, и женою упомянутого врача Ионина, Софьей Карловной. Письма к этим женщинам были, вероятно, ими же и уничтожены.

Иной характер имеют письма, относящиеся к двум последним службам Салтыкова в провинции — вице-губернатором в Рязани и Твери (1858—1862) и управляющим Казенными палатами в Пензе, Туле и Рязани (1865—1868). Это письма, обращенные к наиболее близким Салтыкову в ту пору людям: П. В. Анненкову, В. П. Безобразову и А. В. Дружинину, а также к Н. А. Некрасову и Е. И. Якушкину. Меньше всего здесь говорится о служебных делах и обязанностях. Напротив того. В эпистолярных беседах с «людьми мною любимыми» немало жалоб на «каторгу» служебной работы, занимающей все время и не приносящей удовлетворения. Главное же содержание этих откровенных дружеских бесед — наблюдение над жизнью русской провинции и ее политическим бытом в кризисное время рубежа 1850—1860-х годов, когда в стране складывалась и сложилась революционная ситуация, сменившаяся затем драматическим спадом движения. Широк и значителен документально-исторический интерес этих писем. В них материалы о подготовке и проведении крестьянской реформы, о волнениях крестьян и их усмирениях, о настроениях и поведении крепостников-помещиков «в двенадцатый час их существования» — об их «скрежете зубовном», о политике, тактике и быте высшей губернской администрации и о многом другом. Впоследствии Салтыков говорил и не один раз: «Без провинции у меня не было бы и половины материала, которым я живу как писатель» [3]. Признания эти в первую очередь относятся именно к двум последним службам, прошедшим «во глубине глуповских омутов» до- и послереформенной русской провинции. В относящихся к этому времени письмах Салтыкова действительно содержится немало наблюдений и мыслей, последующее идейно-художественное осмысление которых вошло в такие главные образы-синтезы салтыковской сатиры конца 1860-х — начала 1870-х годов, как «иванушки», «помпадуры», «градоначальники», «город Глупов», «глуповцы» и другие, создающие в целом широкое полотно губернско-уездной России середины XIX века.

---

[1] В письме О. М. Салтыковой к старшему сыну Дмитрию Евграфовичу от 8 декабря 1850 г. находим такие слова: «Бывало Михайла редко писал <из Петербурга>, а как укусил сырой земли, так милее не стало родителей, неделю не пропустит и пишет, неделю не получит от нас и скучает. Видно горе умягчает русские сердца» (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 9, № 133).

[2] «Я в постоянной разлуке со своей невестой,— писал Салтыков брату Дмитрию Евграфовичу 15 сентября 1855 г.,— и как она девушка молодая, то кто может поручиться за ее сердце? Правда, я с нею в постоянной переписке, но все же это не то, что личное мое присутствие, и признаюсь тебе, что эта переписка даже умножает мои страдания».

[3] «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», с. 135.

Впервые в настоящем собрании публикуется серия деловых писем Салтыкова к управляющему его подмосковным имением Витенево, А. Ф. Каблукову. Горестную историю покупки Витенева (1862 г.) и незадачливого хозяйствования в нем Салтыков не раз излагал на страницах своих сочинений — «В деревне», «Убежище Монрепо», «Мелочи жизни» и других. Письма к А. Ф. Каблукову содержат немало материала, послужившего первоисточником к салтыковским характеристикам ведения сельского хозяйства в условиях пореформенного «свободного труда».

Сотрудничество Салтыкова в «Современнике» на своем начальном этапе, когда автор «Сатир в прозе» еще вице-губернаторствовал в Рязани и Твери (1858—1862), представлено серией писем к Некрасову и отчасти к Анненкову, исполнявшему на первых порах роль посредника в сношениях с редакцией. В них — сведения о всех почти произведениях Салтыкова этого времени, писавшихся как для «Современника», так и для других изданий. Наибольшая утрата в переписке данного периода — не дошедшее до нас письмо Чернышевского к Салтыкову с полемическими замечаниями о «Каплунах» (см. письмо 158 и прим. к нему). Работа же Салтыкова в «Современнике» на втором этапе, после отставки с вице-губернаторской службы, когда он стал не только сотрудником, но и членом редакции журнала (1863—1864), представлена в дошедших письмах более чем скудно. Дошедшая до нас переписка и в малой мере не отражает ни совершенно исключительного напряжения авторской и редакторской работы Салтыкова в журнале, ни ее важного принципиального значения в идейной биографии писателя. Значение это определяется главнейше тем, что именно в годы «Современника» Салтыков самоопределяется в лагере революционной демократии. Традиции «Современника» Салтыков до конца дней сохранял среди наиболее дорогих для себя идейных заветов. Однако бедность переписки периода «Современника», надо думать, объясняется не столько утратами ее (хотя известно, например, что существовал не дошедший до нас обмен полемическими письмами Салтыкова с Антоновичем), сколько тем обстоятельством, что все ведущие сотрудники журнала, так же как и его полемисты из группы «Русского слова» и из почвеннических журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпохи», находились в Петербурге и, таким образом, надобность в эпистолярных сношениях между ними если и возникала, то в самой малой мере.

Несопоставимо богаче представлен письмами Салтыкова следующий и центральный период его жизни и деятельности — период «Отечественных записок» (1868—1884). В эти годы Салтыков, навсегда покинув службу, так полно слил свое существование с литературой и жизнью руководимого им (после смерти Некрасова) журнала, что биография его как бы целиком растворилась в его писательском и редакторском труде. Этой исключительности служения литературе и руководимому журналу соответствуют и салтыковские письма данного периода в их главном содержании. Правда, в письмах находится множество и других материалов. В их числе отклики писателя на все крупнейшие общественные и политические события этого

шестнадцатилетия в жизни страны: рост капитализма (приход «чумазого») и развитие освободительного движения — «хождение в народ», демонстрация у Казанского собора, политические процессы народников-революционеров, террористические акты «Народной воли»; главнейшие явления внешней и внутренней политики — русско-турецкая война и «славянское движение», «диктатура сердца» Лорис-Меликова и «народная политика» гр. Игнатьева, контрреволюционная «Священная дружина» (разоблаченная перед общественностью по инициативе и при прямом участии Салтыкова) и манифест о «незыблемости самодержавия», знаменовавший вступление страны в полосу тяжелой реакции, одною из первых жертв которой стали «Отечественные записки». Широк захват и глубока проницательность наблюдений писателя и над важнейшими явлениями в жизни тогдашней Западной Европы: франко-прусская война, Парижская коммуна и «реакционное поветрие» в Европе после ее поражения, торжествующая бисмарковская Германия, Третья республика во Франции — «республика без республиканцев...». Многое из этой исторической панорамы Салтыков видел воочию во время длительного пребывания в 1875—1876 годах с лечебными целями в Германии и Франции. Свои впечатления, с удивительной яркостью переданные в заграничных письмах, он вскоре перенес на страницы «За рубежом» — одну из великих русских книг о Западе, где дана «классическая», по оценке Ленина, критика буржуазной Европы, достигшей тогда своей полной зрелости.

Но главное содержание писем 1868—1884 годов находится все же в области наиболее близкой Салтыкову — литературной и литературно-журнальной. Среди адресатов писем данного периода — столпы редакции «Отечественных записок»: Н. А. Некрасов, Г. З. Елисеев и Н. К. Михайловский. Далее идут беллетристы-народники, во главе с Г. И. Успенским — Ф. Д. Нефедов, П. В. Засодимский, А. О. Осипович-Новодворский, В. А. Слепцов, А. И. Эртель, И. А. Салов, Г. И. Недетовский, И. И. Ясинский, критик А. М. Скабичевский, публицист С. Н. Южаков, писавший на сельскохозяйственные темы экономист А. Н. Энгельгардт. Значителен и именит круг корреспондентов, не входящих собственно в группу или «партию» «Отечественных записок», но либо постоянно печатавшихся на страницах этого журнала, либо эпизодически привлекавшихся Салтыковым к сотрудничеству. На первом месте здесь стоит А. Н. Островский, пьесами которого много лет открывались январские номера журнала. Затем идут Ф. М. Достоевский, напечатавший в «Отечественных записках» роман «Подросток», В. М. Гаршин, Н. Д. Хвощинская-Зайончковская, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. М. Жемчужников. Что касается Л. Н. Толстого, то переписка с ним о возможном сотрудничестве осталась почти что безрезультатной. Его участие в журнале ограничилось опубликованием в 1874 году статьи «О народном образовании».

Письма Салтыкова к его товарищам по редакции и к сотрудникам журнала вызывались обычно конкретно-деловыми поводами, хотя содержание писем часто выходило за рамки обсуждения непосредственной причины

письма. Но были среди корреспондентов и другие лица — друзья Салтыкова, переписка с которыми принимала характер своего рода дневника писателя, в котором он откровенно делился всеми волновавшими его в данный момент мыслями и чувствами. Таковы в первую очередь письма Салтыкова к П. В. Анненкову, И. С. Тургеневу и Н. А. Белоголовому. Таковы же были, по-видимому, и сожженные письма к А. М. Унковскому из-за границы. Взятые в целом имена адресатов писем Салтыкова 1870—1880-х годов представляют, по существу, все лучшие силы тогдашней русской литературы, для которых писатель был идейным авторитетом и организатором. Данное обстоятельство заставляет вспомнить слова Тургенева, сказанные им о Салтыкове в начале 1880-х годов Кривенко: «...мне иногда кажется, что на его плечах вся наша литература теперь лежит. Конечно, есть и кроме него хорошие, даровитые, люди, но держит литературу он».

«Служение» Салтыкова литературе представлено в его эпистолярном наследии, помимо писем к писателям, еще двумя группами писем. Первая из них — письма к цензорам и в цензурные учреждения. В них — мартиролог борьбы Салтыкова с цензурой, для которой сам писатель и руководимые им «Отечественные записки», как ранее «Современник», были предметом неослабного политического наблюдения и репрессивного контроля. Салтыков не раз выходил победителем из этой неравной борьбы, но по временам был близок к отчаянию, и тогда из-под его пера выходили такие горькие признания, как, например, в письме к Михайловскому 1883 года: «Собственно говоря, мне почти запрещено писать...»; или в письме к Анненкову: «Просто думается, что вместо всякого письма самое лучшее — наплевать в глаза. А тут еще сиди да всякую форму придумывай, рассчитывая, чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не совсем обидно. Доныне я старался и даже преуспевал в этом ремесле, а теперь надоело». Вторая группа материалов, документирующих одну из практических форм служения Салтыкова литературе и ее деятелям — письма и записки в Литературный фонд, членом Комитета которого он был. Это документы общественной борьбы писателя в защиту оказавшихся в нищете литераторов-разночинцев. Салтыков, когда он был еще здоров, никогда не манкировал личными посещениями этих бедняков, и его внешне скупые донесения в Комитет об их нужде нередко исполнены глубокого драматизма. Таково, например, его письмо-отчет о посещении литератора Гамулецкого, который «живет в крошечной комнате в 4-м этаже», «на задней весьма вонючей лестнице и живет в этой комнате вместе с другим литератором, Глушицким, с которым имеет и одну общую одежду».

«Отечественные записки» были легальным органом народничества и вместе с тем журнальной трибуной всей русской демократии той эпохи. Салтыков не разделял специфических элементов народнической доктрины, но сотрудничал с народниками, к которым в 1870—1880-х годах перешла гегемония в идеологии и практике русского освободительного движения. Основой такого сотрудничества был демократизм, преданность интересам трудовых масс и ненависть к царизму, помещичеству и всем другим

силам социально-политического угнетения и реакции. Именно в этом и заключалась та идейная солидарность Салтыкова с народническими идеологами и революционерами, о которой он писал Михайловскому: «Я сам полагаю, что не одна случайность соединила нас с Вами в одном журнале, но и общность воззрений». Однако общая платформа демократизма не препятствовала Салтыкову сохранять в народнической редакции руководимого им журнала свою особую, более трезвую и широкую общественную позицию. Суровый реалист-шестидесятник, он не раз обрушивал свой гнев на либерально-народнический оппортунизм Елисеева, спорил с идеализацией крестьянства в произведениях народнических беллетристов, восставал против односторонности теоретиков своего журнала. «Пора бы,— писал он, например, Михайловскому в выше цитированном письме,— «Внутреннее обозрение» поставить на почву общечеловеческую, а не исключительно крестьянскую». Для определения позиций Салтыкова в идеологической системе крестьянской демократии эпохи господства народничества его переписка с публицистами и литераторами «Отечественных записок» представляет источник первостепенной важности.

Не меньшее значение имеют письма Салтыкова этой поры — время полной зрелости его таланта — для характеристики его литературных позиций. В ответ на не раз раздававшиеся упреки в некоторой неясности его сочинений Салтыков, не отрицая известной трудности понимания иносказательной «эзоповской» манеры своего письма, всегда, однако, настаивал на полной ясности идейных целей всего, о чем он писал. Он говорил при этом: «Я же, благодаря моему создателю, каждое свое сочинение объяснить могу, против чего оно направлено». Постоянная потребность в контролирующей мысли выражена у Салтыкова не только в его произведениях, насыщенных многими эстетическими и публицистическими «отступлениями» («декларациями»), но и в письмах. В иных из них читатель находит «дешифровки» отдельных деталей и образов «эзоповского» письма. Так из письма к Анненкову 1880 года, повествующего о хищнических деяниях двух высших администраторов царствования Александра II графа Валуева и князя Ливена, уясняется один из источников создания образов «бесшабашных советников» Удава и Дыбы. Другие письма содержат автокомментарии к целым произведениям. Наиболее важны в этом ряду письма к Пыпину и в редакцию «Вестника Европы» 1871 года, разъясняющие авторский замысел «Истории одного города», а также письма к Анненкову 1877 года, раскрывающие полемические, против тургеневской «Нови», задания очерка «Чужую беду руками разведу» (расслоившегося впоследствии на «Дворянские мелодии» и «Чужой толк»). Весьма интересны также пояснения Салтыкова, касающиеся замысла цикла «Культурные люди», в целом не осуществленного. Имеются, наконец, письма-автокомментарии, относящиеся сразу к серии произведений Салтыкова и характеризующие общие основы мировоззрения и творчества писателя. Таково в первую очередь письмо к Е. И. Утину 1881 года. В нем разъясняется общий смысл таких центральных произведений, как «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы» и

«Круглый год»,— разъясняется в системе взглядов писателя на основные общественные идеалы, «неумирающие общие положения», которые «исстари волнуют человечество».

Важное значение представляют разбросанные по множеству писем указания на историю писания и печатания, в том числе и цензурную, многих салтыковских произведений. С наибольшей полнотой такие указания содержатся в отношении «Господ Головлевых», «Писем к тетеньке» (с обозначением «темы» каждого «письма») и «Пошехонской старины». Не меньший интерес представляют сообщения Салтыкова о тех своих творческих замыслах, которые ему не удалось осуществить. Особенно значителен здесь замысел рассказа о человеке неколебимой революционной веры, однажды осенившей своим «светом» героя. Идея этого рассказа была внушена Салтыкову Петрашевским и Чернышевским — их личностями, их трагической судьбой.

«Мы до того отождествились с нашей специальностью, литературным трудом,— писал Салтыков Некрасову,— что сделались вне ее почти негодными к существованию». Эту поглощенность литературой единодушно подчеркивали в Салтыкове все современники. «Был он писатель в большей мере, чем все другие писатели...» — говорил о Салтыкове Короленко [1]. При всем том имелись в повседневности жизни Салтыкова элементы и другого быта, документируемые письмами совсем иного характера,— письмами к «мушкетерам». «Компанией мушкетеров» Салтыков называл кружок людей, близких ему не столько по литературным, сколько по старо-дружеским и бытовым связям. Тут были и бывшие лицейские однокашники — В. П. Гаевский, ставший пушкинистом, А. М. Унковский, известный адвокат, а ранее знаменитый тверской либерал, затем — друг и свойственник Некрасова, инженер путей сообщения А. Н. Ераков, адвокат и поэт А. Л. Боровиковский, петербургский городской голова В. И. Лихачев. Были и другие, более или менее заметные люди столичного либерального общества. Все они были знакомы между собой домами, и «мушкетерское» общение их друг с другом носило обычный для этого круга отпечаток: гастрономические обеды в дорогих ресторанах, карточные вечера и либеральные разговоры за домашними ужинами, обмен новостями и анекдотами из правительственно-бюрократического и общественно-делового мира Петербурга. Это общение и эти беседы также служили источником, питавшим сатиру Салтыкова, например, в «Дневнике провинциала в Петербурге».

В письмах к наиболее близким себе людям из этой «компании» — А. М. Унковскому и А. Л. Боровиковскому — Салтыков говорил откровенно и о своих семейных делах. В них мы находим, в частности, беспощадные характеристики жены Салтыкова — женщины, которую он одновременно страстно любил и не менее страстно ненавидел, тип которой в образах разного рода «куколок» возвел в своих сочинениях в сатирический перл создания. Откровенность этих писем и была, нужно думать, причиной,

---

[1] В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 284.

по которой после смерти Салтыкова его вдова Елизавета Аполлоновна и вдова Унковского Анастасия Михайловна «обменялись письмами своих мужей и взаимно предали их сожжению» [1].

Письма к «мушкетерам» и о «мушкетерах», из которых мало что дошло до нас, интересны прежде всего тем, что в их рамках возник и культивировался особый вид не рассчитанной на печать, бесцензурной сатиры Салтыкова — вольная дань вечно владевшей им vis comica. С одной стороны, это были юмористические выдумки о членах «компании мушкетеров» или об иных литературных и общественных деятелях. Салтыков давал здесь полную волю своей фантазии, придумывал самые невероятные и смехотворные происшествия (например, анекдот, об Еракове, будто бы лишившем невинности дочку хозяйки гостиницы в Ницце, в которой жил Салтыков). Эти рассказы всегда почти имели настолько откровенную раблезианскую окраску, что полное воспроизведение их в печати затруднительно, хотя иные из них имеют всю цену и весь блеск превоклассной салтыковской сатиры — гротесковая фантастика на реальной общественно-политической почве. Такова, например, одна из посланных Унковскому «детских сказок» — «Архиерейский насморк», исполненная ядовитых издевательств над царем Александром II, Победоносцевым и высшими иерархами Синода [2]. Иные из этих «отреченных» сатир были свободны от «раблезианской» непристойности, но отличались совершенной политической нецензурностью. Таков был цикл «рескриптов» императора Николая I — «Стату́я» — к его «любимому автору» Поль де Коку. «Рескрипты» эти — блестящие образцы салтыковского юмора и сарказма — посылались автором в письмах к Тургеневу, Унковскому и Еракову. Любопытно, что эти, как и другие, брызжущие остроумием и веселым смехом миниатюры, были написаны Салтыковым преимущественно в 1875—1876 годах, когда он был серьезно болен и находился одно время на грани жизни и смерти [3].

Меткое, «злое» слово господствует во всех тех письмах, в которых Салтыков спорит с идейно чуждыми и враждебными ему явлениями. Удары его беспощадны. Он пишет об «омерзительно-холопских выходках» Каткова, клеймит высших руководителей политической полиции царизма: Тимашов и Шувалов — «идиоты»; негодует против оппортунизма буржуазных республиканцев Франции: Гамбетта — «скопец»; выражает свое презрение в адрес беспринципной отечественной прессы: «Новое время» — газета «Чего изволите?», «портки чичиковского Петрушки», и т. д. и т. п.

Но беспощадность оценок, притом в крайне резкой форме, распространяется иногда и на именитых писателей, которых Салтыков высоко ценит и с которыми находится во взаимоотношениях дружбы или глубокоуважительного знакомства. Таковы, например, отзывы Салтыкова об «Отцах и детях» (Базаров «хвастунишка» и «болтунишка») и «Нови» Тургенева

---

[1] «Литературное наследство», т. 13—14, с. 584.

[2] См. эту «сказку» в разделе Приложений к т. 19 наст. изд.

[3] Уцелевшие фрагменты из «Переписки Николая I с Поль де Коком» см. т. 18, кн. 2 наст. изд., в письме к А. Н. Еракову от 9/21 декабря 1875 г.

(«роман этот показался мне в высшей степени противным и неопрятным»), об «Анне Карениной» Л. Толстого («коровий роман»). Еще более резки и грубы, до невозможности полного воспроизведения их в печати, отзывы о французских «реалистах» Золя и Гонкурах. Такие отзывы ошеломляют неосведомленного читателя. Чтобы правильно понять их, необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, характер Салтыкова — его резкую прямоту в сочетании с бурной, не знавшей часто никаких границ, раздражительностью. Характер этот сказывается в его письмах с предельной непосредственностью. Он писал их без малейшей оглядки на «искусство эпистолярного жанра», на потомство, на перспективу обнародования в будущем. Письма были продолжением его устных бесед с корреспондентом, в которых он не стеснялся высказывать свои мнения с такой до конца идущей прямотой, для которой не существовало никаких смягчений условной вежливости. Затем следует помнить, что резкие и грубые отзывы Салтыкова были, однако, *всегда* вызваны принципиальным осмыслением в *тот момент* критикуемого им явления (правильным или неправильным) и никогда не абсолютизировались им.

В 1862 году, в накаленной обстановке того времени, накануне ожидавшегося крестьянского восстания, Салтыков (вместе со всей редакцией «Современника») отказал Базарову в праве быть «действительным представителем нынешнего молодого поколения». Но в некрологе Тургеневу он писал о Базарове уже в ином, исторически объективном аспекте, как об одном из «действительных носителей добрых чувств». В тургеневской «Нови» он не признал за автором, как и он сам, «человеком сороковых годов», объективной возможности с подлинным знанием и пониманием судить о «фактах самоотвержения» деятелей другой эпохи,— о «людях, идущих в народ», то есть о народниках-революционерах и их суровой практике. Но близость свою к Тургеневу простер до того, что завещал похоронить себя рядом с ним. Суждения Салтыкова о *начальных* главах «Анны Карениной», в которых роман еще не превратился полностью из семейно-любовного (жанр, в котором был задуман) в философско-общественный и злободневно-публицистический, определялись идейно-эстетической позицией автора «Современной идиллии». Эти суждения исходили из созданного Салтыковым учения о новом романе, построенном не на традиционном главенстве любовной интриги, а на возвышении социальной проблематики и материала. Грубость же Салтыкова, который сам называл себя «мужиком» и «диким человеком», обнаруживает в нем столько ума, меткости и проницательности, что ставить ему в вину «раблезианские» элементы его эпистолярной манеры было бы салонным pruderie, чистоплюйством.

С наибольшей полнотой и цельностью общей биографической картины сохранились письма Салтыкова последнего, подлинно трагического периода его жизни, после правительственного закрытия в 1884 году «Отечественных записок». Писатель воспринял запрещение журнала тяжело. Он понимал, что демократическая мысль России лишилась своей самой большой и значительной тогда силы и что заменить ее нечем. «...Это был единственный

журнал, имевший физиономию журнала, насколько это в Пошехонии возможно...» — писал он в эти дни Анненкову. Драматически переживал Салтыков и свою собственную литературную судьбу. Он писал своему бывшему соредактору Михайловскому: «Думаю, что моя песня уже спета и что ни лета мои, ни здоровье не оставляют в этом отношении никакого сомнения...»; «Надо новую дорогу прокладывать, а это и трудно и противно...»; «С тех пор, как у меня душу запечатали, нет ни охоты, ни повода работать...»; «Провидение послало мне ужасную старость. Я на свете любил только одну особу — читателя, и его теперь у меня отняли...»; «Меня дрожь пробирает ввиду предстоящего бесплодия моей жизни, и все надежды на то, что скоро предстоит провести черту...».

Вместе с нравственными страданиями увеличились физические. Его письма этого периода к другу и врачу Белоголовому, а также и к другим близким и не близким лицам исполнены жалоб и стонов мучительно страдающего человека: «Я ужасно болен...»; «...Я страдаю поистине жестоко»; «Какая ужасная старость! Как хотите, а есть в моей судьбе что-то трагическое»; «...Каждое утро встаю с мыслью: не лучше ли застрелиться...». И так далее и тому подобное. Все эти страдания усиливались углублявшимся семейным нестроением. «Я не могу Вам выразить, до какой степени я несчастлив в семье»,— писал Салтыков тому же Белоголовому. Впечатления же, врывавшиеся извне в это угасавшее существование, омрачали его еще больше. В своей «Оправдательной записке» Салтыков утверждал даже, что главная причина его многочисленных недугов заключалась в той «мучительной восприимчивости», с которой он всегда относился к «современности». Сейчас его окружала «современность» самой тяжелой реакции, когда-либо испытанной страной,— политической и общественной реакции 80-х годов. «Скажу Вам откровенно,— писал Салтыков Белоголовому в 1888 году,— я глубоко несчастлив. Не одна болезнь, но и вся вообще обстановка до такой степени поддерживают во мне раздражительность, что я ни одной минуты льготной не знаю <...>. Что-то чудовищное представляется мне, как будто весь мир одеревенел. Ниоткуда никакой помощи, ни в ком ни малейшего сострадания к человеку, который погибает на службе обществу. Деревянные времена, деревянные люди.»

Страдания болезни преувеличивали угнетавшие Салтыкова мысли о его социальном одиночестве. Русское демократическое и либеральное общество, хотя и придавленное тяжелой плитой реакции, не забывало о писателе и выражало ему сочувствие, как могло. «Я не могу пожаловаться на недостаток друзей,— писал Салтыков все тому же Белоголовому в 1887 году,— потому, что мой письменный стол наполнен массою адресов, писем и телеграмм, доказывающих, что друзья у меня есть и что слово мое звучало не даром».

Но все же единственным утешающим и даже «счастливым» — счастливым для русской литературы — условием подлинно мученического бытия Салтыкова последних лет оставалось поразительное творческое могущество его таланта, сохранявшееся наперекор его многочисленным болезням, затро-

нувшим и мозг. В эти годы писатель создал такие свои шедевры, как «Сказки», «Мелочи жизни», «Пестрые письма» и «Пошехонская старина». Он печатал их на страницах либеральных изданий — газеты «Русские ведемости» и журнала «Вестник Европы». Переписка с редакторами этих изданий В. М. Соболевским и М. М. Стасюлевичем занимает значительное место в эпистолярном наследии Салтыкова последних лет его жизни и содержит детальный материал для истории писания и печатания названных произведений.

За несколько дней до смерти Салтыков написал краткое письмо-завещание своему сыну. Оно заканчивалось словами призыва, ставшими знаменитыми: «...паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому».

Последнее письмо Салтыкова перекликается с его первым, известным нам письмом из Лицея 1839 года, самым ранним свидетельством возникшего в его юном тогда сознании «решительного влечения к литературе». Этому влечению Салтыков остался верен на протяжении всего своего пути.

Письма Салтыкова — драгоценный памятник всей его жизни, но прежде всего памятник беззаветного гражданственного служения родной литературе одного из ее великих представителей.

С. Макашин

ПИСЬМА

1839

1. Е. В. и О. М. САЛТЫКОВЫМ

7 марта 1839. Царское Село

Царское Село, 7/III 1839 г.

Любезные Родители!

Я извиняюсь перед вами, что так долго не писал, но этому было причиною неименье времени. Но я очень удивляюсь, что так долго не получаю от вас писем. Любезные родители, если вы уже не будете совсем этот год в Царское, то, пожалуйста, уже приезжайте на будущий год на экзамен [1], который будет в конце ноября, а если вы [не] будете [совсем] в этот год, то приезжайте в Петербург в гостиницу «Париж» в Кирпичном переулке: там по пяти руб. за номер. А там, где мы жили [2], то поденно не берут, а берут понедельно 35 руб. в неделю, а там, любезные родители, лучше и дешевле нанять квартиру [и платить 200]; потому что в гостинице жить очень дорого и притом только две комнаты, одна для лакеев, а другая так; то вам придется брать два номера, кушанье же в гостинице так дорого, что уж и говорить нечего; нет порции меньше 1 р. 25 коп. Вообще квартиры в Петербурге дороги: за 5-ть или 6-ть комнат нужно платить 2000 в год, все дешевле, чем в гостинице, где вы за 4 комнаты будете платить 70 р. асс. и притом кушанье очень дорого. Я вам скажу, маменька, что в Петербурге все русские изделья дороже, нежели в Москве, а иностранное дешевле. Я теперь по ученью 6-тым, а по поведенью сижу за столом 9-м, а теперь, я думаю, 10-тым буду, потому что наш класс постепенно увеличивается, потому что некоторые воспитанники выходят, а на место их поступают другие; в наш класс нас поступило 19-ть человек, а теперь 24, т<ак> один из них по поведенью выше меня. У меня из ученья и поведенья по 8-ми в результатах. Но, любезные родители, я из ученья при конце курса буду непременно третьим или вторым, потому, что я был сначала 16-м и вдруг в один месяц перегнал 4-х. Я бы был и из по-

веденья 6-м, но главной причиной, что я 10-м, г-н Беген; этот человек достоин всякого презренья; я вам расскажу об этом все подробно, когда вы приедете ко мне[3] или когда я приеду на каникулы в Москву; теперь я вам скажу, как он со мной подло поступил. Мосье Жоньо хотел отдать меня к одному гувернеру. Но один из гувернеров попросил Жоньо, чтобы тот отдал меня к Бегену. Бегена не терпит никто из воспитанников. Он уже был один <раз> чуть не выгнан из <Лиц>ея за воспитанников, но опять прощен. Как он меня взял, то он вообще погнался за ценой, не смотрел за мной, потому что в Лицее не любят москвичей, разумеется, не все, потому что умные никогда не станут этого делать без причины. Гольтгоер, директор, сказал Жоньо, что мы вообще себя очень хорошо вели на экзамене и вообще хвалил нас за ответы. Но вдруг после каникул я узнаю, что Беген отрекомендовал меня генералу очень худо, сам не знаю почему, но вскоре генерал почти разуверился в словах Бегена и теперь уж меня полюбил и брал на масленице, когда я оставался. Берите, любезные родители, Библиотеку для чтения за 1839 год, еще, если можете, берите Сын отечества — 40 руб. и «Отечественные запи<ски>» 50 р. Эти журналы не хуже Библиотеки. Московский наблюдатель поправился:[4] вместо 20-ти книжек выходит 12-ть и стоит 45 рублей.

Прощайте, любезные родители. Остаюсь сын Ваш

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 48, лл. 1—2. Текст слегка поврежден.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 463—464 (на стр. 465—468 факсимиле).

Письмо к родителям (в их имение Спасское или Спас-Угол, Калязинского уезда Тверской губ.) — самый ранний из сохранившихся автографов Салтыкова и единственное из дошедших лицейских его писем. Относится к первому году пребывания Салтыкова в Царскосельском лицее, куда он был переведен летом 1838 года из Московского дворянского института и зачислен воспитанником XIII курса.

---

[1] На экзамен в ноябре 1839 года при переходе из 1-го класса Лицея во 2-й.

[2] «Мы» — это Салтыков и его товарищ по Московскому дворянскому институту Иван Павлов, также переводившийся в Лицей. Их сопровождал в поездке из Москвы надзиратель института француз Сильвестр Жонио. Во время подготовки к лицейским экзаменам они жили некоторое время в Петербурге (где именно — неизвестно).

[3] О. М. Салтыкова приехала в Петербург через четыре дня, то есть до получения настоящего письма. Свои впечатления от свидания с сыном она изложила в письме к мужу от 13 марта 1839 года: «...я увидела Мишу, который здоров, мил и очень вырос, ловок стал, хорошо учится и ведет себя, словом, я полюбовалась». Ольге Михайловне удалось получить разрешение поместить к сыну вместо лицейского гувернера Бегена своего дворового человека Платона, крепостного «дядьку» Салтыкова с его детских лет (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 12, № 359, л. 62, и оп. 9, № 32, л. 42 об).

[4] В 1838 году журнал «Московский наблюдатель» перешел фактически под руководство В. Г. Белинского. Просьба о выписке журнала — самое раннее из свидетельств о возникновении у Салтыкова — ему было тогда 13 лет — «решительного влечения к литературе». См.: «Автобиографии», т. 17 наст. изд., стр. 469.

1840—1847

2. В. Р. ЗОТОВУ

Осень (не ранее сентября) 1840—1841. Царское Село

Г. Зотов!

Посылаю Вам 6 № Маяка и 9-й № Отечественных записок, и прошу Вас одолжить меня 8 или 9 № Маяка и прислать мне 8-ой № «Отече<ственных> зап<исок>» если Вы уже его прочитали.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 19, л. 1.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 19, с редакторской датой: «Сентябрь 1844—45. Петербург».

Датируется по почерку и бумаге (близким к письму 1 — 1839 г.), а также по связи с письмом 3 к тому же В. Р. Зотову, лицеисту выпуска 1841 года (XI курс). Среди упоминаемых в обеих записках журнальных новинок названы «Пантеон» и 9 и 10 номера «Маяка». Первое издание — «Пантеон русского и всех европейских театров» — выходило под этим названием (названия изменялись) в 1840—1841 годах, чем определяется годовая хронологическая рамка обеих записок. Время же года устанавливается упоминаниями: для первой записки — № 9, а для второй — № 10 «Маяка», то есть сентябрьской и октябрьской книжек этого ежемесячного журнала. См. примечания к письму 3.

3. В. Р. ЗОТОВУ

Осень (не ранее октября) 1840—1841. Царское Село

Г. Зотов!

Извините меня, что я так скоро спросил у Вас Отеч<ественные> зап<иски>, если Вы не прочли их, то я пришлю Вам назад; а теперь посылаю Вам Пантеон, 2 части Вашего Маяка, и прошу Вас, пришлите мне 10 № Маяка, если можно.

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 207, оп. 2, № 7, л. 1.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 40, с редакторской датой «Осень 1840—1843 гг. Петербург».

Обоснование датировки см. в прим. к письму 2.

Записки к В. Р. Зотову — 2 и 3 — указывают на литературные и театральные интересы Салтыкова-лицеиста. Из автобиографической записки Салтыкова 1878 года известно, что начиная со 2-го класса в Лицее дозволялось воспитанникам выписывать журналы, в том числе «Отеч. записки» и «Маяк...» (см. т. 17 наст. изд., стр. 469). «Отеч. записки», находившиеся в то время под идейным руководством Белинского, определились к началу 40-х годов как самый передовой демократический журнал. «Пантеон...», редактировавшийся Ф. А. Кони, давал широкую информацию о театральной и литературной жизни. Что касается «Маяка...», выходившего под ред. С. А. Бурачка, то интерес Салтыкова к этому реакционно-националистическому изданию определялся не его направлением и основным содержанием, а одним обстоятельством частного характера. В «Маяке...» печатались стихи лицейских товарищей Салтыкова, как и он, в это время увлеченных стихотворчеством,— Н. П. Семенова и В. Р. Зотова. Последний был даже провозглашен в журнале «вторым Пушкиным».

4. Д. Е. САЛТЫКОВУ

9 июля 1845. Заозерье

Любезный брат! Благодарю тебя за память твою обо мне и за писание; я на днях (2-го июля) писал к тебе письмо, в котором просил тебя оставить за мною твою квартеру [1], которую ты мне назначал во 2-м этаже, а если ты ее отдал, то нанять квартиру от 50—60 руб. у Волкова получше. Пишу тебе вторично, потому что, может быть, ты того письма не получил. Целую ручку почтеннейшей и многоуважаемой сестрицы Аделаиды Яковлевны [2], целую Оленьку [3] и свидетельствую свое почтение м<илостивой> г<осударыне> Каролине Петровне [4]. До свидания! остаюсь любящий брат твой

М. Салтыков.

P. S. Насчет же желания сестрицы Аделаиды Яковлевны быть мне полным так, чтобы щеки тряслись, могу ответить

только тем, что в настоящее время пью тресковое масло и, след<овательно>, страдаю тою болезнью, которою мы часто с тобою в Петербурге страдали. Целую Сережу[5].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 46, лл. 1—2. Приписка на письме О. М. Салтыковой к Д. Е. Салтыкову от 9 июля 1845 года из Заозерья.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 41.

---

[1] Первое время после выхода из Лицея Салтыков жил в семье старшего брата Дмитрия Евграфовича на Офицерской ул., близ Каменного театра, в доме наследников Герарда (теперешний д. № 19 по ул. Декабристов). Затем он стал жить самостоятельно, вместе со своим крепостным дядькой Платоном. Для 1845—1848 гг. известны три адреса квартир Салтыкова в Петербурге: 1) «Дом Волкова» на Б. Конюшенной (ныне ул. Желябова) — не сохранившийся; 2) теперешний дом 21/8 по ул. Союза печатников и 3) «Дом Жадимеровского» на углу Мойки и Конюшенного пер. (теперешний № 8).

[2] Свояченица Салтыкова, жена Дмитрия Евграфовича, рожд. Брюн де Сент-Катрин (ум. в 1862? г.).

[3] Племянница Салтыкова, дочь Дмитрия Евграфовича и Аделаиды Яковлевны, вскоре умершая (во младенчестве).

[4] К. П. Брюн де Сент-Катрин, мать А. Я. Салтыковой (см. прим. 2), была дочерью французского эмигранта эпохи Великой революции Chauvin de Courtine и женой французского же эмигранта Жака-Балтазара Брюн де Сент-Катрин, генерал-инспектора морских инженеров на русской службе (1835—1859 гг.).

[5] Сергей Евграфович, один из двух младших братьев Салтыкова, в то время кадет Морского корпуса.

5. Д. Е. САЛТЫКОВУ

20—21 сентября 1844—1847. Петербург

Спешу поздравить тебя, любезный брат, с днем твоего ангела; прошу извинить меня, если я по причине моей службы не могу явиться раньше $3^{1}/_{2}$ часов.

На память обо мне позволь попросить тебя принять посылаемую при сем стойку для часов; весьма желал бы прислать тебе что-нибудь более соответствующее моему желанию сделать тебе приятное; во всяком случае, прошу тебя принять ее не как подарок, а как память о любящем тебя

М. Салтыкове.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, л. 1.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 39, с датой: «20—21 сентября 1845—1847 гг.»

Датируется: 1) временем первой службы Салтыкова в Петербурге, с сентября 1844 по апрель 1848 года и 2) днем именин Дмитрия Салтыкова — 21 сентября.

1848

6. Д. Е. САЛТЫКОВУ

12 января 1848. Петербург

Любезный брат!

Я нахожусь в постели больной и едва живой [1]. Надеюсь, что ты, позабыв все происшедшее между нами, не откажешь помочь мне в этом случае присылкою 20 р. сер., потому что я решительно без копейки и не могу ни лекарства купить, ни доктору заплатить [2]. Посети меня.

Весь твой

М. Салтыков.

12 января 1848 года.

Печатается по копии с подлинника, хранившегося в Талдомском музее местного края.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 41—42.

---

[1] О том, что Салтыков был серьезно болен, имеется ряд сведений в переписке его родных. См., например, в письме Н. Е. Салтыкова к Д. Е. Салтыкову от 17 мая 1848 года: «...родители наши <...> имели верные сведения от Миши и от прочих, что он очень болен...» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 11, № 274).

[2] Хотя в дополнение к жалованью чиновника и «положению» от родителей Салтыков в 1847—1848 годах имел уже литературные гонорары и «зарабатывал — только рецензиями — до пятидесяти рублей в месяц» (*Пантелеев,* стр. 180), ему часто и в это время случалось остро нуждаться в деньгах. Происходило это потому, что, по свидетельству своего лицейского товарища А. М. Унковского, в свои молодые годы «он был очень нерасчетлив» (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 651).

7. В. Р. ЗОТОВУ

1845 — начало 1848. Петербург

У Вас имеется, кажется, почтеннейший Владимир Рафаилович, Destinée sociale Консидерана. Если Вы можете, то одолжите мне на неделю третью часть этого сочинения. Мне до зарезу нужно.

Извините, что утруждаю Вас своею просьбою.

Весь ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 20.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 3, с редакторской датой: «1845—46 г.».

Датируется приблизительно, по почерку и по содержанию письма.

«Третья часть» сочинения французского утопического социалиста Виктора Консидерана «Destinée sociale» («Социальное предназначение») появилась в 1844 году, в Париже. Главное содержание этой части — изложение системы «гармоничного воспитания» Шарля Фурье. Конкретный повод просьбы Салтыкова, обращенной к В. Р. Зотову (в это время его сослуживцу по Канцелярии Военного министерства) в точности не известен. Книга могла понадобиться Салтыкову в связи с его посещениями в 1845—1847 годах кружка Петрашевского, где сочинение Консидерана увлеченно читалось. Но она могла оказаться «до зарезу» нужной Салтыкову и в связи с его начавшейся литературной работой. В своих рецензиях на книги для детей и первых повестях (1847—1848) Салтыков уделял много внимания вопросам воспитания, трактуя их в духе учений утопического социализма, в изложении Консидерана.

8. Д. Е. САЛТЫКОВУ

До 9 мая 1847 — до 22 апреля 1848. Петербург

Посылая тебе, любезный брат, прилагаемые у сего 80 р. сер., прошу тебя уведомить меня: не получал ли ты каких-либо известий из деревни? Засим, свидетельствуя свое почтение сестрице Аделаиде Яковлевне, остаюсь твой

М. Салтыков.

Деньги я достал по 9-е мая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 11, № 319.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 41, с редакторской датой: «До 9-го мая 1845—1846 гг.»

Датируется приблизительно, по почерку и содержанию. Материальные условия Салтыкова, сразу после окончания Лицея, были весьма стесненными и мало подходящими для «доставания» денег для брата. Условия эти изменились с августа 1846 года, когда Салтыков был определен на штатную должность помощника секретаря в Канцелярию Военного министерства.

9. НАЧАЛЬНИКУ КАНЦЕЛЯРИИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ Н. Н. АННЕНКОВУ

27 апреля 1848. Петербург. Арсенальная гауптвахта

Ваше превосходительство!

Если государю императору угодно было взыскать меня своею немилостью, мне не остается ничего более, как принять с должным смирением наказание, меня постигшее. Я могу только будущею моей жизнью доказать, сколь велико мое рвение к престолу и отечеству. Об одном осмеливаюсь просить Ваше превосходительство — о том, дабы, за сутки до отправления моего на место нового назначения, позволено было мне отлучиться с гауптвахты на честное слово, как для прощания с родственниками, так и для устройства своих сборов в столь дальний путь и на неопределенное время. Зная все Ваше великодушие, я вполне уверен, что Ваше превосходительство примете на себя труд ходатайствовать о даровании мне этой милости, тем более, что, по известному Вам болезненному моему положению, я должен спросить советов пользующего меня медика, каким образом поступать мне в дороге.

Вместе с этим не только обязанностью, но долгом своей чести почитаю искреннейше, от всей души благодарить Ваше превосходительство за все поощрения, которые Вам угодно было оказывать мне во время служения моего под начальством Вашим, и за то участие, которое Ваше превосходительство приняли к облегчению постигшего меня несчастья. Смею Вас уверить, что во всякое время моей жизни Ваше превосходительство найдете во мне самого преданного себе слугу.

Позвольте мне также попросить Вашего извинения, если письмо мое написано, быть может, слишком наскоро и небрежно: новость моего положения такова, что я и в настоящее время не могу еще достаточно собраться с мыслями.

С истинным почтением и глубочайшею преданностью имею честь пребыть

Вашего превосходительства

навсегда покорнейшим и преданнейшим слугою

М. Салтыков.

1848 года
апреля 28<!> дня.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР, «Дело» № 169,* лл. 10—11.

Впервые опубликовано: «Русская мысль», М., 1906, № 1, стр. 32 (второй пагинации), с ошибочной датой — опиской — подлинника: «апреля 28 дня».

Письмо относится к драматическому событию в биографии Салтыкова — его аресту, увольнению из Канцелярии Военного министерства и отправлению «на служение» в Вятку, с отдачей «под особый надзор» тамошнего губернатора и штаб-офицера политической полиции.

Гроза разразилась над Салтыковым в связи с опубликованием его первых повестей «Противоречия» (*ОЗ,* 1847, № 11) и «Запутанное дело» (*ОЗ,* 1848, № 3). Власти, испуганные французской революцией 1848 года, усмотрели в них «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу...». Это были слова, сказанные о «Запутанном деле» Николаем I. 21 апреля Салтыков был арестован, а утром 28-го отправлен в сопровождении жандарма и своего «дядьки» Платона в Вятку. Ген.-ад. Анненков поддержал просьбу своего подчиненного — отлучиться с гауптвахты для прощания с родственниками. Но когда его бумага дошла (днем 28 апреля) до начальника III Отделения гр. Орлова, Салтыков находился уже на пути в Вятку.

10. К. П. БРЮН ДЕ СЕНТ-КАТРИН

8 мая 1848. Вятка

Madame,

Ma mauvaise déstinée a voulu me jeter de Vous et de tout ce que j'avais de plus cher, mais elle est sans force lorsq'il s'agit des affections de mon coeur. Or, je Vous supplie, Madame, de croire que la meilleure place dans ce coeur sera eternellement occupée par Vous et par ceux qui Vous sont chers, et qu'un dévouement sans bornes sera de ma part un bien faible tribut qui ne me permettra jamais de m'acquitter de toutes les bonnés dont Vous avez bien voulu me combler.

Si c'est dans les jours de malheur qu'on apprend à connaître ceux qui nous aiment, j'ai eu ces jours-là, Madame, et je connais la part que Vous avez prise à me rendre mon infortune plus facile à supporter. Aussi ne me reste qu'à Vous prier encore une fois, Madame, de vouloir bien croire à ma vénération filiale qui est d'autant plus franche que je n'ai pas le bonheur de m'appeler votre fils.

C'est avec ces sentiment de haute considération et de profond respect que j'ai l'honneur d'être, Madame,

votre très humble et très obéissant serviteur

Michel Saltykoff.

Ce 8 Mai
1848

Перевод: Сударыня,

Моя несчастная судьба захотела оторвать меня от Вас и всего, что мне более всего дорого, но она бессильна, когда дело идет о моих сердечных привязанностях. Ибо я умоляю Вас, сударыня, верить, что лучшее место в моем сердце вечно будет принадлежать Вам и тем, кто дорог Вам, и что безграничная моя преданность будет служить лишь слабой данью, которая так и не даст мне возможности расплатиться за все благодеяния, которыми Вы меня осыпали.

Если в горькие дни учатся узнавать тех, кто нас любит, то у меня были такие дни, сударыня, и я знаю долю Вашего участия, облегчившего мои невзгоды. Поэтому, мне остается только просить Вас еще раз, сударыня, быть уверенной в моей сыновней преданности, которая тем более искренна, что я не имею счастья именоваться Вашим сыном.

С чувством высокого уважения и глубочайшего почтения имею честь быть, сударыня,

Вашим покорным слугой

Михаил Салтыков.

8 мая 1848

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 318.

Впервые опубликовано (только в переводе): *Макашин I,* стр. 543.

11. А. Я. ГРИНВАЛЬД

8 мая 1848. Вятка

Madame et chère soeur.

Vous m'avez donné tant de preuves d'amitié pendant tout le temps où j'ai joui de votre charmante société, que je crois que Vous me pardonnerez le nom de soeur que j'ose Vous donner, maintenant que je suis loin de Vous. Quant à moi je suis comme Calypso qui «ne pouvait se consoler du départ de Télémaque»[1] avec cette petite différence que c'est Calypso qui a quitté son Télémaque. En attendant je suis ici à augmenter les flots de Viatka par les torrents de mes larmes. J'espère cependant que Vous ne m'oublierez pas et que Vous voudrez bien, ma bonne soeur, m'honorer de quelques lignes tracées par votre charmante petite main. Adieu et surtout souvenez Vous de l'inconsolable Calypso

M. Saltykoff.

P. S. Mille compliments de ma part à Михаил Николаевич.

Перевод: Милостивая государыня и любезная сестрица! Вы дали мне столько доказательств дружбы в течение всего того времени, которое я провел в Вашем очаровательном обществе, что, я уверен, Вы мне простите название сестры, которое я осмеливаюсь Вам дать теперь, когда я так далеко от Вас. Что касается меня, то я похож на Калипсо, которая «не могла утешиться после отъезда Телемака»[1], с тою маленькой разницей, что теперь это Калипсо покинула своего Телемака. В ожидании будущего я обречен увеличивать воды Вятки потоками своих слез. Я надеюсь все-таки, что Вы не забудете меня, дорогая сестра, и окажете мне честь, написав мне несколько строчек Вашей прелестной маленькой ручкой. Прощайте и не забывайте неутешную Калипсо.

М. Салтыков.

Р. S. Тысяча пожеланий от меня Михаилу Николаевичу[2].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 44(1).

Вероятно, приписка к утраченному письму к брату Дмитрию Евграфовичу.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 45—46, с редакторской датой: «После 7-го мая 1848 г.»

Датируется по сопоставлению с письмами 10 и 12.

[1] Неточная реминисценция из Гомеровой «Одиссеи». Нужно: после отъезда Одиссея (с острова Огигии, от нимфы Калипсо). Телемак — сын Одиссея.

[2] Мужу Алины Яковлевны, М. Н. Гринвальду, в это время полковнику, позднее генерал-майору, члену Ученого комитета Кораблестроительного департамента Морского министерства.

12. А. Я. САЛТЫКОВОЙ

8 мая 1848. Вятка

Je vous écris à la hâte ces quelques lignes pour Vous dire que dans mon éxil, comme partout et toujour, le souvenir de Vos bontés sera gravé dans mon coeur. Mon mentor-gendarme part dans quelques heures: aussi je n'ai pas le temps suffisant pour Vous dire tout mon regret d'être si loin de Vous. Cependant on m'a reçu à Viatka les bras ouverts, et je Vous prie de croire que les [hommes] gens dont je suis entouré ici ne sont pas des ogres; ils ne le sont qu'à moitié et partant ne pourront pas me manger totalement. Les dames de Viatka, au contraire, sont des ogresses accomplies, borgnes, bossues, en un mot tout ce qu'il y a de moins présentable, et cependant on m'a dit qu'il fallait tâcher de leur plaire, parce qu'ici comme ailleurs tout se fait au moyen du beau sexe. Aussi cette obliga<tion>...

Перевод: Пишу второпях несколько строк для того, чтобы сказать Вам, что в моем изгнании, как везде и всегда, воспоминание о Вашей доброте будет запечатлено в моем сердце. Мой ментор — жандарм уезжает через несколько часов: поэтому у меня нет достаточного времени для того, чтобы выразить Вам все мое сожаление о том, что я так далеко от Вас. Впрочем, меня встретили в Вятке с распростертыми объятиями [1], и я прошу Вас поверить, что окружающие меня здесь не людоеды; они таковы не более чем наполовину и поэтому не смогут съесть меня целиком. Вятские дамы, наоборот, совершенные людоедки, кривые, горбатые, одним словом, самые непривлекательные, и тем не менее мне говорят, что надо стараться им понравиться, потому что здесь, как и повсюду, все делается при посредстве прекрасного пола. Эта обязанность также...

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 44(2). По-видимому, фрагмент приписки к утраченному письму Салтыкова к брату Дмитрию Евграфовичу. Второй лист оторван.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 45, с редакторской датой: «После 7 мая 1848 г.».

Датируется по словам письма: «Mon mentor-gendarme part dans quelques heures...». Салтыков и сопровождавший его жандармский штабс-капи-

тан Рашкевич прибыли в Вятку 7 мая. В обратный путь в Петербург Рашкевич, с которым были посланы это и другие письма (10 и 11), отправился на другой день, 8 мая. *Макашин I,* стр. 297.

---

[1] Написанные на второй день приезда, эти слова могли относиться лишь к немногим встречам Салтыкова с вятчанами.

1849

13. А. И. СЕРЕДЕ

11 марта 1849. Вятка

Его превосходительству
господину Вятскому
гражданскому губернатору
состоящего при вашем
превосходительстве старшего чиновника
особых поручений, титулярного советника Салтыкова.

Прошение

Преклонные лета моих родителей и четырехлетняя разлука моя с ними дают мне смелость испрашивать ходатайства вашего превосходительства о разрешении мне воспользоваться четырехмесячным отпуском в Тверскую и Ярославскую губернии, начиная с 1-го будущего июня.

Вместе с тем постоянные золотушные припадки, обнаруживающиеся глазными воспалениями и ревматическими болями, вынуждают меня просить о дозволении мне хотя некоторую часть означенного времени пробыть в С.-Петербурге, для принятия советов от тамошних врачей касательно моего болезненного положения.

Старший чиновник особых поручений
Михаил Салтыков.

Вятка
11 марта 1849 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело»* № 737, л. 12.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 39—40.

15 марта 1849 года губернатор направил «прошение» Салтыкова, вместе со своим «представлением», в Петербург, министру внутренних дел. Прошение было отклонено (*Макашин I*, стр. 450 и 558).

14. С. Е. САЛТЫКОВУ

18 октября 1849. Вятка

Вятка. 18 октября.

Спешу отвечать на письмо твое, любезный друг и брат Сережа. Очень рад, что ты, наконец, выпущен из корпуса и служишь;[1] еще более рад слышать от тебя, что к тебе расположено твое начальство. Что касается до того, что город Ревель скучен, то я этому совершенно верю, но едва ли он скучнее города Вятки, из которого я имею удовольствие писать к тебе. Ты пишешь мне, что желал бы переменить род службы; в этом отношении я советовать ничего не могу, потому что не знаю ни обстоятельств, в которых ты находишься, ни отношений твоих. Во всяком роде службы есть свои хорошие и дурные <стороны>; но я полагаю, что везде можно быть полезным, если есть хотенье и силы позволяют. Найти такого рода службу, где был бы на своем месте и труд был бы привлекателен[2], довольно трудно, если не совершенно невозможно. Намерению твоему побывать в отпуску я вполне сочувствую; переговори сам лично *обо всем* с папенькой и маменькой, но только, бога ради, будь осторожнее и не раздражай их без пользы. Что касается до моей симпатии и привязанности, то будь уверен, что они всегда будут принадлежать тебе, какого бы рода ни были обстоятельства, в которых ты будешь находиться. Положи себе за непременное правило в жизни вести себя как следует честному человеку и будь уверен, что ни я, ни брат не оставим тебя. Впрочем, в благородстве твоих чувств я так уверен, что считаю даже излишним распространяться об этом.

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя, не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 53, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 46—47.

---

[1] Брат Салтыкова Сергей Евграфович был выпущен из Морского кадетского корпуса (Петербург) «в мичмана» 1 июня 1849 года, чем устанав-

ливается годовая дата письма. После выпуска он был зачислен в ревельский флотский «полуэкипаж» (Ф. Ф. Веселаго. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852).

[2] Понятие о «привлекательном труде» («travail attrayant») в будущем гармоническом обществе — одно из главных в системах утопического социализма, в том числе в учении Шарля Фурье.

1850

15. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

3 января 1850. Вятка

Вятка, 3 января.

Нет слов благодарить тебя, любезный друг и брат, за твою искреннюю братскую любовь и за твое братское одолжение, которое вывело меня из величайшего затруднения[1]. Спешу отвечать тебе на письмо твое от 21-го декабря и поздравить тебя, равно как и все твое семейство, с Новым годом. Я надеюсь, что ты встретил его счастливо в кругу своих родных, не то что я в совершенном одиночестве. Впрочем, должно сказать правду, что я много обязан губернатору и его семейству, которые принимают во мне самое живое участие[2]. Я, как уже известно тебе из прошлого письма <моего>, представлен губернатором к командировке для обозрения городов, с назначением мне и жалованья 500 р. сер. До сих пор об этом, впрочем, ни слуху ни духу из министерства. Но вместе с тем я просил Милютина, чтобы он через брата своего похлопотал, чтобы, пользуясь этим представлением губернатора, меня просто причислили к министерству, с тем чтобы на все время моей опалы считать меня в командировке в Вятской губ. и давать мне здесь или в одной из смежных губ. поручения по Хозяйственному д<епартамен>ту. Милютин с нынешней почтой отвечает мне в весьма общих выражениях, что брат его надеется все для меня сделать, но в каком смысле, в смысле ли моей просьбы или в смысле губернаторского представления, не знаю. Нет нужды объяснять тебе, как для меня важно это дело. С отчислением моим по Министерству внутр<енних> д<ел> я de facto изъемлюсь из моего тяжкого положения, потому что, чтобы сделать это, надо испросить высочайшее повеление, которое в этом случае равнялось бы всемилост<ивейшему> прощению[3].

Очень рад, что есть надежда вылечить Зилова[4]. Положение их в самом деле незавидное, и мне от души жаль сестру,

потому что она сто̀ит лучшей участи. К сожалению, я, кроме сожаления, ничего не могу, равно как и все мы должны покамест терпеть. Отпуск мой, кажется, не состоится; если мне не дадут эту командировку, об которой я тебе писал, то летом мне решительно нельзя будет уехать в деревню, потому что все дело должно производиться преимущественно летом; если же я не буду иметь никакого специального назначения, то буду непременно проситься в отпуск. Весьма приятно, что Сережа понравился папеньке и маменьке; они и мне тоже об нем писали с большою похвалой; боюсь только, что это не более как фразы, оригинальная манера выражать на письме родительскую нежность. Гораздо более меня радует перевод его в гвард<ейский> экипаж [5]. По крайней мере, вы будете вместе, и он не пропадет при тебе. Ты не пишешь мне ничего об Илье; каков он, какие на него надежды? уж ему пятнадцать лет; следовательно, характеру его пора бы образоваться. Людевик уже приехал в Вятку и много хорошего насказал мне о тебе [6]. Что же до места асессора, то я сам бы желал получить его, но теперь, при предполагаемой командировке моей, отложил попечение.

Клеменцу долг я заплачу непременно, в особенности если я получу жалованье, как об этом представлено. Я надеюсь тогда к июню месяцу вполне уплатить ему. Лауман сапоги мне выслал, и весьма хорошие [7]. Вообще, любезный друг и брат, если бы состоялось мое назначение, хотя только по представлению губернатора, я надеюсь в скором времени очистить себя от всех долгов.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Целую всех твоих деток [8], начиная с тезки (которого поздравляю с наступающим четвертым годом) и кончая Надей. По рассеянности, мне свойственной, я начал письмо с внутренней стороны листа, что вышло чрезвычайно глупо, но я надеюсь на твою снисходительность.

Merci, ma bonne et chère soeur Adélaide, de Vous être souvenue de ma malheureuse existence. Quant à moi je Vous souhaite pour l'année qui commence tout le bonheur qui existe en ce monde, même plus si c'est possible. J'ai passé les premiers moments de l'année d'une maniére assez supportable, grâce à la bonté extrême du gouverneur civil et de sa famille. Il est inutile d'ajouter que Vous et Votre famille occupaient la première place dans mes souvenirs, éveillés dans ce moment suprême. Ayez la

bonté de dire à Madame Votre mère ainsi qu'à M-r et M-me Grunwald que je leur souhaite la meilleure année possible et autant de bonheur qu'elles puissent se souhaiter elles mêmes. Adieu, ma bonne soeur, n'oubliez pas celui qui Vous est bien sincèrement dévoué,

M. Saltykoff.

Перевод: Спасибо, добрая и милая сестрица Адель, за то, что Вы вспомнили о моем несчастном существовании. Что до меня, то я желаю Вам в наступившем Новом году всякого счастья, какое только существует на свете, и даже больше, если это возможно. Я встретил Новый год довольно сносным образом, благодаря исключительной доброте гражданского губернатора и его семьи. Нет нужды прибавлять, что Вы и Ваша семья занимаете первое место в моих воспоминаниях, которые ожили во мне в эти торжественные минуты. Будьте добры передать Вашей матушке, а также господину и госпоже Гринвальд, что я им желаю, чтобы наступивший год был для них самым лучшим и принес им такое счастье, которого они сами могут себе пожелать. Прощайте, добрая сестрица, не забывайте того, кто так чистосердечно Вам предан. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 1—2.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и к А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 47—48, и т. XIX, стр. 40.

---

[1] Живя в Вятке, Салтыков продолжал заказывать платье и покупать книги в Петербурге. Д. Е. Салтыкову приходилось не раз уплачивать долги брата, впредь до возмещения их самим Салтыковым или его матерью.

[2] Вятским гражданским губернатором был в это время А. И. Середа (до 8 апреля 1851 г.). Салтыков высоко ставил нравственные достоинства и «честную службу» этого человека, действительно необыкновенного для николаевской администрации. Со своей стороны Середа ценил ум, образованность и деловые качества Салтыкова. Он способствовал служебному продвижению своего «поднадзорного» и оказывал неизменную поддержку его попыткам освободиться из-под царской опалы. Между ними установились свободные от официальной субординации отношения, и Салтыков стал частым посетителем губернаторского дома. Последнему способствовало, впрочем, и одно обстоятельство другого рода: пережитое Салтыковым увлечение женой губернатора Натальей Николаевной (о ней см. прим. 2 к письму 18).

[3] «Представление» губернатора поручить Салтыкову инвентарное описание городов Вятской губ. было утверждено министром, и 19 января 1850 года Середа направил по этому поводу соответствующее предписание Губернскому правлению (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 5, № 11). Однако из идеи Салтыкова превратить данное поручение в «командировку» от министерства, то

есть в своего рода амнистию, ничего не вышло. Письмо Салтыкова с изложением этой идеи к своему другу и товарищу В. А. Милютину неизвестно, как неизвестны и все другие письма их переписки. Брат В. А. Милютина — Н. А. Милютин занимал уже и в это время видное положение в Министерстве внутренних дел. Он был вице-директором Хозяйственного департамента.

[4] Шурин Салтыкова, муж его сестры Любови Евграфовны, тверской помещик, майор Николай Александрович Зилов. «Надежда вылечить» его на этот раз оправдалась. Он умер спустя восемь лет, в 1858 году.

[5] Гвардейский экипаж, в который осенью 1850 года перевели из Ревельского флотского «полуэкипажа» С. Е. Салтыкова, был приписан к Петербургскому порту.

[6] Чиновник лесного управления в Вятке, а с 1851 года городничий в г. Слободском, подполковник Карл Карлович Фон Людевиг. Его дочь Софья Карловна и ее муж губернский врач Н. В. Ионин принадлежали к числу ближайших вятских друзей Салтыкова. Есть достаточные основания предполагать, что с Софьей Карловной Салтыкова связывали чувства более сильные, чем дружеские, и что это они получили отражение в наброске «Вчера ночь была такая тихая...» (см. т. 2 наст. изд., стр. 471 и сл.).

[7] Модные мастерские мужской одежды и обуви в Петербурге. «Была у меня тогда страстишка пофрантить...» — вспоминал Салтыков о годах своей молодости (*Пантелеев,* стр. 180). Имя Клеменца не раз встречается в сочинениях Салтыкова, в характеристиках петербургской «золотой молодежи».

[8] Их было в это время у Д. Е. и А. Я. Салтыковых пять — сыновья Василий, Евграф, Михаил, Николай и дочь Надежда.

16. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

3 февраля 1850. Вятка

Вятка. 3 февраля.

Извини меня, любезный друг и брат, что долго не отвечал на письмо твое от семнадцатого января, да и вообще слишком давно уже не беседовал с тобою. Я в настоящее время так занят составлением всеподданнейшего годового отчета, которое и нынче возложено на меня [1], что решительно не имею никакого времени, чтобы уделить на беседу с добрыми родными и приятелями. Теперь же пользуюсь этим случаем, чтобы поздравить тебя с наступающим днем рождения милой сестрицы Адели и пожелать тебе и ей от всей души встретить этот день в совершенном счастии.

Я очень обрадован, что маменька собралась ехать в Петербург; я в одно время получил известие об этом и от тебя и от нее. Так как она теперь, вероятно, в Петербурге, то я прошу

тебя, милый брат, убедить ее заплатить долги мои как Клеменцу, так и тебе, с тем, чтобы деньги эти вычитать из жалованья моего в течение года. Клеменц выслал мне брюки, и я в настоящее время должен ему около двухсот рублей сер. Брюки сшиты весьма хорошо, и я благодарю его как за них, так и за кредит. Сделай милость, внуши маменьке, что мои издержки на одежду весьма невелики и что в течение почти двух лет, как я здесь, я сделал себе только фрак, вицмундир, сюртук, три жилета и трое брюк; я думаю, нельзя менее носить платья, если не хочешь ходить как Адам.

Предположение твое о том, что маменька может лично просить государя о моем возвращении, весьма меня тронуло; мне кажется, что это может иметь успешный результат, и я просил бы тебя присоединить свои просьбы к моим, чтобы убедить маменьку сделать это, хотя я и не сомневаюсь, что она сама, по любви ко мне, употребит все усилия, чтобы сделать все возможное к моему облегчению. Очень жалко, что приезд ее в Петербург не совсем совпадает с удобным для того временем, впрочем, я все отдаю на Ваше общее благоразумие и буду ждать с терпением окончания моей участи [2].

М<инист>р в<нутренних> д<ел> разрешил командировать меня в города В<ятской> губ., и я думаю ехать вскоре после окончания работ моих по отчету [3].

Во всяком случае, если маменька будет просить государя о прощении меня, то я прошу тебя уведомить меня о результате, каков бы он ни был, потому что во всяком случае лучше знать свое положение, как оно есть, нежели ласкать себя тщетными надеждами.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу извинить, что, за недосугом, пишу так мало и беспорядочно.

Искренно тебя любящий и душевно преданный

М. Салтыков.

Je Vous remercie, ma bonne et chère soeur, de Votre aimable souvenir, en même temps que je Vous félicite sur le prochain jour de Votre naissance. Croyez je Vous prie en ma constante reconnaissance et sympathie pour Vous; les bontés que Vous avez pour moi sont si grandes que jamais je ne saurais les oublier. Mille respects à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Embrassez de ma part Vos charmants petits ainsi que la petite Nadine. J'espère que Vous aurez la bonté de Vous souvenir de moi de temps en temps. Votre devoué frère et ami

M. Saltykoff.

Перевод: Благодарю Вас, моя добрая и дорогая сестрица, за Вашу милую память обо мне и поздравляю Вас с наступающим днем рождения. Верьте, прошу Вас, в мою неизменную признательность и симпатию к Вам. Ваша доброта по отношению ко мне так велика, что я никогда не забуду ее. Передайте мое глубочайшее почтение Вашей матушке и м-м Алине. Поцелуйте за меня Ваших прекрасных деток и маленькую Надин. Надеюсь, что Вы будете добры время от времени вспоминать обо мне. Преданный Вам брат и друг *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 3—4.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 48—49, и т. XIX, стр. 41.

---

[1] Эти слова указывают на участие Салтыкова в составлении годовых отчетов по управлению Вятской губернией не только за 1849 год, но и за предыдущий 1848 год. Составление таких отчетов, представлявшихся через министра внутренних дел царю, поручалось наиболее опытным чиновникам, осуществлявшим эту работу под непосредственным контролем губернатора. Подлинники отчетов, откорректированные и дополненные губернатором и его сотрудниками, хранятся в *ЦГИА,* ф. 1281; материалы к отчетам, включая автографы Салтыкова,— в *ГА Киров. обл.,* ф. 582, оп. 14, ед. хр. 40, и ф. 582, оп. 140, ед. хр. 170.

[2] В начале марта 1850 года О. М. Салтыкова приезжала в Петербург и в третий раз подала прошение на «высочайшее имя» о прощении сына (первое было подано, от имени отца, в августе 1848 г., второе, от имени обоих родителей, в марте 1849 г.). Как и предыдущие, оно было отвергнуто (10 июня 1850 г.), с резолюцией Николая I: «Рано» (*ЦГИА,* ф. 1412, д. № 762, 1850 г., л. 270).

[3] Работа по «отчету» (см. прим. 1) была закончена Салтыковым в первых числах марта 1850 года. После этого начались его поездки по губернии (в сопровождении прикомандированных к нему топографов) для составления инвентарей недвижимых имуществ по уездным городам и статистических их описаний. От этого поручения Салтыков был освобожден (с оставлением, однако, описания по самой Вятке) в декабре 1851 года, но в мае 1852 года оно вновь было возвращено ему *(Аттестат).*

17. Д. Е. САЛТЫКОВУ

6 марта 1850. Вятка

Марта 6 1850 г.

Извини меня, любезный друг и брат, что так давно не писал к тебе. Причина этому была, как ты, я думаю, знаешь, не столько в моей лености, сколько в занятиях моих по составле-

нию отчета, который я, слава богу, кончил[1]. А между тем у меня есть до тебя две просьбы.

Во-первых, 4 марта пошло представление губернатора о награждении меня чином, которое и должно поступить в д<епартамен>т полиции исполнительной. Так как я здесь нахожусь на особом положении, то и губернатор не включил меня в общий список представляемых чиновников, а взошел с особым представлением обо мне одном. Поэтому я прошу тебя, не будет ли возможности возбудить из этого повод для всеподданнейшего доклада обо мне, так как я и в Вятку переведен по высоч<айшему> повелению[2]. Сверх того, что подобный доклад напомнит обо мне государю, но такое направление дела будет иметь для меня еще и ту выгоду, что в Комитете министров, если представление пойдет туда, легко могут отказать мне, а если и не откажут, то чин выйдет не ранее сентября, так что я выиграю всего каких-нибудь полгода. Сверх того, все мои документы о рождении, происхождении и т. д. остались в канцелярии В<оенного> м<инистерст>ва, куда уже губернатор отнесся о доставлении их в д<епартамент> п<олиции> исп<олнительной>. Я пишу вместе с сим к Каменскому, чтобы он оказал содействие к скорейшей отсылке их[3], но и тебя прошу наблюсти за этим, если только это не затруднит тебя. Во всяком случае, прошу тебя уведомить меня, каким путем пойдет представление обо мне, через Комитет ли министров или прямо к государю.

Другая моя просьба состоит в следующем. На меня, как тебе известно, возложено статистическое обозрение городов Вятской губ. Приступая к этому, я, по новости, встречаю некоторые затруднения. Так как в М<инистерст>ве в<нутренних> д<ел> не раз уже были командировываемы в разные города особые чиновники для этой цели, то в Хозяйственном д<епартамен>те должны находиться работы их. Нельзя ли попросить Николая Алексеевича Милютина, чтобы он дал чье-нибудь подобное описание, разумеется, такое, которое считается лучшим. Если это возможно, то потрудись приказать переписать его для меня и выслать мне для руководства. Я уверен, что это весьма мне поможет.

Извини, что я до сих пор не выслал тебе должных мною денег. Я теперь же пишу маменьке и прошу ее заплатить тебе эти деньги с вычетом из моего жалованья.

Сделай одолжение, поцелуй за меня милую сестрицу Адель, скажи ей, что я ее все так же помню и так же горячо люблю, как и прежде.

Перецелуй от меня также и племянников и милую Наденьку. Евграшу поздравь с прошедшим днем рождения.

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя, не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 5—6. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 50—51.

---

[1] См. прим. 1 к пред. письму.

[2] Салтыков был отправлен в Вятку в чине титулярного советника (имел его с 21 апреля 1847 г.). Представление губернатора Середы от 4 марта 1850 года о награждении Салтыкова следующим чином не было тогда удовлетворено и не явилось поводом для «всеподданнейшего доклада». Только 13 апреля 1852 года Салтыков был произведен за выслугу лет в чин коллежского асессора (со старшинством с 1851 г.) *(Аттестат).*

[3] Со своим сослуживцем по Канцелярии Военного министерства Д. И. Каменским Салтыков находился в дружеских отношениях, не прекращавшихся, эпистолярно, и в годы Вятки. Однако переписка их неизвестна. В 1850 году Д. И. Каменский занимал должность правителя Канцелярии Комиссариатского департамента Военного министерства.

18. Д. Е. САЛТЫКОВУ

21 марта 1850. Вятка

Вятка. 21 марта.

Пользуюсь и еще раз случаем, любезный друг и брат, чтобы беседовать с тобою и поздравить тебя с наступающим днем твоего рождения. Желаю тебе от всей души провести его как можно приятнее и спокойнее в кругу своего семейства. Я получил от маменьки письмо, которое ты, вероятно, знаешь и в котором она пишет мне, чтобы я не адресовал ей более писем в Петербург. Не знаю, застанет ли ее в Петербурге это письмо мое к тебе, но, во всяком случае, ежели застанет, то прошу тебя сказать ей, что я, вместе с ним, пишу ей письмо во Спасское, как она и приказывала мне. Я писал маменьке в одном из предыдущих писем о моем долге тебе и просил ее уплатить его с вычетом из моего жалованья, но ответа на это письмо еще не получил. Так как долг этот весьма меня озабочивает, то прошу тебя уведомить меня, исполнила ли маменька мою просьбу, чтобы я мог принять какие-нибудь меры.

Что касается до моего возвращения из Вятки, то я уже начинаю не верить в осуществление его; хотя я положительно просил маменьку определительно уведомить меня, было ли что-нибудь предпринято ею в этом смысле, но из письма ее

я ничего не вижу, кроме обнадеживания, что тяжкому моему положению будет когда-нибудь предел; из советов же ее касательно моей службы я, напротив, должен видеть, что предел этот не скоро настанет. А между тем для меня моя участь с каждым днем делается все более и более несносною; я изнываю и нравственно и физически, и не знаю, к чему я буду способен, если это пленение души моей будет продолжительно. Теперь у вас, я думаю, распутица в полной форме, а у нас еще зима и, судя по холодам, едва ли скоро наступит весна. Я уж около полугода или более не получал писем от Милютина[1] да и сам перестал ему писать. Сделай одолжение, хоть ты не забывай обо мне, ибо всякое твое письмо доставляет мне истинную радость. Лето я еще не знаю как проведу, но, по всем вероятиям, скучно, потому что из Вятки все те, с которыми я больше близок, разъезжаются и, между прочим, губернаторша едет в Петербург[2]. Сделай милость, узнай, правда ли, что в Вятку назначена сенаторская ревизия, как об этом разнеслись слухи, и кто именно из сенаторов назначен.

Сделай милость, передай мой искренний братский поцелуй сестрице Адели и поздравь ее с новорожденным. Детей также всех до одного крепко целую, а ее превосходительству Каролине Петровне и Алине Яковлевне свидетельствую глубочайшее почтение. Я несколько раз писал к Гринвальду, а от него не получил в ответ ни одной строки; не знаю, как это толковать, но только такая манера довольно странна.

Прощай, любезный друг и брат, не забывай искренно любящего тебя брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 23—24. Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 452, 456.

---

[1] От В. А. Милютина.

[2] Наталья Николаевна Середа (рожд. Немятова). Среди вятского общества, в котором она пользовалась репутацией «светской львицы», ходили слухи об увлечении ею Салтыкова (*Макашин I,* стр. 396, 553—554). Об этой женщине мы мало что знаем. Известно, однако, что в 1833 году в Оренбурге, откуда она была родом и где вышла замуж, с ней встречался Пушкин. В воспоминаниях сына директора Вятской гимназии А. М. Полиновского, хорошо знавшего Наталью Николаевну, читаем: «Это была маленькая, но прехорошенькая женщина. Недаром Пушкин в конце одного из своих мадригалов сказал: «...Затем, что эта Середа // Прелестней ангела иного». Двух начальных строк куплета не помню, и этого мадригала нет ни в одном из изданий сочинений Пушкина...» («Волжский вестник», 1890, № 251). Из тех же воспоминаний известно, что Наталья Николаевна была

увлеченной устроительницей любительских спектаклей в вятском обществе, в которых, возможно, принимал участие и Салтыков. Существовавшая, видимо, обширная переписка между Салтыковым и Натальей Николаевной неизвестна. Скорее всего, она была уничтожена корреспондентами.

19. Д. Е. САЛТЫКОВУ

4 апреля 1850. Вятка

Вятка. 4 апреля.

Извини меня, любезный друг и брат, что я не вовремя поздравляю тебя и все твое семейство с прошедшим днем твоего рождения, ты можешь быть уверен, что я от того не менее люблю тебя. Сейчас получил от маменьки письмо, которым она извещает меня об отъезде своем из Петербурга; думаю, что она в настоящую пору уже в деревне, и потому пишу к ней прямо туда. Маменька пишет, что относительно моей участи ей еще ничего решительно неизвестно и что ты об всем меня уведомишь. Из этого я должен заключить, что маменька предпринимала что-нибудь в мою пользу, но все это так темно и неопределенно, что составляет для меня только предмет страданий и сомнений [1]. Меня интересуют в этом деле самые мелкие его подробности, потому что оно слишком живо меня касается, а мне пишут только, что ничего еще решительно неизвестно. А между тем мое положение делается совершенно невыносимым не столько потому, что я сослан в Вятку, сколько потому, что в самой Вятке все обстоятельства так слагаются, что вся жизнь моя постоянная и нестерпимая му́ка. Неужели, наконец, и два года мучения не могут искупить нелепой и ничтожной повести! [2]

Маменька еще пишет мне, что не может выслать мне денег ранее мая, потому что страдает денежною чахоткою. Я, напротив, всегда думал, что она в этом случае скорее подвержена водяной, а оказывается совсем иначе. Впрочем, она тут же отзывается, что ты коротко знаешь ее обстоятельства, и потому я прошу тебя убедительно растолковать мне причину такого необыкновенного безденежья, тем более что мне надобно же чем-нибудь жить. А по-моему, лучше всего было бы отделить всех; тогда всякий бы рассчитывал только на то, что у него есть, а то насулят золотые горы, да потом и утягивают, так что нет возможности распорядиться своею жизнью определенным образом. Во всяком случае, я рад, что она согласилась уплатить тебе долг мой, и прошу тебя уведомить, исполнила ли она это, как пишет мне.

Благодарю тебя за все твои хлопоты и беспокойства по моим делам; мне чрезвычайно совестно затруднять тебя всем этим, и поверь, что все твои одолжения глубоко запечатлены в моем сердце. Я получил сегодня письмо и от Милютина[3] и обрадовался этому, думая видеть в нем что-нибудь по своему делу, но оно оказалось исполненным такой великолепной чепухи, что мне стало совестно читать.

Сделай одолжение, поцелуй за меня добрую сестрицу Адель и всех твоих малюток, которых я люблю и которым, надеясь скончать дни свои в девстве, торжественно завещеваю две пары подсвечников, зрительную трубку, серебряную цигарочницу (все это мною получено от тебя) и все свои долги, ибо, судя по расположению родителей, умру как Вальтер-Голяк[4].

Прощай, любезный друг и брат, не взыщи за несколько небрежное письмо и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 25—26.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 456.

---

[1] Еще не получив формального ответа на очередное, третье по счету, ходатайство о прощении сына (см. выше), но уже уверенная в неудаче, О. М. Салтыкова писала 14 марта 1850 года Д. Е. Салтыкову: «Ах! как меня убило о Мише, что не удалось кн<язю> <А. И. Чернышеву? А. Б. Голицыну?> доложить лично. Так меня это печалит и страшит; боюсь до смерти <...> Я ему о сем не пишу. А писала, что еще ничего не известно, чем кончится. Уж сообщи ему все сам, как знаешь, право, у меня духу недостает» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 133, л. 1 об.).

[2] Эти слова продиктованы настроениями упадка, посещавшими Салтыкова в годы «вятского плена». Они не передают его подлинной оценки «Запутанного дела». Повесть была переработана и включена Салтыковым в собрание своих сочинений. См. ее в тт. 1 и 3 наст. изд.

[3] От В. А. Милютина.

[4] Вальтер Голяк (Gautier Sans Avoir) — французский рыцарь XI века, прозванный так за свою бедность, один из предшественников крестоносцев.

20. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

1 мая 1850. Вятка

Вятка. 1 мая.

Много благодарю тебя, любезный друг и брат, за письмо твое от 9 апреля и за то участие ко мне, которое я в нем вижу. Много меня огорчило известие о поступке брата Сережи;

я нахожу его не только не совсем благородным, но и глупым. Какую выгоду надеялся он извлечь для себя от своих сплетней, решительно не понимаю; я сколько мог заметить, то, несмотря на то что маменька не неохотно выслушивает подобные вещи, они как-то совершенно не удаются их авторам; пример тому в брате Николае, да и в самом Сереже, которые оба оказали достаточно недоброжелательства к своим братьям и оба едва ли что-нибудь от того выиграли [1]. Это тем более кажется для меня странным, что ни я, ни в особенности ты ничего, кроме самого лучшего, самого теплого желания добра, не показывали Сереже ни в одном из наших действий относительно его. Вообще Вятка во многом меня убедила, и убедила к лучшему, хотя бы я и не желал убеждаться в явлениях, подобных тому, о котором ты пишешь мне. Сделай милость, уведомь меня, когда ты собираешься в деревню и действительно ли поедешь ты туда нынешним летом. Запрос обо мне от князя Голицына к губернатору действительно пришел по одной почте с твоим письмом [2]. Деликатность этого дела запрещает мне справляться об отзыве губернатора, но так как я не знаю за собой ничего предосудительного в течение двухлетнего пребывания моего в Вятке, то и не сомневаюсь, что ответ губернатора будет выгоден для меня. Во всяком случае, отзыв этот идет в Петербург с последней же почтой, и потому я прошу тебя, если в Петербурге, вследствие этого отзыва, решатся дать делу моему дальнейший ход, то нельзя ли похлопотать, чтобы это сделалось поскорее, потому что тут много зависит от времени. Я удивляюсь даже, что по просьбе маменьки, поданной в начале марта, только теперь требуют заключения губернатора. Нечего тебе и говорить, как велико теперь мое ожидание. Что касается до представления меня в чин и до статистического описания, то это теперь меня не много занимает. Если бы меня простили, то я ничего более не желал бы. Любезный друг! сделай милость, если дело мое примет благоприятный оборот, не езди в деревню, покуда оно кончится совершенно; нет сомнения, что к июлю так или иначе оно должно решиться.

Я бы желал быть в деревне вместе с тобою и немедленно отправлюсь туда, как скоро получу известие о моем освобождении из Вятки. Я хочу также просить, если это только возможно, об отделе и согласился бы дать отказную во всем, если бы мне отдали Глебово и тысяч двадцать на устройство его [3]. Главная цель моя заключается в том, чтобы выйти в отставку и поселиться в деревне, чего я не могу сделать, не имея достаточного обеспечения. Дай бог, чтобы все это так и случилось; мне не хотелось бы вновь поступать на службу уже по тому

одному, что искать места в Петербурге будет для меня довольно затруднительно, да едва ли я найду что-нибудь по своему желанию.

Прощай, любезный друг и брат, поцелуй от меня всех своих малюток и не забывай искренно тебе преданного брата

М. Салтыкова.

Je Vous remercie infiniment, ma bonne et chère soeur, de Votre bon souvenir et de Votre amitié pour moi. Vous pouvez être sure que quant à moi l'affection fraternelle que je Vous porte ne saurait que grandir avec le temps. Ayez la bonté de dire de ma part mille choses à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Puissé-je Vous revoir bientôt.

Tout à Vous

M. Saltykoff.

Перевод: Бесконечно благодарю Вас, добрая и дорогая сестрица, за Вашу добрую память и Вашу дружбу ко мне. Вы можете быть уверены, что с моей стороны братские чувства, которые я питаю к Вам, с течением времени будут только расти. Будьте добры передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке, а также м-м Алине. Если бы я мог Вас вскоре увидеть! Весь Ваш *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 7—8.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 53—54, т. XIX, стр. 41.

---

[1] Еще в 1837 году отец Салтыкова, Евграф Васильевич, завещал свою родовую вотчину, село Спас-Угол (Спасское) с деревнями, жене, Ольге Михайловне, с тем чтобы после его смерти она произвела бы раздел владений между детьми. В связи с ухудшением здоровья Евграфа Васильевича Ольга Михайловна начала весной 1850 года переписку со старшим сыном Дмитрием Евграфовичем и другими сыновьями о будущем разделе. В ходе переписки и свиданий возникли наследно-имущественные споры, осложнившие «пошехонскими» чертами отношения между членами семьи, и без того не отличавшиеся родственной теплотой и гармонией. Позиции Салтыкова в этих спорах были свободны от своекорыстия и благородны по отношению к тем из братьев, интересы которых ущемлялись фаворитизмом и деспотизмом матери. См. последующие письма.

[2] Запрос от статс-секретаря у принятия прошений на высочайшее имя приносимых кн. А. Ф. Голицына был затребован в связи с предстоящим докладом Николаю I прошения матери Салтыкова о прощении сына, поданного в марте 1850 года (см. выше письма 16 и 19). Губернатор Середа направил статс-секретарю «отзыв», содержащий высокую оценку поведения и деловых качеств Салтыкова *(ИРЛИ,* ф. 366, оп. 5, № 1).

[3] Небольшое сельцо Глебово с деревней Юриной, Калязинского уезда Тверской губ., принадлежало О. М. Салтыковой и при семейном разделе владений было оставлено ею за собой.

21. Д. Е. САЛТЫКОВУ

16 июня 1850. Вятка

Вятка. 16 июня.

Позволь мне, любезный друг и брат, утруждать еще одною покорнейшею просьбой. Не зная и до сих пор, чем кончится мое дело, я решился хлопотать о том, чтобы мне дали здесь лучшее место. В настоящее время у нас открылась вакансия советника в губернском правлении. Я просил у губернатора, чтобы он представил меня; он согласился, но вместе с тем сказал, что у него давно уже просили об этом месте за одного тоже чиновника особых поручений г. Циолковского;[1] но так как этот Циолковский находится в свойстве с вице-губернатором и по закону запрещено определять членами коллегиального управления свойственников, то он, на случай отказа Циолковскому, представляет в советники нас обоих. Представление об этом идет с нынешнею же почтой по Департаменту полиции исполнительной. Нельзя ли, хоть через Меншикова, похлопотать, чтобы уважили представление губернатора. Во всяком случае, я не желаю, однако ж, отбивать дорогу у Циолковского, потому что ему место нужно, как кусок хлеба, но мне было бы крайне обидно, если бы ни его, ни меня не утвердили, а послали бы кого-нибудь из Петербурга. Сделай милость, любезный друг, устрой это и уведомь меня о результате. Говорят, государь возвратился в Петербург; докладывали ли ему мое дело; мне весьма бы желательно это знать; если бы я получил прощение, то я, во всяком случае, уехал бы из Вятки, даже если бы и получил место советника[2]. Я с большим нетерпением жду известия об этом, ибо вот уже полтора месяца как пошел из Вятки отзыв обо мне губернатора, который, я надеюсь, не во вред мне.

Я в настоящее время опять исправляю должность правителя канцелярии[3] временно и потому не имею большого досуга, чтобы писать к тебе много. Уведомь меня, сбираешься ли ты в деревню и когда будешь там; это тоже весьма меня интересует, потому что если бы мне удалось уехать из Вятки, то я ничего бы не желал так, как съехаться вместе с тобой в деревне.

От всей души целую милую сестрицу Адель и всех твоих крошек. Сделай одолжение, засвидетельствуй также совершенное мое почтение Каролине Петровне.

За сим прошу тебя не забывать искренно тебя любящего брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 9—10.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 54—55.

---

[1] Нарциз Игнатьевич Циолковский входил в первоначальное ближайшее дружеское окружение Салтыкова в Вятке. Но в конце 1851 года или в начале 1852 года Циолковскому удалось осуществить то, чего одно время хотел для себя и Салтыков: он перешел на службу в Оренбург в Управление Башкиро-Мещерякским войском, возглавлявшееся бывшим вятским губернатором А. И. Середой.

[2] Советником Вятского губернского правления Салтыков был определен 5 августа 1850 года; «высочайший приказ» об этом определении дошел до Вятки 25 августа: 1) *Аттестат;* 2) *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 5, № 6).

[3] Должность правителя Канцелярии начальника Вятской губернии Салтыков исправлял: с 30 мая по 20 августа 1849 года и с 19 июня по 1 июля 1850 года *(Аттестат).*

22. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

3 июля 1850. Вятка

Вятка. 3 июля.

Не нахожу слов, любезный друг и брат, чтобы благодарить тебя за все хлопоты и беспокойства твои по моему несчастному делу; верь мне, что мысль об них меня часто мучит, и я с тревогой иногда думаю, что, если бы не моя нелепая опрометчивость, ничего бы этого не было. Поздравляю тебя с дорогой именинницей и от всей души желаю, чтобы ты провел время в деревне как можно лучше и веселее. Если брат Николай в деревне, то и ему скажи от меня мой искренний братский привет. Я получил оба твои письма по одной и той же почте, и ты легко можешь себе вообразить мое волнение, тем более что я распечатал прежде последнее письмо, которое уже не оставило во мне никаких сомнений [1]. Я писал в прошлом письме к маменьке и просил узнать о Тиханове; сделай милость, не оставь меня в этом случае, потому что я желал бы передать эти сведения людям, которые меня принимают как родного и в семействе которых я нахожу единственное

развлечение[2]. Что касается до моей жизни, то ты об ней подробно узнаешь из письма моего к папеньке и маменьке. Затем мне остается только пожелать тебе всего лучшего и просить не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous remercie, ma bonne et chère soeur, de Votre aimable souvenir; j'ai trop de témoignages de Vos bons sentiments pour que je les aie en doute. Aussi je Vous prie de croire que jamais reconnaissance n'a été ni plus vive, ni plus vraie.

Embrassez de ma part le petit Michel, et dites lui que je l'aime comme s'il était mon enfant à moi. Il doit être un brave garçon puisqu'il est de mon âge moins vingt ans. Sur ce, je Vous prie de croire à mon dévouement et à mes sentiments fraternels.

Tout à Vous

M. Saltykoff.

Перевод: Благодарю Вас, милая и добрая сестрица, за Вашу любезную память обо мне; у меня слишком много доказательств Ваших добрых чувств ко мне, чтобы я мог в них сомневаться. Прошу Вас также верить, что никогда моя признательность не была ни более живой, ни более искренней. Поцелуйте от меня маленького Мишу и скажите ему, что я его люблю, как если бы он был моим собственным ребенком. Он должен быть уже порядочным мальчуганом,— он уже в моем возрасте, минус двадцать лет. Прошу Вас верить моей преданности и моим братским чувствам. Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 11—12.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 55—56, и т. XIX, стр. 42.

---

[1] Письмо содержало сообщение об отказе царя удовлетворить очередное — от марта 1850 года — прошение О. М. Салтыковой о прощении сына. О резолюции Николая I просительница была извещена 13 июня (*Макашин I,* стр. 559). По ее поручению известие это первым сообщил Салтыкову Дмитрий Евграфович.

[2] В Вятке был ряд семей, где Салтыков был дружески принят. Однако для 1850 года комментируемые слова следует прежде и больше всего отнести к семейству губернатора Середы. Ср. со следующей выдержкой из письма Ольги Михайловны к Дмитрию Евграфовичу от 10 августа 1850 года: «Михайла прислал нам еще письмо, сокрушается ужасно, что у них слухи идут, якобы губернатор их хочет выйти вон из Вятки <...> И этим Михайла ужасно убивается, ибо одну отраду имел в их семействе и как родной ими был принят всегда» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 133, л. 13 об.).

23. Е. В. и О. М. САЛТЫКОВЫМ

15 июля 1850. Вятка

Вятка. 15 июля.

Любезные родители.

Сейчас получил я письмо Ваше от 6 июля;[1] нечего и уверять Вас, в какой степени я благодарен Вам за участие Ваше в моем несчастном положении. Впрочем, я не в такой степени поражен им, как бы это можно предполагать, потому что у меня в Вятке есть уже некоторые интересы, о которых Вы, впрочем, уже знаете, а именно ожидаемое мною разрешение на представление меня в советники. Если и тут не будет успеха, тогда действительно мне уж очень будет грустно. А у меня есть некоторые причины сомневаться в успехе этого представления, потому что в Петербурге, за отсутствием брата, едва ли будет кому похлопотать об этом деле, хотя я писал некоторым моим знакомым.

Из письма Вашего, милая маменька, я вижу, что Вы в сентябре собираетесь в Петербург; если Вы думаете вновь утруждать государя просьбою обо мне, то я полагаю, что это всего удобнее было бы сделать в ноябре[2] и не через Комиссию прошений, а просто подать записку военному министру или графу Орлову. Если бы Вам угодно было согласиться на мое предположение, то я прислал бы к Вам и проект записки; если бы Вы подали записку военному министру, то я бы вместе с тем написал к некоторым лицам, которые меня знают и могут иметь в этом деле влияние, чтобы они похлопотали; так, напр., барону Вревскому, Суковкину, Пейкеру и т. д.[3] Я думаю, что через военного министра действовать лучше, потому что по его докладу я и послан;[4] если же кн. Чернышев откажется, то можно будет ходатайствовать через гр. Орлова или через министра внутр<енних> дел, но, во всяком случае, не через Комиссию прошений, которая не ходатайствует, а просто докладывает о поступающих просьбах.

Если письмо это еще застанет у Вас брата Митю и сестрицу Адель, то, пожалуйста, передайте им обоим мой искренний братский поцелуй, равно как и маленькому Мише. Я столько наделал брату хлопот в течение этих двух лет, что мне крайне перед ним совестно. Прошу Вас поцеловать также брата Николю, если он в деревне.

Я был почти уверен, что буду с вами и 8-е и 11-е июля[5], а вышло иначе; я даже начал было все устроивать к отъезду; мне казалось, что два года изгнания более чем достаточно. Кто знает, может быть, и еще два года пройдет, и я все буду в Вятке.

Прощайте, любезные родители, прошу Вашего благословения и, целуя Ваши ручки, остаюсь навсегда покорным и любящим сыном Вашим

Михаил Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 48, лл. 3—4.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 56—57.

---

[1] В нем содержалось то же известие, что и в предваряющем его письме Дмитрия Евграфовича. См. прим. 1 к пред. письму.

[2] В ноябре, 20-го числа, праздновалось 25-летие восшествия на престол Николая I.

[3] Старшие сослуживцы Салтыкова по Канцелярии Военного министерства в 1840-е годы, занимавшие в это время должности: ген.-майор барон Павел Александрович Вревский — директора Канцелярии Военного министерства; Александр Александрович Пейкер, Акинфий Петрович Суковкин — производители дел Военно-походной е.и.в. Канцелярии.

[4] «Всеподданнейший доклад» военного министра, кн. А. И. Чернышева об отправлении Салтыкова в Вятку остается неизвестным. Но содержание документа изложено в бумаге военного министра к министру внутренних дел Л. А. Перовскому. Она была составлена и отправлена 27 апреля 1848 года, сразу же после получения кн. Чернышевым царской резолюции по делу Салтыкова (*Макашин I,* стр. 293—294).

[5] Дни рождения отца и именин матери.

24. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

7 августа 1850. Вятка

Вятка. 7 августа.

Пишу к тебе уже в Петербург, любезный друг и брат, потому что полагаю, что ты уже прибыл к месту служения своего[1]. Вместе с этим я пишу ответ и маменьке на письмо ее ко мне насчет твоего отдела. Нечего и говорить тебе, что я изъявил полное и безусловное согласие на все распоряжения, которые нужно будет сделать, чтобы привести это дело к желанному концу, и что я от всей души рад, видя, что ты и семейство твое хотя несколько обеспечены. Впрочем, откровенно тебе скажу, что мое положение довольно странное, и я поставлен в самую большую зависимость, так как хотя маменька теперь и любит меня, сколько я вижу из обращения ее со мною, но тем не менее на свете многое переменчиво, и бог знает, если любимые не сделаются со временем нелюбимыми и наоборот. Однако ж, так как я молод, то я соглашаюсь без всякой задней мысли, а тем не менее не могу не сознать-

ся, что может случиться всякое; я могу, например, захотеть жениться и т. д. не по вкусу маменьки, и, след<овательно>, меня всегда могут оставить без хлеба [2]. Я более в этом случае надеюсь на вас, братьев, что вы не оставите меня в таких неблагоприятных обстоятельствах. Меня поразила еще одна вещь в письме маменьки. Она пишет, что выдаст братьям Николаю и Сергею по 10 т. р. с., и по тону ее письма видно, что затем она не будет считать себя обязанной чем-нибудь в отношении к ним [3]. Я против этого протестую и буду протестовать всеми силами души моей; все мы равны как братья и, след<овательно>, все должны иметь равную часть в родительском имении; я писал маменьке в этом духе и просил категорически объясниться насчет того, каким образом полагает она распорядиться своим имением после смерти. Когда получу ответ, то буду просить ее составить завещание и копию прислать ко мне, если же она не согласится, то я буду просить себе отдела 450 душ в Ермолинском имении [4], потому что мне следует теперь бо̀льшая часть против всех братьев в ее имении, ибо прочие удовлетворены частью из имения отца. Во всяком случае, я прошу тебя до времени оставить это в тайне, а я тебя извещу о результате. Что ж до братьев Николая и Сергея, то я ни под каким видом не оставлю защиту их перед маменькой, чтобы им, по крайней мере, по 250 или 300 душ в Заозерье было обеспечено, или еще по 20 т. р. с. денег. Разумеется, я намерен действовать тут осторожно, чтобы не раздражить маменьку без пользы, и все это сделаю тогда только, когда будут подписаны все бумаги о передаче тебе Спасского. Пожалуйста, напиши мне свое мнение об этом, ибо я мнением твоим чрезвычайно дорожу и не желал бы предпринимать в этом деле ничего без твоего согласия. Я прошу еще у маменьки, чтобы вместо женитьбы Платона выпустить его на волю; он служит так давно, что пора знать и честь; и употреблю в этом деле такое настояние, что надеюсь на успех. Я жду от тебя подробного письма о результатах твоего пребывания в Спасском, как о житье родных, так и о мыслях их относительно нас, детей. Я прошу тебя описать как можно подробнее, ибо я 5 лет уже не был дома и мне не мешало бы кое-что узнать обо всем, что там и как происходит.

Не знаешь ли ты что-нибудь о представлении меня в советники? пожалуйста, уведомь, потому что я здесь с ума схожу от всех горестей и неудач [5]. Также что̀ с представлением меня в чин? Тоже до сих пор ни слуху ни духу. Что̀ сделалось с Милютиным и где он? Я на все мои письма к нему не получил ни на одно ответа. Пожалуйста, пошли Иону разузнать об нем и сказать ему, что я ему кланяюсь и что я весьма огор-

чен, что он забыл меня; только сам, пожалуйста, не езди, потому что много чести будет. Я назначен распорядителем Вятской выставки сельских произведений, которая через неделю должна открыться, и по этому поводу придумал прехитрую штуку. Так как на это дело министр ваш обращает особенное внимание и так как у меня действительно голова идет кругом от хлопот, то я хочу просить, чтобы меня представили к кресту, через м<инист>ра госу<дарственных> им<уществ>. Главное, мне хочется возбудить всеподданнейший доклад о себе, и если государю не угодно будет дать мне крест, то, может быть, будет милость возвращением меня в Петербург. Можно ли это сделать; пожалуйста, напиши мне хоть коротенькое письмо, но поскорее, потому что выставка кончится 1-го сентября и, след<овательно>, тогда же нужно будет и представлять [6].

В Петербурге ли Х<отилов>? Можно бы через него узнать, делалось ли это по выставкам в других губерниях; он же может предварительно поговорить об этом и с Левшиным. Я писал к Клеменцу, чтобы он выслал мне сюртук, два жилета и брюки; получил ли он письмо мое, не знаю, и намерен ли он шить; не знаю также, заплачено ли ему маменькой что-нибудь долгу, как она это обещала мне, а равно заплачен ли ею долг мой тебе, о чем я прошу тебя написать мне, чтобы принять меры, а также сколько именно я должен Клеменцу и Лауману и намерен ли первый выслать мне платье по моему требованию, ибо я нищ и наг и хожу, как Тришка, с протертыми рукавами, так как сюртуку моему скоро исполнится два года и он скоро начнет говорить.

От всей души целую Мишу, Евграшу и Надю, а тебя прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

C'est avec le plus grand plaisir que je me rappelle à Votre bon souvenir, ma chère et bonne soeur; dites-moi, comment avez Vous passé votre temps au village, qu'en pensez Vous, et enfin toutes les impressions que Vous en avez emportées. Quant à moi je passe ma vie assez tristement et je ne me sens vivre que lorsque je pense à Pétersbourg et à ceux que j'y ai laissés. Pour passer le temps je voudrais devenir amoureux et j'ai plusieurs fois tenté la chose; mais par malheur, il m'est toujours arrivé de tomber sur des juments, qui sont ici beaucoup plus intéressantes que les dames. Ah! c'est une bien triste chose, que de vivre à Viatka. C'est en ne Vous souhaitant pas d'éprouver cette chose, que je reste à tout jamais Votre dévoué frère

M. Saltikoff.

Mille chose à madame votre mère, ainsi qu'à madame Aline, dont malheureusement je ne suis pas l'Alsime[7].

Перевод: С величайшим удовольствием напоминаю Вам о себе, милая и любезная сестрица; напишите мне, как Вы провели время в деревне, что Вы о ней думаете и, наконец, обо всех впечатлениях, которые Вы там получили. Что касается меня, то моя жизнь проходит довольно печально, и я чувствую, что живу только тогда, когда думаю о Петербурге и о тех, кого я там оставил. Чтобы время прошло незаметно, я хотел бы влюбиться и уже много раз пытался это сделать; но, к несчастью, мое внимание привлекают кобылы, которые здесь гораздо интереснее дам. Ах! жизнь в Вятке очень грустна. Не желая Вам самим испытать ее, остаюсь навсегда преданный Ваш брат

М. Салтыков.

Тысяча пожеланий Вашей матушке, а также м-м Алине, для которой я, к сожалению, не Альсим [7].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 13—14.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 58—61.

---

[1] Д. Е. Салтыков провел часть лета в имении отца Спас-Угол, переходившем к нему по предстоящему разделу. Служил он в это время в Петербурге, в Лесном департаменте Министерства государственных имуществ, в должности столоначальника и в чине надворного советника.

[2] В недалеком будущем Салтыков действительно женился «не по вкусу маменьки», что привело к охлаждению ее отношения к сыну. См. об этом в последующих письмах.

[3] Братья Салтыкова — Сергей Евграфович и Николай Евграфович, не принадлежали к числу любимых сыновей Ольги Михайловны. Салтыков не раз выступал в защиту их имущественных интересов.

[4] Ермолино, в 10 верстах от села Спас-Угол, было благоприобретенным имением матери и ее любимой резиденцией. К Салтыкову оно не перешло.

[5] В отношении хлопот об освобождении из ссылки. Служебная деятельность Салтыкова протекала успешно.

[6] В 1850 году очередная сельскохозяйственная выставка северо-восточных губерний происходила в Вятке с 15 августа по 1 сентября. По представлению губернатора Середы министр государственных имуществ П. Д. Киселев назначил Салтыкова распорядителем и членом Комитета выставки. Некоторые из своих размышлений и выводов, связанных с такой выставкой, Салтыков включил в составленное им официальное описание ее. Оно было напечатано в «Вятск. губ. ведом.» (1851, №№ 4—7, отд. второй, ч. неоф.) и в «Журн. М-ва госуд. имуществ» (ч. XXXVIII, отд. 2, СПб., 1851, стр. 203—238). Фрагменты этой статьи см. Приложения, II.

Что касается надежд Салтыкова на то, что наградой ему за работу по организации выставки будет снятие надзора и возможность жить где пожелает, то они вновь не оправдались. Власти ограничились объявлением Салтыкову благодарности от имени министра государственных имуществ (*Аттестат*).

[7] В балладе Жуковского «Алина и Альсим» деспотическая власть разделяет влюбленных («Зачем, зачем Вы разорвали // Союз сердец»).

25. О. М. САЛТЫКОВОЙ

7 августа 1850. Вятка

Выписка из письма сделана О. М. Салтыковой

Спешу отвечать Вам, милая добрая маменька, на письмо Ваше от 16 июля, которое я получил 31-го; не знаю отчего, но письма Ваши гораздо медленнее доходят до меня, нежели письма брата из Питера, хотя расстояние гораздо короче. На предложение Ваше относительно отказа от папенькина имения я отвечаю Вам полным и беспрекословным моим согласием, и не премину подписать все бумаги, которые Вам угодно будет прислать мне по этому предмету. Я слишком уверен в Вашей заботливости обо мне и моей будущности, чтобы сомневаться, что я буду Вами обойден или обижен в чем-нибудь, да притом, если бы я был столь несчастлив, что мог бы когда-нибудь, вместо любви, подвергнуться Вашему гневу, то, во всяком случае, ничтожная часть, которая бы мне, по закону, следовала из папенькина имения, немного помогла бы делу. Во всяком случае, я прошу Вас думать, что денежные или другие корыстные соображения совершенно чужды меня, что я люблю Вас для Вас самих, а не для имения Вашего, и если прошу Вас и пользуюсь Вашим денежным вспоможением, то это только потому, что знаю готовность Вашу помочь мне, знаю доброту Вашу и думаю, что помощь эта не тяготит Вас, и потому меня весьма приятно тронула уверенность Ваша в моем согласии и обращение к чувствам моего сердца, которое всегда и везде будет принадлежать Вам. Если я и желал иногда Спасского, то это потому, что я имел некоторые наклонности к хозяйству, думал оставить службу и заняться устройством этого имения по моим планам. Впрочем, я никогда не имел на это видов и всегда, напротив, думал, что оно, по праву, принадлежит брату Дмитрию.— Притом я умоляю Вас, милая маменька, считать нас всех детьми Вашими наравне, и если брат Николай имел несчастие заслужить вашу немилость[1], то я прошу Вас забыть его проступки. Кроме сего, я

имею к Вам две просьбы, а именно, первая состоит в том, что я желал бы, чтобы в отказном акте было упомянуто, что я отказываюсь от части в папенькином имении без всякого за то вознаграждения, чтоб более Вас моей уверенностию и покорностию успокоить; желаю, чтобы судьба моя была в полном Вашем распоряжении. Вторая просьба моя состоит в том, чтобы отпустить Платона на волю теперь же, не вынуждая его жениться[2]. Человек этот с детских лет служит мне, и я от него, кроме усердия и честности, ничего не видал. Я уверен, что он, будучи отпущен на волю, будет служить мне точно так же и на тех же основаниях, как и теперь, потому что я ему помогаю, трудно будет найти столь заботливого господина, как я. Притом я желал бы оказать ему, что усердие для него не пропадает даром, и я уверен, что Вы захотите показать мне еще новый знак Вашего расположения, не отказав мне в этой просьбе, которая весьма близка моему сердцу.

Далее приписка О. М. Салтыковой:

Тем оканчивает о сем предмете, а далее описывает только о своих занятиях и сожаление, что не надеется получить место советника (которое слава богу, получил); пишет, что здоров, и с нетерпением ждет по возвращении твоем в Питер от тебя известия.

Печатается по копии, снятой О. М. Салтыковой с части письма и посланной ею Д. Е. Салтыкову: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 11, № 320.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 57—58.

Датируется на основании слов письма к Д. Е. и А. Я. Салтыковым от 7 августа 1850 года (24): «Вместе с этим я пишу ответ и маменьке...»

По поводу комментируемого письма Ольга Михайловна писала Дмитрию Евграфовичу 14 августа 1850 года (из Заозерья): «О Михайле и говорить нечего. Я получила от него письмо, который своими благородными поступками меня так тронул, что я, читая его письмо, рыдала». См. Приложения, I.

---

[1] Второй из старших братьев Салтыкова — талантливый, образованный (окончил Московский университет), рано умерший Николай Евграфович, был, в глазах родителей, «постылым неудачником». Ольга Михайловна называла его «злодеем», «тираном всего семейства», «мучителем своего сердца» и т. п. Некоторые черты личности и судьбы Николая Евграфовича художественно воплощены Салтыковым в образах Степки-балбеса в «Господах Головлевых» и Степана Затрапезного в «Пошехонской старине».

[2] Из дальнейших писем не видно, была ли удовлетворена просьба Салтыкова о воле для своего крепостного дядьки.

26. Д. Е. САЛТЫКОВУ

26 августа 1850. Вятка

Вятка. 26 августа.

Пишу к тебе, любезный друг и брат, письмо это весьма коротко, потому что решительно не имею никакой возможности писать более; с утра до вечера сижу на выставке; считаю деньги и пр. Через неделю напишу тебе обо всем подробно, а теперь только благодарю тебя за известие о назначении меня советником и за все твои дружеские желания. Так как мне необходим мундир, то будь так добр, скажи Клеменцу, не может ли он сделать мне и выслать так, чтобы он был в Вятке 1-го октября. Сверх того, я попросил бы тебя купить мне 2-й, 4-й, 10-й, 9-й, 12-й и 13-й томы Свода законов, как наиболее мне необходимые, и выслать тоже как можно скорее со всеми продолжениями;[1] деньги же я вышлю при первом получении советнического жалованья. Ради бога, любезный друг, не оставь меня в этом случае, потому что, несмотря на кажущуюся щедрость маменьки, я весьма часто сижу по целым месяцам без гроша. Да еще бы нужно и шпагу с темляком, потому что в Вятке решительно ничего сносного найти нельзя.

Что касается до раздела имения, то я не много имею в этом отношении надежд. Я писал уже тебе мое мнение об этом и в следующем письме буду еще подробно писать.

Целую сестрицу и всех твоих детей, а также братьев Сережу и Илю.

Всем им я буду отвечать через неделю, а теперь, право, некогда.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 15—16.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 61.

---

[1] Кроме томов Свода законов, нужных ему для работы, Салтыков выписывал в Вятку, вероятно через В. А. Милютина и других своих друзей, книги западных историков, публицистов и философов: Ч. Беккариа, А. Токвиля, П. Шеруэля и др. См. Приложения, III.

27. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

16 сентября 1850. Вятка

Вятка. 16 сентября.

С особенным удовольствием поздравляю тебя, любезный друг и брат, с наступающими именинами твоими, а также с именинами милой племянницы Наденьки, которую я от всей души целую. Я хотел послать тебе в подарок на память обо мне шкатулку с железными вещами вятской работы, и отличной, могу сказать, но не успел, потому что вещи не могут поспеть ранее половины октября, когда я и вышлю их к тебе; во всяком случае, прошу тебя считать их за мною в недоимке.

Я получил от маменьки ответ на письмо мое[1], с которого копию, как она пишет, она послала к тебе. Относительно распоряжений своих по имению на случай смерти она ничего не пишет, как разве только то, что при личном свидании со мною покажет мне свое завещание; пишет еще, что она устроивает для меня в Ермолине усадьбу[2], о чем я, впрочем, уже знал из твоего письма ко мне. Я довольно спокоен на свой счет в этом отношении и полагаю, что обижен не буду. Более всего меня мучит участь брата Сережи. На вопрос мой о нем маменька отвечает, что она не имела намерения отстранить его от наследства в ее имении, но только желает, чтобы он доверился ей и подписал отказной акт от папенькиного имения без всякого за то немедленного вознаграждения, точно так же, как это делаю я. Пожалуйста, убеди его к этому, скажи ему, что я прошу его об этом, любя его искренно, и что этим он скорее выиграет, нежели проиграет, тем более что 10 т. р. с., которые следуют за часть в папенькином имении, вовсе не так важны. Во всяком случае, я беру на себя всю ответственность в отношении к нему, если он из имения маменьки не получит часть, по крайней мере, равную этим деньгам, и в несчастном случае обязуюсь выделить ему такую часть из своего имения, если у меня самого что-нибудь будет. Я не пишу к нему, потому что чувствую решительный недостаток времени. О брате же Николае маменька ничего решительного не пишет, но из тона письма ее я должен заключить, что она решительно не хочет делать его помещиком. Твое предположение о разделе имения весьма хорошо и справедливо, но, во всяком случае, я полагаю лучше предоставить это дело тому течению, которое оно приняло в настоящее время, чем заводить новую переписку, которая бог весть когда и чем кончится. Я бы советовал тебе кончать скорее с Спасским, и если

прочие братья согласны на передачу тебе этого имения, то я и тем более согласен. Маменька пишет, что ты хочешь уничтожить в Спасском запашку; я удивляюсь этому, потому что на оброке это имение даст гораздо менее, нежели на запашке.

Маменька мне уже два раза пишет, что она желала бы видеть меня женатым; я отвечал ей, что я никогда не думал жениться, и что, напротив того, имею твердое намерение остаться холостым; любопытно было бы знать мне, однако же, не имеет ли она кого-нибудь в виду для меня; не знаешь ли ты чего-нибудь об этом? Это весьма меня интересует [3].

Здешний губернатор, как кажется, хлопочет о месте в Петербурге, и едва ли ему это не удастся; это будет весьма для меня прискорбно, потому что он весьма ко мне внимателен и без него меня здесь давно бы съели бог знает за что и про что, потому что я чувствую себя ни душой, ни телом не виноватым ни против кого. Назначение меня советником многих против меня вооружило [4], а также и то, что я пользуюсь расположением губернатора; все думают, что я имею влияние на дела, тогда как я, по деликатности своей, никогда ни о чем даже не говорю с губернатором, кроме как о себе собственно и о делах, касающихся до моей личной службы.

Уведомь меня, сделай милость, возможно ли исполнение моих просьб относительно платья, мундира и законов; я в настоящее время совершенно обносился платьем, а мундир и законы мне необходимы. Еще месяц — и я должен буду ходить с протертыми рукавами, как Тришка. Можно ли мне будет проситься в отпуск нынешней зимой и хоть на несколько времени в Петербург, где мне желалось бы возобновить некоторые знакомства и похлопотать лично о своем освобождении? [5] Сделай одолжение, напиши мне, не ожидается ли чего-нибудь к 20-му ноября и могу ли я надеяться?

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя поцеловать от меня всех своих деток, а также братьев Сережу и Илю. Прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous remercie de tout mon coeur, ma bonne et très chère soeur Adélaide, de la bonté que Vous avez eue en m'écrivant. Je Vous félicite en même temps de la fête de Dmitry, ainsi que de celle de la petite Nadine, qui aura lieu demain. Croyez-moi que je fais tous mes voeux pour Votre bonheur et pour celui de tous les Vôtres. Mille choses de ma part à madame Votre mère ainsi qu'à madame Aline.

Je Vous supplie de ne pas oublier Votre dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: От всего сердца благодарю Вас, добрая и дорогая сестрица Адель, за доброту, с которой Вы мне написали. Поздравляю Вас в то же время с именинами Дмитрия, а также маленькой Нади, которые будут завтра. Верьте, что я горячо желаю счастья Вам и всем Вашим. Тысяча пожеланий от меня Вашей матушке и м-м Алине. Очень прошу Вас не забывать преданного Вам *М. Салтыкова.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 17—18.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и к А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 62—63, и т. XIX, стр. 42.

---

[1] См. письмо 25.

[2] Это намерение, свидетельствовавшее о преимущественном, в то время, благоволении Ольги Михайловны к Салтыкову, не было осуществлено. О Ермолине см. прим. 4 к письму 24.

[3] О матримониальных планах Ольги Михайловны в отношении Салтыкова см. в письме 28.

[4] В должности советника Салтыкову было поручено Второе отделение Губернского правления. Оно контролировало хозяйственно-административный аппарат и экономическую жизнь губернии, в частности, производство разного рода торгов и подрядов. Это была область, где царила всесильная и практически узаконенная дореформенная взятка. Салтыков объявил ей беспощадную войну, чем вооружил против себя многих. В хозяйственную сферу деятельности Салтыкова входили иногда и «дела» с прямой политической подкладкой, как, например, «дело» о волнениях крестьян в Слободском уезде (см. письмо 66) или «дела» о розыске подлежащих конфискации имений и капиталов одного из руководителей аристократического крыла польской эмиграции в Париже, друга Лермонтова гр. Ксаверия Браницкого и участника июльского восстания 1831 года Ярослава Тышкевича (*ГА Киров. обл.,* ф. 583, оп. 604, ед. хр. 292 и 295).

[5] Намерение проситься в отпуск не получило поддержки со стороны родных. О. М. Салтыкова писала по этому поводу Дмитрию Евграфовичу 24 сентября 1850 года: «Михайла пишет, что ему хочется побывать в Петер<бурге> и похлопотать о своем прощении, о чем он тебе писал. Надо остановить его в этом» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 133, л. 20).

28. Д. Е. САЛТЫКОВУ

14 октября 1850. Вятка

Вятка. 14 октября.

Спешу отвечать, любезный друг и брат, на письмо твое от 3-го октября, только что сейчас мною полученное. И во-первых, благодарю тебя за родственное участие ко мне; жаль

только, что я редко получаю от тебя письма; если тебе некогда, то ты попросил бы хоть брата Илью писать ко мне, тем более что неразрешение некоторых вопросов весьма меня беспокоит. Очень рад, что брат Иля выдержал экзамен в школу, желал бы я знать, в который класс; рад также, что и Сережа переходит в Гвард. экипаж, и обоих их от души целую; теперь все вы, кроме меня и Николая, будете вместе. Благодарю тебя за посылку Свода и мундирных принадлежностей; я их еще не получил, но жду с следующею почтой. Что же касается до Клеменца, то он бессовестно солгал тебе, сказав, что выслал уже платье ко мне; я ничего не получал и нахожусь теперь в самом критическом положении, почти не в чем ходить. Вероятно, он забыл даже, что я ему заказывал, и оттого лжет. Сделай милость, понудь его к высылке вещей, а именно: сюртука, двух брюк (черных и цветных) и двух жилетов (белого и цветного), а также мундира, с которым, без наблюдения, будет та же история, что и с прочим платьем. Деньги за законы и шпагу я вышлю к тебе в след<ующем> месяце непременно. Чина я действительно не получил, и это немало меня огорчило, потому что срок выслуги мне минет 26 апреля будущего года, а представлять можно только в феврале след<ующего>. Я буду произведен в колл<ежские> асессоры не ранее июня 1852 года[1]. Ты не поверишь, до какой степени изумило меня известие о видах маменьки относительно девицы Строминовой![2] Я удивляюсь, что̀ за охота и думать об этом, потому что я решительно заранее отказываюсь от всех Строминовых и комп. Я рад, что Милютин адъюнкт-профессором[3], но тем не менее не весьма мне весело, что он совершенно ко мне не пишет; вообще все мои петербургские знакомцы меня забыли, и я ни от кого никаких известий не получаю, да и сам никому не пишу. Прошу тебя, милый брат, засвидетельствовать сестрице Адели всю мою благодарность за ее память обо мне и сказать ей, что я не пишу к ней, во-первых, потому, что сейчас отходит почта, а во-вторых, потому, что спешу в Губ<ернское> правление.

Поцелуй за меня также Мишу, Евграшу и милую Надю. Прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 19—20. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 63—64.

---

[1] В коллежские асессоры Салтыков был произведен 13 апреля 1852 года. См. письмо 17, прим. 2.

[2] Ольга Михайловна мечтала в это время не только о помещичьем устройстве Салтыкова в ее любимом имении Ермолино (см. письма 24 и 27), но и о женитьбе его на одной из девиц из семейства соседей-помещиков Стромиловых.

[3] В. А. Милютин стал адъюнкт-профессором юридического факультета С.-Петербургского университета, по кафедрам государственного и полицейского права, в сентябре 1850 года.

29. Д. Е. САЛТЫКОВУ

6 ноября 1850. Вятка

Вятка. 6 ноября.

Извини меня, любезный друг и брат, что так давно не беседовал с тобою; дело в том, что вскоре после последнего моего письма к тебе я так сильно заболел ревматизмом во всем теле, что буквально не мог пошевельнуть ни ногою, ни рукою; даже пальцы мои распухли от боли; так продолжалось целых три недели, и я теперь только едва-едва начинаю оправляться, но все еще не выхожу из своей квартиры [1]. Вскоре после твоего письма я получил от Клеменца платье, но не мундир, которого я жду не дождусь, и не знаю, как мне быть 20 ноября, когда все чиновники являются к начальству в мундирах [2]. Если тебе не затруднительно, сделай милость, потрудись зайти к Клеменцу и понудить его к высылке, тем более что у меня одна только шпага, тобою присланная, которая в настоящее время ровно ни к какому употреблению не служит. Деньги за шпагу и Св<од> законов я вышлю к тебе непременно по получении первого жалованья. Болезнь моя совершенно расстроила мои финансы, и я ждал от маменьки к моим именинам денег, тем более что уже я полтора м<еся>ца тому назад получил от нее в последний раз 100 р. с., но вместо этого получил поздравление и обещание какого-то подарка, еще не готового, должно быть, портмоне или что-нибудь в этом роде изделия домашних граций. Сделай милость, впрочем, не показывай этого письма братьям; я боюсь, что они с свойственною им братскою любезностью передадут это маменьке. Странное и прискорбное дело! Я все меры и убеждения употребляю и в каждом почти письме прошу маменьку о равной любви ко всем, и между тем повернулся же язык у С<ергея> Е<вграфовича> насплетничать на меня маменьке, тогда как я всегда особенно об нем, как не

совсем любимом, жалел и ходатайствовал и уж далеко не старался чем-либо ему повредить. Впрочем, молодости его это извинительно. Кстати, об именинах: поздравляю тебя и милую сестрицу Адель, которую тысячекратно целую, с именинником Мишей; передай ему мой искренний родственный поцелуй и возобновление моего обещания сделать его наследником всех моих владений, если таковые в наличности обретутся. Скажи сестрице, что я не пишу ей потому, что рука моя еще слишком слаба. Поздравь от меня также и Михаила Ник<олаевича> Гринвальда с именинами и поцелуй ручки Алины Яковлевны, о которой я вспоминаю всегда с особенною благодарностью за участие, которое она принимала во мне во время печальной катастрофы, столь неожиданно удалившей меня из среды вашей[3]. Разумеется, не забудь в этом всеобщем лобызании рук ее превосходительства и губ почтенных братцев, племянника Евграфа Дмитриевича и племянницы Нади. Всех я вас люблю и обнимаю, и желаю наслаждаться вероятным фестивалем у Гринвальда; что до меня, то я не намерен делать фестиваля 8 ноября, а даст за меня бал на весь мир аптекарь на мой счет. Любящий тебя брат

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 21—22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 64—65.

---

[1] О постигшей Салтыкова «жестокой болезни», во время которой он «сильно страдал», см. в воспоминаниях дочери лечившего его врача Н. В. Ионина (*Спасская,* стр. 536).

[2] В день 20 ноября праздновалось восшествие на «всероссийский престол» Николая I.

[3] В чем именно выразилось участие А. Я. Гринвальд к Салтыкову в дни его ареста в апреле 1848 года — остается неизвестным.

30. Д. Е., А. Я. и С. Е. САЛТЫКОВЫМ

18 ноября 1850. Вятка

Вятка. 18 ноября.

Премного благодарю тебя, любезный друг и брат, за память обо мне и за поздравление с именинами[1]. И тебя поздравляю с именинником Мишей, а также и с будущим именинником Евграшей, которым от всей души желаю всего лучшего.

Очень рад, что маменька, как ты пишешь, опять будет в Петербург, и если она в настоящее время уже у вас, то прошу тебя поцеловать ее ручки и сказать ей, что я, слава богу, здоров. Если можно, то упроси маменьку возобновить ходатайство обо мне;[2] только я желал бы, чтобы это было не через Комиссию прошений, а через графа Орлова или через князя Чернышева, потому что всеподданнейшими прошениями государя беспокоить часто не должно. Во всяком случае, прежде приступа к этому делу, прошу тебя уведомить меня, потому что, если вы думаете просить князя Чернышева, то я напишу к некоторым лицам письма с просьбою о ходатайстве за меня. Впрочем, делайте как удобнее, и если найдете, что нынче ходатайствовать еще рано, то я во всем полагаюсь на ваше благоразумие и вполне отдаюсь ему. Клеменц просто несносный лгун, который оставляет меня о сю пору без мундира, между тем он беспрестанно мне нужен, потому что в Губ<ернском> правлении весьма часто бывают чрезвычайные заседания и я бываю вынужден выходить из присутствия. Платье я действительно получил, но не мундир, и если он действительно его выслал, то пусть пришлет квитанцию почтамта для вытребования. Впрочем, все это ложь, и я уверен, что он и не думал его высылать. Все это тем более досадно, что 20-го числа парад[3], и я не в состоянии принять в нем участие без мундира, что̀ может подать повод к различным сплетням, для меня обидным. Хоть бы к 6-му декабря выслал[4]. Впрочем, извини, что я беспокою тебя этим; действительно советник без мундира обходиться не может, и я нахожусь в самом затруднительном и неприятном положении, ибо вот уже 3 месяца, как я правлю должность[5], и все еще не имею мундира. Шпагу и законы я получил и сердечно благодарю тебя за них; деньги же, затраченные тобою, ты непременно получишь в начале будущего месяца.

Прощай, любезный брат, пожалуйста, пиши мне хоть немного и не забывай искренно любящего тебя брата

М. Салтыкова.

Je Vous remercie, ma bonne et chère soeur Adélaide, de Votre obligeant souvenir. Croyez-moi, que je suis très sensible et que je comprends et apprécie fort bien tout ce que Vous avez de bonté et d'amitié pour moi. Je Vous prie d'embrasser pour moi Vos chers enfants, et de dire de ma part mille bonnes choses à Madame Aline ainsi qu'à Madame Votre mère. Je n'écris pas à

M-r Grunwald pour le féliciter de sa fête passée, parce que c'est un malotru qui n'a pas répondu à aucune de mes lettres, ce qu'est tout à fait contraire à toutes les règles de l'urbanité la plus simple[7]. Sur ce je Vous dis mon adieu fraternel.

M. Saltikoff.

Благодарю тебя, друг Сережа, за память обо мне; прошу тебя верить, что и я с своей стороны помню о тебе. Очень рад, что ты не скучаешь, и всего более рекомендую жить в мире с родными. Прощай, поцелуй от меня Илю[6].

М. Салтыков.

Перевод: Благодарю Вас, добрая и любезная сестрица Адель, за Вашу любезную память обо мне. Верьте мне, что я очень чувствителен и хорошо понимаю и ценю всю Вашу доброту и дружбу по отношению ко мне. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших милых детей и передать от меня тысячу добрых пожеланий мадам Алине и Вашей матушке. Я не пишу поздравлений г-ну Гринвальду с его прошедшими именинами, потому что этот грубиян не ответил ни на одно из моих писем, что противоречит всем элементарнейшим правилам приличия[7]. Посылаю Вам свой братский привет.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 2—3.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 65—67.

---

[1] День именин Салтыкова — 22 ноября ст. ст.

[2] После трехкратного отклонения прошения родителей Салтыкова о снятии с него надзора и разрешении уехать из Вятки (первые два — в 1849 г., третье — в 1850 г.) Ольга Михайловна медлила с подачей нового ходатайства.

[3] О «параде» в день 20 ноября — официальном приеме чиновников губернатором — см. в предыд. письме.

[4] 6 декабря было также одним из «царских дней» — днем тезоименитства Николая I.

[5] Должность советника Губернского правления (см. прим. 4 к письму 27).

[6] Младшего брата Салтыкова — Илью Евграфовича.

[7] Письма Салтыкова к М. Н. Гринвальду неизвестны.

1851

31. Д. Е. САЛТЫКОВУ

6 января 1851. Вятка

Вятка. 6 января.

Письмо это, любезный друг и брат, доставит к тебе Наталья Николаевна Середа, которая вызвалась также доставить к тебе и две вещи: во-первых, давно обещанную мною шкатулку с железными изделиями и, во-вторых, портфёль вятской работы, который я прошу принять милую сестрицу Адель. Я имею еще кое-что для нее, но не прислали еще мне из Оренбурга, а именно, платок из козьего пуху отличной работы. Впрочем, я надеюсь в скором времени и это выслать к тебе. Я думаю, маменька уже уехала из Петербурга, и потому откровенно признаюсь тебе, что письмо ее несколько меня озадачило. Я ждал денег, которых не получал с сентября месяца и по сие время ни копейки, и вместо этого получил выговор. А между тем я весь в долгах, потому что целый месяц был болен и эта болезнь стоила мне, по крайней мере, 100 р. сер. Эта причина препятствовала мне отдать тебе долг мой за шпагу и законы, который я, впрочем, надеюсь тебе выслать при первой высылке от маменьки денег. Ты весьма меня обяжешь, любезный друг, если познакомишься с Натальей Николаевной и познакомишь ее с сестрицей Аделью. Я обязан ей собственно тем, что не удавился и не застрелился до сих пор в Вятке, ибо нашел в ней истинно материнское к себе участие [1]. Она едет в Петербург с целью определить в казенные заведения детей своих [2], и потому если бы понадобилась ей в чем-нибудь твоя помощь, то ты бы сделал мне великое одолжение, взявшись руководить ее в этом случае. Я, вслед за этим письмом, думаю подать просьбу об отпуске и пишу к министру вн<утренних> дел; [3] если маменька совершенно отказывается от всякого ходатайства по моему делу, предпочитая хлопотать о выеденном яйце, то мне ничего другого не остается, как ходатайствовать

о себе самому, хотя я очень хорошо понимаю, что рискую испортить свое дело совершенно. Одно меня немного смущает: если я и выхлопочу себе отпуск, то боюсь, что не попаду в Петербург, ибо в Петербург надобно ехать с деньгами, а маменька, может быть, не даст их. Во всяком случае, я первоначально спишусь с нею, и если она откажет мне в этом, то я и вовсе не воспользуюсь отпуском.

От всей души целую сестрицу Адель и всех твоих, а тебя прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 4—5.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 67—68.

---

[1] О Наталье Николаевне Середе см. в прим. 2 к письму 18.

[2] Один из сыновей Середы был определен в Александровский лицей, другой — в Николаевский кадетский корпус в Петербурге.

[3] Намерение это не было осуществлено. Министром внутренних дел был тогда Л. А. Перовский.

32. Д. Е. САЛТЫКОВУ

18 января 1851. Вятка

Вятка. 18 января.

Письмо это доставит тебе, любезный друг и брат, добрый мой знакомый Наркиз Игнатьевич Циолковский, едущий в Петербург с вице-губернатором [1]. Надеюсь, что ты примешь его с тем радушием, с каким он принимал меня в Вятке. Вице-губернатор едет в Петербург с целью переменить службу и поступить в управляющие Палатой государственных имуществ, что̀ уже ему обещано. Он остановится в той же самой квартире, в которой останавливался в бытность свою в Петербурге в третьем году, и обещал мне быть у тебя. Я полагаю, если ты не получил еще, то на днях получишь подобное же письмо от нашей губернаторши Натальи Николаевны Середы, с которой я послал тебе некоторые вещи. Об адресе ее ты можешь узнать от Наркиза Игнатьевича; но не знаю еще, приехала ли она в Петербург, а обещала мне дать тебе знать о себе тотчас по приезде. Я прошу тебя познакомиться с нею, потому что это во всех отношениях отличная женщина. Я уж давненько не получаю от тебя никаких известий, и меня это

довольно беспокоит; впрочем, полагаю, что дела твои, как и прежде, отнимают у тебя все время. Растолкуй мне, ради бога, что за причина, что маменька написала мне такое грозное письмо, в котором выразила, что ей тягостно хлопотать за меня. Неужели мое дело так безнадежно?[2] Напиши мне, пожалуйста, в подробности, что̀ именно препятствует моему освобождению, если ты не находишь удобным сделать это по почте, то с Натальей Николаевной, которая в конце февраля возвращается в Вятку. Я с прошлою почтой писал к Милютину и просил его мнения, могу ли я на что-нибудь надеяться, в случае перехода на службу в Петербург, и если он напишет мне что-нибудь благоприятное, то решаюсь писать к министру внутр<енних> дел и просить его о ходатайстве за меня[3]. Одобришь ли ты этот образ действий; сделай милость, уведомь меня. Я решительно бедствую; с сентября м<еся>ца и по сие время маменька не высылает мне ни копейки, и я влез по уши в долги. Впрочем, даст бог, я и совсем, может быть, освобожусь от их денег, потому что не люблю я этого постоянного «много шуму из пустяков». Поздравляю тебя с будущим днем рождения милой сестрицы Адели; от всего сердца желаю ей всего лучшего. Затем целую тебя, сестрицу и всех твоих детей, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 6—7. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 68—69.

---

[1] Н. И. Циолковский служил в Вятке чиновником особых поручений при губернаторе. Вятским вице-губернатором был в это время С. А. Костливцев, в прошлом царскосельский лицеист.

[2] Салтыков не был полностью информирован о непреодолимых пока препятствиях, стоявших на пути его освобождения из «вятского плена». Он не знал тогда о двух резолюциях: «Рано», наложенных на ходатайства о его прощении, 1849 и 1850 годов, самим Николаем I (ср. прим. 2 к письму 16). Нерешительность матери подать в этих обстоятельствах новое, четвертое по счету, прошение он воспринял как знак того, что даже близкие ему свыклись с его положением.

[3] Письмо к В. А. Милютину неизвестно; письмо к министру Л. А. Перовскому не было написано.

33. Д. Е. САЛТЫКОВУ

22 января 1851. Вятка

Вятка. 22 января.

Я думаю, уже ты получил, любезный друг и брат, два письма мои: одно от Натальи Николаевны Середы, а другое от Циолковского, а также вещи, которые Наталья Николаевна вызвалась доставить к тебе. Я так давно не получаю от тебя никакого известия, что не знаю даже, помнишь ли ты, что есть у тебя на свете брат. Впрочем, будучи сам занят службою, я иногда и сам понимаю, что она может отнимать все досуги. Напиши мне, пожалуйста, как идут твои дела; что касается до меня, то дела мои идут совсем плохо. Бросили меня все, и знакомые и родные, так что я не знаю, что со мною будет, а ожидаю не много хорошего, потому что само собою разумеется, что если никто за меня хлопотать не будет, то я навсегда могу остаться в Вятке, где я во всех отношениях гибну среди нелепых бумаг Губернского правления и подлейшего бостона. Думают многие, что я много выиграл в Вятке по службе, а между тем все мои товарищи или коллежские асессоры, или надворные советники давным-давно, а я, по милости Вятки, имею такой чин, с которым ни на какую сколько-нибудь значительную должность не посадят [1]. Маменька мне не пишет и денег не высылает. Я с сентября месяца не получал ни копейки от нее; это уж такая метода: сначала высылают много, а потом и посадят на сухоядение, как будто бы из того, что полгода жил более нежели в довольстве, следует, чтобы другие полгода голодать. Я полагаю, что они думают, что я как советник должен иметь посторонние доходы; если это так, то они ошибаются, потому что никогда рука моя не осквернится взяточничеством [2]. Поэтому я весь погряз в долгах и не знаю, право, куда все это поведет, потому что как они пришлют мне денег, то я должен буду в ту же минуту их раздать. Впрочем, Наталья Николаевна, которая принимает в судьбе моей живое и истинно родственное участие, может подробно описать тебе мое положение, а я надеюсь, что ты познакомишься с ней.

Я полагаю, что Наталья Николаевна уже в Петербурге и дала тебе знать, где она квартирует; но так как я адреса ее не знаю, то прошу тебя передать ей прилагаемое при сем письмо и на будущее время прошу тебя не отказать мне в этой услуге; ты можешь ей передать все, что желаешь, касающееся до меня. Поздравляю тебя с наступающим днем рождения сестрицы Адели и желаю и ей, и тебе, и всем твоим всего луч-

шего в мире. Прошу тебя передать всем им мой дружеский поцелуй. Затем прошу тебя извинить меня за докуку, которую доставляю тебе настоящим моим мараньем, и не забывать искренно любящего тебя брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 8—9.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 69—70.

---

[1] Салтыков имел в это время всего лишь чин титулярного советника, но, однако, занимал весьма ответственную, в провинциальной администрации, должность советника Губернского правления.

[2] Рассказы о честности и неподкупности Салтыкова-чиновника — качествах редких для нравов эпохи и среды — долго бытовали в Вятке и после его отъезда оттуда. См., например, «Русская старина», 1890, кн. 6, стр. 713—714.

34. А. Я. САЛТЫКОВОЙ

29 января 1851. Вятка

Wiatka. Le 29 janvier.

Je Vous remercie, ma bonne et chère soeur Adèle, de Votre bon souvenir et des sentiments que Vous m'exprimez dans Votre lettre. J'éspère que Vous avez déjà eu l'occasion de faire connaissance avec ma bonne amie, madame Séréda qui m'a formellement promis de venir Vous voir, si mon frère Dmitry veut bien l'engager. J'éspère aussi que Vous avez reçu le portefeuille que je Vous ai envoyé par son entremise; je souhaite bien qu'elle Vous plaise. J'ai encore un petit cadeau à Vous faire, et m-me Séréda Vous en fera part; c'est une écharpe ou plutôt un mouchoir en duvet de chèvre, qu'on prépare à Orenburg et qui sont éxcellents. Je l'ai déjà commandé il y a un mois par l'entremise de madame Séréda, mais jusqu'à présent je n'ai pas pu le recevoir. Quant à moi personnellement, je passe mon temps d'une manière bien triste, surtout après le départ de m-me Séréda. Veuillez bien lui passer de ma part outre la lettre ci-jointe toutes les paroles d'amitié que Vous trouvez convenables. Je Vous souhaite tout le bonheur possible à propos de Votre jour de naissance et je fais les voeux les plus sincères pour votre félicité. Je Vous prie d'embrasser tous vos enfants et de ne pas oublier celui qui Vous est bien dévoué.

M. Soltykoff.

Перевод: Вятка, 29 января. Благодарю Вас, милая и любезная сестрица Адель, за Вашу добрую память обо мне и за чувства, которые Вы мне выражаете в Вашем письме. Я надеюсь, что Вы уже имели случай познакомиться с моим добрым другом, м-м Середой, которая обещала мне обязательно повидаться с Вами, если мой брат Дмитрий пожелает ее пригласить. Надеюсь также, что Вы получили бумажник, который я с ней отправил Вам; я очень хотел бы, чтобы он Вам понравился. У меня есть для Вас еще маленький подарок, и м-м Середа Вам о нем расскажет. Это шарф или, скорее, платок из козьего пуха, которые выделываются в Оренбурге и которые превосходны. Я заказал его уже месяц тому назад при посредстве м-м Середы, но до сих пор не мог получить. Что касается лично меня самого, то я провожу время очень печально, особенно после отъезда м-м Середы. Будьте добры, передайте ей от меня, помимо прилагаемого письма, все уверения в дружбе, какие Вы только найдете подходящими. Желаю Вам самого большого счастья по случаю Вашего дня рождения и шлю Вам самые искренние пожелания благополучия. Прошу Вас поцеловать Ваших детей и не забывать того, кто Вам так предан.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, л. 12.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 71—72.

35. Д. Е. САЛТЫКОВУ

29 января 1851. Вятка

Вятка. 29 января.

Сейчас получил я письмо твое, любезный друг и брат, и спешу тебе отвечать на него. Маменька мне на днях прислала<...> бумагу о твоем отделе; я подпис<ываю ее> и отсылаю с нынешней же почтой; <так> как Платон мой просил меня <возбудить> ходатайство об том, чтобы сестра <его> Иванова с дочерью были отделены, вме<сте> со всем семейством, то я, полагая, что ты не будешь этому противиться, пишу маменьке, нельзя ли это сделать, не оговоривши, однако ж, ничего в моей подписи[1]. Маменька пишет также в двух письмах, что папенька тяжело болен, а в последнем даже прибавляет, что почти нет надежды. Это весьма меня огорчает, тем более что я почти шесть лет никого не видел из родных. Ты пишешь мне, чтобы я просился в отпуск, но я едва ли могу это сделать, да и, признаюсь, боюсь этою просьбой повредить моему <переводу>. Мне хотелось бы совсем перейти в <Петер>бург на службу, но и это желание, <как ты> пишешь

мне, неисполнимо. Я <хо>жу во тьме по этому делу и наде-<юсь, что> ты найдешь возможность разъяснить мне мое положение. Благодарю тебя, любезный друг, за обещание твое познакомиться с Натальей Николаевной, которая мне много сделала добра. Прилагаю при сем письмо к ней, которое и прошу тебя ей передать, равно как и то, которое я послал к тебе на прошлой неделе. В половине марта едет в Петербург наш управляющий Палатой госуд<арственных> им<уществ>, и это весьма хороший человек, который принимает во мне участие и у которого я принят как нельзя лучше[2]. Прошу тебя и с ним познакомиться, а впрочем, <он> сам вызывался доставить от меня <пись>мо к тебе, что я и исполню. Он знаком весьма с гр. Ламздорфом и сказыва<л> мне, что если тебе что-нибудь нужно, то <он> готов всегда быть посредником[3]. О бра<те> Илье я узнал через детей его, которые <с ним> вместе учатся, что он один из первых в школе, чему я до крайности рад, хотя и не могу не быть в некоторой претензии, что я об нем должен узнавать не через него, а через посторонних людей, ибо я, тщетно ожидая каких-либо известий о нем, просил Круковского написать к своим детям, не знают ли они, что́ с ним делается[4].

Я все еще думаю о Петербурге и питаю надежду возвратиться туда; сделай милость, уведомь меня, неужели нет никакой возможности ходатайствовать, и когда эта возможность будет. <Я> не знаю еще положительно, но губернатор[5], <ка>жется, хочет меня к чему-то представлять; <я т>ак сделался ко всему равнодушен, что <мен>я интересует только одно: быть в <Петер>бурге. Тем более терзает меня эта <мы>сль, что губернатор не оставляет своего намерения перейти из Вятки, а бог знает, каков будет для меня новый губернатор. Спроси, пожалуйста, при свидании у Натальи Николаевны, останется ли А<ким> И<ванович> в Вятке, и попроси ее, чтобы она уведомила меня об этом. Я прилагаю при сем письмо к сестрице и брату Сереже. Затем прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 10—11.

Бумага повреждена, утраченная часть текста восстанавливается предположительно.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 70—71.

---

[1] По раздельному Акту 1851 года родовое поместье Салтыковых Спас-Угол предназначалось во владение Дмитрию Евграфовичу. Среди переходивших к нему крепостных людей находился дядька Салтыкова, Платон,

вместе с дочерью и сестрой. Была ли удовлетворена просьба Салтыкова о них — неизвестно. Не рискуя раздражить мать, он не внес соответствующую оговорку в Акт при его подписании. «От Миши получила Акта копию, им совершенно во всем беспрекословно подписанного»,— сообщила Ольга Михайловна Дмитрию Евграфовичу в письме от 15 февраля 1851 года (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 9, № 134, л. 18 об.).

[2] В. Е. Круковский. Он выехал из Вятки в Петербург 11 марта 1851 года. См. письма 40 и 41.

[3] Гр. Н. М. Ламздорф занимал пост директора Лесного департамента Министерства государственных имуществ. В этом департаменте служил Дмитрий Евграфович.

[4] Младший брат Салтыкова Илья учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге.

[5] Аким Иванович Середа.

36. Д. Е. САЛТЫКОВУ

5 февраля 1851. Вятка

Вятка. 5 февраля.

Сегодня получил я письмо от маменьки, которая пишет, что здоровье папеньки несколько исправилось. Маменька просит меня проситься в отпуск, но я уже писал к тебе, любезный друг и брат, какие причины останавливают меня от этого и что мне вовсе нет охоты ехать из Вятки на время, тем более что летом я предполагал исполнить возложенное на меня поручение по описанию города Вятки, которое всего удобнее исполнить летом [1]. Я полагаю, что в день коронации маменька может иметь удобный случай просить обо мне государя, но я бы попросил сделать это не иначе, как через гр. Орлова [2]. Я не знаю, видел ли ты Наталью Николаевну, но, во всяком случае, прошу тебя передать ей прилагаемое письмо, потому что я обещал ей писать каждую неделю. Справиться об ней можно в Hôtel Napoleon на углу М. Морской и Вознесенского проспекта, дом Поггенполя. Губернатор спрашивал меня, к чему меня представить, и я просил его ходатайствовать об освобождении меня из-под надзора полиции [3]. Когда пойдет это представление, я тебя уведомлю и попрошу с своей стороны употребить ходатайство: может быть, и кончится пленение вавилонское, и мы скоро опять увидимся. Желал бы я этого от души, но радоваться заранее не смею. Вообще мне так скучно, так грустно, что нет возможности терпеть более, потому что я совершенно один в этом безобразном захолустье. С отъездом Натальи Николаевны я потерял последнее, что было; одного

только желаю, чтобы и тут я не потерял совершенно всего, а кажется, что к тому все идет. Если она познакомилась с вами, то прошу тебя передать ей все мое глубокое уважение и всю мою преданность; если же она не познакомилась (что, впрочем, для меня не совсем вероятно), то прошу тебя передавать мои письма хотя через человека. Прошу тебя передать мой искренний и дружеский поцелуй сестрице Адели и всему твоему семейству. Затем, не имея ничего нового сообщить тебе, остаюсь навсегда преданным тебе братом.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 13—14. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 72—73.

---

[1] В январе 1850 года Салтыкову было поручено «составление по городам Вятской губернии инвентарей недвижимых имуществ, статистических описаний и соображений о мерах к лучшему устройству общественных и хозяйственных дел». Однако, будучи перегружен другими служебными работами, особенно устройством сельскохозяйственной выставки, Салтыков не составил в 1850—1851 годах ни одного «инвентаря». В этой связи порученная ему работа была в декабре 1851 года ограничена только губернским городом и лишь в апреле 1852 года вновь распространена и на все уездные города губернии *(Аттестат).*

[2] 22 августа 1851 года исполнялось двадцать пять лет со дня коронации Николая I. Ожидалась амнистия. Об очередном ходатайстве Ольги Михайловны, приуроченном к этому событию, см. в следующих письмах. Но Салтыкову осталась, по-видимому, неизвестной еще одна попытка получить для него прощение, предпринятая в связи с юбилеем коронации. В своем донесении Л. В. Дубельту от 7 августа 1850 года губернатор Середа включил Салтыкова в затребованный III Отделением список лиц, находящихся под полицейским надзором в Вятской губернии и подлежащих, по мнению губернатора, амнистии. При рассмотрении списка в III Отделении предложение Середы относительно освобождения Салтыкова от надзора и позволения ему свободного выбора места жительства было отвергнуто (*Макашин I,* стр. 454—455 и 559).

[3] О новом «представлении» Середы от 17 марта 1851 года см. в след. письмах.

37. Д. Е. САЛТЫКОВУ

19 февраля 1851. Вятка

Вятка, 19 февраля.

Я писал к тебе, любезный друг и брат, что я просил Милютина поговорить с братом его о возможности иметь мне место в случае освобождения из Вятки. Сегодня я получил от него

письмо[1], которым он от имени своего брата уведомляет меня, что я могу быть уверен, что, в случае возвращения в Петербург, я не долго останусь без места, но так как советника Губ<ернского> п<равлен>ия можно определить только или в начальники отделения, или в чиновники особых поручений высшего разряда, то очень может быть, что я вынужден буду несколько месяцев ждать такой вакансии без жалованья. Во всяком случае, по мнению Милютина, мне нужно бы несколько повременить, и я намерен вполне последовать этому совету, тем более что я с своей стороны хотел службою своею заслужить хотя часть того добра, которое мне сделано губернатором, а я службу свою считаю далеко не бесполезною в той сфере, в которой я действую, хотя уже по одному тому, что я служу честно. Хотелось бы мне только получить всемилостивейшее прощение, чтобы мочь располагать собою в отношении к временным отпускам. Не знаю, не будет ли чего по представлению губернатора об этом. После разговора моего с ним, я ему не напоминал об этом предмете, потому что не желал бы докучать ему этим, и потому не знаю, пошло ли и пойдет ли это представление; во всяком случае, ежели узнаю, то напишу тебе об этом. Наталья Николаевна пишет мне, что она видится с тобою довольно часто, за что я крайне тебе благодарен, потому что, зная ее неспособность к всякого рода хлопотам, я боюсь чрезвычайно, что она окончательно расстроится в здоровье. Прошу тебя передать ей от меня дружеский мой поклон и прилагаемое письмо. Наш управляющий Палатой гос<ударственных> им<уществ> едет в Петербург 15 марта[2], и я буду писать тебе с ним; это прекраснейший человек, к которому ты можешь смело со всем обратиться, разумеется, если имеешь в том нужду. Нашего вице-губернатора перевели в Пермь управляющим П<алатой> г<осударственных> и<муществ>, и я не знаю, кто будет назначен на его место к нам[3]. Сделай одолжение, прилагаемое письмо передай Нат<алье> Ник<олаевне> как можно скорее, потому что я боюсь, что она уедет скоро из Петербурга; если же оно не застанет уже ее в Петербурге, то прошу тебя переслать его ко мне обратно. Я от маменьки постоянно получаю письма, и нынче получил даже два разом; она пишет, что здоровье папеньки поправилось и что сестра Любовь у них. Я решительно не могу проситься в отпуск по многим причинам, а между прочим и потому, что губернатор представляет меня к окончательному освобождению из-под надзора[4]. Я объяснял уже это маменьке, но не получил ее ответа; впрочем, она ни разу не писала мне, чтобы я просился в отпуск.

Прошу тебя, любезный брат, передать мой дружеский по-

целуй милой и доброй сестрице Адели и всем детям, которых я от души люблю. Затем надеюсь, что ты не забудешь искренно тебе преданного и любящего брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 15—16. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 73—74.

---

[1] Письмо В. А. Милютина неизвестно.

[2] В. Е. Круковский выехал в Петербург 11 марта.

[3] На место С. А. Костливцева вице-губернатором в Вятку был назначен А. П. Болтин, занимавший перед этим должность председателя томского губернского правления («Московские ведомости», 1851, № 44, 12 апреля); через пять лет он стал тестем Салтыкова.

[4] «Представление» Середы министру внутренних дел Перовскому о снятии с Салтыкова полицейского надзора было отправлено из Вятки только 17 марта. Полученную бумагу Перовский переслал 5 апреля «на усмотрение г-на военного министра» Чернышева, по докладу которого Салтыков был сослан. Чернышев вновь (как в 1849 г.) ответил отказом («Русск. библиофил», 1915, кн. 8, стр. 81—82).

38. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

24 февраля 1851. Вятка

Вятка. 24 февраля.

Сейчас получил я письмо твое, любезный друг и брат, и спешу отвечать тебе на него. Я уже писал к тебе [1], что я окончательно подписал раздельный акт, оставив с него для себя копию, и потому ты напрасно трудился присылать мне другую копию. Вместе с твоим письмом я получил известие и от маменьки, которая пишет мне, что папенька поправился и что больше уже нечего опасаться. Маменька уж не зовет меня к себе в настоящую пору, а предлагает проситься в отпуск летом, т. е. в августе, чтобы провести вместе тридцатипятилетие супружеской жизни с папенькой, которое должно быть 23-го сентября [2]. Мне и самому срок этот кажется более удобным, и я полагаю, что тогда я, может быть, получу и окончательное прощение по случаю празднования двадцатипятилетия коронования государя. Меня чрезвычайно тронуло известие, что маменька не хотела просить обо мне за тем, что она утруждала уже государя с просьбой о Кате [3]. Впрочем, пусть будет, что будет; в настоящее время я не могу жаловаться на положение свое в Вятке и желал бы только иметь свободу съездить

в Петербург, хотя на короткое время, чтобы повидаться с вами и возобновить себя в памяти тех, которые принимали во мне некогда участие. Признаки этого участия, впрочем, хоть изредка, но получаются мною, и доказывают мне, что я не совсем еще забыт; все это имеет для меня огромную, невыразимую цену и до крайности меня трогает[4]. Насчет Платона я предоставляю полную свободу делать с ним, что угодно, если ему не хотят уже дать вольную; но мне казалось бы, что столько лет постоянной и усердной службы заслуживали бы лучшей участи, потому что жениться он не желает, и я считал бы делом противным моей совести заставлять его, тем более что он уж становится стар. Из писем твоих я не вижу, как вы живете в Петербурге, а это меня интересует в значительной степени. Что до меня, то я живу один на холостом основании, занимаю довольно сносную квартиру[5], но до сих пор не завел себе ни порядочной мебели, ни экипажа. Все прочие, имеющие равные со мной места, уже давно обзавелись всем этим, но у меня, видно, таланта нет на это; потому что, как я нуждался в Петербурге, так и здесь нуждаюсь постоянно. Вот рубашки совсем разваливаются; нужно будет ходить без рубашки, а это чрезвычайно как нехорошо с непривычки. Летом, впрочем, думаю как-нибудь сколотиться деньгами и принять пристойный вид. Шинельки, пальтошки нет — бедность страшная![6] Я, признаюсь, не знаю и не понимаю, как другие люди живут. Я все рассчитываю, что когда-нибудь получу миллион в наследство от какого-нибудь икса, которому некуда будет девать деньги. Прощай, любезный друг и брат, и не забывай искренно любящего тебя

М. Салтыкова.

Если Н. Н.[7] в Петербурге, то потрудись отдать ей прилагаемое письмо; если же нет, то будь так добр отослать его назад ко мне.

Je Vous remercie infiniment, ma bonne et bien chère soeur, de Votre bon souvenir et des sentiments que Vous voulez bien me témoigner dans votre lettre. J'éspère que m-me Séréda a eu l'occasion de faire Votre connaissance? N'est-ce pas que c'est bien la meilleure personne du monde? Certainement je suis mauvais juge sur cette matière, puisqu'il n'y a pas au monde de personne qui m'ait fait autant de bien qu'elle. Je Vous prie de dire mille choses de ma part à madame Votre mère ainsi qu'à m-me Aline. Embrassez Vos enfants bien cordialement et surtout ne m'oubliez pas.

M. Salt.

Перевод: Я бесконечно благодарен Вам, милая и любезная сестрица, за Вашу добрую память обо мне и за те чувства, которые Вы выразили в Вашем письме. Надеюсь, что м-м Середа имела случай познакомиться с Вами. Не правда ли, что это лучшее существо на свете? Я, конечно, плохой судья в данном случае, потому что никто на свете не сделал мне столько добра, сколько она. Прошу Вас передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке, так же как и м-м Алине. Поцелуйте самым сердечным образом Ваших детей и не забывайте меня.

М. Салт.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 17—18. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 74—76.

---

[1] См. письмо 35.

[2] Об этом Ольга Михайловна писала к Дмитрию Евграфовичу 15 февраля 1851 года: «Если богу угодно спасти папеньку, то я бы хотела, чтобы вы и Миша все к нам приехали летом в августе, ибо сего года в сентябре 22-го будет нашему супружеству 35 лет» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 134, л. 18 об.).

[3] Ольга Михайловна хлопотала в это время об имущественном деле своей любимой внучки Екатерины Епифановой (дочери Надежды Евграфовны).

[4] Салтыкову писали в Вятку его петербургские друзья В. А. Милютин, Н. В. Ханыков и др. Но ни одно из их писем неизвестно.

[5] Салтыков жил в Вятке в тогдашнем «центре» города, на Вознесенской ул. (ныне ул. Ленина, 93). Он снимал здесь у вдовы иностранца (баварца) Раша небольшой одноэтажный деревянный дом, со службами. Дом сохранился, и в 1968 году в нем открыт Кировский литературный музей с мемориальным кабинетом Салтыкова. Подробнее см. прим. 1 к письму 76.

[6] Слова эти не следует понимать буквально. Они указывают больше на свойственную Салтыкову в его молодые годы «нерасчетливость» и «страстишку пофрантить», что ближайшим образом и определяло его частые безденежья.

[7] Наталья Николаевна Середа.

39. Д. Е. САЛТЫКОВУ

5 марта 1851. Вятка

Вятка. 5 марта.

Вот и еще беседую с тобою, любезный друг и брат. Сегодня получил от маменьки письмо, в котором она мне пишет, что папеньке гораздо легче и, кроме того, что у них был брат Николай, которым маменька нынче очень довольна[1]. Это меня довольно обрадовало, потому что вражда к нему была

довольно сильна в сердце маменьки. Сегодня же я получил письмо и от Натальи Николаевны, которая пишет, что она много тебе обязана во время пребывания своего в Петербурге. Я посылаю при сем письмо к ней, которое и прошу тебя ей передать, если только она в Петербурге; в противном случае, потрудись переслать его ко мне назад. Дела мои в прежнем положении, а здоровье довольно плохо, так что я немного начинаю опасаться за себя[2]. Убеди, пожалуйста, Наталью Николаевну возвратиться в Вятку поскорее, потому что без нее из рук вон скучно. Я боюсь, что она за бездорожьем совсем останется в Петербурге.

На днях едет в Петербург наш управляющий Василий Ефимович Круковский. Не знаю, буду ли писать к тебе с ним, но, во всяком случае, я просил его повидаться с ним <?>. Ты, пожалуйста, не верь его рассказам о блаженствах, которые я вкушаю в Вятке. Он намерен сказать тебе, что я ничего лучшего не желаю, как остаться в Вятке: ты можешь по письмам моим судить, в какой степени это достойно вероятия.

Прошу тебя поцеловать от меня милую сестрицу Адель и всех твоих деток. Затем, не имея ничего нового сообщить тебе, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 19—20. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 76—77.

---

[1] Об отношении Ольги Михайловны к сыну Николаю Евграфовичу см. письмо 25.

[2] О болезни Салтыкова см. в письме 29.

40. Д. Е. САЛТЫКОВУ

10 марта 1851. Вятка

Вятка. 10 марта.

Письмо это вручит тебе, любезный друг и брат, мой добрейший знакомый Василий Ефимович Круковский, которому я несказанно обязан тем ласковым и радушным приемом, который он и его семейство мне постоянно оказывают. Я прошу тебя познакомиться с ним и с его супругой, Марией Евдокимовной, которая также весьма добра для меня. Брат Иля находится вместе с старшим сыном Круковских в школе, и так как теперь предстоят большие праздники[1], то я надеюсь, что

он будет посещать своего товарища, тем более что он, как я слышал, прекрасный мальчик. В одном только мы не сходимся с В. Е.; он находит, что мне отлично в Вятке, и даже уверяет меня, что я и сам нахожу это. Поэтому ты, пожалуйста, не верь ему, если он будет тебе рассказывать о моем счастьи.

Прощай, любезный друг и брат, поцелуй от меня милую сестрицу Адель и всех твоих и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 21—22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 77.

---

[1] Пасхальные каникулы. Брат Салтыкова Илья учился в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров.

41. Д. Е. САЛТЫКОВУ

10 марта 1851. Вятка

Вятка. 10 марта.

Вот и еще раз пишу к тебе, любезный друг и брат. Вчера получил я письмо от маменьки, в котором она пишет, что здоровье папеньки вновь очень плохо. Не знаю, что из этого будет, только весьма это меня огорчает. Признаюсь тебе откровенно, что служба начинает мне несколько прискучать; она влечет за собою чрезвычайные беспокойства, тем более что все крайне неустроено и запущено. Работы такая гибель, что я решительно нередко теряюсь: иногда и желал бы всякое дело обработать совестливо и зрело, но так устанешь, что дело невольно из рук валится[1]. Помощников у меня решительно нет, ибо всякий старается, как бы только поскорее сбыть дело с рук. Весьма замечательно, что я менее всех нахожусь на службе и более всех понимаю дело, несмотря на то что у меня есть подчиненные, которые по пятнадцати лет обращаются с делами.

Посылаю при сем письмо к Н<аталье> Н<иколаевне>[2], которое и прошу тебя передать ей, если она еще в Петербурге; в противном случае, я бы просил тебя отослать его ко мне назад. Я начинаю сомневаться, чтобы Н. Н. могла выехать по зимнему пути; я думаю, у вас в Петербурге давно уже признаки весны, тогда как в Вятке вчера, в первый день весны по календарю, был отличнейший снег, продолжающийся уже дня четыре, и премилая вьюга, что предсказывает, что весна придет

к нам разве в мае месяце. Я все как-то нездоров, то там, то тут откликнется мой ревматизм, так что я никогда не бываю в совершенно нормальном состоянии.

Так как я сегодня же пишу к тебе еще письмо с Василием Ефимовичем Круковским, который завтра выезжает из Вятки, то я позволяю себе это письмо закончить здесь, прося тебя поцеловать от меня милую и добрую сестрицу Адель и всех твоих малюток.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 23—24. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 77—78.

---

[1] Помимо занятий по должности советника Губернского правления, Салтыков исполнял в это время работы в качестве «производителя дел» комитетов: 1) О рабочем и смирительном домах, 2) О новом порядке отдачи в уездное содержание почтовых станций, 3) О выставке сельских произведений в Петербурге и др. *(Аттестат).*

[2] Наталье Николаевне Середе.

42. А. Я. САЛТЫКОВОЙ

27 марта 1851. Вятка

Wiatka. Le 27 Mars.

A l'instant même je viens de recevoir la nouvelle de la mort de papa[1]. Vous pouvez Vous imaginer, ma bonne et chère soeur, combien cette nouvelle m'a rendu triste. Je crois que le frère Dmitry doit être parti, puisque maman m'écrit qu'elle l'attend; aussi je n'ecris qu'à Vous pour Vous féliciter de la fête de Pâques. J'éspère que Vous n'avez pas de doute sur la sincérité des voeux que je fais pour Votre bonheur et celui de toute votre famille, que j'aime de tout mon coeur. Il y a bien longtemps que je ne reçois aucune nouvelle de Vous; il n'y a que madame Séréda qui m'en donne quelquefois. Le gouverneur de Wiatka intercède en ma faveur auprès du ministre de l'intérieur, et si son intercession a du succès, j'éspère Vous voir bientôt pour ne plus me séparer de Vous[2]. En général il s'est passé bien des choses tristes pour moi dans le dernier temps. Les gens que j'affectionnais le plus, se plaisent à me briser le coeur qui n'a jamais été bien fort, et je serais bien heureux de pouvoir recommencer la vie solitaire que je menais à Pétersbourg. Vous me permettez de Vous prier, ma bonne soeur, de remettre la lettre ci-jointe à m-me Séréda. Elle m'écrit qu'elle Vous

voit assez souvent; je ne sais si c'est vrai, parce que trompé que je suis de toute part je commence de douter de la vérité de quoique ça soit.

Je vous prie de dire tout ce que Vous trouverez de mieux de ma part à madame votre mère, ainsi qu'à madame Aline, et j'embrasse de tout mon coeur vos enfants.

Sur ce, en Vous priant de ne pas m'oublier, je reste comme toujours Votre frère dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: Вятка. 27 марта. Я только что получил известие о смерти отца [1]. Вы можете себе представить, милая и любезная сестрица, как меня опечалила эта новость. Я думаю, брат Дмитрий уже уехал, потому что маменька пишет мне, что она его ждет; поэтому я пишу только Вам, чтобы поздравить с праздником Пасхи. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в искренности моих пожеланий счастья Вам и Вашей семье, которую я люблю всем сердцем. Уже очень давно я не получаю от Вас никаких известий; кое-что узнаю только от м-м Середы. Вятский губернатор ходатайствует обо мне перед министром внутренних дел, и, если его ходатайство будет иметь успех, я надеюсь вскоре увидеть Вас и более не расставаться с Вами [2]. Вообще за последнее время со мной случилось много печального. Люди, которых я более всего любил, стараются разбить мое сердце, которое никогда не было особенно сильным, и я буду очень счастлив, если смогу возобновить ту уединенную жизнь, которую вел в Петербурге. Позвольте просить Вас, милая сестра, передать прилагаемое письмо м-м Середе. Она пишет мне, что видит Вас довольно часто, но я не знаю, правда ли это, потому что, будучи обманут со всех сторон, начинаю сомневаться во всем. Прошу Вас выразить все, что найдете самого лучшего, с моей стороны Вашей матушке, а также м-м Алине и целую от всего моего сердца Ваших детей. Прошу Вас, не забывайте меня, и остаюсь, как всегда, Ваш преданный брат

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 25—26.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 78—79.

---

[1] Е. В. Салтыков умер 13 марта 1851 года в своем поместье Спас-Угол; похоронен там же на родовом кладбище при местной церкви (могила сохранилась). По своему положению политического поднадзорного Салтыков не мог выехать на похороны, чем была очень огорчена Ольга Михайловна. «Как убивает меня, что не будет Михайлы»,— писала она Дмитрию Евграфовичу 14 марта 1851 г. (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 134, л. 35 об.).

[2] См. письмо 37, прим. 4.

43. А. Я. САЛТЫКОВОЙ

3 апреля 1851. Вятка

Le 3 avril. Wiatka.

Je saisis cette occasion pour Vous féliciter encore une fois de la fête de Pâques. Je Vous souhaite de tout mon coeur, ma bonne et chère soeur, tout le bonheur possible, ce dont l'inépuisable bonté de Votre coeur Vous rend parfaitement digne.

Je Vous ai écrit dans ma précedente lettre sur les démarches que le gouverneur de Wiatka a fait pour obtenir ma grace; je ne sais pas encore l'issue de cette affaire et vraiment il me serait bien difficile d'avoir des nouvelles là-dessus, puisque le frère Dmitry est absent[1] et je n'ai personne qui puisse me donner des renseignements sur ce sujet. Je fais aussi des démarches pour être transféré à Orenburg chez le général Pérowsky qui y est nommé gouverneur-général. C'est encore plus loin qu'à Wiatka, mais du moins je pourrai y gagner beaucoup sous le rapport du service, parce qu'on dit le général être un homme de beaucoup de bien et d'influence surtout[2]. Je ne sais si ces démarches aboutiront, mais en tout cas je fais toutes sortes de tentatives pour obtenir un changement quelconque dans ma position qui commence à me peser cruellement. Je ne saurais Vous décrire en effet tout l'ennui auquel je suis en proie; c'est un vrai supplice! Vous aurez bien la bonté de remettre la lettre ci-jointe a m-me Séréda; comme c'est une lettre très pressante, je vous prierais de me faire l'amitié de l'envoyer au plus vite. Je vous prie de dire mille respects de ma part à m-me votre mère ainsi qu'à m-me Aline et d'embrasser vos enfans. Adieu, ma bonne soeur, ne m'oubliez pas.

M. S.

Перевод: 3 апреля. Вятка. Пользуюсь этой оказией для того, чтобы еще раз поздравить Вас с праздником Пасхи. От всего сердца желаю Вам, милая и любезная сестрица, всевозможного счастья, которого Вы вполне достойны по неисчерпаемой доброте Вашего сердца. В своем предыдущем письме я писал Вам о тех шагах, которые были сделаны вятским губернатором, чтобы получить мне прощение; я еще не знаю исхода этого дела, и, право, мне было бы очень трудно получить здесь какие-либо известия об этом, потому что брат Дмитрий находится в отсутствии [1] и нет никого, кто мог бы дать мне сведения по этому вопросу. Я делаю также попытку перевестись в Оренбург к генералу Перовскому, который назначен туда генерал-губернатором. Это еще дальше, чем Вятка, но я могу, по крайней мере, больше выиграть там в отношении службы, потому что говорят, что генерал человек очень хороший и к тому же влиятельный [2]. Я не знаю, приведут ли эти попытки к благоприятным результатам, но, во всяком случае, я делаю

все возможное, чтобы добиться какого-либо изменения в моем положении, которое начинает жестоко тяготить меня. Не могу описать Вам всю тоску, которая овладела мною; это настоящая пытка. Вы были бы очень добры, если бы передали прилагаемое письмо м-м Середе; так как это крайне спешное письмо, то я прошу Вас оказать мне дружбу и отправить его как можно скорее. Прошу Вас передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке, а также м-м Алине и поцеловать Ваших детей. Прощайте, добрая сестрица, не забывайте меня.

М. С.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 27—28. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 79—80.

---

[1] В связи со смертью отца Дмитрий Евграфович уезжал до конца апреля в Спас-Угол, на похороны и для устройства семейно-наследных дел.

[2] Желание Салтыкова перевестись на службу в Оренбург к только что назначенному туда генерал-губернатором генерал-адъютанту В. А. Перовскому (брату министра внутренних дел Л. А. Перовского) мотивировалось не только соображениями служебной карьеры. Салтыкова интересовала сама личность этого крупного администратора, его репутация культуртрегера, в частности, его сочувственное отношение к литературным и научным занятиям служивших при нем В. И. Даля и В. М. Лазаревского. Вместе с тем вскоре возникли и побуждения другого рода, звавшие Салтыкова в Оренбург. Туда переводился на должность командующего башкиро-мещерякским войском вятский губернатор и покровитель Салтыкова А. И. Середа. Его отъезд из Вятки лишал Салтыкова общения не только с ним, но и с его женой, Натальей Николаевной, с которой, как указывалось, Салтыков был связан чувствами более чем дружескими.

44. Д. Е. САЛТЫКОВУ

17 апреля 1851. Вятка

Вятка. 17 апреля.

Думаю, что ты уже возвратился из деревни, любезный друг и брат, и потому пишу к тебе; во всяком случае, адресую письмо это на имя сестрицы Аделаиды Яковлевны, для того чтобы она распечатала его, в случае твоего отсутствия, ибо все, что я ни пишу к тебе, относится и до нее и вы оба нераздельны в моем сердце. Как-то ты кончил дела свои в деревне? Это меня весьма интересует, потому что я вполне желаю обеспечения тебе и твоему семейству и хотел бы, чтобы все устроилось, как предполагалось[1]. Что до меня, то ты, я полагаю, знаешь о моих надеждах и видах; едва ли только суждено им

осуществиться. От нас губернатора переводят; это меня беспокоит и мучит до крайности; бог знает, чтó принесет для всех нас приезд нового начальника и каков будет этот начальник. Нельзя ли справиться, какой результат представления губернатора о дозволении мне служить вне Вятки? [2] (представление от 17 марта по Д<епартамен>ту полиции исполн<ительной>). Ежели бы я получил эту милость, то, кажется, ни минуту не замедлил бы выехать из Вятки, что бы ни ожидало меня в Петербурге, хотя бы целый год пришлось шляться без места. Не знаю, имеет ли Наталья Николаевна намерение возвратиться из Петербурга в Вятку или уж не приедет сюда; не знаю даже, где она в настоящую пору, потому что за бездорожицей мы вовсе не получаем почты, и потому на всякий случай пишу к ней письмо, которое и прошу тебя передать ей, ежели только она в Петербурге; если же ее нет, то потрудись переслать его ко мне обратно.

Я провел праздники невообразимо скучно; нет почти дня, в который я чувствовал бы себя совершенно здоровым и веселым. Это даже беспокоит меня, потому что я с каждым днем впадаю все более и более в ипохондрию. Вообще для молодого человека провинциальная жизнь хуже смерти, и не дай бог никому вкусить этого ада.

Прошу тебя поцеловать от меня милую сестрицу Адель и всех твоих детей. Прощай, будь здоров и счастлив и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 29—30. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 80—81.

---

[1] Предполагалось, что родовое имение Спас-Угол с деревнями перейдет после смерти отца к старшему сыну Дмитрию Евграфовичу, что и осуществилось.

[2] Результат был отрицательный. См. письмо 37, прим. 4.

45. Д. Е. САЛТЫКОВУ

1 мая 1851. Вятка

Вятка. 1 мая.

Из «Московских ведомостей» я вижу, что ты уж должен быть в Петербурге, любезный друг и брат [1]. Я полагаю, что ты уж знаешь о переводе нашего губернатора в Оренбург; [2] известие это до крайности меня поразило, и я совершенно теряюсь

в мыслях о том, какие последствия это может иметь для меня. К тому еще прибавилось и известие о том, что представление губернатора о моем освобождении не уважено; это известие я получил от Натальи Николаевны, впрочем, так сбивчиво и неясно, что ничего в нем не понял. Я удивляюсь только тому, что Наталья Николаевна пишет мне от 11-го апреля, а по моему расчету, представление губернатора не могло прийти в Д<епартамент> полиции исполнительной, при всех канцелярских переворотах, ранее 6 или 7 апреля, т. е. в дни неприсутственные, и потому решительно не понимаю, каким образом так скоро могла решиться моя участь[3]. Сделай одолжение, нельзя ли справиться в Д<епартамен>те, нет ли тут ошибки и не идет ли речь о представлении, которое губернатор делал обо мне в марте 1850 года и которое действительно не уважено[4]. Если же, по несчастию, не уважено и представление 1851 года, то нельзя ли узнать почему; т. е. сам ли государь нашел его неуважимым или же министр не нашел нужным докладывать государю. Во всяком случае, я желал бы знать, что̀ мне остается делать. Я, впрочем, на всякий случай прошу Акима Ивановича попросить В. А. Перовского принять меня на службу в Оренбурге, и на первый раз хотя без жалованья[5]. По мнению моему, это единственный для меня способ выйти из несносного моего положения.

Пожалуйста, напиши мне, что делается в деревне и как твои дела, подвинулись ли вперед. Какие намерения имеет маменька относительно всех нас. Что до меня, то, как ты видишь, я нахожусь в большом беспокойстве; ждем нового губернатора и нового вице-губернатора — все новое; не знаю, что будет, но, признаюсь, невольно боюсь. Сделай милость, ответь мне на это письмо. От души целую милую сестрицу Адель и детей; желаю им всем всего лучшего. Затем прошу тебя не забывать искренно тебе преданного брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 31—32. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 81—82.

---

[1] Об отъезде Д. Е. Салтыкова из Москвы в Петербург было сообщено в «извещениях» «Московских ведомостей» от 20 апреля 1851 г.

[2] О переводе в Оренбург А. И. Середы см. письмо 43, прим. 2.

[3] Расчеты Салтыкова оказались ошибочными. Представление губернатора Середы от 17 марта пришло в Петербург до пасхальных дней 6—7 апреля и накануне их, 5 апреля, было переслано военному министру. См. письмо 37, прим. 4.

[4] В марте 1850 года губернатор Середа входил с «представлением» о на-

граждении Салтыкова очередным чином — коллежского асессора. См. письмо 17, прим. 2.

[5] Письмо Салтыкова к А. И. Середе с просьбой взять его на службу в Оренбург неизвестно. Также неизвестно и написанное по этому поводу письмо к матери. Но о содержании этой последней корреспонденции мы узнаем из письма О. М. Салтыковой к Д. Е. Салтыкову от 20—21 мая 1851 года. См. Приложения, I, а также письмо 43, прим. 2.

46. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

11 июня 1851. Вятка

Вятка. 11 июня.

Прошу у тебя тысячу извинений, любезный друг и брат, за мое продолжительное молчание. Признаюсь тебе откровенно, я все это время был занят провожанием старых и встречанием новых начальников, из которых, однако же, губернатор доселе еще не приехал [1]. Притом же я почти постоянно болен и серьезно помышляю о чахотке, хотя это не совсем утешительное помышление. Хоть ты меня и утешаешь надеждою на успешное окончание моего дела, тем не менее я что-то плохо в это верю. Я бы попросил тебя удостовериться, что́ может быть сделано по представлению бывшего губернатора, и если оно должно остаться втуне, то нельзя ли маменьке адресоваться с просьбою к гр. Орлову к дню коронации; может быть, такой торжественный случай и положит конец моим страданиям [2]. Можно бы в просьбе сослаться на постоянно хорошую аттестацию обо мне моего начальства и на то место, которое я занимаю и которое показывает, что ко мне имеют полное доверие. Ты не советуешь мне перейти в Оренбург на службу и, кажется, передал даже опасения свои по этому предмету и маменьке. На это я скажу тебе, что я решился во что бы то ни стало оставить Вятку, где я изнываю в полном смысле этого слова и морально и физически, следовательно, настаивать, чтобы я здесь остался, значило бы желать мне величайшего из всех зол, ибо, как я ни терпеливо переношу свою участь, но, во всяком случае, есть пределы, долее которых человеческая возможность не может идти. Я сознаю в себе совершенный упадок душевных сил и ожидаю, что еще немного времени < — и> я окончательно сделаюсь ни к чему не способным человеком, т. е. ни к какому серьезному умственному труду. Притом же переход в Оренбург вовсе не представляет таких невыгод, как ты себе это представляешь; напротив того, я обещаю <?> для себя от этого много выгод в будущем. Положим, что тотчас по пере-

ходе я, может быть, не буду иметь штатного места, но, во всяком случае, зная, с каким вниманием В. А. Перовский заботится об участи своих подчиненных, в особенности же о достойных того, я надеюсь, что это будет недолго и что в будущем я все-таки выиграю.

Люди без связей и протекции, как мы, только в провинции и могут составить себе связи, ибо в провинции дорожат порядочными людьми и сами начальники приближают их к себе. Эти связи, начавшиеся по необходимости, продолжаются и впоследствии. Я скажу тебе пример: сенатор Веймарн протежирует всем вятским единственно потому, что он когда-то служил в Вятке прокурором. Хотя я его и не знаю лично, но, когда я отправлен был в Вятку, он и обо мне писал;[3] стало быть, этими обстоятельствами надо пользоваться, а не избегать их, и чем влиятельнее предполагается начальство, тем более нужно искать его. Все это заставило меня писать к Перовскому и просить его ходатайства относительно перевода моего в Оренбург[4]. Я на днях должен получить от него ответ через Наталью Николаевну и надеюсь, что ежели пошло об этом от Перовского представление, то ты не будешь делать препятствия к успешному ходу этого дела и, напротив того, будешь содействовать ему. Наталья Николаевна уже уехала из Вятки; она говорила мне, что была у тебя перед отъездом, но не застала никого дома и что, сверх того, писала к тебе из Новгорода. Твое замечание об ней относительно ее ветрености, может быть, и совершенно справедливо, но, во всяком случае, я не считаю себя вправе рассуждать об этом, ибо я многим и очень многим обязан Наталье Николаевне. Прошу тебя, уведомь меня хотя коротко о ходе моего дела; само собою разумеется, что ежели мне будет разрешено служить в Петербурге, то я ни минуты не усумнюсь в выборе.

Прощай, любезный друг и брат, не забывай искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous remercie, ma bonne et chère soeur, de l'obligeante lettre que Vous avez bien voulu m'écrire. Je suis comme à l'ordinaire très triste et presque désespérant de Vous revoir un jour. Tout mon éspoir est dans le 22 août et il serait bien fâcheux si celui-ci me trompait. Je Vous prie d'embrasser pour moi Vos petits et de dire mille choses de ma part à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline.

Je Vous prie de ne pas oublier celui qui sera toujours le plus dévoué de Vos amis,

M. Saltykoff.

Перевод: Благодарю Вас, милая и добрая сестрица, за любезное письмо, которое Вы мне написали. Я, как обычно, очень тоскую и почти не надеюсь когда-нибудь увидеть Вас. Вся моя надежда на 22 августа, и было бы очень прискорбно, если бы оно меня обмануло. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших малюток и передать тысячу пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. Прошу Вас не забывать того, кто всегда будет преданнейшим из Ваших друзей.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 33—34.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 82—84, и т. XIX, стр. 43.

---

[1] В 1851 году из Вятки уехали: губернатор А. И. Середа (в июне), вице-губернатор С. А. Костливцев (в мае), а также — врачебный инспектор К. В. Тупарев, и. д. прокурора Н. Б. Шиллинг и др. Прибыли в Вятку в 1851 году: епископ Елпидифор (в июне), губернатор Н. Н. Семенов (в июле), вице-губернатор А. П. Болтин (в мае), начальник Окружной палаты государственных имуществ К. К. Марниц (в сентябре) и др. См. «Вятск. губ. ведомости» за 1851 г., №№ 17, 19—20, 24, 32, 41, 51 (сообщ. Е. Д. Петряев).

[2] О «представлении» губернатора А. И. Середы от 17 марта 1851 года см. в письмах 37, 42, 44 и 45. Уступая настояниям сына, Ольга Михайловна подала в августе 1851 года, накануне празднования 25-летия царствования Николая I, новое (последнее) прошение на «высочайшее имя» о дозволении ее сыну «продолжать служить в столицах». Прошение было подано через наследника, но до царя не дошло и осталось безрезультатным (*ЦГАОР, «Дело» № 169,* л. 25, и *ЦГИА, «Дело» № 737,* лл. 45—45 об., *Макашин I,* стр. 457—458).

[3] Кому и что именно писал о Салтыкове в 1848 году влиятельный сенатор А. Ф. Веймарн — неизвестно.

[4] Письмо Салтыкова к В. А. Перовскому в Оренбург неизвестно. Но оно было получено и поддержано. «Представление» Перовского было доложено Николаю I 3 августа 1851 года С. С. Ланским, но отклонено царем («Русская старина», 1909, кн. 10, стр. 113—115; *Макашин I,* стр. 456—457 и 559).

47. Д. Е. САЛТЫКОВУ

14 июля 1851. Вятка

Вятка. 14 июля.

Вместе с этим письмом посылаю, любезный друг и брат, платок из козьего пуху для милой сестрицы Адели. Я прошу ее принять от меня эту вещь, как выражение моей искренней к ней привязанности.

Я не получал с последней почтой никаких известий из Оренбурга и потому не знаю ничего о положении дела относительно моего перевода [1]. Как-то мое дело в Петербурге? Отчего оно замедляется окончанием и чем-то все это разрешится? Впрочем, я привык смотреть с некоторого времени на все равнодушно и делаю это и в настоящем случае.

Мы ждем на днях нового губернатора [2], и потому хлопот тьма. Желательно, чтобы товар лицом показать. Потому я прошу тебя извинить, что пишу мало, и извинить меня также и перед сестрицей, что не пишу к ней вовсе. Прошу тебя поцеловать от меня детей.

Преданный тебе

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 35—36. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 84.

---

[1] См. письмо 46, прим. 4.

[2] Новый начальник Вятской губернии Н. Н. Семенов (переведен из Минска) вступил в должность 29 июля («Вятск. губ. ведомости», 1851, № 51).

48. Д. Е. САЛТЫКОВУ

29 июля 1851. Вятка

Вятка. 29 июля.

Извини меня, любезный друг и брат, что я долго не отвечал на письмо твое. Благодарю тебя за участие, которое ты постоянно принимал и принимаешь в судьбе моей; будь уверен, что, во всяком случае, чувства мои не остаются безответными в этом отношении. В одном из прошлых моих писем я подробно изложил тебе все поводы, которые заставляют меня желать перехода на службу в Оренбург; я и теперь скажу, что мысли мои на этот счет те же, хотя ты и представляешь мне невыгодные стороны этого перехода. Я столько лет уже жду облегчения своей участи и все безуспешно, что весьма естественно с моей стороны думать, что и на будущее время успех не будет больший. Я знаю, что перед глазами государя протекция ничего не значит, но, во всяком случае, весьма натурально, что рекомендация и ручательство человека, лично известного государю, может и должна иметь успех более верный,

нежели рекомендация начальника вовсе неизвестного. Впрочем, это дело еще далеко не решенное, ибо я получил от Натальи Николаевны письмо, в котором она пишет, что Перовский не решается представить обо мне прежде, нежели брат его вновь не вступит в управление министерством внутренних дел [1]. Таким образом, дело это нисколько не может помешать ходу представления обо мне бывшего губернатора, потому что представление это так или иначе все-таки должно решиться ранее. Само собою разумеется, что в случае получения всемилостивейшего прощения, мне останется полная свобода искать службы там, где я найду более для себя выгодным. Но если бы государю не угодно было простить меня, то я бы просил тебя, любезный друг и брат, не только не препятствовать моему переходу в Оренбург, как очевидно для меня полезному, но и склонить к тому маменьку, которая, как женщина, разумеется, смотрит на это недоверчиво. Из письма твоего я, однако ж, не вижу, почему именно остановлено представление Середы обо мне? Отложено ли оно на неопределенное время или же только до известного срока? Недомолвка эта крайне беспокоит меня, ибо я всю надежду имею на 22 августа [2].

Что до моего домашнего быта, то он в прежнем состоянии; только вместо того, чтобы привыкнуть к Вятке, я все более и более скучаю, так что иногда состояние мое делается для меня в полном смысле невыносимым. Ради этого одного я готов бы был перейти во всякий другой город. Ты напрасно меня обнадеживаешь на счет нового начальства; я так себя держу и так служу, что не имею ни малейшего повода чего-либо опасаться с этой стороны. Но, во всяком случае, перемена начальства меня не может не огорчать, потому что в прежнем моем начальнике я видел не только справедливого начальника, но и друга, глядевшего на меня почти как на члена своего семейства. Писал бы я к тебе и подробнее об этом предмете, но, как я вижу, ты себе заранее создал предубеждение против моего перехода в Оренбург, и поэтому я опасаюсь, что доводы мои в пользу этого нимало не убедят тебя. Скажу тебе одно, что я ничего бы так не желал, как видеть тебя и переговорить с тобою лично обо всем.

Прошу тебя передать мой братский поцелуй сестрице Адели и детям и засвидетельствовать мое почтение Каролине Петровне и Алине Яковлевне.

Прощай, любезный друг и брат, не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 39—40. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 84—85.

---

[1] Решение это было изменено. Представление о Салтыкове оренбургского губернатора было подано Николаю I не братом губернатора, министром внутренних дел Л. А. Перовским, находившимся в отпуску, а управлявшим в это время министерством С. С. Ланским. См. письмо 46, прим. 4.

[2] О «представлении» губернатора Середы и о надеждах на амнистию по случаю 22 августа 1851 года см. письма 37, 42, 44—46.

49. Д. Е. САЛТЫКОВУ

14 августа 1851. Вятка

Вятка. 14 августа.

Давно уже не имел я удовольствия получать от тебя писем, любезный друг и брат. Думаю, что тому причиной пребывание твое на даче и редкие твои поездки в Петербург. Получил ли ты посланный мною месяц тому назад платок? Понравился ли он сестрице?

Я не имею ниоткуда никаких известий о положении своего дела. Известно мне, что Перовский представил министру вн<утренних> дел, еще в июле, о переводе меня в его распоряжение в Оренбург, но чем это кончилось, не знаю [1]. Само собою разумеется, что лучше бы было, ежели бы мне предоставили служить, где я сам пожелаю, но ежели мне все-таки придется оставаться в Вятке, то это будет хуже, чем что-либо. В Оренбурге, по крайней мере, может быть хоть тень надежды на освобождение, а в Вятке ровно никакой. Притом я должен тебе сознаться, что, при ближайшем знакомстве с новыми обстоятельствами, я едва ли буду в состоянии прожить мирно [2]. Поэтому я с великим нетерпением жду разрешения моей участи.

Прощай, любезный друг и брат, поцелуй от меня милую сестрицу Адель и детей и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 39—40. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 86.

---

[1] О судьбе «представления» В. А. Перовского см. письмо 46, прим. 4 и письмо 48, прим. 1.

[2] С первых же дней появления в Вятке нового вице-губернатора А. П. Болтина у Салтыкова возникли с ним резкие нелады, вскоре, однако, устраненные. См. в след. письмах.

50. Д. Е. САЛТЫКОВУ

3 сентября 1851. Вятка

Вятка. 3 сентября.

Уже более двух месяцев я не получаю от тебя никакого известия, любезный друг и брат. Между тем стороною я узнал, что государю императору не угодно было изъявить согласия на перемещение меня в Оренбург [1]. Это писано не ко мне, а к одному из здешних моих знакомых; между тем от тебя я ничего подобного не имею, и это ставит меня в самое неприятное положение неизвестности. Притом же ежели в Оренбург мне отказано, то какая же может быть надежда на получение совершенного прощения? Сделай одолжение, напиши, каким образом все это случилось и есть ли хотя малейшая надежда на освобождение из Вятки. Положение мое здесь просто несносно. У нас новый вице-губернатор, который делает мне всякого рода неприятности, и хотя губернатор обо мне хорошего мнения, но едва ли он может защитить меня. Я не знаю, на что решиться, потому что боюсь, чтобы, при таком положении, не притянули меня как-нибудь к суду.

Не знаю, получил ли ты посланный мною еще в июле месяце пуховый платок.

Прощай, любезный друг и брат, целую всех твоих и в особенности добрую сестрицу Адель. Я теперь болен и притом à la lettre [2] завален работой, так что решительно не имею времени писать более.

Не забывай любящего тебя

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 41—42. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 86—87.

---

[1] См. письмо 46, прим. 4.

[2] буквально *(франц.).*

51. Д. Е. САЛТЫКОВУ

6 октября 1851. Вятка

6 октября. Вятка.

Извини меня, любезный друг и брат, что долго не отвечал на дорогое письмо твое и даже не поздравил тебя с прошедшими именинами. Прошу тебя верить, что этот день не был за-

быт мною, но я не писал потому, что действительно занят чрезвычайно огромными и срочными работами. Теперь мне несколько посвободнее, и я надеюсь чаще беседовать с тобою. О положении моего дела я не могу ничего сказать тебе нового, потому что ниоткуда не получаю известий. Что же касается до житья моего в Вятке, то тут, с отъездом бывшего губернатора, к которому я всегда искренно был привязан, также мало для меня утешительного. Притом же у меня вышли нелады с вице-губернатором, а это еще более делает положение мое неприятным. Вообще мне до крайности грустно и тяжело в Вятке. Если ты знаешь что-нибудь о возможности изменения в моей судьбе, то будь так добр, напиши мне откровенно, могу ли я надеяться на какое-нибудь облегчение после трех лет с половиной изгнания. Не служивши в провинции, ты не можешь себе представить, сколько служба эта представляет опасностей. Того и гляди, сделаешь какой-нибудь промах, который неминуемо влечет за собой ответственность и даже денежное взыскание. Я почти нахожусь в этом положении. На днях Сенат требовал от Губ<ернского> правления объяснения по двум делам, и я, несмотря, что чувствую себя правым, не могу предвидеть решения Сената. Объяснения эти на днях пойдут, и ты меня весьма обяжешь, если найдешь случай через полторы или две недели по получении этого письма справиться во 2-м д<епартамен>те Сената, в отделении обер-секретаря Вакара, какое направление будет дано делам о мельницах купца Ижболдина в г. Сарапуле и купца Шишкина в г. Елабуге [1].

В Вятке почти все начальство новое, и хотя не могу жаловаться, но все-таки жаль прежнего [2]. Прошу тебя передать мой искренний братский поцелуй сестрице Адели и поцеловать всех детей и в особенности Мишу. Потому ли, что я знал его уже и прежде довольно бойким мальчиком, но у меня как-то особенно к нему лежит сердце.

Прощай, любезный друг и брат, от всей души желаю тебе всего лучшего и прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Целую Сережу и Илю.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 43—44. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 87—88.

---

[1] Купец Ижболдин, видимо, послужил Салтыкову моделью для образа «полорецкого» (сарапульского) купца Ижбурдина в драматических сценах «Что такое коммерция?» («Губернские очерки»). О знакомстве Салтыкова с

елабужским купцом И. В. Шишкиным, даровитым самородком-изобретателем, сохранилось свидетельство в письме его сына, впоследствии знаменитого художника (*Макашин I*, стр. 380—381).

[2] См. письмо 46, прим. 1.

52. Н. А. МИЛЮТИНУ

27 октября 1851. Вятка

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Я бы никогда не позволил себе утруждать вас покорнейшею моею просьбою, ежели бы снисходительность ваша не давала мне некоторой надежды, что вы и на этот раз не откажетесь принять участие в судьбе моей [1]. По распоряжению Хозяйственного департамента возложено на меня составление инвентарных описаний городов Вятской губернии; между тем почти в то же время я назначен советником здешнего губернского правления [2]. Это последнее назначение и сопряженные с ним занятия до сих пор лишали меня всякой возможности с успехом заняться возложенным на меня поручением.

К этому присоединились еще и неприязненные отношения ко мне вновь назначенного вице-губернатора, которые делают совершенно непереносным мое и без того уже тяжелое положение и которые заставляют меня опасаться, что дальнейшая служба в Губернском правлении поведет лишь к окончательному расстройству моей служебной будущности. Все это вынуждает меня оставить занимаемую мною должность советника, но так как, по домашним моим обстоятельствам, мне было бы крайне тягостно оставаться без службы, то я принимаю смелость просить вашего обязательного содействия о причислении меня к Министерству, с откомандированием в Вятскую губернию для инвентарного описания городов и с назначением мне содержания из городских сумм или же об оставлении меня советником с увольнением от занятий по этой должности и поручением исследований по городскому хозяйству [3]. Но, не решаясь до времени дать этим предположениям официальный ход, не имея предварительного вашего одобрения, я имею честь убедительнейше просить вас, милостивый государь, ежели не лично, то, по крайней мере, через Владимира Алексеевича [4] передать мне ваше мнение по этому предмету.

Я надеюсь, что Владимир Алексеевич, по старой памяти обо мне, не откажется принять участие в этом деле.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Михаил Салтыков.

Вятка
27 октября 1851 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 869 (Милютины), оп. I, № 1055, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *Макашин I,* стр. 560.

---

[1] Салтыков имеет в виду письмо Н. А. Милютина к губернатору А. И. Середе 1848 года. Оно сыграло свою роль в назначении Салтыкова на должность старшего чиновника особых поручений при губернаторе.

[2] Даты сдвинуты. В действительности составление инвентарных описаний городов Вятской губернии было поручено Салтыкову в январе 1850 года, а советником Губернского правления он был назначен в августе того же года *(Аттестат).*

[3] Из этих намерений и расчетов Салтыкова, повторявших, по существу, его проект 1850 года, ничего не вышло. См. письмо 15, прим. 3.

[4] В. А. Милютина, брата адресата письма.

53. ШЕФУ ЖАНДАРМОВ И ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ гр. А. Ф. ОРЛОВУ

28 октября 1851. Вятка

Ваше сиятельство.

В апреле 1848 года по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, последовавшему на Всеподданнейший доклад г. Военного министра, я послан на службу в распоряжение Вятского Гражданского Губернатора. Сознавая себя вполне заслуживающим такой монаршей немилости, я не осмеливался утруждать Ваше сиятельство просьбою о смягчении моей участи; но в настоящее время три с половиной года изгнания и соединенных с ним постоянных усилий загладить мой проступок усердным и добросовестным исполнением возложенных на меня обязанностей дают мне некоторую надежду, что Ваше Сиятельство не откажете мне в ходатайстве перед Священной Особой Государя Императора о даровании мне всемилостивейшего прощения. Ежели же Ваше сиятельство почему-либо изволите признать преждевременным дозволить мне продолжать службу в С.-Петербурге, то я считал бы уже и то величайшею для себя милостью, ежели бы мне было

разрешено служить в губернии, не ограничиваясь одною Вятскою. Смею уверить Ваше сиятельство, что я употреблю все силы свои, чтобы оправдать подобное снисхождение.

С глубочайшим высокопочитанием и неограниченною преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства,
милостивый государь,
покорнейшим и преданнейшим слугою
Михаил Салтыков.

Вятка
28 октября 1851 года.

На письме пометы: 13 ноября 1851 года *и* Справка: пусть обратится к кн. Чернышеву.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР, «Дело» № 169,* лл. 28—29.

Впервые опубликовано: М. К. Лемке. К биографии М. Е. Салтыкова (По неизд. материалам).— «Русская мысль», 1906, кн. 1, стр. 35 (второй пагинации).

Письмо Салтыкова к шефу жандармов и начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову согласился передать по назначению флигель-адъютант П. А. Воейков, посетивший Вятку по делам очередного набора в армию (см. письмо 54). Как видно из пометы на письме, в руки адресата оно попало 13 ноября. О резолюции шефа жандармов — «Пусть обратится к кн. Чернышеву» — Салтыкову было послано 16 ноября официальное уведомление, подписанное управляющим III Отделением Л. В. Дубельтом (*«Дело» № 169,* л. 30).

54. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

17 ноября 1851. Вятка

Вятка. 17 ноября

Прошу тебя тысячу раз извинить меня, любезный друг и брат, за долгое мое молчание. Дела мои идут крайне плохо; различные неудовольствия с вице-губернатором сделали для меня службу в губернском правлении так несносною, что я не знаю, как выбраться из нее. Я писал к Николаю Алексеевичу Милютину и просил его совета, нельзя ли отчислить меня к министерству, с откомандированием в Вятскую губернию для описания городов, но от него еще не получил ответа [1]. Ты, пожалуйста, не пиши об этом маменьке, чтобы напрасно не беспокоить ее. Может быть, все уладится к лучшему, тем более что губернатор весьма ко мне благосклонен. К довершению

горя, я с неделю тому назад получил известие, что бывший наш губернатор Аким Иванович Середа скончался в Оренбурге. Через него я имел некоторую надежду быть переведенным на службу к В. А. Перовскому, а теперь и эта надежда рушилась. Здесь был по набору флигель-адъютант Воейков, который взял от меня письмо к графу Орлову, но какой результат этого письма, мне еще неизвестно[2]. Вообще я нахожусь в совершенном неведении относительно своих дел и не знаю, суждено ли мне будет когда-нибудь вас увидеть. Дело в том, что жизнь в Вятке становится для меня с каждым днем несноснее, так что я был бы крайне обрадован, ежели бы меня перевели хотя в Иркутск. Что будет дальше, я не могу предвидеть, только не ожидаю ничего для себя хорошего. Я давно не имею от тебя никакого известия, хотя бы искренно желал знать о твоем житье. Я недавно получил от брата Сережи письмо. Прошу тебя передать ему мой дружеский и истинно братский поцелуй и сказать ему, что я не пишу к нему потому только, что не имею решительно времени, да и притом же и нечего писать. Поздравляю тебя и сестрицу Адель с прошедшим днем ангела милого племянника Миши, которого от всей души целую. Скоро ему будет уже 6 лет, и я полагаю, что в течение нашей разлуки он уже сделал большие успехи. От маменьки я получил недавно письмо, она все жалуется на нездоровье и предполагает ехать в Петербург предстоящей зимой, что и я ей советую. Сделай одолжение, ежели ты имеешь какие-либо сведения о положении дела по просьбе маменьки, то уведомь меня, потому что неизвестность всего более меня мучит[3]. Прошу тебя поцеловать от меня всех детей и не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Il y a bien longtemps que je n'ai pas eu l'occasion de Vous entretenir, ma bien chère et bonne soeur, mais j'éspère que Vous ne m'en voudrez pas. Entre autres choses, j'ai à Vous communiquer mille compliments de la part d'une ancienne connaissance de Votre famille—m-r Belikowitz qui est comme moi éxilé à Wiatka[4]. Il a appris avec beaucoup de plaisir que je suis lié avec Vous par des liens de parenté et m'a beaucoup entretenu de Vous, de madame Votre mère et de m-me Aline. Il m'a dit qu'il Vous connaissait encore toute petite. Voyez donc, Vous aussi Vous avez des connaissances à Wiatka. Je Vous félicite du jour de nom du petit Michel et Vous prie de l'embrasser de ma part. Vous aurez aussi la bonté de dire mille choses de ma part à m-me Votre mère ainsi qu'à madame Aline. Je Vous prie de ne pas m'oublier.

M. Soltikoff.

Перевод: Уже очень давно у меня не было случая беседовать с Вами, милая и любезнейшая сестрица, но я надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня за это. Между прочим, я должен передать Вам тысячу пожеланий от старинного знакомого Вашей семьи, г-на Беликовича, который, как и я, сослан в Вятку[4]. Он узнал с большим удовольствием о том, что я связан с Вами узами родства, и много рассказывал мне о Вас, Вашей матушке и мадам Алине. Он сказал мне, что знал Вас еще совсем маленькой. Как видите, и у Вас есть знакомства в Вятке. Поздравляю Вас со днем ангела маленького Миши и прошу Вас поцеловать его от меня. Вы были бы также очень добры передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке и мадам Алине. Прошу Вас не забывать меня.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 45—46. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 89—90.

---

[1] См. письмо 52.

[2] См. письмо 53.

[3] К этому времени относится еще один проект решения судьбы Салтыкова, возникший у Ольги Михайловны: «просить Мишу в отставку, на родину, к больной несчастной матери». Об этом проекте, подсказанном, вероятно, самим Салтыковым, она писала Дмитрию Евграфовичу 18 ноября 1851 года. См. также Приложения, I.

[4] Помещик Витебской губ., Людвиг Иванович Беликович, поляк по национальности, был сослан в Вятку в марте 1850 года и жил здесь под надзором до февраля 1852 года. По словам «высочайшего повеления» о ссылке Беликовича, он «дозволил себе вести самовольно преподавание польского языка в приходском училище своего имения и по прежним действиям оказывался вообще неблагонадежным» (*ГА Киров. обл.,* ф. 582, оп. 84, ед. хр. 18, л. 5, сообщ. Е. Д. Петряев). Где и когда Беликович познакомился с семьей Д. Е. Салтыкова — неизвестно.

55. ДИРЕКТОРУ КАНЦЕЛЯРИИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ БАРОНУ П. А. ВРЕВСКОМУ

15 декабря 1851. Вятка

Ваше превосходительство.

В апреле 1848 года, вследствие всеподданнейшего доклада его светлости князя Александра Ивановича, государю императору было угодно перевести меня на службу в город Вятку, с отдачею под надзор местной полиции. С тех пор, в течение слишком трех с половиной лет, я употреблял все усилия, чтобы заслужить всемилостивейшее прощение моего проступка;

усилия эти отчасти не остались для меня без результата, потому что я не только пользовался постоянно одобрительною аттестацией со стороны моего непосредственного начальства, но и получил значительное повышение по службе. Тем не менее, будучи столь долгое время разлучен с своими родными, я решаюсь, вместе с сим, утруждать его светлость покорнейшею просьбою об исходатайствовании мне единственной милости, которой я желаю — разрешения продолжать службу в С.-Петербурге.

Не имея счастья быть лично известным Вашему превосходительству[1], но зная всегдашнее великодушие Вашего сердца, я льщу себя надеждой, что Вы не оставите меня своим участием и милостивым предстательством перед князем Александром Ивановичем о смягчении моей участи. Смею уверить <?> Ваше превосходительство своею просьбою, ежели бы положение мое действительно не было столь невыносимо.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим и преданнейшим слугою
Михаил Салтыков.

Вятка
15 декабря 1851 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА,* ф. 1, оп. 1, д. № 18176, 1848 г., лл. 46—47.

Впервые опубликовано: «Столетие Военного министерства. 1802—1902», т. III, ч. 1. Приложение к историческому очерку деятельности Канцелярии Военного министерства..., СПб., 1909, стр. 171.

---

[1] Однако в письме 23 Салтыков относит бар. П. А. Вревского к «лицам, которые меня знают». В годы службы Салтыкова в Канцелярии Военного министерства Вревский был начальником 1-го Отделения, Салтыков же был помощником секретаря 2-го Отделения.

56. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

15 декабря 1851. Вятка

Вятка. 15 декабря.

Пишу к тебе, любезный друг и брат, в самый день ангела милой сестрицы Адели и от всей души поздравляю тебя и твое семейство как с этим праздником, так и с праздником

Рождества Христова и Нового года. Желаю вам искренно всего лучшего, а главное, спокойствия душевного. Вести, которые ты сообщаешь мне в письме своем по моему делу, крайне неутешительны, но, к сожалению, должно было этого ожидать. Чин у меня все еще титулярного советника, хотя и выслужил на коллежского асессора еще в прошлом апреле и, вероятно, в марте месяце буду представлен к нему[1]. Но для этого надобно получить мои документы, которые находятся в Департаменте полиции исполнительной, который, несмотря на многократные повторения, их не высылает, так что я боюсь, чтобы они вовсе не потерялись. Я решился на последнюю меру к освобождению своему из Вятки; написал, вместе с сим, письма к князю Чернышеву, барону Вревскому и Пейкеру[2] и прошу тебя у последнего справиться о результате моего ходатайства и сообщить его мне. Я уверен, что не получу прощения, если об этом будет ходатайствовать всякий другой, кроме князя Чернышева, и я бы просил тебя, при свидании с Александром Александровичем Пейкером, сообщить ему эту мысль мою.

Жизнь моя по-прежнему течет в скуке и унынии, хотя вообще я не могу жаловаться на свою службу. Благодарю тебя за справку в Сенате по делам, о которых я тебе писал; в настоящее время объяснения губернского правления по этим делам должны уже быть в Сенате, и ты крайне бы обязал меня, справившись, что́ по ним будет сделано. Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Je Vous félicite de tout mon coeur, ma bonne et chère soeur, de Votre fête, et Vous souhaite de la passer de la meilleure manière possible. Voici la quatrième fois que je vais passer la fête de Noël loin de Vous et de Votre famille et je ne saurais Vous dire combien ça me rend triste. Je Vous prie de dire de ma part mille respects à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline, et d'embrasser Vos chers enfants. J'éspère que Vous donnerez quelques souvenirs à Votre dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: От всего сердца поздравляю Вас, милая и добрая сестрица, со днем ангела и желаю Вам провести его наилучшим образом. Вот уже четвертый раз я провожу праздник Рождества вдали от Вас и Вашей семьи и не могу Вам сказать, как это печалит меня. Прошу Вас передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке и м-м Алине и поцеловать Ваших милых детей. Надеюсь, что Вы не забудете Вашего преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 4, лл. 47—48.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 90—91, и т. XIX, стр. 43.

---

[1] Речь идет о вторичном представлении в коллежские асессоры, за выслугу лет, со старшинством с 1851 года (был произведен в апреле 1852 г.). Первое представление, в марте 1850 года, было отвергнуто. См. письмо 17 и *Аттестат.*

[2] Письмо к А. А. Пейкеру неизвестно.

57. ВОЕННОМУ МИНИСТРУ КН. А. И. ЧЕРНЫШЕВУ

15 декабря 1851. Вятка

Ваша светлость.

В апреле 1848 г., по высочайшему его императорского величества повелению, последовавшему на всеподданнейший доклад Вашей светлости, я послан на службу в губернский город Вятку. Сознавая себя вполне заслуживающим такой немилости, я не осмелился бы утруждать Вашу светлость просьбой о смягчении моей участи, если бы три с половиной года изгнания и соединенных с ним постоянных усилий загладить мой проступок не давали мне некоторой надежды, что Ваша светлость не откажете мне в ходатайстве перед священной особой государя императора о даровании мне всемилостивейшего прощения.

От великодушного участия Вашего в судьбе моей зависит все мое будущее; смею уверить Вашу светлость, что я употреблю все силы, чтобы оправдать Ваше милостивое внимание, и вполне надеюсь всею своею дальнейшею службой загладить ошибку, в которую я впал более по неопытности, нежели с намерением.

С глубоким высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть

Вашей светлости,
милостивый государь,
покорнейшим и преданнейшим слугою
Михаил Салтыков.

Вятка
15 декабря 1851 года.

На письме карандашная помета: Доложить со справкою. 25 декабря.

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА*, ф. 1, оп. 1, д. № 18176, 1848 г., л. 50.

Впервые опубликовано: «Столетие Военного министерства. 1802—

1902», т. III, ч. 1. Приложение к историческому очерку деятельности Канцелярии Военного министерства..., СПб., 1909, стр. 170—171.

Письмо Салтыкова пришло в Петербург, когда военный министр кн. А. И. Чернышев был за границей, и поступило к заменявшему его кн. В. А. Долгорукову. Последний переслал просьбу министру внутренних дел гр. Л. А. Перовскому, который отказался поддержать ее, о чем сообщил губернатору Н. Н. Семенову. Министерская бумага с отказом, пришедшая в Вятку 28 января 1852 года, была показана просителю, о чем свидетельствует надпись на ней: «Предписание сие читал. *М. Салтыков*» (*Макашин I*, стр. 459 и 561).

1852

58. Д. Е. САЛТЫКОВУ

19 января 1852. Вятка

Вятка. 19 января.

На этой неделе здесь пронесся весьма странный слух, будто бы я переведен в Уфу[1]. Известие это привезла сюда жена здешнего председателя Казенной палаты[2], которая в родстве со Гвоздевым[3] и которой будто бы говорил это сам Гвоздев. Как ни мало вероятно это известие, все-таки оно застало меня в такой степени неожиданно, что я не знаю, что и думать.

От тебя я не имею никакого подобного известия, из Оренбурга также. А между тем я имею с Натальей Николаевной постоянную корреспонденцию, и ежели бы было обо мне представление от Перовского в другой раз[4], то она, верно, написала бы мне об этом. Одним словом, я нахожусь в величайшем смущении и изумлении; потому что все, не исключая и губернатора, поздравляют меня с переводом, кто в Уфу, кто в Оренбург, а некоторые даже вице-губернатором в Уфу. Кстати о губернаторе. Жена его, Любовь Андреевна Семенова, находится теперь в Петербурге, и ты бы весьма обязал меня, любезный друг и брат, побывав у нее; живет она в Большой Морской в доме Лесникова. Я бы не беспокоил тебя этою новою просьбой, ежели бы сам губернатор не сказал мне на днях, что ему бы очень было приятно, ежели бы ты повидался с женой его. Какая-то участь постигла мои письма к князю Чернышеву и другим? Я жду от тебя письма с каждою почтой, тем более что маменька писала мне, что ты должен выслать ко мне раздельный акт для подписа;[5] акт этот я подпишу тотчас по присылке и отошлю его к маменьке, вместе с доверенностью, потому что при явке его в уездном суде необходимо подтвердить его допросами. Маменька пишет мне, что

ты ожидаешь прибавления семейства и зовешь ее на крестины. Заранее поздравляю и тебя и милую сестрицу Адель и желаю всем Вам от души лучшего счастья. Пожалуйста, передай мой дружеский привет и поцелуй милой сестрице, а также прошу тебя облобызать от меня всех детей и в том числе малолетнего брата Сережу, к которому я не пишу, потому что не имею нисколько времени.

Прощай, будь здоров и не забывай искренно тебе преданного брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 49—50.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 92—93.

[1] Источник и обоснованность этого слуха для начала 1852 года неизвестны. Но осенью Салтыков действительно получил приглашение служить в Уфе. См. письмо 65.

[2] Председателем Вятской казенной палаты был в это время действительный статский советник Владимир Александрович Тиньяков. В период с июня по август 1851 года, после отъезда из Вятки А. И. Середы и до приезда Н. Н. Семенова, управлял губернией.

[3] А. А. Гвоздев — одна из наиболее влиятельных уже и в это время фигур в Министерстве внутренних дел, директор Департамента общих дел.

[4] О «представлении» оренбургского губернатора В. А. Перовского см. письмо 46, прим. 4. Другого «представления» не было.

[5] В 1852 году, после смерти отца, Евграфа Васильевича, состоялся семейный раздел его тверской родовой вотчины. Старший сын, Дмитрий Евграфович, получил село Спас-Угол с деревнями, около 300 душ и 3400 десятин земли; младший сын, Илья Евграфович,— 4 деревни и 90 душ; Николай Евграфович — 10 000 руб. При этом Илье и Николаю была обещана награда в дальнейшем при условии их «сыновней почтительности». Сыновья же Сергей и Михаил ничего не получили, но мать обязывалась удовлетворить их впоследствии из своего состояния.

59. Д. Е. САЛТЫКОВУ

25 февраля 1852. Вятка

Вятка. 25 февраля.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за память обо мне и за письмо твое. По письму моему к кн. Чернышеву я имел уже официальное известие еще в половине января, а именно министр вн<утренних> дел предписывал объявить мне, что письмо это было передано на его усмотрение и он

не нашел с своей стороны возможным, за сделанным государем отказом о переводе меня в Оренбург, ходатайствовать вновь об освобождении меня[1]. Следовательно, просьба моя осталась втуне, и надежды на освобождение из Вятки еще более охладились. Признаюсь тебе откровенно, что судя по этому, я даже начинаю верить в возможность остаться в Вятке на целую жизнь, потому что нет резона к моему освобождению, ежели оно до сих пор признается невозможным. Эта преспектива до того ужасна, что у меня волосы дыбом становятся при одной мысли об ее осуществлении. Надобно знать, что такое за город Вятка, чтобы понимать всю горечь моего положения. На днях из министерства нашего из департамента Милютина[2] последовал запрос о том, в каком положении находится здесь дело об описании городов. Губернатор ответил, что, за занятиями по должности советника, я не имею решительно никакой возможности заняться этим делом, и он полагает возможным двинуть это дело только с увольнением меня от должности советника и причислением к министерству внутр. дел, поручив мне это дело и назначив соответствующее содержание. Не знаю, будет ли иметь успех это представление, но, признаюсь, было бы чрезвычайно желательно, потому что я через это все-таки поставлен был бы в некоторой степени в независимое положение как министерский чиновник. Впрочем, пусть будет что будет; вероятно, и тут найдутся препятствия[3].

Как-то проводишь ты время? Маменька писала мне о вновь сделанном ею приобретении части кн. Волконского[4], но как я никогда не вникал в эти дела и не знаю их, то, признаться сказать, не могу определить выгодности или безвыгодности этой покупки, а рад тому, что маменька считает, по-видимому, это дело не безвыгодным. В настоящее время на почте есть на мое имя от маменьки письмо, но как оно с деньгами, то я не могу получить его скоро и не знаю его содержания. Вижу только, что оно из Москвы, а потому и предполагаю, что она живет там проездом к вам, как собиралась прежде.

Сделай милость, поцелуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси ее не хворать. Впрочем, кажется, это хворость, свойственная всем замужним женщинам, и я надеюсь в скором времени услышать об окончании ее вместе с вестью о прибавлении твоего семейства.

Поцелуй от меня также детей и братьев. Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 51—52.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 456—458.

---

[1] См. об этом в прим. к письму 57.

[2] Из Хозяйственного департамента, вице-директором которого был в это время Н. А. Милютин.

[3] Препятствия действительно нашлись. В мае 1852 года Салтыкову снова было поручено «составление по городам Вятской губернии инвентарей недвижимых имуществ, статистических описаний и соображений о мерах к лучшему устройству общественных дел» (*Аттестат*, см. письмо 15). Но поручение это не повело к причислению Салтыкова к Министерству внутренних дел, что открывало бы ему путь для возвращения в Петербург. Впоследствии Салтыков говорил об этой своей работе Л. Ф. Пантелееву: «Получая, кроме жалованья по должности советника Губернского правления, еще пятьсот рублей за составление городских инвентарей, я имел для этого дела двух помощников, но ни одного инвентаря не составил» (*Салтыков в воспоминаниях*, стр. 180).

[4] О. М. Салтыкова приобрела принадлежавшую кн. Волконскому часть ранее купленного ею большого оброчного имения Заозерье, в Ярославской губернии.

60. Д. Е. САЛТЫКОВУ

7 марта 1852. Вятка

Вятка. 7 марта.

Поздравляю тебя, любезный друг и брат, с наступающим днем твоего рождения; от всего сердца желаю тебе встретить и провести его в полном удовольствии и радости.

Я думаю, маменька уже оставила Петербург, так, по крайней мере, она писала ко мне в последнем письме своем; если же она и до сих пор с вами, то прошу тебя поцеловать ее ручки и сказать ей, что я не пишу собственно потому, что не знаю наверное, застанет ли ее письмо мое в Петербурге. Да притом же решительно ничего нет нового.

Дела мои все в том же положении; грустно до крайности, что я, по какому-то странному недоразумению, нахожусь до сих пор в Вятке. Через два месяца будет уже четыре года, как я здесь. Думал ли я, ждал ли я когда-нибудь, что жизнь моя разрешится таким печальным образом? Даже надежды мало на будущее.

У меня к тебе есть небольшая просьба. Ежели Клеменц в состоянии верить мне еще в долг, то потрудись заказать ему

для меня сюртук, летнее пальто, двое летних брюк и два летних жилета; я в настоящую пору совершенно обносился. Во всяком случае, я попросил бы тебя уведомить меня об этом в непродолжительном времени, потому что я бы желал иметь платье не далее как к маю месяцу. Думаю, что все это будет стоить не более 150 р. сер.

Был ли ты у Семеновой? Зная твои настоящие семейные заботы, я думаю, что весьма быть может, что ты и не видал ее. А это может навлечь некоторое неудовольствие на меня; могут сказать, что это сделано из пренебрежения. Меня много упрекают за мою преданность к бывшему губернатору Середе. Лекса сделали товарищем министра; вероятно, Милютин будет директором департамента [1]. Вот ежели бы хоть как-нибудь освободили из Вятки, то, может быть, и удалось бы получить место. Меня представили к чину коллежского асессора за выслугу лет [2]. Месяца через два, вероятно, будет об этом и в приказах. Все нужные документы из д<епартамента> полиции исполнительной уже присланы и отосланы в Инспекторский департамент.

Пожалуйста, поцелуй от меня добрую сестрицу Адель; скажи ей, что я буду на днях писать к ней лично, по случаю наступающих праздников. От души целую также детей.

Прощай, любезный друг и брат, от души желаю тебе всего лучшего и прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 53—54.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 94—95.

Год устанавливается по словам письма: «Через два месяца будет уже четыре года, как я здесь».

---

[1] М. И. Лекс был назначен товарищем министра внутренних дел в феврале 1852 года; Н. А. Милютин — директором Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел в апреле того же года.

[2] Рапорт Салтыкова Вятскому губ. правлению о представлении его в чин коллежского асессора за выслугу лет был подан 5 февраля 1852 года. Постановление же о производстве в этот чин состоялось 13 апреля (*ГА Киров. обл.,* ф. 583, оп. 603, ед. хр. 241 — автограф Салтыкова, ед. хр. 257, л. 17).

61. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

25 марта 1852. Вятка

Вятка. 25 марта.

От всей души поздравляю тебя, друг и брат, с прошедшим днем твоего рождения и с наступающим праздником Пасхи. Посылаю тебе мое заочное Христос воскрес и мой искренно братский поцелуй. Маменька в последнем письме своем писала ко мне, что ты все хвораешь; это известие меня крайне огорчило; я сам постоянно уж года полтора болен и потому знаю, как это положение несносно. На днях возвратилась к нам губернаторша и сказывала, что ты был у нее и с большим участием обо мне расспрашивал. Благодарю тебя за это участие; верь мне, что я ценю его всем сердцем своим. Губернаторша ко мне очень ласкова, губернатор тоже; но все-таки мне сердечно жаль Середы, которому я обязан как настоящим, так и всем моим будущим, если я впоследствии успею как-нибудь выбраться на дорогу. Если бы ты увидал меня теперь, то, конечно, изумился бы моей перемене. Я сделался вполне деловым человеком, и едва ли в целой губернии найдется другой чиновник, которого служебная деятельность была бы для нее полезнее. Это я говорю по совести и без хвастовства, и всем этим я вполне обязан Середе, который поселил во мне ту живую заботливость, то постоянное беспокойство о делах службы, которое ставит их для меня гораздо выше моих собственных. Середа всегда смотрел на меня с надеждою и участием, и я до конца жизни буду уважать это участие и благоговеть перед памятью этого святого и бескорыстного человека [1]. Все это я счел нужным высказать тебе для того, чтобы объяснить причины привязанности моей к Середе, которые ты, кажется, смешиваешь совсем с иными побуждениями. Так, по крайней мере, я понял из слов губернаторши, которая и сказала мне, что будто бы ты, объясняя мою преданность к дому Середы, делал намек на м-м Середу. Уверяю тебя, что и ты и многие в этом отношении совершенно ошибаются. Я любил м-м Середу, как сын любит мать не совсем еще устаревшую и отцветшую [2].

Прошу тебя, уведомь меня, согласился ли Клеменц шить мне платье, о котором я писал тебе в предыдущем моем письме. Я чувствую в нем большую нужду и крайне был бы сконфужен, ежели бы мне пришлось франтить с помощью вятских портных. Поцелуй от меня Сережу и Илю.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать преданного тебе

М. Салтыкова.

Je Vous félicite, ma bonne et bien chère soeur, de la fête du bon frère Dmitry que j'aime de tout mon coeur. J'éspère — ou au moins je le souhaite — que Vous l'avez passée au milieu de Votre famille d'une manière agréable. Je Vous félicite ensuite ainsi que toute Votre famille des fêtes qui vont arriver prochainement. Je voudrais bien les passer avec Vous, mais que voulez Vous: il parait que le sort sera toujours cruel à mon égard. Je Vous prie d'embrasser de ma part les enfants et de presenter mes respects à Madame Votre mère ainsi qu'à M-me Aline. Ne m'oubliez pas. Votre dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: Поздравляю Вас, добрая и милая сестрица, с днем ангела милого брата Дмитрия, которого я люблю от всего сердца. Я надеюсь или, по крайней мере, желаю, чтобы Вы провели его среди Вашей семьи самым приятным образом. Кроме того, я поздравляю Вас, а также все Ваше семейство с предстоящими праздниками. Я очень хотел бы провести их вместе с Вами, но, что делать! — кажется, судьба навсегда останется жестокой ко мне. Прошу Вас поцеловать от меня детей и передать мои пожелания Вашей матушке и м-м Алине. Не забывайте меня. Преданный Вам *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 55—56.

Впервые опубликовано (раздельно — Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 95—96, и т. XIX, стр. 44.

Год устанавливается по сопоставлению с предшествующим письмом 60.

---

[1] По свидетельству ряда современников, А. И. Середа действительно резко выделялся своими нравственными и деловыми качествами среди губернских администраторов николаевского времени. Подробнее об отношении Салтыкова к А. И. Середе см.: *Макашин I,* по указателю имен.

[2] Есть основания сомневаться в истинности этих утверждений. Скорее, они продиктованы заботой о репутации женщины — предмете пережитого увлечения.

62. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

30 апреля 1852. Вятка

Вятка. 30 апреля.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за дружеское твое письмо. Из него, впрочем, я вижу, что ты все как-то хвораешь, и я, зная по опыту, что такое хворость, не мало огорчаюсь этим. Вот и я все хвораю, да так постоянно, что начинаю думать, что это на всю жизнь будет моим нормальным состоя-

нием. Постоянный кашель и самые несносные ревматические боли во всем теле — это, сам согласись, не малое развлечение. Спасибо и за это; худо только, что иногда ходить почти совсем не могу: подошвы точно изъязвленные. А впрочем, с виду, я молодцом стал; потолстел и возмужал значительно, но это не более как оптический обман, по пословице: не все то золото, что блестит. Посылаю при сем к тебе 200 р. сер. для уплаты Клеменцу части моего долга; насилу мог достать и ежели бы не было у нас типографской суммы, из которой мне дали это в ссуду, то я не знаю, как бы я удовлетворил Клеменца. Пожалуйста, напиши мне, сколько я ему затем останусь должен, и скажи, что я будущею осенью непременно постараюсь уплатить и остальное. Будь так добр, понудь его выслать ко мне заказанное платье; оно до сих пор мной не получено, и я, как Иов многострадальный, хожу в сюртуке с полупродранными локтями.

Скажи мне, пожалуйста, как твое дело с маменькой по Спасскому? Я все нужные документы уж подписал и послал ей от себя доверенность. Не знаю, что̀ из этого будет; я-то надеюсь, что не буду обделен, а за Сережу крепко побаиваюсь; мы оба с ним в настоящее время в полной зависимости от маменьки [1]. Ежели бы была возможность вырваться из проклятой Вятки, я непременно отправился бы в деревню, чтобы хоть как-нибудь устроить его и мое положение. Я тоже уж малый на возрасте: скоро двадцать семь годов стукнет, и надо о завтрашнем дне помыслить. Признаюсь тебе, я все не покидаю своей любимой мысли выйти в отставку и жить в деревне, как только будет у меня свой кусок, которым бы можно мне было заняться [2]. Служить тогда хорошо, когда везет, и я, разумеется, не брошу службы, когда счастье повернется ко мне лицом; служить же без надежды вырваться когда-нибудь из общей колеи чиновного мира, быть всю жизнь советником или даже и вице-губернатором не стоит труда [3]. А главное, не стоит тех огорчений, того разлития желчи, которые сопряжены с истинно добросовестным исполнением своих обязанностей. Кто не служил в провинции, не был в самом источнике управления, тот не может иметь надлежащих понятий о том, что̀ такое служебные тяготы. Как-то идет твоя служба? Будь я на твоем месте, я бы давно из терпения вышел и бросил все. Кстати о службе: обо мне на представление губернатора до сих пор никакой бумаги не получено: ни приказа, ни отказа; нельзя ли узнать, в каком положении это дело и можно ли мне еще надеяться [4]. Впрочем, Вятка все останется Вяткой, и в каком бы положении ни быть, в ней — все та же скука невыносимая. Третьего дня вечером исполнилось ровно четыре

года, как я выехал из Петербурга, и, признаюсь, не мало-таки я призадумался о себе и своем будущем в этот достопамятный день. Впрочем, да будет как велит судьба и звезда моя. С вице-губернатором я в настоящее время в наилучших отношениях, и потому с этой стороны опасаться нечего.

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя, не забывай искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous remercie de tout mon coeur, ma bonne et chère soeur, du souvenir que Vous voulez bien me témoigner par Vos lettres. J'accepte ceci comme quelque chose qui m'est bien, bien cher et Vous ai la plus vive reconnaissance pour toutes les bontés que Vous avez eu pour moi. Ma vie est tout aussi insipide qu'autrefois; je pourrais bien la supporter d'une manière indifférente si je pouvais prévoir qu'elle aura une fin; malheureusement il n'en est rien et il me reste encore bien des années à languir dans l'éxil. C'est presque la mort et quelquefois pire. Embrassez de ma part Vos chers enfans et dites mille choses à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Je Vous embrasse bien fort.

Adieu, tout à Vous

M. Saltykoff.

Перевод: Благодарю Вас от всего сердца, моя милая и добрая сестрица, за память обо мне, которую Вы доказываете мне Вашими письмами. Это очень, очень дорого для меня, и я горячо признателен Вам за всю Вашу доброту по отношению ко мне. Моя жизнь столь же бесцветна, как и прежде; я мог бы переносить ее с безразличием, если бы мог предвидеть, что у нее будет конец; к несчастью, его нет, и мне остается еще много лет пробыть в изгнании. Это почти смерть и даже хуже. Поцелуйте от меня Ваших милых деток и передайте тысячу пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. Крепко обнимаю Вас. Прощайте, весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 57—58.

Впервые опубликовано (раздельно — для Д. Е. и А. Я. Салтыковых): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 96—98, и т. XIX, стр. 44—45.

Год письма устанавливается содержащимися в нем словами: «Третьего дня вечером исполнилось ровно четыре года, как я выехал из Петербурга...» (выехал 28 апреля 1848 г.).

---

[1] См. письмо 58, прим. 5.

[2] Эти мечтания были связаны с неосуществленным намерением Ольги Михайловны передать Салтыкову усадьбу в Ермолино. См. письма 24 и 27.

[3] В свои молодые годы Салтыков не был чужд служебного честолюбия. Однако оно было принципиально и практически далеко от вульгарного чиновничьего искания чинов и наград. Оно исходило из его тогдашнего признания государственной службы полезной и даже необходимой формой «общественного служения».

[4] В который раз Салтыков спрашивает о судьбе давно похороненного властями «представления» губернатора А. И. Середы от 17 марта 1851 года. См. письма 37, 42, 44—46, 48.

63. Д. Е. САЛТЫКОВУ

28 июля 1852. Вятка

Вятка. 28 июля.

Давно уже, любезный друг и брат, не писал я к тебе, да и от тебя, впрочем, не получаю никакой вести. Все это время почти (с июня м-ца) я был в разъездах по губернии, исполняя известное тебе поручение, возложенное на меня министром [1]. Маменька, кажется, очень рассердилась на меня за письмо, которое ей неожиданно попалось в руки, и так как я действительно был неправ против нее, то и сознал себя виновным. Впрочем, надо сказать и то, что личного моего недоверия к ней я не имел и не имею, а опасался только за Сережу. Бог даст, все это устроится к наилучшему концу, и я безгранично рад, что в семье нашей водворяется мир и согласие. Что сказать тебе хорошего о себе? Живу я по-прежнему очень-очень скучно, тем более что мне общество здешнее до крайности надоело, и я большую половину моего знакомства совершенно оставил. Живут здесь люди одними баснями да сплетнями, от которых порядочному человеку поистине тошно делается. У нас есть от вашего министерства ревизор, который порядочной-таки кутерьмы наделал [2]. Управляющий палатой [3] уж уехал от него в Петербург, а прочие обильные потоки слез проливают. Впрочем, надо сказать, что ревизор производит неслыханные вещи: говорит в глаза чиновникам, что они мерзавцы и взяточники, и говорит это при всех в самой палате. Чудеса да и только! Дал палате предложение об одном волостном голове; просит: а) о поступках его произвесть следствие; б) предать его суду и в) созвать волостной сход и при сходе сорвать с него галуны и снять кафтан. Каков сумбур! И следствие-то произвесть, и судить, и наказать — все разом. К сожалению, между действительными канальями есть и действительно порядочные люди, которые могут пострадать от взбалмошности и раздра-

жительности г. Брилевича. Между прочим, ежели ты все еще продолжаешь служить в Лесном департаменте, то нельзя ли помочь глазовскому лесничему Сущинскому, на которого Брилевич поднял гонение за дела давно минувшие не взяточнические, но состоящие в несоблюдении военной дисциплины. Слова нет, что Сущинский виноват, но уж если его гнать, то прочих остается только вешать, ибо, конечно, это один из немногих честных чиновников здешнего управления Гос. Им<уществ>, не говоря уже об лесничих.

Пожалуйста, поцелуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси не забывать меня. Детей я также от души и крепко целую.

Прощай, любезный друг и брат; желаю тебе быть здоровым и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 59—60. Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 458.

---

[1] Выполняя предписание министра внутренних дел о составлении инвентарных описаний на имущества уездных городов Вятской губернии (см. письмо 59), Салтыков в июне и в июле ездил в Орлов и Слободской, причем в первый — дважды *(ГА Киров. обл.,* ф. 582, оп. II/а, ед. хр. 68— записи подорожных Салтыкова от 31 мая и 8 июля 1852 г.; «Вятск. губ. ведомости», 1852, №№ 24 и 31; сообщил Е. Д. Петряев).

[2] Чиновник особых поручений Министерства государственных имуществ А. В. Брилевич.

[3] Управляющий Вятской палатой государственных имуществ В. Е. Круковский.

64. Д. Е. САЛТЫКОВУ

23 августа 1852. Вятка

Вятка. 23 августа.

Спешу всею душой поздравить тебя, любезный друг и брат, а равно и милую сестрицу Адель, с прибавлением семейства в лице новорожденной племянницы Маши. Будь уверен, что я уже всею душою люблю ее, как люблю все твое семейство. Очень жаль, что ты постоянно хвораешь; я и сам пользуюсь не совсем-то хорошим здоровьем, и потому могу довольно близко судить, как неприятно болезненное положение. Вооб-

ще жизнь моя идет как-то неладно: пятый год служу в Вятке, да и бог весть, придется ли когда-нибудь с нею расстаться. Скука смертельная, да и от дела как-то охота отпадает, а между тем дел много и все прекляузные; очень я боюсь, как бы не попасться впросак.

Не писал я к тебе долго, собственно, потому, что мало времени, да и нового ничего нет. Хил, стар и ленив я стал, и ты едва ли узнаешь меня, когда нам придется свидеться. Вятка сделала на меня самое печальное влияние.

Сделай одолжение, поцелуй от меня добрую сестрицу и пожелай ей скорого выздоровления. Желал бы я видеть хоть твоих детей (так как своих у меня нет, да и не предвидится) и от всей души жалею, что желание это не может быть удовлетворено на неопределенное время.

Платье от Клеменца я получил еще в июне месяце и даже попросил бы тебя заказать ему на зиму фрак, двое зимних брюк и два зимних жилета и один бальный. Мне было бы нужно получить эти вещи не далее октября месяца. Скажи Клеменцу, что я зимой непременно вышлю ему еще по крайней мере 150 р. с.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу тебя не забывать искренно любящего

М. Салтыкова.

Всех твоих детей целую, а равно и братьев Сережу и Илю.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, стр. 61—62.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 99—100.
Год устанавливается словами письма: «пятый год служу в Вятке».

65. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

18 октября 1852. Вятка

Вятка. 18 октября.

Давненько уж не писал я к тебе, любезный друг и брат; все это время я был в разъездах [1], так что мне не удалось даже поздравить тебя с прошедшим днем твоего ангела, с чем и поздравляю тебя от всей души теперь, желая всех благ и, главное, спокойствия душевного. Думаю в следующем месяце опять собраться в поход и, таким образом, вести свою бродячую жизнь на неопределенное время [2]. Когда-то кончится мое

изгнание? вот вопрос, который и до сих пор меня занимает так же сильно, как и в первое время моего пребывания в Вятке. Вопрос этот в настоящее время принимает еще больший интерес с переменою министра. Впрочем, я не думаю, чтобы мое положение изменилось к лучшему; напротив того, ожидаю, что еще долго-долго не получить мне освобождения. Интересно бы узнать, в каком положении находятся при новом министре Милютин и Гвоздев, которые неоднократно доказывали свое расположение ко мне и ходатайствовали за меня перед гр. Перовским. Я давно уж не получал писем от маменьки и не знаю, право, чему приписать это молчание. Писала она однажды из Петербурга, да с тех пор и замолчала. Ты не поверишь, любезный брат, какая меня одолевает скука в Вятке. Здесь беспрерывно возникают такие сплетни, такое устроено шпионство и гадости, что подлинно рта нельзя раскрыть, чтобы не рассказали о тебе самые нелепые небылицы. Хотелось бы хоть куда-нибудь перейти в другое место, только чтобы избавиться от этой непотребной Вятки. Хочется мне подать в отпуск, и это я намерен сделать на днях; это будет как бы проба с моей стороны, чего я могу ожидать за мою службу из министерства. Ежели я решусь на этот шаг, то не замедлю тебя уведомить с просьбою справиться в департаменте полиции, какой ход будет дан этому делу. Сделай одолжение, уведоми меня, любезный друг, получил ли ты мое письмо, которым я просил тебя о заказе Клеменцу нового платья, и взялся ли он исполнить этот заказ. Уж вот конец октября, а я ничего не получаю из заказанных вещей.

Меня, между прочим, приглашал оренбургский гражд<анский> губ<ернатор> Я. В. Ханыков (которого я знал по Милютиным) к себе в Уфу на службу на место советника же губернского правления. Я отвечал ему, что готов на это с величайшей охотой, но не знаю, может ли иметь моя просьба успех[3]. Впрочем, я об этом маменьке ничего не писал, да и тебя прошу до времени умолчать, потому что это может ее потревожить.

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя перецеловать всех твоих деток, и в особенности Мишу, которого поздравляю с будущими именинами, и затем, желая тебе всего лучшего, прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Bonjour, ma très chère et bonne soeur, je pense que Vous êtes déjà remise de Votre maladie, et je me hâte de Vous en féliciter. Quant à moi je me porte assez bien, mais je souffre du plus ter-

rible des ennuis que Vous puissiez Vous imaginer. J'éspère qu'il Vous arrive de Vous rappeler de moi; pour ma part je ne désire rien autant que le plaisir de Vous revoir. Je Vous prie de dire mille bonnes choses de ma part à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline

Votre très dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: Здравствуйте, моя милая и добрая сестрица, надеюсь, что Вы уже оправились от Вашей болезни, и спешу Вас поздравить с этим. Что касается меня, то я здоров, но страдаю самой ужасной скукой, которую Вы можете себе представить. Надеюсь, что Вам случается вспомнить обо мне; со своей стороны я ничего так не хотел бы, как удовольствия видеть Вас. Прошу Вас, передайте тысячу добрых пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. Ваш глубоко преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 63—64.

Впервые опубликовано (раздельно — Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 100—101, и т. XIX, стр. 45.

Год устанавливается упоминанием о «перемене» министра внутренних дел: смена на этом посту Л. А. Перовского Д. Г. Бибиковым произошла в октябре 1852 года.

---

[1] В сентябре — октябре Салтыков ездил в г. Слободской для ревизии местной градской думы и в разные места Слободского уезда по делу о лесных дачах (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 12, № 351).

[2] Этот «поход», предметом которого должна была быть очередная ревизия уездных учреждений, не состоялся, так как был заменен экстраординарной командировкой в заштатный город Кай. См. письма 66 и 88.

[3] Письмо Салтыкова к Я. В. Ханыкову, бывшему лицеисту и петербургскому знакомому, неизвестно. Неизвестны и подробности неудачи, постигшей эту очередную попытку Салтыкова покинуть Вятку. См. письмо 69.

66. ВЯТСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. Н. СЕМЕНОВУ

20 ноября 1852. Кай

Ваше Превосходительство.

Из предписания Вашего превосходительства от 17-го сего месяца, и в особенности из сделанной на оном заметки карандашом, я не могу не видеть, что Ваше превосходительство не-

довольны моими распоряжениями по возложенному на меня поручению, и в особенности краткостью рапорта моего от 15 ноября.

Ваше превосходительство сами изволите знать, как тяжело мне было, при постоянном моем нездоровье, отправляться в г. Кай, где я живу уже вторую неделю в самом мучительном положении; известно также Вашему превосходительству и то, в какой степени я дорожу добрым мнением о моей службе; этих фактов достаточно, чтобы убедиться, что с моей стороны были употреблены все меры кротости и увещания и что я решился просить о присылке воинской команды, движимый только самою крайней необходимостью.

Василий Ефимович[1] сообщал мне наставления, данные Вашим превосходительством о том, каким образом действовать при укрощении крестьян; все эти средства были уже употреблены мною; мало того: я уговаривал крестьян, чтобы они дали только подписку в том, что они не платят оброк не по упорству, а по бедности (ибо при таком отзыве можно было бы предоставить Гуднину ведаться с ними своим порядком), но и этого добиться не мог. Я предъявлял г. Круковскому проект подписки, которой я от них требовал, и он может засвидетельствовать, что снисходительнее поступить было невозможно.

Быть может, что г. Круковскому и удастся кончить это дело миролюбиво, но, во всяком случае, я до настоящего времени имею сильный повод сомневаться в этом, ибо очень может быть, что крестьяне даже и вовсе не явятся к нему. По крайней мере, несмотря на наше приказание и посылку сотских и десятских, до сих пор собралось только самое незначительное число.

Что касается до краткости моего рапорта, то я имею честь доложить: 1) Я не счел нужным подробно объяснять Вашему превосходительству, в чем состоит неповиновение крестьян, потому что это было подробно объяснено в рапорте Временного отделения земского суда по сему предмету.

2) Рапорт этот был отправляем в глазах собравшихся крестьян; я счел нужным именно в это время, а не позже сделать это, для того чтобы крестьяне убедились, что с ними не шутят, ибо они между собою постоянно и громко говорят, что все дело кончится ничем и они поставят-таки на своем. Поспешность отправления и вынудила меня быть кратким.

3) Потому, что у меня изготовлено уже совершенно подробное донесение Вашему превосходительству по этому делу,

которое я не премину представить по совершенном исполнении поручения.

Докладывая о сем Вашему превосходительству, я осмеливаюсь, как особенной для себя милости, испрашивать разрешения возвратиться в город Вятку вместе с г. Круковским[2], ибо если и его усилия, соединенные вместе с моими, не приведут к желаемой цели, то воинская команда будет уже совершенно необходима, а так как, во всяком случае, для усмирения крестьян не потребуется более одной роты, то ею может распорядиться и местная земская полиция.

При сем, ежели Ваше превосходительство признает ходатайство мое уважительным, то не благоугодно ли будет Вам дать мне о сем знать предписанием, разрешив местное Временное отделение, в случае неуспеха увещания, требовать воинскую команду прямо от себя, как это и было первоначально написано в предписании Вашем, но потом зачеркнуто.

С величайшим почтением и глубочайшею преданностью
имею честь быть Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Михаил Салтыков.

20 ноября 1852 г.
г. Кай.

Печатается по подлиннику: *ГА Киров. обл.*, ф. 582, оп. 139, № 358, лл. 21—22 об. Текст подготовил Е. Д. Петряев.

Полностью публикуется впервые; частично в статье: А. Лясковский. Новое о Салтыкове.— «Беседа», Berlin, 1924, кн. 5.

---

10 ноября 1852 года Салтыков получил от губернатора Семенова предписание отправиться в заштатный город Кай для расследования и прекращения возникших там крестьянских «своевольства и буйства». Волнения возникли на почве запутанных в течение многих лет экономических отношений государственных крестьян Слободского уезда Трушниковской волости с арендаторами входившей в этот уезд казенной сенокосной земли, так называемой «Камской оброчной статьи».

Разобравшись в существе дела, Салтыков понял обоснованность требования крестьян (см. Приложения, II). Но в качестве чиновника, специально командированного для ликвидации «волнений», к тому же политически поднадзорного, он должен был искать путей и способов их устранения. И когда его многократные попытки уговорить крестьян прекратить сопротивление не дали результатов, губернатору был послан краткий рапорт «о присылке на место возмущения воинской команды» (*ГА Киров. обл.*, ф. 582, оп. 139, ед. хр. 358, лл. 16—16 об.). Рапорт составлялся — в надежде на психологическое воздействие — в присутствии крестьян и был подписан,

кроме Салтыкова, жандармским штаб-офицером Дувингом и лесным ревизором капитаном Соломко. Губернатор, поняв, что Салтыков не в состоянии справиться с данным ему поручением, послал на место событий другого чиновника, Круковского (см. о нем письмо 63, прим. 3), которому и удалось достичь компромисса между крестьянами и оброкосодержателем. Действиями Салтыкова губернатор остался недоволен. На полях донесения Круковского, против того места, где тот стремился «выгородить» Салтыкова, находившегося с ним в дружеских отношениях, губернатор написал: «Едва ли! Салтыков ничего не сделал для усмирения крестьян». Эта оценка была подтверждена отказом губернатора представить Салтыкова к награде — ордену Станислава 4-й степени, полагавшегося по статусу за прекращение крестьянских беспорядков. Подробнее см. в назв. статье А. Лясковского и *Макашин I,* стр. 346—352.

---

[1] Круковский.

[2] Отвечая на эту просьбу, губернатор писал Салтыкову 22 ноября (1852 г.): «...разрешение по предмету возвращения Вашего в Вятку, так и вообще на счет дальнейших действий по предмету возложенного на Вас поручения <...> будет дано от меня особо по возвращении сюда г. управляющего Палатой государственных имуществ Круковского» (*ГА Киров. обл.,* ф. 582, оп. 139, ед. хр. 358, лл. 32—32 об.— Сообщил Е. Д. Петряев).

67. ВЯТСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. Н. СЕМЕНОВУ

20 декабря 1852. Вятка

Его превосходительству
господину Вятскому
гражданскому губернатору
советника Вятского губернского
правления коллежского асессора
Михаила Салтыкова

Прошение

В апреле 1848 года по высочайшему повелению, последовавшему на всеподданнейший доклад, г. военного министра переведен я на службу в Вятскую губернию за помещение в периодических изданиях сочинений, обнаруживающих вредное направление.

С тех пор прошло уже более пяти лет, и обстоятельства мои во многом изменились. Смею думать, что во все это время,

и образом моих мыслей, и всеми моими действиями по службе, я постоянно и достаточно доказывал, что вредное направление, за которое я так много, хоть и заслуженно пострадал, давно отброшено мною в число тех заблуждений молодости, к которым уже не возвращаются.

Достигнув этого результата путем нравственного убеждения и имея твердую решимость в течение всей моей жизни остаться истинным и верным слугою престола, я в самой этой решимости почерпаю смелость надеяться, что высшее правительство примет во внимание понесенное мною наказание и безусловную мою покорность и снизойдет к кратковременному моему заблуждению, которое, конечно, никогда не возобновится.

Льщу себя надеждою, что и Ваше превосходительство не оставите меня своей защитой и покровительством, и в этом убеждении решаюсь утруждать Вас всепокорнейшею моей просьбой об исходатайствовании мне четырехмесячного отпуска в Ярославскую, Тверскую и Московскую губернии.

К сему считаю долгом присовокупить, что к ходатайству сему я вынужден еще и тем, что в прошлом году я имел несчастье лишиться отца, вследствие чего личное мое присутствие в семействе оказывается необходимым для устройства домашних дел.

Советник Вятского губернского правления
Коллежский асессор
Михаил Салтыков.

Вятка. 1852 г. 20 декабря

На письме резолюция губернатора: Представить министру с приложением сего прошения и с моим заключением, что в настоящее время к увольнению Салтыкова в отпуск я препятствий не нахожу.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 5, № 1, лл. 38—39.

Впервые упоминается в издании: «К столетию Комитета министров (1802—1902)». Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II, ч. 2. СПб., 1902, стр. 257—258. Вторичная публикация: газ. «Слово», 1908, 14/27 марта, № 405.

«Прошение» Салтыкова, поддержанное губернатором, прошло затем через инстанции III Отделения, Военного министерства, Министерства внутренних дел и Комитета министров. «Высочайшее повеление», разрешавшее Салтыкову 4-месячный отпуск «во внутренние губернии, кроме столичной», последовало 17 марта 1853 года. *Макашин I,* стр. 461 и 561.

68. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

22 декабря 1852. Вятка

Вятка. 22 декабря.

Поздравляю тебя, любезный друг и брат, с прошедшим днем ангела милой сестрицы Адели и с наступающими праздниками Рождества Христова и Нового года. Желаю тебе будущий год и встретить и провести как можно счастливее; что до меня, то я как-то уж отвык от идеи когда-нибудь дождаться счастливой минуты быть освобожденным из Вятки. Впрочем, на днях я сделал новую попытку в этом роде: подал прошение о разрешении мне четырехмесячного отпуска в Ярославскую, Тверскую и Московскую губернии. Представление об этом пошло еще с прошлой почтой, т. е. 20 декабря, и ежели тебя не отяготит моя просьба, то ты сделаешь мне большое одолжение, справившись в Д<епартамен>те полиции исполнительной о ходе этого дела, а также и о том, не поступило ли туда представление Оренбургского гражданского губернатора Ханыкова о переводе меня в тамошнее губернское правление. Исход этого последнего дела меня крайне интересует, потому что надо тебе сказать, что, благодаря городским сплетням[1], нисколько не относящимся ни до службы моей, ни до положения моего, как находящегося под надзором полиции, я нахожусь под опалою у губернатора. Вследствие этих сплетен я рискую из отличного человека и чиновника сделаться сначала хорошим, потом довольно хорошим, а наконец и самым посредственным человеком и чиновником. Все это тем грустнее, что нередко участь человека связана с такими пустыми обстоятельствами, которые, что называется, выеденного яйца не стоят. Да, провинциальная жизнь великая школа, но школа очень грязная, и я отдал бы половину всей моей остальной жизни, чтобы хоть этою ценою откупиться от этой школы, полной клеветы и оскорблений. От этого, в представлении о моем отпуске, говорится просто и холодно, что к разрешению его препятствия нет, тогда как мне были обещаны чуть не золотые горы. Я уверен, что ежели бы и дал малейший претекст[2], то и препятствие нашлось бы; но я веду себя так честно и чисто, что отыскать препятствие значило бы взвести такую клевету, которую ни в каком случае оправдать нельзя. Прихожу к тому убеждению, что чем больше служишь людям, тем более они будут требовать и, наконец, когда потребуют невозможного, то за неисполнение будут пить кровь до последней капли. Таково положение моих дел, и потому я встречаю новый год с

величайшей грустью в сердце. Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе быть здоровым и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

P. S. Пожалуйста, уведомь меня о числе потомства Любочки:[3] она, как Рахиль, непрестанно дарит свету новых жителей, и я никак не могу сообразить числа их. Нельзя ли также достать от Клеменца счет должным ему мною деньгам.

Поклон мой Сереже и Иле.

Je me souviens très bien, ma très chère soeur, du jour de Votre fête, et je profite de cette occasion pour Vous en féliciter, ainsi que de la fête de l'an 1853, que je Vous souhaite de passer dans l'accomplissement de tous Vos voeux. C'est déjà la cinquième fois que je vois venir le jour de l'an loin de Vous, ma bonne soeur, et de tous ceux que j'aime, et malgré moi mon coeur se serre toujours et chaque fois plus douloureusement. Je Vous prie de dire mille bonnes choses de ma part à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. J'embrasse Vos enfants de tout mon coeur. Je Vous prie, en outre, de Vous souvenir de Votre frère dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: Я очень хорошо помню, милая сестрица, день Вашего ангела и пользуюсь этим случаем, чтобы поздравить Вас с ним, а также и с новым 1853 годом, который желаю Вам провести с исполнением всех Ваших желаний. Уже пятый раз я встречаю Новый год вдали от Вас, моя добрая сестра, и всех тех, кого я люблю, и сердце мое невольно сжимается каждый раз все более болезненно. Прошу Вас передать от меня тысячу добрых пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. От всего сердца целую Ваших деток. Прошу Вас помнить о Вашем преданном брате

М. Салтыкове.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 65—66.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 101—102, и т. XIX, стр. 46—47.

Год устанавливается по словам письма: «Уже пятый раз я встречаю Новый год вдали от Вас...»

---

[1] О каких «городских сплетнях» идет речь — неизвестно. О частной жизни Салтыкова в Вятке и его взаимоотношениях с местным обществом сохранилось ничтожно мало сведений. Главнейшие здесь источники — «Опыт характеристики...» Салтыкова периода Вятки, написанный Л. Н. Спасской по воспоминаниям ее родителей и деда (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 533—

552), и «Отрывочные воспоминания» Вятича, напечатанные в «Псковском городском листке», 1887, № 91 (т. е. еще при жизни писателя). В воспоминаниях Вятича приводится, в частности, эпизод с вызовом Салтыкова на дуэль сосланным поляком К.— вызовом, которому Салтыков «придал комический оттенок». Но ни в том, ни в другом источнике нет фактов, которыми можно было бы удовлетворительно объяснить жалобы в настоящем и следующем письмах.

[2] повод (от *франц.* prétexte).

[3] У сестры Салтыкова, Любови Евграфовны, находившейся в замужестве за тверским помещиком, майором Николаем Александровичем Зиловым, было пятеро детей: два сына — Петр и Александр и три дочери — Ольга, Надежда и Параскева. Последняя получила впоследствии под фамилией Веревкина (по мужу) некоторую известность как оперная певица.

1853

69. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

24 марта 1853. Вятка

Вятка. 24 марта.

Тысячу раз прошу тебя извинить меня, любезный друг и брат, за мое продолжительное молчание. Я в течение последних двух месяцев был до пяти недель в командировке [1], и это отчасти может послужить мне оправданием в твоих глазах. Сегодня день твоего рождения, и я, всем сердцем поздравляя тебя с этим праздником, искренно и крепко жму твою руку, от души сожалея, что не могу вместе с вами провести этот день. Поздравляю тебя также и с переменой места служения; [2] письмо твое, известившее меня об этом, крайне меня порадовало, но, будучи в командировке, я получил его чрезвычайно поздно.

На днях получил я известие, что перевод мой в Уфу не состоялся; [3] подробностей отказа мне не сообщают, я признаюсь, это сильно меня тревожит; неужели я на целую жизнь осужден быть в Вятке? А о результате моей просьбы в отпуск все еще ни слуху ни духу, и я решительно не знаю, что и думать. Нельзя ли хоть как-нибудь узнать, что̀ делается по этому предмету; неужели и в деревню мне не дозволено будет съездить? Отношения мои здесь таковы, что жизнь моя делается просто несносною, и я решился испытать всевозможные средства, чтобы хоть как-нибудь вырваться отсюда. На днях проезжал через Вятку генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев; ему рекомендовали меня, и он предложил мне служить у него. Несмотря на то что Иркутск находится в 6000 верстах от Петербурга, я решился на эту последнюю меру и подал ему записку о переводе меня в те края на службу. В настоящее время Муравьев должен быть в Петербурге, и дело мое уже в ходу. Я не писал об этом маменьке, да и не знаю, право, как написать, чтобы не испугать ее отдалением, а между тем мне один только этот выход и остался, чтобы хоть ког-

да-нибудь получить освобождение, потому что в Вятке я, сколько ни живи, все никогда ничего не получу. Признаюсь тебе, что ежели бы я и совершенно свободен был, то и тогда бы я не усумнился служить при Муравьеве, потому что его очень хвалят, и притом у него уже служат трое из моих товарищей по Лицею, вышедших после меня, и один из них на днях уже назначен вице-губернатором[4]. Пожалуйста, напиши мне, если можешь узнать о ходе этого дела, и о том, каким бы образом уведомить мне об этом маменьку.

Прощай, любезный друг и брат, от всей души желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous félicite, ma très chère et bonne soeur, de l'anniversaire du jour de naissance de notre commun ami; je Vous assure que l'impossibilité de partager Votre joie de famille est la principale chose qui me désole véritablement. Je Vous prie d'embrasser de ma part Vos chers enfants; j'éspère que Michel est déjà un jeune homme grand et instruit. Mes sincères compliments à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Je Vous prie de croire à mon sincère attachement.

M. Saltykoff.

Перевод: Поздравляю Вас, милая и добрая сестрица, с днем рождения нашего общего друга; уверяю Вас, что невозможность разделить Вашу семейную радость — это главное, что меня истинно огорчает. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших милых деток; надеюсь, что Миша уже совсем взрослый и образованный молодой человек. Мое сердечное поздравление Вашей матушке и м-м Алине. Прошу Вас верить моей сердечной привязанности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 67—68.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 102—103, и т. XIX, стр. 47.

Год устанавливается по упоминанию о проезде (в марте 1853 г.) через Вятку генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

---

[1] Салтыков ездил сначала на ревизию земского суда в г. Нолинск, а потом в г. Малмыж для ревизии дел местного градского головы («Вятск. губ. ведомости», 1853, № 7 и 13). 24 января 1853 года ему были выданы «подорожные» на разъезды по делам службы на три месяца (*ГА Киров. обл.,* ф. 582, оп. 11/а, ед. хр. 91, л. 5).

[2] Дмитрий Евграфович перешел в марте 1853 года из Лесного департа-

мента Министерства государственных имуществ в Инспекторский департамент гражданского ведомства I Отделения собств. е. и. в. канцелярии на должность старшего инспектора.

[3] См. письмо 65, прим. 3.

[4] Знаменитого генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (в будущем присоединившего к своей фамилии титул «графа Амурского») Герцен характеризовал в «Былом и думах» словами: «Демократ и татарин, либерал и деспот». Познакомившись с Салтыковым, при проезде через Вятку, Муравьев действительно принял в нем живое участие. Он ходатайствовал перед Николаем I о переводе Салтыкова в штат состоявших при нем в Иркутске чиновников особых поручений. Но в ответ на свое ходатайство получил от царя ответ: «Рано» (*Белоголовый,* стр. 615). Записка Салтыкова, поданная Муравьеву, неизвестна. Из старших товарищей Салтыкова по Лицею при Муравьеве служили Ф. А. Беклемишев, А. И. Бибиков и Б. В. Струве.

70. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

21 апреля 1853. Вятка

Вятка. 21 апреля.

От всего сердца благодарю тебя, любезный друг и брат, за утешительное известие, которое я получил с последним письмом твоим[1]. С своей стороны поздравляю тебя с наступившими праздниками Пасхи Христовой и желаю тебе провести их в полном счастии и спокойствии; душою и я участвую в вашей пасхальной трапезе. Мне до крайности жаль будет, ежели я буду лишен случая видеть тебя в деревне будущим летом; после пятилетней разлуки было бы очень грустно потерять такой случай, который может не возобновиться на неопределенное время. Я еду из Вятки в первых числах июня и, следовательно, буду иметь полную возможность пробыть в деревне до октября месяца. Ежели есть хоть малейшая возможность видеться нам, то я уверен, что ты не лишишь меня этого удовольствия. Притом же мне многое хотелось бы передать тебе и маменьке вместе, а обмен всех чувств и мыслей гораздо удобнее производить лично, нежели на бумаге. Здесь уже получено предписание министра относительно моего отпуска, и, следовательно, затруднения быть не может. Впрочем, я, во всяком случае, не могу уехать прежде, нежели получу от маменьки на поездку денег. Очень рад, что служба твоя идет в настоящее время хорошим путем; зная твои постоянные труды и твою ревность к занятиям, я не сомневаюсь, что перемена эта будет сопряжена с действительною пользою для тебя. Что касается до моей службы, то она в настоящее

время идет довольно тихо, в том отношении, что я в течение пяти лет не получил еще ни одной награды. Я бы был, впрочем, доволен своею службою, ежели бы не боялся той ответственности, с которою она сопряжена, ибо и через двадцать лет она может отозваться на мне самым неприятным образом.

Пять лет я не имел никакого сообщения с братом Николаем, и я имею в отпуске моем двойное удовольствие: он поможет мне возобновить те родственные связи, которые как-то слишком слабо держатся в нашем семействе. Ежели ты имеешь влияние на брата Илью, то посоветуй ему поступить в Кирасирский полк [2], который стоит в Царском Селе: там содержание дешевле, и ему приятнее будет самому видеть себя на ряду с другими.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе быть здоровым и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

P. S. Ежели можно что-нибудь узнать о судьбе ходатайства Муравьева, то будь так добр, сообщи мне.

C'est de tout mon coeur que je Vous félicite, ma très chère et bonne soeur, de la fête de Pâques. Je Vous remercie de Votre bon souvenir et j'ai quelque petit espoir de pouvoir Vous dire personnellement toute l'affection et tout l'estime que je Vous porte. Je ne saurais Vous décrire combien la nouvelle de ma liberté temporelle m'a fait de la joie. Je Vous prie d'embrasser Vos enfants de ma part et de les embrasser bien tendrement; Vous aurez aussi la bonté de transmettre mille respects de ma part à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Je Vous prie de croire à mon dévouement fraternel.

Michel Saltykoff.

Перевод: От всего сердца поздравляю Вас, милая и добрая сестрица, с праздником Пасхи. Благодарю Вас за Вашу добрую память и питаю маленькую надежду, что смогу лично выразить Вам мое уважение и мои чувства. Не могу Вам описать, в какую радость приводит меня новость о моей временной свободе. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших деток, поцеловать как можно нежнее; будьте добры также передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. Прошу Вас верить моей братской преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 69—70.

Впервые опубликовано (раздельно — для Д. Е. и А. Я. Салтыковых): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 103—104, и т. XIX, стр. 47—48.

[1] Известие о «высочайшем повелении», разрешавшем Салтыкову 4-х месячный отпуск (см. письмо 67). Официальная бумага об этом (предписание министра) пришла в Вятку 16 апреля, а выехал Салтыков в родные места 16 июня. Предваряя его поездку, к начальникам Тверской и Ярославской губерний губернатором Семеновым были направлены уведомления о предстоящем прибытии чиновника, находящегося «под особым надзором» (*ЦГАОР, «Дело» № 169*, лл. 31—34).

[2] Совет возымел действие. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Илья Евграфович Салтыков поступил в лейб-гвардии Кирасирский его величества полк, шефом которого был сам император, но, дослужив всего до чина штабс-ротмистра, вышел в отставку.

71. Д. Е. САЛТЫКОВУ

28 июня 1853. Спасское

Спасское. 28 июня.

Вот я уж и в Спасском, любезный друг и брат, и пользуюсь <посыл>кою оказий, чтобы побеседовать с тобою. Приехал я <сюд>а 20-го числа, да все <время> в Ермолине <с ма>менькой, а в Спасское только сегодня <яви>лся. Отпуск мой кончится 16-го <октя>бря; я нарочно так устраивал, чтобы <име>ть возможность видеть тебя; надеюсь, <что> ты не лишишь меня этого удовольствия, <т>ем более что мы бог знает когда еще уви<ди>мся. Я слышал от маменьки, что Сережа <вс>тречает затруднение проситься в отпуск: <не>льзя ли устранить это затруднение, тем <более что при>чина есть довольно уважительная <...> [1]. Во всяком случае, для брата Или этого-то затруднения быть не может, а потому я прошу тебя передать ему, что я его убедитель<но про>шу приехать в деревню, как т<олько> встретится возмож<ность>, и если можно, то побыть со мной. Нельзя ли <устр>оить это вовремя. Маменька в чрезвычайных хло<потах>, устраивает к освящению Егорье<вский храм> [2], да притом еще дня за два тому <назад> в Ермолинском имении открыли<сь при>знаки холеры; в одной, впрочем, то<лько> деревне, а в Спасском все благопо<лучно>. За этими хлопотами едва ли она най<дет> время писать к тебе, а потому <пору>чила мне передать э<то>. В Спасском все по-пре<жнему...> [3]. <...>

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 27—28. Значительная часть текста утрачена вследствие повреждения бумаги.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 104—105.

---

[1] Далее в тексте ряд плохо сохранившихся слов, из которых можно понять, что Салтыков опасается быть еще более удаленным от семьи, если его «переведут» в Оренбург или Уфу.

[2] Егорьевский храм — каменная церковь в честь св. Георгия Победоносца, выстроенная Ольгой Михайловной в двух верстах от ее «резиденции» — Ермолино, при деревне Станки, на реке Хотче. Сохранились руины храма.

[3] Далее ряд нечитаемых слов до: «Маменька удивилась». Затем письмо обрывается.

72. Д. Е. САЛТЫКОВУ

Июль 1853. Спасское или Ермолино

И я, любезный друг и брат, пользуюсь этим случаем, чтобы побеседовать с тобою. Кажется, что едва ли мой приезд впору: всем вам, как видно, или не время, или по обстоятельствам нельзя побывать в деревне и видеться со мною. Это меня крайне огорчает, и, признаюсь, огорчает тем более, что я не знаю, какие обстоятельства могут препятствовать отлучиться хоть на неделю, если нельзя больше. Впрочем, если нельзя, так делать нечего. Жалко только, что я не знал этого: лучше бы зимой приехать.

Прошу тебя передать мой братский поцелуй милой сестрице и поцеловать всех племянников и племянниц. Мое почтение мил<остивой> гос<ударыне> Каролине Петровне, равно как и Алине Яковлевне.

Прощай, прошу не заб<ывать> <...>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 46, л. 3 об. Приписка на письме О. М. Салтыковой к Д. Е. и А. Я. Салтыковым. Текст поврежден. Конец письма не сохранился.

Публикуется впервые.

Год письма «1853» помечен рукой О. М. Салтыковой. Месяц устанавливается словами: «Кажется, что едва ли мой приезд впору...» и т. д. Они указывают на начальный период отпускного пребывания Салтыкова в родных местах, но после 28 июня — даты предшествующего письма.

73. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

28 августа (?) 1853. Спасское или Ермолино

<...> [1] Увидав меня, ты <рассказы>вал ей, что я растолстел, а я между <те>м все щепка щепкой и в лице, говорят, <не> переменился, только лихие болести прибавились, рев-

матизмы да кашель. Теперь, впрочем, чувствую себя как будто <лучше> и надеюсь, что в деревне при совер<шенном> спокойствии и при маменькином <сы>том откармливании поправлюсь <и поеду> в Вятку, подернутый янтарем. Хорошо, кабы ты к освященью приехал, а у нас здесь архиерей будет, и мне, многогрешному, не совладать с ним, особливо при отвлечении маменьки хозяйственными хлопотами. Да привез бы хоть <показ>ать твоих птенцов, если все <здоровы удовлетво>рительно. Хотелось бы мне взг<лянуть на> Мишу, который и соименник мой <и в один> день со мною родился. Впрочем, ты моими желаниями не стесняйся: я иной раз прихотлив, <как> беременная женщина. Прощай, любезный <друг> и брат, прошу тебя, не забывай искренно <тебя любящего

М. Салтыкова.>

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, л. 29. Текст плохо сохранился, вследствие повреждения бумаги, и дается в реконструкции. Значительная часть письма утрачена. На обороте сохранились отрывки письма к А. Я. Салтыковой на франц. языке.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 105.

Датируется указанием на предстоящее «освящение Егорьевского храма». По-видимому, это то письмо, о котором сказано в письме 74 от 30 августа: «Я недавно, т. е. не далее как третьего дня, писал тебе...»

---

[1] Начало письма не сохранилось.

74. Д. Е. САЛТЫКОВУ

30 августа 1853. Ермолино

Ермолино. 30 августа.

Пользуюсь случаем, чтобы хотя коротенько побеседовать с тобою, любезный друг и брат. В Петербург отправляется крестьянин деревни Куреевой Иван Артамонов, и маменька поручила мне попросить тебя выдать ему пачпорт на такой срок, как он сам того пожелает. Я недавно, т. е. не далее как третьего дня, писал тебе подробно о нашем житье-бытье и потому не имею тебе сказать ничего нового, кроме того, что маменька все сильнее и сильнее озабочивается неполучением никаких известий от вас и сильно занята приготовлениями ко освящению Егорьевского храма, до которого всего остается одна неделя. Впрочем, я полагаю, что, покуда письмо это дойдет до тебя, ты успеешь получить от меня еще несколько дру-

гих по почте[1]. Передай мой дружеский поцелуй милой сестрице, братьям и деткам твоим.

Прощай, любезный друг и брат, прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 11, № 319, л. 3.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 105—106.

---

[1] Среди этих писем были и не дошедшие до нас, в частности, те, из которых видно, что Салтыков во время своего отпуска жил не только в Спасском и Ермолино, но также ездил к сестре Л. Е. Зиловой в село Страшевичи Старицкого уезда Тверской губернии.

75. Д. Е. САЛТЫКОВУ

18 сентября 1853. Ермолино

Ермолино. 18 сентября 1853 г.

Маменька по недосугу поручила мне написать тебе, любезный друг и брат, что она посылает тебе при сем пятьсот рублей серебром. Вчера отправлен маменькою в Петербург повар Николай, который повез письма как к тебе, так и прочим братьям и Катеньке. Маменька просит тебя скорейшего уведомления на письмо, посланное с Николаем относительно дел ее. Еще одно просила меня передать тебе маменька; известно тебе, что Чириков <...> [1]

<...> нынешним летом в наших сторонах и желали видеться с маменькой, но не успели, потому что спешили в Петербург. Жукову принадлежит Никитское и часть Михайловского, а Миллеру Зайцево. Они проявили желание видеть тебя и спрашивали твой адрес, вероятно, с намерением переговорить о продаже. Нынче маменька послала им твой адрес и поручила написать тебе, что ежели кто-нибудь из них приедет к тебе, то ты немедленно сообщи маменьке о резу<льтатах>...

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, л. 30. По-видимому, значительная часть текста письма утрачена; оно сохранилось в двух отрывках.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 106.

---

[1] Далее бумага с текстом письма обрывается, и затем текст начинается с другого сохранившегося отрывка.

76. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

6 ноября 1853. Вятка

Вятка. 6 ноября.

Прошу тебя извинить меня, любезный друг и брат, за долгое мое молчание. С самого моего приезда я проводил все время в устройстве моего маленького хозяйства [1], в приеме дел и неизбежных визитах к властям, и потому почти совсем не имел досуга, чтобы писать к тебе. Поздравляю тебя с именинником, которому от всей души желаю всего лучшего. С согласия маменьки я просил у бывшего нашего вице-губернатора Болтина руки его дочери, но так как этой персоне в августе месяце только минуло 15 лет, то и получил ответ, что я могу возобновить свое предложение через год. Во всяком случае, я имею надежду, что мое предложение не будет отвергнуто, и потому вправе считать себя в настоящее время женихом. Одно только вводит меня в сомнение: боюсь, чтобы отдаленность и разлука не изменили чувств персоны, о которой идет речь [2]. А персона такая миленькая, что, право, жалко будет, если достанется она в удел какому-нибудь шалопаю. Как-то ты время проводишь? Я живу себе помаленьку: то ссорюсь, то мирюсь с губернатором, а с новым вице-губернатором живу ладно [3]. Когда-то судьба сжалится надо мною и дозволит мне служить в Петербурге? Между прочим, это может служить серьезным препятствием к осуществлению моих планов насчет женитьбы, потому что кто живал в Вятке, тот не скоро охотою согласится возвратиться в нее. Я писал к брату Илье несколько раз из деревни, а от него ни одного письма не получил. Такое забвение не только родственных чувств, но всяких приличий и огорчает и изумляет меня. Грустно, если все мы будем как чужие друг с другом. А впрочем, я никому не навязываюсь.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous félicite de tout mon coeur, ma très chère et bonne soeur, de la fête de Michel, que j'aime de tout mon coeur, ainsi que tous vos enfants que je Vous prie d'embrasser de ma part. Je Vous avoue que je m'ennui ici à mourir, surtout l'hiver me fait passer des heures cruelles puisque c'est l'hiver, que j'ai toujours eu le plus de plaisir à passer à Pétersbourg. Vous sau-

rez par ma lettre à Dmitry mes projets pour l'avenir, souhaitez-moi bonne chance. Je Vous prie de présenter mes respects à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. J'éspère que Vous ne voudrez pas oublier celui qui se dit Votre frère dévoué,

M. Saltikoff.

Перевод: Поздравляю Вас от всего сердца, дорогая и добрая сестрица, с именинами Мишеля, которого я люблю всем сердцем, так же как и всех Ваших детей, которых прошу Вас поцеловать за меня. Уверяю Вас, что я скучаю здесь до смерти, и особенно зима приносит мне горькие часы, потому что именно зиму я с наибольшим удовольствием проводил в Петербурге. Из письма к Дмитрию Вы узнаете о моих планах на будущее, пожелайте мне счастья. Прошу Вас передать Вашей матушке и мадам Алине мое глубочайшее уважение. Надеюсь, что Вы не забудете того, кто называет себя Вашим преданным братом,

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 71—72.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 106—107.

Часть письма, обращенная к А. Я. Салтыковой, печатается впервые.

---

[1] Салтыков вернулся в Вятку 15 октября. Он жил по-прежнему в «доме Раша» на Вознесенской ул. (см. письмо 38), снимая весь дом — «пять белых покоев и один черный», а также усадьбу при доме с двумя «службами» (*ГА Киров. обл.,* ф. 630, оп. 3, ед. хр. 17 и 21, сообщил Е. Д. Петряев). С ним жили крепостные люди из Спасского — «дядька» Платон и камердинер Григорий. Кроме того, Салтыков нанимал кухарку, а с начала апреля 1854 года и кучера, так как были куплены пара лошадей с летним и зимним «выездами» (*Спасская,* 535).

[2] В августе 1853 года А. П. Болтин был переведен на службу во Владимир, также вице-губернатором, но семья еще некоторое время оставалась в Вятке. Метрическая запись, приведенная в «брачном обыске» Крестовоздвиженской церкви в Москве (при венчании Салтыкова), подтверждает, что Лиза Болтина родилась в августе 1838 года (в кн.: *Макашин II,* стр. 517, опечатка: «1839 г.»).

[3] Им был назначен Д. И. Батурин, занимавший перед этим вице-губернаторский пост в Воронеже.

77. ВОЕННОМУ МИНИСТРУ КН. А. И. ЧЕРНЫШЕВУ

12 декабря 1853. Вятка

Ваша светлость.

В 1848 году, по высочайшему повелению, последовавшему на всеподданнейший доклад Вашей светлости, я был послан на службу в распоряжение вятского гражданского губернатора за напечатание двух повестей, которых направление было признано вредным.

В то время мне было не более двадцати двух лет, и я едва начинал свое служебное поприще. Увлекшись молодостью и несколько пылким своим характером, я впал в проступок, даже не сознавая вполне всего значения его; тем более далеко от меня была мысль о намеренном распространении каких-либо вредных идей.

С тех пор прошло уже почти шесть лет, в течение которых, продолжая ревностно службу, я постоянно удостоивался самых лестных отзывов со стороны моего непосредственного начальства. И время и опыт достаточно убедили меня, что истинный долг всякого русского заключается в верном и неуклонном служении престолу и отечеству.

Веруя в великодушие Вашей светлости и имея полное основание думать, что только Ваше ходатайство может доставить мне всемилостивейшее прощение моего проступка, я осмеливаюсь умолять Вашу светлость принять во внимание мое шестилетнее тяжкое изгнание и повергнуть на благоусмотрение его императорского величества мое чистосердечное раскаяние в заблуждениях моей молодости.

С глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностью имею честь быть

Вашей светлости,
милостивейший государь,
всепокорнейшим слугою
Михаил Салтыков.

Вятка
12 декабря 1853 года.

На письме помета карандашом: Прошу барона Павла Александровича лично со мною объясниться при свидании. 24 декабря.

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА,* ф. 1 (Канцелярия Военного министерства), оп. 1, дело 18176, л. 55.

Впервые опубликовано: «Столетие Военного министерства. 1802—1902 гг.», т. III, ч. 1. Приложение к историческому очерку деятельности Канцелярии Военного министерства..., СПб., 1909, стр. 171—172.

Когда Салтыков писал это второе свое письмо кн. А. И. Чернышеву (первое — 1851 г., см. письмо 57), он еще не знал, что его заменил на посту военного министра кн. В. А. Долгоруков. Как свидетельствует помета на письме, министр осведомился о деле Салтыкова у директора Военной канцелярии бар. П. А. Вревского, но результата это не имело.

1854

78. Д. Е. САЛТЫКОВУ

8 января 1854. Вятка

Вятка. 8 января.

Всей душой поздравляю тебя, любезный друг и брат, равно как и добрую сестрицу со всем твоим семейством, с наступившим Новым годом. Нет нужды уверять тебя в том искреннем желании счастия, которым сопровождается это поздравление. Хорошо, если бы этот год привел нам радостное свидание с тобой после долгой разлуки. Я потому говорю об этом, что на днях губернатор писал обо мне министру в<нутренни>х дел, ходатайствуя об освобождении меня из Вятки. Письмо написано в самом убедительном тоне [1]. Прошу тебя, скажи от меня Сереже, чтобы он съездил к директору канцелярии нашего министра Юрию Васильевичу Толстому и справился о ходе моего дела. Толстой мой товарищ [2], и я уже писал к нему; через него верно можно узнать, что́ будет сделано по ходатайству губернатора. Во всяком случае, Сережа сделал бы для меня величайшее одолжение, если бы исполнил мою просьбу как можно поспешнее. Я к тебе не обращаюсь с этой просьбой собственно потому, что ты и без того слишком занят делами, да и притом это такого рода поручение, что Сережа легко может его исполнить. Маменька собиралась в Петербург около 10-го числа. Весьма вероятно, что в минуту получения этого письма она будет уже у вас; если это так, то прошу тебя поцеловать за меня ее ручки и передать, что я, слава богу, жив и здоров и писал к ней недавно в деревню. Жаль будет, если и на этот раз надежды обманут меня и я опять должен буду остаться в Вятке на неопределенное время. Если же ходатайство губернатора будет успешно, то я надеюсь приютиться в одном из департаментов министерства на первое время хоть без жалованья. Признаться, и это перспектива не очень уте-

шительная, однако ж она совершенно для меня необходима, потому что, в противном случае, я никогда ничего не получу.

Прощай, любезный друг и брат, еще раз целую тебя и всех твоих и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 73—74.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 108—109.

---

[1] «Представление» губернатора Н. Н. Семенова министру внутренних дел Д. Г. Бибикову о разрешении Салтыкову «жить и служить где он пожелает» ушло из Вятки в Петербург 7 января 1854 года. Бумага была написана в самых энергичных тонах. Губернатор рискнул даже «положительно заверить» начальство, что «если он <Салтыков>, по увлечению молодости, имел несчастье впасть в заблуждение, то в настоящее время, наученный опытом, он никогда не станет ни явно, ни тайно обнаруживать идей, противных видам правительства». Дальнейшее прохождение «представления» в точности не известно. По-видимому, оно дошло до Комитета министров, но не было тогда решено (см. письмо 88) (*ЦГАОР, «Дело» № 169,* л. 35; см. также: М. Лемке. К биографии М. Е. Салтыкова.— «Русская мысль», 1906, кн. 1, стр. 36).

[2] Ю. В. Толстой был старшим товарищем Салтыкова по Лицею (XII выпуск) и по службе в Канцелярии Военного министерства. В 1862 году он сменил Салтыкова на посту тверского вице-губернатора.

79. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

5 апреля 1854. Вятка

Вятка. 5 апреля.

Поздравляю тебя от всей души, любезный друг и брат, с наступающим праздником св. Пасхи, а также и с прошедшим днем твоего рождения. Это последнее поздравление едва ли не опоздало, но я надеюсь, что ты извинишь человеческой лености. Брат Сережа как-то писал ко мне из Кронштадта, но не известил меня при этом, каким путем я могу отвечать ему;[1] если ты знаешь, как это можно сделать, то прошу тебя уведомить меня. Что касается до Или, то передай ему мой дружеский привет и мое желание как можно счастливее и блистательнее выйти из предстоящей кампании[2]. О брате Николае я получил известие стороной, т. е. предполагаю, что дело идет об нем. Нашему жандармскому генералу[3] пишут, что некто Салтыков, имеющий дом на Басманной, ищет руки m-elle

Дельсаль (дочери содержательницы пансиона). Если это так, то вот и еще один из нас, который ищет пристроиться. Впрочем, об себе я не говорю, потому что мне едва ли удастся. При моем положении едва ли родители рискнут будущностью своей дочери. А я, признаюсь тебе, имею очень мало надежды на освобождение из Вятки, так мало, что даже начинаю исподволь обзаводиться домом. На днях я получил от маменьки премиленькую пролетку из Москвы, купил пару лошадей и проч.; словом, всю принадлежность. Не знаю, впрочем, удадутся ли лошади, потому что очень молоды. Все это ввело меня в такие расходы, что я едва ли буду в состоянии ранее будущей зимы заплатить сколько-нибудь Клеменцу. А между тем мне нужно бы платье, но я его не заказываю единственно потому, что не имею денег. Если бы он согласился еще поверить мне до будущей зимы, то потрудись заказать ему двое летних брюк, два жилета летних и сюртук. Если же он не согласен ждать, то, само собою разумеется, и заказывать нечего.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и, еще раз целуя тебя заочно, остаюсь навсегда преданный тебе

М. Салтыков.

Je ne saurais me dispenser, très chère et bonne soeur, de Vous féliciter à l'occasion de la fête de Pâques. Je Vous souhaite à Vous et à Vos enfants, que j'embrasse tous, tout ce qu'un coeur dévoué peut souhaiter de bon et d'heureux. Il parait que notre aurevoir se fait désirer par trop longtemps, et dieu sait s'il sera un jour le bienvenu. Quant à moi j'ai peu d'espoir; et cependant malgré le temps, malgré l'habitude même, je ne cesse pas d'entrevoir Pétersbourg dans mes meilleurs rêves. Il y a bien six ans que nous ne nous sommes pas vus et je suis bien changé, puisque me voilà vieux.

Mille respects à madame votre mère ainsi qu'à madame Aline.

Adieu, ma très chère soeur, j'espère que Vous me laisserez une petite place dans Vos souvenirs.

M. Saltikoff.

Перевод: Я не могу упустить возможности, милая и любезная сестрица, поздравить Вас с праздником Пасхи. Желаю Вам с Вашими детьми, которых всех целую, всякого счастья и добра, какие только может пожелать преданное сердце. Кажется, нашего свидания придется ожидать еще очень долго, и бог знает, настанет ли оно когда-нибудь. По крайней мере, сам я мало надеюсь; и все же, несмотря на время, несмотря на привычное уже существование, я не перестаю видеть Петербург в моих самых заветных

мечтах. Уже шесть лет прошло, как мы не видались, и я очень изменился, потому что теперь уже старик. Тысячу пожеланий Вашей матушке и мадам Алине. Прощайте, милая сестрица, надеюсь что в Вашей памяти Вы оставите для меня маленький уголок.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 75—76.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 109—110.

Год устанавливается словами письма: «Уже шесть лет прошло, как мы не видались...»

---

[1] Офицер флота, Сергей Евграфович служил в Гвардейском экипаже, базами которого были Кронштадт и Петербург. Письмо его неизвестно.

[2] Имеется в виду Крымская война.

[3] К. Е. Тизенгаузену, начальнику вятского жандармского округа.

80. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

11 июля 1854. Вятка

Вятка. 11 июля.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за письмо от 15 июня, которое я получил. Слава богу, что ты и все семейные твои здоровы и что ты получил на праздник Пасхи новую награду по службе. Что до меня, то я большую часть времени провожу в кашлянье и наград никаких не получал. Ты пишешь мне, что Клеменц вышлет мое платье к 29 июня, но вот и 11 июля, а я ничего не получил. Полагаю, что летние брюки мне придется носить зимой. Что касается до моих лошадей, то одна из них вышла довольно хороша, а другая никуда не годная: масти они саврасой с черною гривой и черным ремнем по спине; росту двух аршин. Если бы тебе вздумалось покупать лошадей, то самое удобное время для этого июнь месяц; вятские лошади крепки, но невелики; самые лучшие саврасой масти, как и мои; чтобы приобрести действительно хороших лошадей, надобно заплатить руб. 200 сер. за пару; такие лошади будут от одного до двух вершков. Провод до Москвы стоит 50 р. с. с пары, да из Москвы до Петербурга по железной дороге 40 р. Стало быть, пара вятских лошадей в Петербурге будет стоить 290 р. с. Конечно, можно купить лошадей и дешевле, т. е. за 120 р., как я купил, но такие лошади едва ли для Петербурга будут пригодны, да и притом у меня одна лошадь уже и оказалась негодною. Дело о моей женитьбе все в одном и том же положении, т. е. ни взад ни вперед, а между тем девушке на днях минет 16 лет. Всему причиною мое не-

счастное положение в Вятке, и, кажется, уж мне никогда из него не выйти. Седьмой год уж я страдаю, и как горько для меня это изгнание — один бог знает. В самой Вятке уже все вокруг меня переменилось; один я остаюсь без всякой надежды на перемену моего положения к лучшему. Одно уже то крайне прискорбно, что я почти совершенно не знаю положения наших семейных дел, не имею почти никакого понятия о брате Илье, которого я видел в последний раз, когда ему было всего восемь лет. Само собою разумеется, что при столь долгой разлуке всякая связь, как бы ни была она крепка, должна ослабеть, если не совсем рушиться. Без ужаса я не могу представить себя в Вятке стариком, и едва ли мое воображение обманывает меня. От души желаю брату Сергею отличиться в настоящей войне и получить повышение; в подобных кампаниях есть множество случаев выказать себя с лучшей стороны, и я уверен, что он воспользуется первою возможностью. Того же желаю и Илье, если полк их будет в деле.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе и всем твоим всего лучшего и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

P. S. Любезный брат, перемени, пожалуйста, свою методу запечатывать письма, потому что мне при распечатывании всегда приходится несколько слов вырывать. Не лучше ли посылать письма в запечатанных конвертах?

Je Vous remercie, ma bonne et très chère soeur, de Votre aimable souvenir. Croyez-moi que je suis très sensible au peu de lignes que Vous Vous donnez la peine d'ajouter chaque fois aux lettres de mon frère. Je suis on ne peut plus satisfait en apprenant que Vos petits se portent bien; je voudrais bien les voir, puisque je ne connais pas encore Nadine et Nicolas, et les deux autres doivent être deux grands garçons, avec lesquels il doit être flatteux de renouveller la connaissance. En attendant je Vous prie de leur dire à tous que je les embrasse bien fort et les engage à se conduire de manière à rendre contents leurs chers parents. Je Vous prie aussi de dire mille respects de ma part à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. J'éspère que Vous n'oublierez pas celui qui sera toujours à Vous de coeur et de pensée,

M. Saltykoff.

Перевод: Благодарю Вас, милая и добрая сестрица, за Вашу любезную память. Верьте, что меня очень трогают те немногие строки, которые Вы даете себе труд присоединить к каждому письму моего брата. Я в высшей

степени доволен тем, что Ваши малютки вполне здоровы; я очень хотел бы их видеть, потому что я еще не знаю Нади и Коли, а двое других должны быть уже большими мальчиками, возобновлению знакомства с которыми можно только радоваться. Пока же прошу Вас сказать им всем, что я их крепко обнимаю и прошу вести себя таким образом, чтобы их милые родители были ими довольны. Прошу Вас также передать от меня тысячу пожеланий Вашей матушке и м-м Алине. Надеюсь, что Вы не забудете того, кто сердцем и мыслью всегда будет Ваш,

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 77—78.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 110—111, и т. XIX, стр. 48.

Год устанавливается по упоминанию об исполняющемся «на днях» 16-летии Лизы Болтиной, родившейся в августе 1838 года, и по словам Салтыкова о своем изгнании: «Седьмой год уж я страдаю».

81. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

1 октября 1854. Вятка

Вятка. 1 октября.

Извини меня, любезный друг и брат, что я до сих пор не успел тебя даже поздравить с прошедшим днем твоих именин. Я все это время был в разъездах и только вчера воротился в Вятку из Глазова [1]. Что-то поделываешь ты и как служишь? Я же с своей стороны влачу свое существование со дня на день весьма непривлекательно. Намерения и предположения мои как-то не удаются, а это крайне грустно. К нам определен управляющим Палатой Г<осударственных> и<муществ> некто Пащенко, но до сих пор не бывал еще [2]. Не знаешь ли ты его, что̀ это за человек? Я спрашиваю потому, что если он человек не дурной, то мне хотелось бы перейти в Ведомство Гос<ударственных> им<уществ>. Я думаю, что в Петербурге теперь не весело; войск нет, следовательно, должно быть немного пусто. Имеешь ли ты известия от братьев? Маменька пишет мне, что она от Ильи очень давно писем не получала, что̀ весьма ее сокрушает. Я, между прочим, прошу у маменьки разрешения проситься будущим летом в отпуск. Надеюсь, что на этот раз буду иметь удовольствие видеться с тобой. Было бы очень прискорбно, если бы и нынче это свидание расстроилось, как и в прошлом году.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Je Vous félicite de tout mon coeur, ma très chère et bonne soeur, à l'occasion de la fête de frère Dmitry. Je Vous demande bien pardon de ne pas l'avoir fait plutôt; mais j'ai été absent de Wiatka pendant trois semaines. Je Vous prie d'embrasser de ma part Vos chers enfants et de témoigner mes respects à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. J'espère que Vous voudrez bien accorder un bon souvenir à Votre très dévoué

M. Saltykoff.

Перевод: От всего сердца поздравляю Вас, милая и добрая сестрица, с именинами брата Дмитрия. Очень прошу Вас извинить меня за то, что не сделал этого ранее, но я целых три недели не был в Вятке. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших милых деток и выразить мое почтение Вашей матушке и м-м Алине. Надеюсь, что Вы сохраните добрую память о Вашем глубоко преданном

М. Салтыкове.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 79—80.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 112, и т. XIX, стр. 49.

Год устанавливается по указанию на назначение нового управляющего Вятской палатой государственных имуществ (см. прим. 2).

---

[1] Салтыков ездил по Вятской губернии с ревизией уездных учреждений.

[2] Салтыков вскоре дружески сблизился с вновь назначенным управляющим Вятской палатой государственных имуществ К. Л. Пащенко и его женой Марьей Дмитриевной, урожденной Новицкой, бывшей в 1830-е годы известной танцовщицей Александринского театра. «Женщина замечательно добрая» (*Спасская,* стр. 545), она сыграла определенную роль в освобождении Салтыкова из ссылки (см. письмо 89). В Ведомство государственных имуществ Салтыков не перешел.

82. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

9 декабря 1854. Вятка

Вятка. 9 декабря.

С величайшим огорчением узнал я, любезный друг и брат, из письма маменьки о смерти сестры Любочки[1]. Маменька спрашивает моего мнения насчет опеки, но я не советую ей принять на себя эту обязанность, которая, при делах и ее слабом здоровье, не может не быть тяжкою для нее. По мнению моему, можно бы принять теперь же на полное попечение Олю, старшую дочь Любочки, и отдать ее в казенное заведение, так

как она уже довольно подросла для этого. Впрочем, тебе и маменьке дело это ближе видно, а я, в отдаленье, едва ли могу с полным знанием дела судить об нем. Мне поручили весьма важное дело о раскольниках, и придется мне ездить много и далеко; поручение это очень лестно, потому что оно от министра, но и очень тяжело, потому что я должен буду шляться по лесам и рискую даже жизнью[2]. Но бог милостив; зато, в случае успеха, можно ожидать, что не оставят меня и без награды.

Поздравляю тебя и всех твоих с наступающими праздниками Рождества Христова и Нового года. Где-то мне придется встретить их? Быть может, в лесах Чердынских! Как бы то ни было, а, конечно, помяну и об вас. Поздравляю тебя также с днем ангела сестрицы Адели; всем вам желаю полного и невозмутимого счастья и долгих дней. Я подаю просьбу в отпуск, но не знаю, не задержит ли меня порученное мне дело. Во всяком случае, попытка не беда. Прощай, любезный друг и брат; желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать преданного тебе

М. Салтыкова.

Поцелуй за меня Сережу.

Je Vous félicite, ma très chère et bonne soeur, à l'occasion de Votre jour de nom. Croyez-moi que je fais les voeux les plus sincères pour Votre bonheur. J'ose espérer que Vous me garderez Votre bon souvenir et penserez à moi le jour de l'an. Il y a bien longtemps que je n'ai pas eu le bonheur de le passer avec Vous. Je Vous prie d'embrasser de ma part Vos petits que j'aime de tout mon coeur, et de transmettre mes respects à Madame Votre mère, ainsi qu'à Madame Aline.

Tout à Vous
Michel.

Перевод: Поздравляю Вас, милая и добрая сестрица, со днем Вашего ангела. Верьте, что я желаю самым сердечным образом Вам счастья. Смею надеяться, что Вы храните обо мне добрую память и подумаете обо мне в день Нового года. Я уже давно не провожу его вместе с Вами. Прошу Вас поцеловать от меня Ваших малюток, которых я люблю всем сердцем, и передать мое почтение Вашей матушке и м-м Алине.

Весь Ваш
Михаил.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 81—82.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 112—113 и т. XIX, стр. 49.

[1] Л. Е. Зилова умерла 16 ноября 1854 года (З. З. Шереметевский. Русский провинциальный некрополь, т. 1, М. 1914).

[2] В октябре 1854 года сарапульский городничий Дрейер донес губернатору Семенову об аресте «бродяги Ситникова», разыскивавшегося по предписанию из Петербурга. Допрос Ситникова, именовавшего себя «странником Ананием», и дальнейшие следствия по делу были поручены Салтыкову. Приехав в Сарапуль в середине октября и проведя здесь около месяца, Салтыков пришел к выводу, что «дело» не представляло из себя ничего важного. Вернувшись в Вятку, он просил губернатора освободить его от этого поручения. Однако присланная из Петербурга бумага министра внутренних дел Бибикова решила вопрос не в пользу желания Салтыкова. Продолжение следствия было оставлено за ним, и дело это полностью поглотило последний год его вятской службы. Проверяя показания Ситникова, раскрывавшего из тюрьмы все новые тайны раскольничьего мира, Салтыков побывал в течение декабря 1854 — февраля 1855 года во множестве мест Вятской и Пермской губерний, в том числе и самых глухих. В марте же 1855 года Салтыков перекочевал из Приуралья и Вятки в Казань, а затем в Нижегородскую губернию. На обратном пути он заезжал, уже по своим личным делам, во Владимирскую и Ярославскую губернии и вернулся в Вятку лишь в мае. Для Салтыкова итоги этого самого большого его служебного поручения были и отрицательными и положительными. Собранные в процессе следствия обширные материалы представляли немалую ценность как источник для ознакомления с верованиями и бытом различных сект старообрядчества. Эти материалы, а еще в большей мере живые впечатления, полученные от поездок и встреч в глубинной народной России, получили вскоре художественное отражение в возобновленной после ссылки писательской работе («Губернские очерки», «Смерть Пазухина», «Тихое пристанище» и др.). Но в судебно-следственном отношении добытые материалы мало что давали даже для николаевской администрации. Выполнение «высокого» министерского поручения и энергия, на это потраченная, ничего в судьбе Салтыкова не изменили, как он на это надеялся.

Материалы «Секретного дела о раскольниках Смагине и Ситникове» — несколько тысяч листов — хранятся отчасти в *ИРЛИ,* отчасти же в *ГА Киров. обл.* Полностью и систематически документы «дела» еще не изучены. Наиболее развернутые справки о материалах «дела» и его значении в биографии Салтыкова — см. в работах: 1) А. Лясковский. Новое о Салтыкове.— «Беседа», Berlin, 1924, кн. 5; 2) Р. В. Иванов-Разумник. М. Е. Салтыков-Щедрин. М., 1930, стр. 95—110; *Макашин I,* стр. 352—366.

1855

83. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

4 марта 1855. Вятка

Вятка. 4 марта.

Вот наконец я и опять в Вятке, любезный друг и брат, и опять не надолго, потому что 9-го выезжаю в Казань [1] и оттуда в Нижний. В Вятке при мне получено известие о кончине государя императора Николая Павловича. Не имею слов, чтобы выразить тебе то необыкновенное впечатление, которое произвела эта весть, и с какою быстротой разнеслась она по городу. В три часа пришла почта, а с четырех уже все церкви были полны народа; в тот же день все в Вятке приняло присягу на подданство императору Александру.

Письмо твое и высочайший приказ [2] получены мною уже в Вятке и, следовательно, очень недавно. Благодарю тебя за поздравление меня с монаршей милостью. Я не писал к тебе, собственно, потому, что все шатался по деревням. Поручение мое крайне тяжело как потому, что большая часть его делается в деревнях, что̀ совсем не весело, так и потому, что я должен опасаться и за жизнь свою; до того эти раскольники фанатики и изуверы. Впрочем, будь что будет, а я исполню его честно и добросовестно.

Поздравляю тебя и все твое семейство с наступающим днем твоего рождения; от всей души желаю тебе счастья и долголетия.

Я буду в Нижнем на Страстной, и так как на Святой вообще неудобно производить следствие, то я предполагаю съездить дня на два в Владимир для свидания с Болтиными, с тем чтобы окончательно условиться насчет давнего моего предположения. Об этом я пишу вместе с этим письмом и маменьке. Дай бог, чтобы все сделалось по моему желанию; я уж три года об этом думаю и, следовательно, не наобум делаю этот важный шаг. По окончании следствия в Нижнем думаю быть в Ярославле, и если это сбудется, то предполагаю побывать

дня на два у маменьки. У невесты моей ничего нет, но я полагаю, что маменька, по любви ко мне, не будет мне препятствовать, тем более что я совершенно уверен в своем счастье.

У меня есть просьба до тебя: 14 февраля за № 1465 Вятская Палата Госуд<арственных> Им<уществ> представила к награждению чином колл<ежского> асессора вятского окружного начальника Марница, моего величайшего приятеля[3]. Нельзя ли устроить, что<бы> это ходатайство было уважено Инспекторским департаментом.

Затем прошу тебя не забывать искренно тебя любящего брата

М. Салтыкова.

Je Vous félicite de tout mon coeur, ma très chère et bonne soeur, à l'occasion du jour de naissance de Dmitry; ne soyez pas fachée contre moi de ce que je Vous donne rarement de mes nouvelles; l'affaire qui m'occupe ne me laisse presque pas un moment de libre. Par la lettre que j'écris à Dmitry vous saurez tous mes projets de mariage; n'est-ce pas que Vous ferez des voeux pour mon bonheur? Je Vous prie d'embrasser les enfants et de témoigner mes respects à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. N'oubliez pas Votre dévoué

M. S.

Перевод: От всего сердца поздравляю Вас, моя милая и дорогая сестрица, с днем рождения Дмитрия; не сердитесь на меня за то, что редко пишу Вам; дело, которым я занят сейчас, не оставляет мне почти ни одной свободной минуты. Из моего письма к Дмитрию Вы узнаете о планах моей женитьбы; не правда ли, Вы пожелаете мне счастья? Прошу Вас поцеловать детей и засвидетельствовать мое почтение Вашей матушке и м-м Алине. Не забывайте преданного Вам *М. С.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 83—84.

Впервые опубликовано (раздельно — к Д. Е. и А. Я. Салтыковым): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 113—114, и т. XIX, стр. 50.

---

[1] Как видно из письма 84, Салтыков выехал из Вятки в Казань не 9, а 13 марта.

[2] «Высочайшим» по Гражданскому ведомству приказом от 31 декабря 1854 года Салтыков был произведен за выслугу лет в надворные советники, со старшинством с 21 апреля 1854 года *(Аттестат).* Но постановление Вятского Губернского правления о производстве Салтыкова в следующий чин состоялось лишь 24 февраля 1855 года, а «присяжный лист» надворного советника был подписан Салтыковым 1 марта (*ГА Киров. обл.,* ф. 583, оп. 603, ед. хр. 302 и 290).

[3] Карл Карлович Марниц занимал с 1851 года должность Вятского окружного начальника Палаты государственных имуществ, а потом сменил В. Е. Круковского на посту управляющего этой Палатой. В 1855 году Марниц женился на вдове Е. П. Машковцева, университетского товарища Герцена. В биографических источниках Салтыкова нет других сведений о его дружбе с Марницем («мой величайший приятель»), как нет и сведений о характере и личности этого человека.

84. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

20 марта 1855. Казань

20 марта.

Пишу к тебе, любезный друг и брат, из Казани, куда приехал только вчера по самой подлейшей дороге, какую только можно себе вообразить. Из Вятки (420 верст) тащился я шесть дней и несколько раз рисковал окончательно расстаться с жизнью в какой-нибудь проклятой зажоре. Это может дать тебе приблизительное понятие о том, как приятно я провожу время. В Казани я думаю пробыть несколько времени, судя по обстоятельствам дела; впрочем, теперь нельзя и думать о дальнейшем путешествии по случаю распутицы. После Святой поеду в Нижний, а оттуда в Владимир, где и предполагаю окончательно решиться насчет известного тебе моего предположения о женитьбе. Я пишу об этом, с этою же почтою, и маменьке, которая, как я надеюсь, не будет противиться моему намерению.

От всей души поздравляю тебя с наступающим праздником Пасхи. Излишне было бы уверять тебя, что это поздравление сопровождается самыми теплыми желаниями тебе и всем твоим всего лучшего. Сережу тоже целую и поздравляю с праздником.

О себе скажу, что я здоров и дела мои идут довольно успешно. Здесь, по подобному же делу, живет министерский чиновник, с которым мне предписано войти в сношения и который сказывал мне, что наш министр совершенно доволен моими действиями, что меня крайне обрадовало [1].

Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Et Vous aussi, ma très chère et bonne soeur, veuillez resevoir mes sincères félicitations a l'occasion de la fête de Paques. Vous et tous Vos chèrs enfants serez toujours l'objet des veux

les plus francs que je ferez pour Votre bonheur. Je Vous prie de témoigner de mon estime à Madame Votre mère ainsi qu'à Madame Aline. Remarquez à Madame Aline que je ne l'oublie jamais dans mes lettres.

Tout à Vous
M. Saltikoff.

Перевод: И Вы тоже, дорогая и добрая сестрица, примите мои поздравления по случаю праздника Пасхи. Вам и всем Вашим дорогим детям всегда будут принадлежать мои самые искренние пожелания счастья. Прошу Вас свидетельствовать мое почтение Вашей матушке и мадам Алине. Заметьте мадам Алине, что я никогда не забываю ее в своих письмах.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 85—86.

Первая часть письма, обращенная к Д. Е. Салтыкову, опубликована: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 114. Часть письма, обращенная к А. Я. Салтыковой, печатается впервые.

---

[1] По предписанию министра Д. Г. Бибикова, Салтыков встретился в Казани с приехавшим туда «министерским чиновником» — известным знатоком поволжского раскола, а затем его бытописателем П. И. Мельниковым (А. Печерским). Совместно они присутствовали при обыске у раскольника Трофима Тихонова Щедрина. Существует версия, что встреча с этим 74-летним стариком, умно и непреклонно державшимся в затеянном Мельниковым споре о «старой вере», послужила источником псевдонима Салтыкова. Другую версию — см. *Макашин I,* стр. 71.

85. Д. Е. САЛТЫКОВУ

3 мая 1855. Вятка

Вятка. 3 мая.

Уведомляю тебя, любезный друг и брат, о моем благополучии, которому, надеюсь, и ты порадуешься. Бывши в прошлом месяце в Владимире, я успел получить согласие девочки, о которой уже два года постоянно мечтаю. Но, как я, по случаю дурных дорог, не мог быть у маменьки, то и был лишен возможности лично переговорить с нею об этом деле. Но как я еще и прежде имел уже согласие ее на этот брак[1], то главное теперь — финансовый вопрос. Надеюсь, что ты будешь и с своей стороны содействовать к возможно удовлетворительному

разрешению этого обстоятельства. Скажу тебе на всякий случай, что со стороны Болтиных, по их расстроенным делам, я многого ожидать не могу и должен буду устраивать свое маленькое хозяйство сам. По моим соображениям, мне было бы необходимо 5 или 4 т. р. сер. Не знаю, согласится ли маменька пожертвовать такою суммою. Не знаю также, не будет ли мне тяжело жить вдвоем при моих ограниченных средствах; знаю только, что до бесконечности люблю мою маленькую девочку и что буду день и ночь работать, чтобы сделать ее жизнь спокойною. Еще у меня есть до тебя просьба. Теперь живет в Петербурге бывший наш жандармский генерал Карл Егорович Тизенгаузен, который всегда любил меня и взялся за меня ходатайствовать. Я с этою же почтой пишу к нему. Не будешь ли ты так добр, чтобы побывать у него и поговорить с ним о средствах извлечь меня из Вятки. Он очень рад будет тебя видеть, потому что очень меня любит. О квартире его ты можешь узнать в штабе корпуса жандармов или же в Офицерской, в доме Баца (на углу Фонарного переулка), от Михаила Федоровича Бурмейстера. Сделай одолжение, любезный друг и брат, исполни мою просьбу, потому что теперь время, быть может, самое благоприятное для испрошения мне монаршей милости.

Прошу тебя передать мой дружеский, братский поцелуй милой сестрице; надеюсь, что она полюбит мою невесту. Перецелуй также за меня детей.

Затем прощай, любезный друг и брат, прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 87—88.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 115.

Год устанавливается указанием на получение во Владимире согласия Болтиных на брак Салтыкова с их дочерью.

---

[1] О своем согласии, хотя и далеко не охотном, на брак Салтыкова с Лизой Болтиной Ольга Михайловна писала Дмитрию Евграфовичу в письме от 6 октября 1854 года: «Насчет Михайлы я решительно не имею сведения, что уже он располагается скоро свадьбу свою кончить. Он писал даже, что и не имеет настоящего известия о их решении. Нащот же их достояния я это предоставила ему на волю, высказав мое мнение как следует о пользе его. Кончила тем, что я ему не препятствую и желаю щастия. Христос с ним, мое благословение готово...» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 135).

86. Д. Е. САЛТЫКОВУ

29 июля 1855. Ермолино

Ты, вероятно, не ожидаешь получить от меня письмо из Ермолина, а между тем я здесь с 21-го числа и гощу у маменьки до 31-го. Отсюда выезжаю в Владимир, имея к этому городу сильную сердечную слабость. Губернатор дал мне отпуск под своею ответственностью на 28 дней, и к 15-му я должен уже быть в Вятке[1]. Выходит, что в Владимире мне удастся побыть самое коротенькое время.

А я к тебе вечно с просьбами. Вот и теперь прошу тебя купить 10 ф. конфект у Балле или у Сальватора (на Большой Морской в доме Треборна); конфекты, пожалуйста, выбери получше и чтобы могли выдержать путешествие; рубля по $1^1/_2$ за фунт, я полагаю, будет достаточно. Маменька соблаговолила принять этот расход на свой счет (это ей будет сюрприз). Конфекты прикажи укупорить хорошенько самому кондитеру и после, сделай одолжение, отошли по почте по след. адресу: в губ. г. Владимир, ее высокородию Елизавете Аполлоновне Болтиной. Исполнением этой просьбы ты меня весьма, любезный друг и брат, обяжешь.

Прошу тебя передать мой дружеский поцелуй сестрице Адели и перецеловать всех детей.

Прощай, любезный друг и брат, благодарю тебя за все твои хлопоты обо мне и прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

29 июля 1855 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 31—32.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 115—116.

---

[1] Постановление Губернского правления об увольнении Салтыкова в отпуск состоялось 13 июля 1855 года (*ГА Киров. обл.,* ф. 583, оп. 603, л. 83).

Увольнение в отпуск в другие губернии чиновника, находящегося под надзором полиции, было делом формально незаконным. Жандармские власти в Казани (здесь была резиденция начальника 7-го округа корпуса жандармов, в который входила Вятка) не преминули донести об этом управляющему III Отделением Дубельту. Но никаких видимых последствий рапорт этот не имел (*ЦГАОР, «Дело» № 169,* л. 39). На обратном пути из Владимира в Вятку Салтыков посетил Макарьевскую ярмарку (О. М. Салтыкова — Д. Е. и А. Я. Салтыковым. 1 октября 1855 г.— *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 137, лл. 68—69).

87. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

2 сентября 1855. Вятка

Вятка. 2 сентября.

От всей души поздравляю тебя, любезный друг и брат, с предстоящими именинами, желая тебе провести их спокойно и весело в семейном твоем кругу. Поздравляю тебя также с прибавлением твоего семейства, о чем я узнал из письма маменьки.

Здесь, в отсутствие мое, получена была из Департамента полиции исполнительной бумага с требованием моего формуляра, который хотя и отослан 1-го августа, но до сих пор никаких последствий не видно, что̀ меня крайне мучит [1]. Если это требование сделано на предмет моего перевода в другую губернию, то желательно бы было, чтобы он состоялся поскорее, потому что скоро совсем проезда по дорогам не будет. Хоть бы в какую-нибудь из внутренних губерний перевели, но я всего более желал бы быть в Калуге, потому что там и губернатор и вице-губернатор отличные и честные люди [2]. Маменька мне сказывала, что она не проявила желания на перевод мой в Тверь; [3] я же, напротив того, желал бы и туда, во-первых, потому, что это близко от своих и мне было бы жить дешевле, во-вторых, потому, что сообщения с Петербургом удобны, и если не я, то будущая жена моя могла бы, хотя изредка, съездить в Петербург без больших издержек. Сверх того, я надеюсь сойтись и с губернатором, который старый лицеист [4].

Я писал к тебе из деревни, прося выслать моей невесте, на счет маменьки, 10 ф. конфект, а между тем Лиза пишет, что конфекты не получены. Сделай одолжение, исполни мою просьбу, поспеши высылкою. 5-го она именинница, и крайне было бы жалко, если бы и в этот день осталась без конфект. Относительно моей свадьбы могу тебе сказать, что она будет в июле будущего года. Я желаю все сделать как можно проще и потому тотчас же после свадьбы, т. е. в тот же день, отправлюсь к маменьке в деревню, где и проживу сколько дозволят обстоятельства. Я еще ничего не готовлю, потому что требование моего формуляра совершенно сбило меня с толку. Надеюсь, что ты будешь любить мою Лизу, которая, впрочем, вполне этого заслуживает по своему скромному и кроткому характеру, в чем я мог убедиться, зная ее с двенадцатилетнего возраста и будучи всегда принят в их доме, как родной.

Прощай, любезный друг и брат; желая тебе всего лучшего, прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова.

Je Vous félicite de tout mon coeur, ma très chère et bonne soeur, à l'occasion de la fête de Dmitry, ainsi qu'à l'occasion de la naissance de la petite Marianne, que j'aime déjà comme une nièce chérie. Je n'ai pas besoin le Vous dire que je fais tout les voeux pour le bonheur de Dmitry ainsi que le Votre et celui de Vos enfants. Vous saurez par ma lettre à Dmitry tout ce que concerne mes projets de mariage. J'éspère que Vous voudrez bien aimer ma chère petite Lise qui est vraiment bien gentille. Pendant mon séjour à Wladimir j'ai manqué de rencontrer Dmitry Carbonnier qui s'est fait officier de la milice. Il s'est lié d'amitié avec la famille Boltinn, dans laquelle il a passé presque tout son temps; il a beaucoup parlé de Vous, de manière que Lise Vous connaît dejà. Je Vous prie de témoigner mes respects à madame Votre mère et de dire mille bonnes choses à madame Aline. Quant aux enfants je les embrasse; Michel doit être un grand garçon; maman m'a dit qu'il etait fort gentil. J'éspère que Vous voudrez bien ne pas oublier celui qui Vous aime de toutes les forces de son âme.

M. Saltikoff.

Перевод: От всего сердца поздравляю Вас, милая и любезная сестрица, с именинами Дмитрия и с рождением маленькой Марианны, которую я уже люблю как дорогую племянницу. Нет надобности говорить о том, что я шлю самые лучшие пожелания счастья Дмитрию, равно как и Вам и всем Вашим детям. Из моего письма к Дмитрию Вы узнаете все касающееся моих планов женитьбы. Надеюсь, что Вы полюбите мою дорогую Лизочку, которая очень мила. Во время моего пребывания во Владимире мне не удалось встретиться с Дмитрием Карбонье, который служит там в качестве офицера ополчения. Он связан дружбою с семейством Болтиных и люблю как дорогую племянницу. Нет надобности говорить о том, что Лиза уже Вас знает. Прошу засвидетельствовать мое почтение Вашей матушке и передать тысячу добрых пожеланий м-м Алине. Целую детей; Миша должен быть уже большим мальчиком; маменька говорила мне, что он очень мил. Надеюсь, что Вы не забудете того, кто любит Вас всеми силами души.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 89—90.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 116—118.

---

[1] В конце лета 1855 года произошла новая смена на посту министра внутренних дел: Д. Г. Бибикова сменил С. С. Ланской. В связи с этой переменой и вызвавшим ее новым курсом правительственной политики в министерстве обратили наконец внимание на лежавшее там с января 1854 года

ходатайство вятского губернатора о разрешении Салтыкову «жить и служить, где он пожелает» и затребовали его формуляр. См. письмо 78.

[2] Губернатором в Калуге был в это время Петр Алексеевич Булгаков — один из представителей либеральной бюрократии в губернской администрации; вице-губернатором — Л. И. Арнольди.

[3] Это было сказано при личном свидании в июле 1855 года. Между тем в июньском письме к Дмитрию Евграфовичу Ольга Михайловна, напротив, одобряла возможность перевода Салтыкова в Тверь: «Насчет же Михайлы мне часто приходит в голову, что если бы было можно ему перейти в Тверь, то лучше бы было тем, что ближе ко мне, где я нередко могла бы его видеть и помогать ему несколько домашним запасом, а притом и для меня была бы выгода та, что он несколько бы похлопотал в моих делах...» (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 9, № 136).

[4] Губернатором в Твери был в это время А. П. Бакунин, товарищ Пушкина по Царскосельскому лицею.

88. Д. Е. САЛТЫКОВУ

15 сентября 1855. Вятка

Вятка. 15 сентября.

Очень благодарен тебе, любезный друг и брат, за письмо твое от 6-го числа; я перед этим только что писал к тебе и поздравлял с приращением твоего семейства и наступающим днем твоего ангела, с которым и вновь тебя поздравляю. То, что ты пишешь мне о моем переводе, крайне меня огорчило, не за меня собственно, а за будущую мою семейную жизнь, которая составляет для меня в настоящее время источник самых несносных тревог, ибо до сих пор я не могу сказать определительно, что и как будет. Я в постоянной разлуке с своей невестой, и как она девушка молодая, то кто может поручиться за ее сердце? Правда, я с нею в постоянной переписке, но все же это не то, что личное мое присутствие, и признаюсь тебе, что эта переписка даже умножает мои страдания. Одним словом, я нахожусь в самом несносном и странном положении. Я желал бы, однако ж, знать, зачем требовали в министерство мой формуляр: неужели же для удовлетворения любопытства столоначальника? Я с прошлой почтой писал к правителю Особенной канцелярии нашего министра, Юрию Толстому, и просил его доложить министру мое ходатайство о переводе в другую губернию [1]. Не можешь ли ты видеться с ним и не посоветует ли он мне написать прямо к министру и каким образом это сделать? Я даже боюсь жениться в Вятке, потому что, же-

нившись, необходимо устроиться, а в случае перевода, куда я денусь? При моих небольших средствах я должен опасаться, что мне не на что будет и выехать из Вятки. А еще как придется гранить мостовую по Петербургу, что̀ я буду делать и куда дену свою жену? На днях будет в Петербурге сын нашего вице-губернатора, Батурин. Я просил его побывать у тебя и был бы крайне тебе обязан, если бы ты с ним откровенно мне написал, что я могу надеяться и имеется ли хоть малейшая надежда на освобождение меня из Вятки, хотя переводом в другую губернию. Чем решено мое дело в Комитете министров? [2] Извини меня за беспокойства, которыми я тебя обременяю, и благодарю тебя за исполнение моей просьбы относительно конфект. К сожалению, моя невеста едва ли их скоро получит, потому что она теперь в Москве, где и пробудет до ноября. Если возможен для меня перевод в другую губернию, то было бы крайне утешительно, если бы путь в ту губернию лежал через Москву: кроме свидания с Лизой, я имел бы еще ту выгоду, что мог бы кой-чем запастись для будущего своего хозяйства. А, впрочем, мне не до жиру. Сделай одолжение, не оставь мне написать, могу ли я надеяться на что-нибудь, ибо в противном случае я должен начать понемногу устраиваться здесь. Об Эраровской рояли нечего и думать. Это такая роскошь, которую я не могу себе позволить. Надобно или Виртовскую, или Беккера. Ты пишешь, что маменька меня любит по-прежнему: я в этом уверен, но уверен и в том, что ее тяготит моя свадьба, тем, что за Лизой ничего нет [3]. Что же мне делать с этим: видно, уж таков мой жребий; я к семейству Лизы привязался, как к родному, еще в Вятке, когда Лиза была не более как маленькая девочка; в нем меня приласкали, как сына; это семейство доброе, хоть и бестолковое, потому что все они как-то не умеют жить и существуют со дня на день; думаю, что я буду счастлив, потому что Лиза добрая и неприхотливая девочка. На днях она прислала мне портрет свой, и я был безмерно счастлив. Что касается до ордена св. Владимира 3-й степени, то маменька тут спутала. Я действительно имел три года тому назад поручение усмирить крестьян, что и сделал без помощи воинской команды, и за это мне следовал бы по статуту орден св. Владимира 4-й степени. Я поговорю об этом с губернатором, и если он представит меня, то напишу тебе [4].

Нельзя ли исходатайствовать мне прощение через в. кн. Константина Николаевича или через в. кн. Марию Николаевну? [5] Могу ли я надеяться на будущую коронацию?

Прошу тебя передать мой братский поцелуй милой сестрице Адели и перецеловать всех твоих детей.

Пожалуйста, посылай свои письма ко мне в конвертах, а то, при распечатывании их, я всегда вырываю несколько слов, что затемняет смысл речи.

Прощай, любезный друг и брат, от души обнимаю тебя и, желая всего лучшего, остаюсь любящий тебя

М. Салтыков.

Сделай одолжение, любезный друг, прицениcь, что стóят хорошенькие дамские часики с цепочкой или крючком, брошкой, как нынче носят? А также можно ли рублей за 200 сер. приобрести несессер для туалета дамский серебряный; в нем швейных принадлежностей пусть не будет, а только одни принадлежности туалета: флаконы, баночки, ящик для перчаток, ножницы, щетки и т. п.?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 91—92.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 118—120.

---

[1] Письмо к Ю. Толстому неизвестно. Неизвестно поэтому, о переводе в какую губернию хлопотал Салтыков.

[2] «Дело» по «представлению» губернатора Семенова 1854 года об освобождении Салтыкова из-под надзора. См. письмо 78.

[3] См. об этом письмо 103, прим. 2.

[4] Салтыков, по-видимому, не знал, что губернатор еще в момент событий отказался представить его к ордену. См. прим. к письму 66.

[5] Великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Мария Николаевна (дети Николая I) пользовались репутацией либералов на верхах власти.

89. Д. Е. САЛТЫКОВУ

13 октября 1855. Вятка

Вятка. 13 октября.

Кажется, я писал к тебе, любезный друг и брат, что в Вятку, по поводу ополчения, прибыл генерал-адъютант Ланской, двоюродный брат нашего нынешнего министра. Он принял живейшее участие в моем положении и с нынешнею почтою послал к министру официальное письмо, в котором, отзываясь обо мне с лучшей стороны, просит исходатайствовать мне всемилостивейшее прощение. Кроме этого официального доку-

мента, генерал был так добр, что еще частным письмом просит министра о том же[1]. Меня частным образом известили, что дело мое в департаменте полиции остается не доложенным по случаю перемены министра. Настоящее ходатайство Ланского может подвинуть это. Ланской просит о причислении меня к министерству или, если это невозможно, о переводе в другую губернию на должность советника. Первое отчасти зависит от Гвоздева; так как мне известно, что Михаил Николаевич[2] знаком с ним, то нельзя ли попросить его принять в этом деле участие. Я полагаю, что при содействии Гвоздева это дело могло бы уладиться, а для меня это было бы чрезвычайно важно, потому что тогда я мог бы иметь надежду получить со временем место вице-губернатора, потому что я, с моими средствами, не имею никакой возможности жить в Петербурге с женою. Я просил сына нашего вице-губернатора Батурина побывать у тебя. Был ли он, я не знаю, но, во всяком случае, его теперь уж нет в Петербурге.

Я от маменьки с 1-го августа по сие время получил только два письма; вообще она сделалась крайне холодна ко мне, и ты можешь себе представить, что при предстоящей мне семейной жизни обстоятельство это вовсе не ободрительно. Очевидно, что ей не нравится моя женитьба. Иногда мне это так тяжело и горько, что вообразить нельзя. Кажется, жизнь для меня приготовила не много сладкого; лучшие годы проведены в Вятке, а будущее, быть может, еще более хранит горьких сюрпризов. Я было надеялся, что моя невеста из Москвы проедет с матерью в Петербург; она даже писала мне об этом, но, кажется, обстоятельства изменились, и они снова теперь в Владимире. Это меня очень раздосадовало; по крайней мере, она познакомилась бы с твоим семейством, да и вы бы узнали покороче мою девочку. Вообще, я страдаю такой несносной тоской, что уж потерял надежду на лучшее будущее. Лучше было бы, если бы мне умереть, а то все желаешь чего-то хорошего и ничего не получаешь, кроме страданий.

Прошу тебя передать мой братский поцелуй доброй сестрице и засвидетельствовать мое почтение Каролине Петровне и Алине Яковлевне. Детей всех поголовно люблю и целую. Соименника своего поздравляю с будущими именинами, а вас всех с милым именинником.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 93—94. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 120—121.

---

[1] По словам Л. Н. Спасской, восходящим к свидетельствам ее родителей Н. В. и С. К. Иониных и семейства К. Л. и М. Д. Пащенко — ближайших вятских друзей Салтыкова,— большую, если не главную, роль в этой активности П. П. Ланского сыграла его жена Наталья Николаевна, в первом браке жена Пушкина (рожд. Гончарова). О хлопотах за Салтыкова Наталью Николаевну просила ее старинная знакомая М. Д. Пащенко, которую Пушкины знали в Петербурге в 1830-х годах «звездой» Александринского театра (под ее девичьей фамилией — Новицкая). См.: 1) Л. Спасская. Наталия Николаевна Пушкина (Ланская) в Вятке.— «Труды Вятской ученой архивной комиссии», 1905, вып. 1, стр. 18—21; 2) Евг. Петряев. Рядом с поэтом.— «Кировская правда», 1974, № 131, 6 июня, стр. 3; 3) Письма О. М. Салтыковой к Д. Е. Салтыкову от 26 октября, 2 и 16 ноября 1855 года — см. Приложения, I.

[2] М. Н. Гринвальд, муж Алины Яковлевны, на сестре которой, Аделаиде Яковлевне, был женат Дмитрий Евграфович, был в это время генерал-майором Корпуса корабельных инженеров Морского министерства.

90. Д. Е. САЛТЫКОВУ

4—5 ноября 1855. Вятка

Сейчас получил я письмо твое от 28 октября, любезный друг и брат, и благодарю тебя душевно за поздравление с именинами. Очень жаль, что по моему делу не видится как-то успеха; впрочем, Ланской такого рода представление сделал, что лучше нельзя ожидать[1]. Тизенгаузен все хлопочет, чтобы меня в другую губернию перевели, а мне, признаюсь, хотелось бы в Петербург и искать себе должность вице-губернатора; должность же советника мне до крайности опротивела. Благодарю тебя за справки по моим поручениям; из доставленных тобою сведений я вижу, что можно купить хорошенькие часики за 60 р. с., если можно, с синею эмалью (листиками); остальные же 90 рублей употребить на брошку, цепочку с крючком и ключиком. Ты пишешь, что при этом еще бывают и серьги, но их не надо. Лиза никогда не нашивала серег, да и места в ушах у ней для этого нет. Что касается до несессера, то он действительно очень дорог; один футляр будет стоить 60 рублей, тогда как в Вятке можно сделать его с зеркалом на 25 р. Можно ли мне будет прислать свой футляр, т. е. одну шкатулку, отделка же внутренности должна быть сделана в

Петербурге. Из вещей я желал бы иметь в несессере следующие: 2 флакона для духов, 4 коробки: для зубн. щеток, мыла, губки и порошка, коробку для облаток, стакан, чернильницу с песочницей, колокольчик, ручное зеркало, машинку для чистки языка, головную щетку, щетку для ногтей, гребенку и гребень, машинку для чистки гребней, нож перочинный, двое ножниц, подпилок для ногтей, уховертку и продевательную иголку и два лоточка для булавок; по счету все это будет стоить 149 р.; сверх того, тут же необходимо добавить: стеклянную коробку с сер<ебряной> крышкой для перчаток, коробочку для стальных перьев и ручку для них же и две банки с серебряными же крышками для помады. Нельзя ли будет справиться, что будут стоить эти вещи и можно ли мне будет прислать свою шкатулку; да что будет стоить вырезать на серебряных вещах шифр L. В. Уж похлопочи, милый брат, хоть мне и совестно затруднять тебя.

Прощай, любезный друг и брат, желаю тебе всего лучшего.

Весь твой

М. Салтыков.

Если увидишь Тизенгаузена, то сделай милость, поблагодари его за память и ходатайство обо мне. Ты пишешь мне, что он говорил обо мне министру, но обещал ли что министр, я из письма не вижу. Впрочем, как только возвращусь из командировки, то сам буду писать Тизенгаузену, через тебя. Уж если переводить меня в другую губернию, то нельзя ли в Тверь; это к Петербургу поближе; если я сам не могу там бывать, то хоть Лизу мне удобно будет отпускать хоть на короткое время. Да притом близко и от маменьки, большую часть припасов можно будет из деревни доставлять. А впрочем, я выбирать не могу: хорошо хоть куда-нибудь, только бы из Вятки.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 97—98.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 122—124.

Датируется по указанию: «Сейчас получил я письмо твое от 28 октября». Почта из Петербурга до Вятки шла тогда восемь дней (см. письмо 92).

---

[1] О «представлении», сделанном генерал-адъютантом П. П. Ланским своему двоюродному брату министру внутренних дел С. С. Ланскому, по поводу «прощения» Салтыкова см. в письме 89.

91. Д. Е. и А. Я. САЛТЫКОВЫМ

10 ноября 1855. Вятка

Вятка. 10 ноября.

Я с покорнейшей просьбой к тебе, любезный друг и брат. Сделай милость, на прилагаемые 150 р. с. купи дамские часики с крючком и брошкой, как нынче носят; я бы желал, чтобы часы стоили 75 р. и столько же прочее; часы, пожалуйста, купи с эмалью, если можно, синею. Я хотел бы подарить это Лизе к Новому году и потому прошу тебя прислать их ко мне поскорее, а я уже отошлю это по принадлежности. Я слышал, что у Буца на Б. Морской эти вещи продаются дешевле, нежели в других магазинах; впрочем, тебе виднее. Мне не хотелось бы, чтобы маменька знала об этом, потому что, того и гляди, старуха скажет, что я мотаю, а сам ты посуди, как, бывши женихом целую земскую давность, не побаловать хоть изредка мою девочку?

Поздравляю тебя с прошедшими именинами милого Миши, которого от души целую, желая счастья всех возможных сортов. Что касается до меня, то я провел мои именины довольно грустно; порадовало меня, впрочем, письмо моей Лизы, которая прислала мне обручальное кольцо. О моем деле все еще нет никаких слухов; даже Ланскому ничего не пишут. Впрочем, и то сказать, представление его пошло очень недавно. Завтра или послезавтра я еду по делам службы по целой губернии и ворочусь не ранее как к первым числам декабря [1]. Ты меня весьма обязал бы, если бы к этому времени выслал бы и часы. Я от маменьки нынче довольно редко получаю письма, но к именинам получил и письмо и деньги, которые я и употребляю на богоугодное дело. Ты не поверишь, любезный друг, как мне противно жить в Вятке! Постоянные беспокойства, постоянные разъезды крайне расстраивают мое и без того слабое здоровье. Вот и теперь, шутка ли тащиться до 2000 верст, по нынешним дорогам; снегу еще так мало, что на санях выехать нельзя: хоть на перекладной поезжай. Теперь я один, и то тяжело переносить, а каково же будет, как я женюсь? Впрочем, нельзя сказать, чтобы и служба в Петербурге обещала мне особенные удовольствия; я прошу о причислении меня к министерству (в настоящее время другого выхода и нет для меня) и бог знает еще когда-то выйдет для меня место, а покамест, может быть, года три буду разъезжать по матушке России; да и это бы хорошо, потому что во время командировок дают и суточные и подъемные, а вот будет скверно, как придется жить в Петербурге да ничего не делать.

Прощай, любезный друг и брат, пиши ко мне хоть изредка, а то я от тебя уж вовсе не получаю никаких известий. Прошу тебя верить искренности чувств любящего тебя брата

М. Салтыкова.

Je Vous félicite, ma très chère et bonne soeur, à l'occasion de la fête du petit Michel, que j'embrasse ainsi que tous vos chers enfants. Je Vous prie d'aider Dmitry dans le choix de la montre que je destine pour ma petite amie. J'espère que Vous l'aimerez, puisqu'elle est véritablement une excellente enfant. Veuillez <?> témoigner mes respects à m-me Votre mère ainsi qu'à m-me Aline. Dites à m-me Aline que Неркин est venu faire ma connaissance; в настоящее время он занят исканием подруги жизни; он занялся этим как только вылез из тарантаса. Он сказывал мне, что уже десять раз предлагал свою руку и сердце, но неудачно[2].

Adieu, chère soeur, portez-vous bien et ne m'oubliez pas.

M. Saltikoff.

Перевод: Поздравляю Вас, милая и любезная сестрица, с именинами маленького Миши, которого целую так же, как и остальных ваших милых детей. Прошу Вас помочь Дмитрию в выборе часов, которые я предназначаю для моей маленькой подруги. Надеюсь, что Вы полюбите ее, потому что она действительно превосходный ребенок. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Вашей матушке и м-м Алине. Передайте, пожалуйста, м-м Алине, что Неркин приходил познакомиться со мною <...>[2]. Прощайте, милая сестрица, будьте здоровы и не забывайте меня.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 95—96.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 121—122.

---

[1] Салтыков выехал в очередное служебное путешествие по Вятской губернии, оказавшееся последним, 12(?) ноября и вернулся в Вятку 28 ноября.

[2] Не эти ли впечатления от неизвестного нам Неркина послужили впоследствии толчком для сюжетной завязки рассказа Салтыкова 1857 года «Жених» (см. в т. 4 наст. изд.).

92. Д. Е. САЛТЫКОВУ

28 ноября 1855. Вятка

Вятка. 28 ноября.

Тебе, вероятно, уже известно, любезный друг и брат, что я уже свободен [1]. Я подал уже в отпуск и 15-го числа окончательно отправляюсь из Вятки в деревню к маменьке [2], а оттуда в Владимир. К 15-му января надеюсь быть в Петербурге, чтобы уж никогда с Вами не расставаться. Всем этим я обязан генералу Ланскому, который так добр, что даже дает мне письмо к нашему министру. Это дает мне надежду, что я, по крайней мере, буду причислен к министерству.

Я просил тебя выслать мне дамские часы и жду присылки их. Если ты не купил их и письмо это придет к тебе не позже 6-го, то, пожалуйста, исполни мою просьбу и вышли часы в Вятку, потому что почта ходит до Вятки только 8 дней и мне не хотелось бы приехать к Лизе с пустыми руками, тем более что она очень больна и надобно ее побаловать. Если же письмо дойдет до тебя поздно, то пошли часы прямо в Владимир, адресуя на имя Аполлона Петровича Болтина.

Прошу тебя передать мой дружеский поцелуй сестрице Адели и перецеловать от меня всех детей. Извини, что мало пишу: при скором личном свидании обо всем переговорим и крепко поцелуемся.

Твой навсегда

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 99—100. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 124.

---

[1] Получив два энергичных письма от генерал-адъютанта П. П. Ланского — официальное и личное, подкрепленные устными просьбами бывшего жандармского генерала в Вятке К. Е. Тизенгаузена, и руководствуясь измененным курсом правительственной политики, новый министр внутренних дел дал ход просьбам об освобождении Салтыкова из-под надзора. 12 ноября С. С. Ланской доложил это дело царю и на другой день, 13 ноября, известил начальника III Отделения гр. Орлова и вятского губернатора о том, что Александр II «высочайше повелеть соизволил: дозволить Салтыкову проживать и служить где пожелает». В Вятке отношение Ланского и соответственное предписание Орлова были получены 23 ноября и объявлены Салтыкову сразу же по возвращении его из поездки по губернии: 28 ноября. («Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года», 1906, вып. 5—6, стр. 238—239; *ЦГАОР, «Дело» № 169,* л. 40).

[2] Сдача служебных дел несколько задержала Салтыкова в Вятке. Он выехал из нее не 15-го, а 24 декабря. Формально он отправлялся в предоставленный ему 28-дневный отпуск; в действительности — навсегда покидал «опальный город», где прошли семь с половиною лет его жизни.

93. Д. Е. САЛТЫКОВУ

28 декабря 1855. Ермолино

Я проездом у маменьки и пользуюсь этим случаем, чтобы заочно обнять тебя, милый друг и брат, от души поздравляя тебя с Новым годом, который надеюсь встретить с невестою. 10-го надеюсь быть в Петербурге;[1] на первое время, хоть на короткий срок, думал бы остановиться у тебя, разумеется, если это тебя не стеснит. Сколько мне предстоит разъездов — так я заранее в ужас прихожу. Прошу тебя поцеловать ручки у сестрицы, перецеловать всех детей и засвидетельствовать мое почтение м. г. Каролине Петровне и Алине Яковлевне. Прощай или лучше до свиданья; не забывай любящего тебя

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику (приписка к письму О. М. Салтыковой к Д. Е. и А. Я. Салтыковым от 28 декабря 1855 г.): *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 46, л. 4.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 124.

---

[1] Из Ермолина Салтыков выехал во Владимир для встречи Нового года с невестой. В Петербург он приехал 13 или 14 января 1856 года.

1856

94. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОМУ

18 января 1856. Петербург

18 января 1856 г.

Советник Вятского губернского правления надворный советник Салтыков, желая, по домашним обстоятельствам своим, продолжать службу в С.-Петербурге, принимает смелость утруждать ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбой о причислении его к Министерству внутренних дел.

Печатается по писарской копии: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 50.

---

9 февраля 1856 года Ланской получил согласие Александра II на просьбу Салтыкова, и 12 февраля последний был уволен от должности советника Вятского губернского правления с причислением к Министерству внутренних дел (без должности и жалованья). В июне 1856 года Салтыков был назначен «исправляющим должность чиновника особых поручений», а в ноябре 1857 года — «чиновником особых поручений». В октябре того же 1857 года он был произведен «за отличие» в коллежские советники. Важнейшими работами, выполненными Салтыковым за 2-летие его службы чиновником особых поручений Министерства внутренних дел, было составление следующих «записок»: 1) «Пособие и льготы после Отечественной войны 1812 года», 2) Свод распоряжений Министерства внутренних дел, относящийся до войны 1853—1856 годов («Государственное подвижное ополчение», «Подвижные провиантские магазины...», «Пленные»), 3) «Об устройстве градских и земских полиций» и др. (*Макашин II,* стр. 34—69). «Записка» о войне 1812 года была напечатана в 1856 году в «Журнале Министерства внутренних дел» и одновременно вышла отдельной брошюрой. Рукописи трех частей «Записки», относящейся к Крымской войне, сохранились — первая в *ГПБ,* в архиве И. И. Толстого (сообщено Б. Ф. Ливчаком);

две другие — в *ИРЛИ* (ф. 366, оп. 1, № 285 и 286). «Записка о градских и земских полициях» известна лишь по *Арсеньеву, Материалы...*, где текст «Записки» контаминирован, по-видимому, с текстом одной незаконченной и неопубликованной статьи Салтыкова. См. Приложения, III.

95. А. В. ДРУЖИНИНУ(?)

1 февраля 1856 (?). Петербург

Если Вам не неприятно будет видеть завтра, в четверг, Жизель, на Больш<ом> т<еатре> (нач<ало> в $7^{1}/_{2}$ ч.), то для вас будет место в ложе 1-го яруса (внизу) с правой стороны, № 4.

Уважающий Вас
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 15.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 4.

Адресат устанавливается предположительно на том лишь основании, что записка поступила в Пушкинский дом в составе собрания писем к А. В. Дружинину.

Датируется также предположительно — указанием на «четверг» как на день представления балета «Жизель». В первое после Вятки двухлетие Салтыкова этот спектакль шел в названный день недели в петербургском Большом театре в 1856 году. Однако из «Дневника» Дружинина видно, что 2 февраля вечером он был на домашнем спектакле в Преображенском полку (*ЦГАЛИ,* ф. 167, оп. 3, № 312).

Дружеское сближение Салтыкова с А. В. Дружининым после возвращения из ссылки произошло на почве их старого товарищества. В конце 1840-х годов они служили вместе в Канцелярии Военного министерства и вместе же в 1847 году начали свою писательскую жизнь: Салтыков повестью «Противоречия», Дружинин — повестью «Полинька Сакс».

96. А. В. ДРУЖИНИНУ

Не ранее второй половины марта 1856. Петербург

Вчера, там, где мы с Вами вместе были утром, я оставил свой cache-nez. Не заблагорассудили ли Вы взять его с собой, когда уходили оттуда? Возвращаю Вам 4 № Р<усского> в<естника>; там есть статья Анненкова, которая Вам будет очень приятна, потому что она заключает в себе теорию

сошествия св. духа [1]. Ваша Саша просто прелесть; [2] разговор с нею значительно подготовил меня к пониманию статьи г. Анненкова. Мне ужасно было завидно, глядя на Вас.

Весь ваш
М. С.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 3, № 220, л. 8.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 4, с датой: «Апрель — Май 1856 г.»

Датируется по упоминанию № 4 «Русского вестника», вышедшего в свет 15 марта 1856 года.

---

[1] Имеется в виду статья П. В. Анненкова в упоминаемом четвертом номере «Русского вестника» (1856, февраль, кн. 2) «О значении художественных произведений для общества» (впоследствии при переиздании: «Старая и новая критика»). С концепцией этого программного для так называемой «эстетической критики» выступления Анненкова Салтыков полемизировал в статье «Стихотворения Кольцова», писавшейся в апреле — мае 1856 года. См. т. 5 наст. изд.

[2] Саша Жукова, гризетка.

97. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ГВОЗДЕВУ

До 7 апреля 1856. Петербург

Его превосходительству господину Директору
Департамента общих дел
состоящего при Министерстве
внутренних дел надворного
советника Салтыкова

Рапорт

Имею честь испрашивать разрешения вашего превосходительства на увольнение меня, по домашним обстоятельствам, в отпуск с 9 по 25 сего апреля в губернский город Владимир [1].

Состоящий при министерстве
надворный советник *Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 7.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 50.

В ответ на это прошение было выдано удостоверение на отпуск за подписью А. А. Гвоздева, датированное «7 апреля 1856 г.» (там же, л. 8).

---

[1] Целью поездки во Владимир было окончательно договориться с родителями невесты — Болтиными — о времени и месте свадьбы.

98. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ГВОЗДЕВУ

28 апреля 1856. Петербург

Его превосходительству господину Директору
Департамента общих дел
состоящего при Министерстве
внутренних дел надворного
советника Салтыкова

Рапорт

Имею честь почтительнейше испрашивать распоряжения вашего превосходительства о вытребовании из Вятского губернского правления хранящихся в оном некоторых документов, относящихся до моего лица, как-то: копии с протокола Московского депутатского собрания о моем происхождении, аттестата, выданного мне из императорского Александровского Лицея и метрического свидетельства о летах[1].

Состоящий при министерстве надворный советник

Салтыков.

28 апреля 1856 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 23.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 51.

---

[1] Перечисленные биографические документы Салтыкова сохранились: *ЦГИА, «Дело» № 19.*

99. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОМУ

7 мая 1856. Петербург

Его высокопревосходительству
господину Министру внутренних дел
состоящего при Министерстве
внутренних дел надворного
советника Салтыкова

Прошение

Имея намерение вступить в законный брак с дочерью статского советника Болтина, девицею Елизаветою Аполлоновною, долгом считаю испрашивать на сие разрешения вашего высокопревосходительства. 7 мая 1856 года.

Состоящий при министерстве внутренних дел
надворный советник

Михаил Салтыков.

На письме пометы: Получено 7 мая 1856 *и* Разрешить.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 26. На бумаге резолюция министра: «Разрешаю». К «Прошению» приложено письменное дозволение на брак от родителей невесты А. П. и Е. И. Болтиных. Оно датировано тем же 7 мая, но помечено «Владимиром». По-видимому, дата была проставлена в привезенный из Владимира документ Салтыковым (там же, лл. 27—28).

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 51.

100. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОМУ

25 мая 1856. Петербург

Его высокопревосходительству
господину Министру внутренних дел
состоящего при Министерстве
внутренних дел надворного
советника Салтыкова

Прошение

Имея надобность, по домашним обстоятельствам, воспользоваться отпуском в столичный город Москву и Владимирскую губернию, сроком с 1-го будущего июня по 20 число

того же месяца, долгом считаю испрашивать на сие разрешения вашего высокопревосходительства.

Состоящий при министерстве внутренних дел
надворный советник *Салтыков.*

25 мая 1856 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 29. На бумаге резолюция министра: «Разрешаю». К «Прошению» приложен «Увольнительный билет» Салтыкову от 30 мая.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 52.

Разрешение на отпуск испрашивалось Салтыковым для поездки к невесте во Владимир и для свадьбы в Москве.

101. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ГВОЗДЕВУ

23 июня 1856. Петербург

В Департамент общих дел Министерства
внутренних дел состоящего при г. Министре
внутренних дел чиновника особых
поручений VI класса Салтыкова

Рапорт

Вступив, 6-го числа сего июня, в законный брак с дочерью статского советника Болтина, девицею Елизаветою Аполлоновною, имею честь донести о сем департаменту, для внесения в формулярный о службе моей список.

Надворный советник
Михаил Салтыков.

23 июня 1856 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 35.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 52.

Бракосочетание Салтыкова с Е. А. Болтиной произошло 6 июня 1856 года в Крестовоздвиженской, «что в бывшем монастыре», церкви на Воздвиженке (ныне не существует). Со стороны родных Салтыкова на свадьбе присутствовал только его младший брат, Илья Евграфович (*ГА Моск. обл.,* ф. 203, оп. 745, ед. хр. 525, ч. 16, л. 30; *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 9, № 137, л. 77).

102. М. Н. КАТКОВУ

14 июля 1856. Петербург

Милостивый государь Михаил Никифорович.

Вследствие письма Вашего от 2-го эт<ого> м<есяца> я на прошлой еще неделе просил Вас о присылке мне, для окончательного исправления, моих очерков [1]. Предполагая по письму Вашему, что они нужны Вам в скором времени, я просил для выиграния времени переслать их ко мне через петербургскую контору Вашего журнала. Между тем магазин Базунова в настоящую минуту закрыт, и, когда в нем будет вновь производиться торговля, неизвестно. Опасаясь, чтобы статьи мои не пропали, если будут пересланы этим путем, я прошу Вас выслать мне их с почтою, повторяя Вам мое обещание через четыре дня возвратить их с прибавлением двух новых очерков, которые я также хотел бы видеть напечатанными в «Русском вестнике».

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности уважающего Вас

М. Салтыкова.

Прошу Вас известить меня, передали ли Вам 1-й «Москвитянина», взятый мною?

С. П.бург.
14 июля 1856 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. **3, № 71.**
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 5—6.

---

[1] Свое первое, после вятской ссылки, художественное произведение «Губернские очерки» Салтыков начал печатать (под псевдонимом Н. Щедрин) в середине августа 1856 года, в редактируемом М. Н. Катковым московском журнале «Русский вестник» (т. 4, кн. 2). Для «окончательного исправления» Салтыкову были присланы, по-видимому, четыре «очерка» этой первой, августовской публикации: «Введение», «Первый рассказ подьячего», «Неумелые» и «Второй рассказ подьячего». См. т. 2 наст. изд., стр. 516.

103. Д. Е. САЛТЫКОВУ

Начало августа 1856. Петербург

Извини меня, любезный друг и брат, что обращаюсь к тебе письменно. Я сам приехал бы к тебе, если бы, к несчастью, не заболела сегодня Лиза. Просьба моя заключается в том, чтобы ты прекратил свое нерасположение ко мне, нерасположение, которое тяготит и душит меня. Зная твою прежнюю любовь ко мне, я именем ее прошу тебя подать мне снова руку и извинить мне то, что в моем обращении могло для тебя казаться неприятным и оскорбительным. Прошу тебя думать, что в существе я совсем не думал охладевать к тебе и что холодность моя есть не что иное, как постоянная maniére d'être [1]. Во всяком случае, если я виноват перед тобою, то за что же терпит от того Лиза, которая ни перед тобою, ни перед сестрицей ничем не виновата и между тем встречает с вашей стороны более нежели равнодушие. Но, во всяком случае, вновь и вновь прошу тебя: забудь как брат, если я чем-нибудь виноват перед тобою. Я слышал от брата Николая, что ты завтра вечером будешь в городе; поэтому я завтра лично буду у тебя вечером, чтобы просить о том же, о чем прошу теперь письменно. Лиза моя сделалась больна по поводу получения мною письма от маменьки. Содержание этого письма таково, что оно и меня с ног сшибло [2]. Я надеюсь, что ты не захочешь быть причиной неудовольствия маменьки на меня. Ты был всегда добрым братом; я всегда и постоянно чувствовал и сознавал это, и если наружность не всегда соответствовала моим намерениям, то в этом виновата уже натура моя. Я всегда думал, что ты примешь в соображенье те неприятности, которые я вытерпел и которые не могли не оставить следа на моем характере, и будешь снисходителен. Оказывается, что совсем напротив. Тем не менее я опять прошу тебя, именем нашей прежней дружбы, забыть прошлое и быть со мною по-прежнему. Я теперь же пишу маменьке, что готов принести тебе все извинения, чтобы только возвратить твое расположение. Надеюсь, что ты не перестал быть братом и поймешь, как тяжело и прискорбно, при настоящем моем положении, то одиночество, на которое осуждает меня отчуждение от меня родных.

На днях меня посылают в командировку в Владимир и в Тверь ревизовать комитеты ополчения.

Прощай, любезный друг и брат, надеюсь завтра с тобой видеться, а покамест прошу тебя верить, что я всегда был тебе любящим братом.

М. Салтыков.

Сестрицу и всех детей целую.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 45, лл. 101—102.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 128—129, с редакторской датой: «Конец июля — начало августа 1856 г.».

Датируется на основании упоминания о предстоящей «на днях» командировке во Владимир и Тверь. Предписание министра Ланского об откомандировании Салтыкова датировано 5 августа, выехал же он из Петербурга 13 августа (*ЦГИА,* ф. 1284, оп. 66, № 61, лл. 8 и 11).

---

[1] манера держаться (*франц.*).

[2] Женитьба на «бесприданнице» и самовольно решенный переезд из «дешевой» Вятки в «дорогой» Петербург были несочувственно встречены родными Салтыкова, особенно матерью. Положение обострилось, когда Салтыков предъявил матери и старшему брату какие-то имущественные претензии. Комментируемое письмо явилось заменой обещанного Салтыковым матери примирительного визита к брату. См. Приложения, I.

1857

104. И. В. ПАВЛОВУ

23 августа 1857. Петербург

Перлюстрационная выписка

Уж как бы хорошо было в Орел вице-губернатором, но вряд ли это может статься. Вульф известен и в Министерстве не только как дурак, но даже просто как идиот [1]. Да и это бы еще ничего, потому что глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание, как ты можешь убедиться, прочитав мою комедию «Просители»; [2] но худо то, что у Вульфа протекции мало, вследствие чего он лишен всякой надежды на возведение в сан святительский [3]. Участь Орла — претерпевать Вульфа до конца. Одно лишь средство есть: напустить на Вульфа бешеную собаку, чтобы она его укусила, и потом оставить его без врачебного пособия. С ума свести его нельзя, ну а взбесить, может быть, и можно. Да притом с таким губернатором, как теперешний [4], только и можно служить, бывши Вульфом. Ты представь себе меня на месте Вульфа? Ведь бы горло перегрыз Игнатьеву [5], который, вдобавок, еще в Губернском правлении и, следовательно, прямо под рукою вице-губернатора.

В моих «Богомольцах» есть тип губернатора, похожего на орловского. Ты представь себе эту поганую морду, которая лаконически произносит: «Постараемся развить» [6], и напиши мне, не чесались ли у тебя руки искровянить это гнусное отребье, результат содомской связи холуя с семинаристом?

И вот каковы наши варяги! [7] Не взяточничество страшно, а это торжественное признание себя холопом, это холуйское самодовольство, защищенное от палки недосягаемостью запяток [8].

Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и устроить очерк под заглавием «Историческая догадка». Изложу ее в виде беседы учителя гимназии с учениками [9].

В pendant к этому будет у меня история о том, как Иванушку-дурака за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают и т. д.[10]. Выйдет недурно, только как бы тово... ж <———> не посекли. Какого ты мнения насчет сечения? «Наплевать» или «не наплевать»? Я думаю, что наплевать, но только, должно быть, анафема, больно. Однако ж клянусь, что я не испытывал этого.

Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления[11]. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать, чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека.

Сверху, в виде заглавия (относящегося также к письму 108 от 15 сентября 1857 г.), рукою чиновника, производившего перлюстрацию: Выписки из двух писем с подписью «М. Салтыков», от 23 августа и 15 сентября, приложенные к письму без подписи, из Орла на имя Михаила Ивановича Лопатина, в Москву.

На полях помета карандашом, сделанная в III Отделении: Составить памятную записку о намерении Салтыкова написать статью под заглавием «Историческая догадка».

Печатается по перлюстрационной выписке III Отделения: *ИРЛИ,* ф. 265, оп. 2, № 2483, лл. 1—2. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано в «Русской старине», 1897, № 11, стр. 233—234, в статье «*R*» <Е. К. Раппа> «На заре крестьянской свободы», с купюрами, зашифровкой имен, неточностями и ошибочным включением в текст Салтыкова абзаца, принадлежащего автору статьи — Е. К. Раппу. Перепечатано в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 370—372, по тексту «Русской старины», с отнесением начала данного письма в конец другого письма к И. В. Павлову — от 15 сентября 1857 года. Вновь опубликовано по рукописи *ИРЛИ* в *ЛН,* т. 67, стр. 457—458, также со включением, как и в «Русской старине», в текст Салтыкова абзаца, принадлежащего Е. К. Раппу. Исправление накопившихся ошибок в публикациях письма дано в кн.: *Макашин II,* стр. 531—532, на основании сообщения Д. М. Климовой.

Датируется по перлюстрационной помете.

Письмо адресовано в Орел и обращено к товарищу и другу Салтыкова по московскому Дворянскому институту и Царскосельскому лицею

И. В. Павлову, публицисту славянофильской окраски, орловскому помещику. Является ответом на письмо Павлова из Орла от 13 августа 1857 года, также попавшее в перлюстрацию (*ЛН*, т. 67, стр. 456—457).

---

[1] Николай Петрович Вульф был орловским вице-губернатором (в перлюстрационной копии его фамилия всюду искажена: «Гульф»).

[2] «Просители. Провинциальные сцены», напечатаны в «Библиотеке для чтения», т. 143, 1857, май; вошли в «Губернские очерки».

[3] То есть на «возведение» в должность губернатора.

[4] Орловским гражданским губернатором был в это время Валериан Иванович Сафонович.

[5] Иван Алексеевич Игнатьев — столоначальник Орловского губернского правления.

[6] Слова щедринского генерала Голубовицкого из рассказа «Общая картина» в «Губернских очерках» (наст. изд. т. 2, стр. 123).

[7] Здесь и ниже — реплики на след. место из письма Павлова от 13 августа 1857 года, на которое отвечает Салтыков: «...сказание о призвании варягов есть не факт, а миф, который гораздо важнее всяких фактов. Это, так сказать, прообразование всей русской истории. «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет», вот мы и призвали варягов княжить и владеть нами. Варяги — это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицеймейстеры — одним словом, все воры, администраторы, которыми держится какой ни на есть порядок в великой и обильной земле нашей» (*ЛН*, т. 67, стр. 456).

[8] Скрытая цитата из статьи Герцена «Еще вариация на старую тему» («Полярная звезда», 1857, кн. III). Это первое по времени свидетельство знакомства Салтыкова с заграничными изданиями Герцена (ср. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 424).

[9] «Исторической догадкой» Павлова Салтыков действительно воспользовался. Но он изложил ее не в форме беседы учителя с учениками, как первоначально предполагалось. Павловскую метафорическую «трактовку» мифа о призвании варягов Салтыков вложил в уста выгнанного со службы подьячего, в рассказе «Гегемониев (Из книги об умирающих)». Рассказ был напечатан в мае 1859 года, в № 15 нового журнала «Московский вестник», фактическим редактором которого был И. В. Павлов. См. в наст. изд. т. 3.

[10] Историю о том, как Иванушку-дурака — персонифицированный образ народных масс, крестьянства — за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают, а потом, сознав свою силу, собрался «судить да рядить», Салтыков изложил в эпилоге рассказа «Скрежет зубовный» — «Сон». Рассказ появился в «Современнике», 1860, кн. 2. См. в наст. изд. т. 3, стр. 379—381.

[11] О причинах и содержании временных симпатий Салтыкова к этому направлению общественной мысли см. *Макашин II*, гл. «Встреча со славянофилами».

105. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ГВОЗДЕВУ

27 августа 1857. Петербург

Его превосходительству господину Директору
Департамента общих дел
чиновника особых поручений
Салтыкова

Рапорт

Выданный мне от экзекутора Департамента общих дел билет на проживание в С.-Петербурге неизвестно куда мною утрачен, а потому имею честь почтительнейше испрашивать распоряжения вашего превосходительства о выдаче мне нового билета, взамен утраченного.

Надворный советник
Михаил Салтыков.

27 августа 1857 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 41.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 53.

106. С. Т. АКСАКОВУ

31 августа 1857. Петербург

Милостивый государь Сергей Тимофеевич!

С сердечной радостью получил я почтеннейшее письмо Ваше от 26 августа [1]. Ваше одобрение по многим причинам для меня драгоценно, и я вижу в нем новое для себя обязательство к продолжению посильных трудов моих [2]. Я с особенною любовью работал над «Богомольцами», и откровенно сознаюсь, что Ваши прекрасные произведения имели решительное влияние как на замысел, так и на исполнение скромного труда [3].— Мысль, проводимая через весь ряд рассказов этой рубрики, еще не довольно ясно чувствуется; необходимо еще несколько рассказов, чтобы вполне уяснить ее. Мысль эта — степень и образ проявления религиозного чувства в различных слоях нашего общества [4]. Доселе я успел высказать взгляд простого народа устный (в рассказе солдата) и книжный (Пахомовна), а отчасти взгляд разбогатевшего купечества [5]. Затем предстоит еще много, и если Вам угодно будет одобрить

мое намерение, то я и последующие рассказы буду иметь честь посвятить Вашему имени. Но при сем раз навсегда прошу Вас извинить меня за некоторую небрежность отделки; небрежность эта объясняется спешностью работы, которая, в свою очередь, находит оправдание в различных обстоятельствах жизни, о которых не место здесь объяснять.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашим,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
Михаил Салтыков.

С. П.бург
31 августа 1857 года.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ГАИС, т. III, ф. 3, карт. 1, № 3.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 129—130.

---

[1] Письмо С. Т. Аксакова неизвестно.

[2] Салтыков и в дальнейшем, вплоть до предсмертной «Пошехонской старины», признавал силу впечатлений, испытанных им от «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова внука». Но в 50-е годы значение этих произведений он видел не столько в художественно-эстетической области, сколько в сфере «разъяснения внутренней жизни русского народа».

[3] Раздел «Губернских очерков», озаглавленный «Богомольцы, странники и проезжие». В первопечатной публикации «Русского вестника» (1857, август, кн. 1) название раздела сопровождалось словами: «(Посвящается С. Т. Аксакову)». В первом отдельном издании «Губернских очерков» посвящение было снято и в последующих переизданиях не восстанавливалось.

[4] Развитию этой мысли, уже в публицистической форме, Салтыков посвятил ряд страниц в своей, не издававшейся при его жизни статье 1857 года о книге «Сказания о странствии... инока Парфения». См. т. 5 наст. изд.

[5] Речь идет о рассказах раздела «Богомольцы...»: «Отставной солдат Пименов», «Пахомовна» и «Хрептюгин и его семейство». См. в т. 2 наст. изд.

107. П. В. АННЕНКОВУ

9 сентября 1857. Петербург

Завтра дают «Бедную невесту», и если Вам не противно, многоуважаемый Павел Васильич, то я с женою будем очень рады обладать Вами в нашей ложе, в бель-этаже № 7 с пр<авой> стор<оны>.

Весь Ваш
М. Салтыков.

9 сентября 1857 года.

Было сложено конвертом. На л. 2: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В Демидовском переулке, в доме Висконти. *Почтовый штемпель:* Городская почта 1857 сент. 9, 4 час. *Помета Анненкова:* Салтыков, 1857.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 1—2. Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 6.

Дружеские отношения с П. В. Анненковым, другом Белинского и Герцена, человеком, пристально следившим за передовыми социальными учениями Запада, установились у Салтыкова сразу же после возвращения из Вятки в Петербург. Они сохранялись до конца жизни критика (ум. в 1887 г.).

108. И. В. ПАВЛОВУ

15 сентября 1857. Петербург

Перлюстрационная выписка

Ты хочешь истребить взятки, узаконив их. Это уже существует в наших остзейских губерниях и известно под именем акциденции, и подобного мучительства, какое испытывают там тяжущиеся и всякого рода просители,— нигде в мире никто не испытывает[1]. Каждый шаг стоит денег, и приказная мелкая тварь делает все усилия, чтобы тянуть дело и втравлять в него как можно более народа. Ни жалованье, ни акциденции в этом деле не помогут, потому что приказная утроба ненасытима; а легкость административной добычи такова, что самого невинного и неумелого человека соблазняет, ибо работа мысли здесь самая немудрая. Притом же правосудие необходимо должно быть даровое. Это принцип, освященный всеми стоящими высоко государствами, и принцип вполне основательный. Есть одна штука (она же и единственная), которая может истребить взяточничество и поселить правду в судах и вместе с тем возвысить народную нравственность. Это — возвышение земского начала за счет бюрократического. Я даже подал проект, каким образом устроить полицию на этом основании, но, к сожалению, у нас все спит, а следовательно, будет спать и мой проект до радостного утра[2]. Да и то сказать, какое может быть рьянство, когда половина России в крепостном состоянии.

Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что это был величайший самодур своего времени. Если бы он видел только временную необходимость в четырнадцатиглавом змие[3], то понимал бы, что всякое осадное состояние когда-нибудь сни-

мается же; а он нас обрек на вечное рабство или вечную революцию. Маху давать в таком деле нельзя, и я нахожу, что настоящее положение дела есть не что иное, как логическое развитие мысли Петра. Вспомни, что он учредил наших преторианцев, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то браунгшвейгцев, то голстинцев.

Нет, воля твоя, а таким образом нельзя благодетельствовать отечеству. Петру просто по нраву пришлись заморские обычаи, а он и ну гнуть в эту сторону, благо материал попался способный. Слова нет, хороши обычаи, но ведь они слились бы с нами естественным порядком, и тогда бы не было того странного раздвоения, которое теперь в России.

Сверху, в виде заглавия (относящегося также к письму 104 от 23 августа 1857), рукою чиновника, производившего перлюстрацию: Выписки из двух писем с подписью «М. Салтыков», от 23 августа и 15 сентября, приложенные к письму без подписи, из Орла на имя Михаила Ивановича Лопатина в Москву.

Печатается по перлюстрационной выписке III Отделения: *ИРЛИ,* ф. 265, оп. 2, № 2483, лл. 2—3. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано в «Русской старине», 1897, № 11, стр. 235—236, в статье «R» <Е. К. Раппа> «На заре крестьянской свободы», с неточностями текста и купюрой о Петре I. Перепечатано в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 371—372, по тексту «Русской старины»; в конце письма в этой публикации ошибочно помещено начало письма к Павлову от 23 августа 1857 года (104). Вновь опубликовано по рукописи *ИРЛИ* в *ЛН,* т. 67, стр. 460—461.

Датируется на основании перлюстрационной пометы.

Салтыков отвечает на письмо Павлова к нему из Орла от 28 августа 1857 года. Письмо это также известно лишь в перлюстрационной выписке. См. *ЛН,* т. 67, стр. 459—460.

---

[1] Младшие «приказные» учрежденных Петром I административных и судебных учреждений не имели постоянных окладов жалованья. Им было предоставлено право пользоваться так называемыми акциденциями, то есть доходами от добровольных даяний челобитчиков. В царствование Екатерины II система акциденций была отменена для внутренних губерний России, но сохранена для Остзейского края и земель, приобретенных в результате раздела Польши. Здесь этот институт продержался до реформ 1860-х годов.

[2] Перефразируется эпитафия Карамзина: «Спи, милый прах, до радостного утра». Проект Салтыкова о новом устройстве местной полиции и самоуправлении путем «возвышения земского начала за счет бюрократического» был разработан им в 1856—1857 годах по поручению министра Ланского. Проект был изложен в обширной «записке» «Об устройстве градских и

земских полиций». «Записка», обсуждавшаяся в министерстве и в конце концов отвергнутая, до сих пор не разыскана. См.: Приложения, III, и *Макашин II*, стр. 47—60.

[3] Вслед за Павловым Салтыков называет так созданную Петром I табель о четырнадцати рангах или классах. Ею определялся порядок прохождения службы чиновников. Табель о рангах стала своего рода хартией всей бюрократической системы царизма.

109. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. А. ГВОЗДЕВУ

16 сентября 1857. Петербург

Его превосходительству господину Директору
Департамента общих дел
чиновника особых поручений
надворного советника
Салтыкова

Рапорт

Утратив выданный мне из департамента общих дел билет от 25 июля 1856 года № 183 на жительство в С.-Петербурге, и подав о сем явочное прошение во 2-й департамент С.-Петербургской управы благочиния, копию с которого при сем представляю, имею честь испрашивать распоряжения вашего превосходительства о выдаче мне другого билета на квартирование в частных домах в городе С.-Петербурге.

16 сентября 1857 года. Надворный советник *Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19*, л. 42.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 53.

По-видимому, дело идет о той же утрате «билета» на жительство в Петербурге, о которой Салтыков доносил рапортом от 27 августа 1857 года (письмо 105). Необходимость приложить к своему ходатайству еще один документ явилась, видимо, причиной повторного рапорта. Копия с этого документа, прошения Салтыкова во 2-й департамент С.-Петербургской управы благочиния от 10 сентября 1857 года, сохранилась (*ЦГИА, «Дело» № 19*, л. 43). В прошении указан адрес Салтыкова: «Жительство имею в С.-Петербурге в Галерной улице, в доме Утина».

110. Е. Ф. КОРШУ

25 октября 1857. Петербург

Вы могли быть заранее уверены, многоуважаемый Евгений Федорович, что я с своей стороны готов всеми моими средствами содействовать успеху предпринимаемого Вами издания [1]. В бытность мою в Москве [2] я хотел сам вызваться на участие в «Атенее», и если не сделал этого, то единственно потому, что не был уверен, будет ли в нем литературный отдел. Не далее как в будущем декабре я пришлю к Вам, в полное Ваше распоряжение, несколько небольших рассказов, которые Вы и напечатаете по усмотрению Вашему, когда Вам будет угодно.

В. П. Безобразов, которому я сообщал Ваше приглашение к участию в «Атенее», поручил мне передать Вам, что Вы можете считать его в числе Ваших сотрудников и что он сам будет писать к Вам на этих днях. Впрочем, сотрудничество как мое, так и Безобразова вполне для Вас обеспечено.

Позвольте мне вместе с тем дать Вам маленький совет. Так как теперь осталось уже очень мало времени для публикаций, то Вы бы сделали весьма хорошо, если б, напечатав значительное число объявлений об издании «Атенея», разослали в редакции всех губ<ернских> ведомостей не менее 100 экземпляров или же послали по 1 р. 50 коп. для перепечатания объявления в неофициальной части. Это может много содействовать успеху подписки.

Засим, желая Вам всего лучшего, а журналу Вашему полного успеха, остаюсь преданный Вам

М. Салтыков.

СПб.
25 октября.

Не зная Вашего адреса, пишу на имя Валентина Федоровича [3].

Сделайте одолжение, попросите Валентина Федоровича передать Шумскому, что одна из пьес, о которых он меня просил, не пропущена, а о «Просителях» еще ничего не известно [4].

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 465, карт. 2, № 85, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 6, М., 1940, стр. 67—68.

Сотрудничество Салтыкова в недолговечном либеральном журнале «Атеней» Е. Ф. Корша ограничилось помещением в № 5 этого еженедельника за 1858 год «Святочного рассказа», вошедшего потом в книгу «Невинные рассказы». См. т. 3 наст. изд.

---

[1] В письме к Е. Ф. Коршу от 16 октября 1857 года П. В. Анненков писал: «Салтыков только ждет от Вас письма пригласительного (можете ко мне переслать), чтоб объявить себя Вашим сотрудником» (*ГБЛ*, М. 3093. 3 и 4). Получив же приглашение для Салтыкова, Анненков писал Коршу 25 октября: «Отписку к Салтыкову, весьма хорошо изложенную, доставлю сегодня же». Письмо заканчивалось словами, дописанными после передачи приглашения: «Салтыков объявил, что считает честью и обязанностью своей быть у Вас сотрудником...» (*ГБЛ*, М. 3093, 3 и 4).

[2] Салтыков ездил в Москву в первых числах сентября, в связи с подготовкой к печати третьего тома «Губернских очерков» (ценз. дата — 7 сентября).

[3] Брата Е. Ф. Корша.

[4] Известный актер Малого театра С. В. Шумский просил для своего бенефиса драматический очерк «Утро у Хрептюгина». Постановка пьесы, хотя и напечатанной, была запрещена театральной цензурой 21 октября 1857 года. Такая же судьба постигла и «Просителей». Эти «провинциальные сцены» были запрещены для постановки 30 октября.— *ЛН*, т. 13—14, стр. 117—120, 124—125.

111. С. Т. АКСАКОВУ

28 ноября 1857. Петербург

Милостивый государь Сергей Тимофеевич!

Я замедлил несколько ответом на почтеннейшее письмо Ваше[1] потому, что оно очень долго пролежало в министерстве и только вчера дошло до меня. В бытность Ивана Сергеевича в Петербурге я действительно изъявлял ему готовность мою принять деятельное участие в журнале, который он предполагал издавать, *как полный хозяин*[2], но так как это предположение не состоялось и как об участии в «Русской беседе» не было между нами говорено ни слова[3], то я уже распорядился теми вещами, которые были у меня готовы, отослав их частью в «Русский вестник», частью в «Атеней»[4]. Да и их печатанием я буду вынужден, вероятно, приостановиться на время, потому что вскоре после отъезда Ивана Сергеевича получил обязательное предостережение быть осторожным[5]. Поэтому, хотя я и не отказываюсь от участия в «Р<усской> беседе», но ед-

ва ли буду иметь возможность прислать что-нибудь в скором времени, тем более что я начал большой роман, который также уже обещан мною «Р<усскому> вестнику»[6]. Если эта работа даст мне достаточно свободного времени, то я, конечно, воспользуюсь им, чтобы исполнить желание Ваше и А. И. Кошелева.

Не знаю, дозволят ли мне служебные мои обязательства быть в Москве, как я предполагал, но если это сбудется, то я сочту первым долгом воспользоваться Вашим приглашением, чтобы лично засвидетельствовать Вам мое совершенное и искреннее уважение[7].

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть

Вашим,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
Михаил Салтыков.

С. Петербург
28 ноября 1857 года.

На конверте: Его высокоблагородию Сергею Тимофеевичу Аксакову. В Москве, на Тверском бульваре, в доме князя Юсупова.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 10, оп. 3, № 103, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Современник», 1913, № 2, стр. 227. Вошло в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 130—131, с редакторской датой: «Конец 1857 — начало 1858 гг.».

---

[1] Письмо С. Т. Аксакова неизвестно.

[2] И. С. Аксаков хлопотал о переходе под его единоличное редакторство газеты «Молва» (официальным редактором ее был С. М. Шпиловский), которую он намеревался превратить с начала 1858 года в журнал.

[3] Издателем-редактором «Русской беседы» был А. И. Кошелев. Но И. С. Аксаков принимал близкое участие в делах этого славянофильского журнала.

[4] В «Русский вестник» были посланы «Два отрывка из «Книги об умирающих» (1858, март, кн. 2); в «Атеней» — «Святочный рассказ» (1858, № 5). См. в наст. изд. тт. 3 и 4.

[5] Тревоги Салтыкова, в этом и ряде последующих писем, были вызваны тем, что начиная с осени 1857 года к нему вновь было проявлено «внимание» со стороны высшего органа политического надзора. Об этом свидетельствуют две резолюции III Отделения. Одна из них, предписывавшая составить «памятную записку» о намерении Салтыкова написать статью под заглавием «Историческая догадка», приведена выше (см. письмо 104). Другая резолюция возникла в связи с поступившими в органы политической по-

лиции двумя донесениями о Салтыкове агентов-осведомителей. В одном из донесений рекомендовался «секретный обыск» бумаг писателя. Эта резолюция гласила: «Иметь в виду и последить» (*ЦГАОР,* ф. 109, оп. 95, II Секр. архив, № 246 и 247). Серьезных последствий для Салтыкова эти резолюции не имели. Но какие-то запросы III Отделения руководителям ведомства, в котором служил Салтыков, вероятно, были. Они, а также отрицательные для Салтыкова суждения министра юстиции В. Н. Панина, в его разговорах с чинами III Отделения (*Макашин II,* стр. 65—68), могли послужить основанием для Ланского и Милютина сделать своему сотруднику «обязательное предостережение быть осторожным». См. об этом также в письмах 112 и 113.

[6] Роман «Тихое пристанище». См. об этой незаконченной работе в последующих письмах.

[7] Направляясь на вице-губернаторство в Рязань, Салтыков 5 апреля 1858 года посетил в Москве С. Т. Аксакова и его семью (*Макашин II,* стр. 182—183).

112. Е. Ф. КОРШУ

10 декабря 1857. Петербург

Личные мои обстоятельства такого рода, многоуважаемый Евгений Федорович, что вынуждают меня на некоторое время прекратить печатание моих сочинений. Хотя у меня есть для Вашего журнала совершенно готовая вещь, но я должен приостановиться присылкою ее до тех пор, покуда не разъяснится мрак, скопившийся на моем горизонте[1]. Мне весьма прискорбно уведомить об этом Вас тем более, что я искренно и всей душой желаю и надеюсь, по мере сил моих, быть полезным для Вашего журнала; но так как Вы увидите, что решимость моя касается всех вообще журналов, то я надеюсь, что не будете на меня в претензии за временное мое молчание. К сожалению, я нахожусь еще в таком колеблющемся положении, что не могу совершенно рассчитаться с службой, и вместе с тем не имею права достаточно рассчитывать на неизменность литературного счастья. Если бы Вы приняли настоящее письмо за косвенный отказ с моей стороны, то в готовности и даже в горячей готовности участвовать в «Атенее» могут заверить Вас Валентин Федорович и Павел Васильевич Анненков. Наконец, я и сам, впоследствии времени, деятельным сотрудничеством моим, надеюсь доказать Вам все уважение и сочувствие, которое возбуждает во мне предпринятое вами издание. Очень вероятно даже, что сомнения мои рассеются в весьма непродолжительном времени, и я не писал бы

к Вам об них, если б не имел повода думать, что Вы ожидаете от меня присылки статьи к началу года.

Прошу Вас верить совершенному уважению преданного Вам

М. Салтыкова.

10 декабря 1857 года.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 465, карт. 2, № 85, лл. 3—4.

Впервые опубликовано в извлечениях: *Макашин II,* стр. 67; полностью — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 35, М., 1974, стр. 102.

---

[1] О «мраке, скопившемся на горизонте» Салтыкова к концу 1857 года,— см. прим. 5 к письму 111.

113. И. С. АКСАКОВУ

17 декабря 1857. Петербург

Трудную Вы задали мне задачу, многоуважаемый Иван Сергеевич; для выполнения ее нужно, *во-первых,* слишком много таланта, *во-вторых,* много труда и, следовательно, много времени, и, *в-третьих,* совершенную свободу мысли[1]. Хотя Вы и приглашаете меня не стесняться сделанным мне предостережением, однако при всем моем желании я не могу пренебречь им[2]. Я уже вижу достаточные доказательства того глухого преследования, которое достигает человека гораздо вернее, нежели преследование явное. Меня преследуют по службе, а так как я не имею *ни малейшей* возможности ее оставить, то и выходит, что я все-таки должен быть осторожным. Тем не менее, по мере сил моих, я постараюсь исполнить и Ваше и мое желание относительно участия в «Молве», но, во всяком случае, прошу Вас дать мне полную свободу относительно выбора предметов[3]. Зная Ваши желания и будущее направление журнала, я, конечно, не пришлю Вам ничего такого, что шло бы прямо вразрез с этим направлением. Что касается до того, к какому сроку буду я в состоянии что-нибудь Вам выслать, то могу сказать только одно: сделаю все возможное, чтобы удовлетворить Ваше желание в скором времени. В настоящее время у меня ничего нет, ибо те вещи, которые у меня готовы, уже отосланы или обещаны мною, да и тут я еще сомневаюсь, печатать ли их. Между прочим, я

кончаю теперь ряд очерков для одного альманаха, которого направление, без сомнения, будет Вам родственно. Издают его друзья покойного П. В. Киреевского, а именно: Якушкин (продолжатель начатого Киреевским дела)[4], Стахович[5] и И. В. Павлов. Дело это затеялось в Орле, а где будет печататься сборник — мне неизвестно[6]. Павлов — друг и товарищ моего детства; следовательно, независимо от сочувствия к цели издания, имеются еще и другие соображения, которые никак не позволяют мне отказаться от участия. Очерки, которые я готовлю для этого сборника, носят заглавие «Умирающие». Дело начинается запевкой, в которой, в песенном складе, объясняется, как проснулся дурак-Иванушко, пошел на дорогу и встречает ветхих людей. Затем следует четыре рассказа о ветхих людях: старый приказный, старый забулдыга, генерал-администратор и идеалист. В заключение: эпилог, в котором Иванушка-дурачок снова выступает на сцену: судит и рядит, сначала робко, а потом все лучше и лучше. Эпилог мною еще не написан, а он-то и будет в особенности труден, потому что я предположил употребить в дело сказочный тон, требующий очень много работы[7]. Как только это кончу, то примусь писать для Вас. Скажите, как Вы находите мою мысль относительно «умирающих»? Разумеется, эти умирающие еще совершенно живы и здоровы, но я предположил себе постоянно проводить мысль о необходимости их смерти и о том, что возрождение наше не может быть достигнуто иначе, как посредством Иванушки-дурака[8]. Мысль эта высказывается во всех моих сочинениях (т. е. во всем круге их, как Вы справедливо заметили), но здесь она выступит еще яснее. Благодарю Вас глубоко за Ваш сочувственный отзыв о «Губернских очерках». Мне хотелось бы, чтоб Вы высказали несколько слов о положительной стороне их. А также нельзя ли будет указать на мои попытки узаконить полуславянскую речь нашего народа (в Пахомовне, Аринушке и пр.); многие истые знатоки русского слова совершенно удовлетворены этими попытками. Во всяком случае, я с нетерпением буду ожидать Вашей статьи[9].

Здесь в настоящее время находится А. И. Кошелев. Я не видал еще его, но сегодня обедаю вместе с ним у Безобразова. Вероятно, и с его стороны будет приглашение, и, право, я не знаю, буду ли в состоянии принять его[10].

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и за билет «Молвы» и прошу Вас верить совершенной моей готовности служить Вам.

Преданный Вам *М. Салтыков.*

17 декабря 1857 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 3, оп. 4, № 229, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Труды Отдела новой русской литературы Института литературы (Пушкинский дом)», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 90—92.

---

[1] Содержание «трудной задачи», предложенной Салтыкову-писателю одним из вожаков славянофилов, остается неизвестным.

[2] О «предостережении», полученном Салтыковым, см. в письмах 111 и 112.

[3] Участие Салтыкова в славянофильской «Молве», которую ее фактический редактор И. С. Аксаков намеревался превратить с начала 1858 года из газеты в журнал, не осуществилось (см. письмо 111, прим. 2). 28 декабря 1857 года издание было запрещено властями.

[4] Один из профессиональных собирателей русского фольклора, П. И. Якушкин, был ревностным помощником П. В. Киреевского в собирании народных песен и продолжил это дело после его смерти в 1856 году.

[5] Писатель и музыковед М. А. Стахович был одним из ближайших сотрудников П. В. Киреевского и внес крупный вклад в музыкальную фольклористику.

[6] Издание сборника не состоялось.

[7] Изложенный план цикла «Умирающие» из четырех рассказов о «ветхих людях» (представителях и защитниках уходящей крепостной России) с «запевкой» и «эпилогом» был осуществлен, все названные вещи написаны и напечатаны. Однако опубликованы они были и не в том порядке, который обозначен в письме к И. С. Аксакову, и не под приведенными названиями, и не цельной сюитой, а разрозненно и даже фрагментарно. Вот перечень четырех рассказов о «ветхих людях», с приведением в скобках соответственных обозначений этих рассказов в комментируемом письме: 1) «Смерть Живновского» («старый забулдыга»); 2) «Из неизданной переписки» («идеалист»); 3) «Генерал Зубатов» («генерал-администратор») и 4) «Гегемониев» («старый приказный»). Первые два рассказа появились в печати под общим заглавием «Два отрывка из «Книги об умирающих». Что касается «запевки» и «эпилога» в «сказочном тоне», то следы их обнаруживаются в рассказе «Скрежет зубовный». В заключающем рассказ «Сне» изображены в «сказочном тоне» и встреча Иванушки с «ветхими людьми» и картина того, как Иванушка садится за стол «судить да рядить» (см. письмо 104, прим. 10). См. названные произведения в тт. 3 и 4 наст. изд.

[8] То есть посредством опоры на народные массы, крестьянство.

[9] Статья И. С. Аксакова о «Губернских очерках» неизвестна.

[10] По-видимому, Салтыков ожидал «приглашения» сотрудничества в журнале «Русская беседа», издателем-редактором которой был А. И. Кошелев (см. письмо 111, прим. 3).

114. Е. Ф. КОРШУ

23 декабря 1857. Петербург

Посылаю Вам, многоуважаемый Евгений Федорович, первую статейку ряда очерков под названием «Губернские честолюбцы» с просьбою напечатать ее, если не в первом, то во 2-м № «Атенея». Продолжение будет, и, по мере возможности, я постараюсь прислать Вам его в непродолжительном времени.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю совершенного успеха Вам и Вашему журналу.

Душевно Вам преданный
М. Салтыков.

С. П.-бург.
23 декабря 1857 г.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 465, карт. 2, № 85, л. 5.

Впервые опубликовано: «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 35, М., 1974, стр. 102—103.

Первый, оказавшийся единственным, очерк из начатого было цикла «Губернские честолюбцы», появился не в «Атенее» Е. Ф. Корша, а в «Библиотеке для чтения» А. В. Дружинина (1858, № 2). Причины происшедшей перемены неизвестны.

115. Е. Ф. КОРШУ

27 декабря 1857. Петербург

Опоздавши отдать на почту конверт со статьею, предназначенною мною для «Атенея», я вынужден был поручить его кн. Долгорукову, который отправлялся в тот день в Москву (21 декабря) и который [взялся] обещался доставить его Вам, многоуважаемый Евгений Федорович. Но так как он мог или позабыть об этом, или даже в хлопотах пренебречь моим поручением, то я считаю обязанностью уведомить Вас, что Долгоруков остановился в Москве, на Тверской, в гостинице Варгина и что, следовательно, если он не доставил Вам моего конверта, то Вы весьма бы меня обязали, послав к нему за посылкой.

Весь Ваш
М. Салтыков.

27 декабря 1857 г.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 465, карт. 2, № 85, лл. 6—7.

Впервые опубликовано: «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 35, М., 1974, стр. 103.

По-видимому, посылалась «статья» «Святочный рассказ» (см. письмо 111 и прим. к нему). Какому именно кн. Долгорукову Салтыков поручил доставить рукопись, в точности сказать трудно. Скорее всего, это был известный впоследствии эмигрант кн. П. В. Долгоруков, побывавший, как и Салтыков, в вятской ссылке, близко связанный, до своего отъезда за границу, в 1859 году, с литературными кругами обеих столиц.

1858

116. Д. Е. САЛТЫКОВУ

Не ранее 1—2 марта 1858. Петербург

Поздравь меня, любезный друг и брат! Я назначен совершенно неожиданно вице-губернатором в Рязань. Об этом уже послано отношение в Инспекторский д<епартамен>т, и я прошу тебя оказать содействие к скорейшему помещению в высоч<айшем> приказе. Я у тебя был в д<епартамен>те, но тебя уже не было. Я совершенно доволен. Губерния хорошая, близко от Москвы, и губернатор только что назначенный из лицейских.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по копии с подлинника, хранившегося в Талдомском краеведческом музее.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 131, с датой — «5—6 марта 1858 г.».

Датируется на основании следующих соображений. Салтыков извещает Дмитрия Евграфовича, что «совершенно неожиданно» назначен вице-губернатором в Рязань, и просит брата, служившего делопроизводителем в Инспекторском департаменте гражданского ведомства при I Отделении Собственной е. и. в. канцелярии, содействовать скорейшему опубликованию состоявшегося назначения в «высочайшем приказе». «Приказ» был подписан Александром II 6 марта. Таким образом, письмо должно быть отодвинуто от этой даты на несколько дней, которые были необходимы для формальностей, связанных с подготовкой подписания документа. Однако отодвигать дату можно только до 1 марта — дня, когда министр Ланской представил царю кандидатуру Салтыкова на пост рязанского вице-губернатора (*ЦГАОР, «Дело» № 19*, л. 47).

117. И. С. АКСАКОВУ

4 марта 1858. Петербург

Посылаю Вам, многоуважаемый Иван Сергеевич, статейку, о которой я Вам говорил[1]. Мне желательно было бы, чтобы Вы высказали мне Ваше мнение о ней. Если бы Вы в четверг, перед тем, чтобы идти к Безобразову, зашли ко мне, я был бы весьма Вам обязан, но предупреждаю Вас, что у Безобразова я не буду и останусь дома только до $8\frac{1}{2}$ часов, потому что отозван вечером в другое место. Во всяком случае, прошу Вас и статью мою к этому времени возвратить, так как я желал бы дать ее еще кой-кому прочесть. Уведомляю Вас, что я назначен вице-губернатором — и куда бы Вы думали? — в отчизну А. И. Кошелева, в Рязань[2].

Весь ваш

4 марта 1858 г. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 10, оп. 2, № 23, л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 54.

---

[1] По-видимому, под этой «статейкой» следует иметь в виду подготовлявшуюся в это время для печати рукопись «Два отрывка из книги об умирающих». Публикация ее появилась во 2 кн. «Русского вестника» за март 1858 года (ценз. разр.— 10 апреля). Ср. письмо 113.

[2] А. И. Кошелев был рязанским помещиком и общественным деятелем.

118. Д. Е. САЛТЫКОВУ

20 июня 1858. Рязань

Рязань. 20 июня.

Ты совершенно вправе, любезный друг и брат, сердиться на меня и огорчаться моим молчанием: я действительно виноват перед тобой, но так как по заведенному уже исстари порядку всякий виновный ищет оправдываться, то и я желаю несколько оправдаться. Прежде всего я должен тебе объяснить, что я живу здесь не как свободный человек, а в полном смысле слова, как каторжник, работая ежедневно, не исключая и праздничных дней, не менее 12 часов. Подобного запущения и запустения я никогда не предполагал, хотя был приготовлен ко многому нехорошему; уж одно то, что в месячной ведомости показывается до 2 тыс. бумаг неисполненных,

достаточно покажет тебе, в каком положении находится здешнее Губ<ернское> п<равлен>ие[1]. А потому я должен усиленно работать, чтобы хоть со временем увидеть свет сквозь эту тьму, тем более что незадолго передо мною Губ<ернское> п<равлен>ие было обревизовано министерским чиновником, и вследствие этого на делопроизводство наше обращено преимущественное внимание со стороны министерства[2]. Жизнь мы ведем здесь самую скучную и почти нигде не бываем, как потому, что теперь лето и никто почти в городе не живет, так и потому, что дело решительно душит меня. Если это так продолжится, то я выйду в отставку. Мы нанимаем довольно большой, но весьма неудобный дом, за который платим в год 600 р., кроме отопления, которое здесь не дешевле петербургского, а печей множество. Комнат очень много, а удобств никаких, так что, будь у нас дети, некуда бы поместить[3]. Расчеты мои на дешевизну жизни мало оправдались. Хотя большинство провизии и дешевле петербургского, но зато ее вдвое больше выходит. А средства мои между тем убавились, потому что я не могу писать, за множеством служебных занятий, и следовательно, не могу ничего для себя приобретать.

В счет данных тобою мне денег, я уплатил Антону[4] 75 р., а остальные 75 р. я прошу тебя некоторое время обождать, потому что я в самом стесненном положении. Мне совестно тебя просить об этом, но я надеюсь как-нибудь удосужиться и написать что-нибудь и тогда непременно вышлю к тебе деньги.

Милой сестрице Аделаиде Яковлевне прошу поцеловать от меня ручку, а также Каролине Петровне и Алине Яковлевне. Мишу, Гришу, Васю, Надю и Робинзона целую. Прощай, любезный друг и брат, крепко тебя целую и обнимаю и остаюсь любящий тебя

М. Салтыков.

Братцу Евграфу Петровичу[5] передай мой поклон.

Лиза просит поцеловать сестрицу Аделаиду Яковлевну, Машеньку Гринвальд и всех детей и свидетельствует почтение Каролине Петровне и Алине Яковлевне. Ей здесь очень скучно, и она все стремится в Петербург. Если Катя еще у вас, то, пожалуйста, поцелуй ее от нас обоих. Мне и самому теперь начинает делаться и скучно и досадно на себя, что поехал в эту каторгу.

И я и Лиза усердно поздравляем тебя с получением монаршей милости, о которой недавно только узнали мы из письма маменьки. Дай бог тебе всего лучшего.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 33—34. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 135—136.

Настоящим письмом начинается серия писем Салтыкова из Рязани. Он приехал сюда с женою Елизаветой Аполлоновной 13 апреля 1858 года и через два дня, прибыв в присутствие Губернского правления и предъявив данное ему министром Ланским предписание, вступил в должность вице-губернатора. Общую характеристику рязанского двухлетия в биографии Салтыкова и сводки относящихся сюда архивно-библиографических источников см.: *Макашин II* (раздел «В Рязани»).

---

[1] На первое место, по важности и объему работы вице-губернатора, закон ставил надзор за деятельностью («делопроизводством») Губернского правления — «высшего губернского места, от которого исходят или посредством которого передаются все правительственные распоряжения» (ст. 714, т. II Св. законов).

[2] Ревизия рязанского Губернского правления была проведена в 1857 году чиновником Министерства внутренних дел статским советником Я. А. Куприяновым. Результаты этой ревизии, как и ревизии других местных учреждений,— «ужаснули» власти в Петербурге и привели к обновлению почти всей верхушки рязанской администрации, начиная с губернатора и вице-губернатора.

[3] В первую свою службу в Рязани Салтыков с женой занимали так называемый «дом Морозова» на Б. Астраханской ул. (ныне ул. Ленина, д. 42) — одноэтажный каменный особняк с антресолями, конца XVIII века, с обширным двором, службами и садом.

[4] Приказчику О. М. Салтыковой.

[5] Е. П. Ивин — двоюродный брат Салтыкова по отцу.

119. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

29 июня 1858. Рязань

Рязань. 29 июня.

Благодаря Вас от всей души, многоуважаемый Владимир Павлович, за присылку журнала М<инистерства> г<осударственных> и<муществ> (которого 1-ю книжку я получил с неделю тому назад), я прошу Вас не сетовать на меня за мое молчание[1]. С самого приезда моего сюда я постоянно нахожусь в совершенно каторжной работе и не только не могу ничем заняться, но, положительно, ничего даже прочитать не могу. Одним словом, я если не раскаиваюсь, то, во всяком случае, крайне негодую на себя за то, что взял место в Рязани. Подобного скопища всякого рода противозаконий и бессмыслия вряд ли можно найти, и вятское плутовство есть

не более как добродушие <по сравнению> с плутовством рязанским. Но дело не в том (потому что ко всему этому я уж привык, живши в провинции), а в том, что я каждый день до 12 часов занят, потому что здесь нет не только дельных, но даже сколько-нибудь грамотных чиновников. Не знаю и не предвижу конца своему мучению; знаю только, что едва ли буду в состоянии долго выдержать. Эманципация, которую здесь называют «мадам эманципация», производит на всех какое-то тусклое впечатление. 25-го числа были здесь выборы в члены Комитета, но так как выборы были по уездам, то результаты не все еще известны[2]. В числе известных не много утешительного: выбирают большею частью горланов. На одном дворянском собрании, один отставной военный долго крепился и молчал, но под конец не выдержал и выразился так: «Отлично, господа! все это хорошо! только я вам вот что скажу: хоть вы пятьсот рублей штрафу положите, а уж я по мордасам их колотить все-таки буду!»[3] (historique[4]). Рвения к освобождению крестьян незаметно никакого, а напротив, слышен повсюду плач и скрежет зубовный. Кошелев назначен здесь членом от правительства; он уж три раза был у меня и все три раза проездом. Третьего дня проехал в Москву издать 5 № «С<ельского> б<лагоустройства>»[5] и хотел проехать в Петербург. Крестьяне здесь почти везде не хотят навозить свою землю, на том основании, что неизвестно, где чья земля будет. Из этого следует, что едва ли на будущий год будет много хлеба. Гуманист Павлов, которого здесь подозревают в сообщении в 10 № «Колокола» статьи о возмущении крестьян села Мурмина, оказывается человеком весьма сомнительным. Когда крестьяне эти (принадлежащие его жене) бунтовали, то он был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли, и заставил высечь 75-летнего старика. Вот и гуманист[6].

Прошу Вас передать мое почтение и от жены моей Елизавете Дмитриевне, а маленьких детей Ваших и Есаковых поцелуйте от меня. Поклонитесь всем, кто еще не забыл преданного Вам

М. Салтыкова.

Правда ли, что Мельников будет с 1859 года издавать ежедневную газету, и не собираетесь ли Вы предпринять что-нибудь подобное?[7]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 5, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879, стр. 2
Повторная публикация: «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 188—189.

Младший школьный товарищ Салтыкова по Дворянскому институту и Лицею, известный экономист и общественный деятель либерального лагеря, В. П. Безобразов, принадлежал, в конце 1850-х годов, наряду с А. В. Дружининым и П. В. Анненковым, к числу ближайших друзей писателя. В 1860-е годы их дружеские отношения сменились взаимной отчужденностью и идеологической враждебностью.

---

[1] В. П. Безобразов служил в это время в Министерстве государственных имуществ и был в 1858 году редактором официального журнала этого министерства.

[2] Для разработки местных условий предстоящей отмены крепостного права во всех помещичьих губерниях были образованы Губернские комитеты. В них входили выборные представители поместного дворянства, по одному члену и одному кандидату от каждого уезда, и двое дворян, также местных помещиков, назначавшихся членами от правительства. Летом 1858 года состоялись выборы членов и кандидатов по всем двенадцати уездам Рязанской губернии.

[3] Эта сентенция рязанского крепостника крепко запомнилась Салтыкову и была почти текстуально использована им в четырех произведениях начала 60-х годов: «Соглашение», «Скрежет зубовный», «Литераторы обыватели» и «Клевета». См. в т. 3 наст. изд.

[4] исторически верно *(франц.)*.

[5] Выходивший в Москве в 1858 (с марта) — 1859 (по апрель) годы ежемесячный журнал, приложение к «Русской беседе», посвященный всецело вопросам подготовки крестьянской реформы. Издателем-редактором его был А. И. Кошелев; главными сотрудниками — Ю. Ф. Самарин и В. А. Черкасский. Салтыков был подписчиком этого издания.

[6] Крестьянские беспорядки в селе Мурмино Рязанского уезда, в имении поэтессы Каролины Павловой (Яниш), жены писателя Н. Ф. Павлова, произошли летом 1857 года. Для усмирения крестьян губернатор послал воинскую команду и составил, для земского исправника, подробную инструкцию о проведении экзекуции. Инструкция «попала» в «Колокол». Герцен напечатал ее в листе 10 (1 марта 1858 г.) в заметке под заглавием «Прокламация губернатора П. Новосильцова и воз розог».

[7] Предпринятое П. И. Мельниковым-Печерским издание в Петербурге ежедневной газеты «Русский дневник» оказалось недолговечным. Она просуществовала всего полгода, считая с января 1859 года. Видимо, по просьбе редактора-издателя Салтыков напечатал в руководимых им по должности «Рязанских губернских ведомостях» объявление о предстоящем выходе газеты (№ 44 от 1 декабря 1858 г. ч. неоф.).

120. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

1 октября 1858. Рязань

Рязань. 1 октября.

Я много перед Вами виноват, многоуважаемый Владимир Павлович: не поблагодарил Вас до сих пор ни за память обо мне, ни за присылку Вашей книги[1]. К стыду моему должен сознаться, что я до такой степени погрузился в бюрократию, что не имею ни минуты свободной, чтоб уделить на беседу с людьми, мною любимыми. С завтрашнего дня решаюсь сказаться больным, потому что иначе нет средств выйти из омута чернильных дрязгов, в который я попал. Вы пишете, что готовы содействовать переходу моему в Петербург. Н. А. Милютин, перед отъездом моим в Рязань, обещал мне дать в своем д<епартамен>те вице-директорское место; Вы очень меня обязали бы, если б *при случае* напомнили ему обо мне. А здесь я решительно бедствую, потому что окружен людьми безграмотными и бессмысленными и должен один работать за всех и исправить то, что нагадила столетняя кляуза. Хотя у меня достаточно энергии и довольно верный деловой взгляд, но при окружающем меня всеобщем служебном неряшестве я положительно упадаю духом. С каждым днем все более и более убеждаюсь, что бюрократия бессильна, но вместе с тем, что и за земство наше![2] Я до сих пор не написал ни единой строчки литературной, что весьма прискорбно, в особенности для меня, который страдает от этого материально более, нежели можно предполагать. В июле я обращался к Каткову с просьбой прислать мне вперед 400 р., но получил ответ, что у него нет денег, что он и так уж много роздал вперед. Поступок этот крайне меня огорчил, потому что за мной никогда не стояло дело, и притом он доказывает какую-то странную осторожность со стороны г. Каткова. Вообще, мне кажется, что он в отношении к сотрудникам «Р<усского> В<естника>» следует лицейской системе и вознаграждает более за скромное поведение, нежели за действительную услугу «Р<усскому> В<естнику>». Здесь есть один господин, который работает для «Р<усского> В<естника>» беллетристику, господин весьма плохой и получающий 100 р. в м<еся>ц[3]. Вероятно, он у М. Н.[4] целует ручку. Обращался я и к Кошелеву за капиталами, но он отвечал, что у него не продан овес! Какое странное стечение обстоятельств! Кошелев теперь здесь и ужасно буянит в комитете. На днях я получил уведомление от Павлова (не Н. Ф.[5], автора статьи о Дюма, адвоката просвещения и вместе с тем одного из действующих лиц в Мурминском

походе (см. № 10 Колокола), умолявшего бывшего ряз<анского> губ<ернатора> Новосильцева, да не оставит без обласкания спину 75-летнего старика[6], а нашего лицейского Павлова), который извещает меня, что с будущего года издает в Москве еженедельную газету «Московский вестник»[7]. Вот и еще новый журнал, который по цвету будет сближаться с «Беседой». Пишет, что у него будет участвовать Ив. Тургенев. А главным сотрудником будет, кажется, знаменитый Якушкин, тот самый, который в прошлом году являлся к Вам за песнями и с которым П. В. Анненков боялся возвращаться ночью домой, опасаясь быть убитым. Боюсь, чтобы через месяц не пришлось ему переменить название и переименоваться «Московским кабаком», в котором я, однако ж, буду одним из усерднейших целовальников. Что Утин — жид, в этом я всегда был уверен и неоднократно Вам объяснял, но Вы все доказывали, что он не жид, а человек[8]. Вы послали бы ему прочесть статью Громеки «Польские евреи»[9]. Скажите, возвратился ли Анненков из-за границы, а также очнулся ли Писемский от пьянства?

Кстати: не в службу, а в дружбу, позвольте просить Вас об одном одолжении. В марте я отдал в Смирдинский альманах повесть под названием «Яшенька»[10]. Повесть очень плохая и мне крайне хотелось бы выручить ее. Так как она до сих пор не напечатана, и, следовательно, я имею полное право не позволять более ждать, то не будете ли Вы так добры вытребовать ее от Смирдина и выслать ее ко мне обратно. Для этого стоит Вам только зайти в магазин его. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение и от жены мил<остивой> государыне Елизавете Дмитриевне.

Весь ваш

М. Салтыков.

Не видите ли когда-нибудь Н. Мордвинова?[11]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 5, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879, стр. 2. Повторная публикация — «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 189—190.

---

[1] Безобразов, по-видимому, прислал Салтыкову свою только что вышедшую книгу: «Материалы для физиологии общества в Германии», М., 1858.

[2] В данном случае восклицание о «земстве» относится к дворянско-поместному самоуправлению, конкретно к крепостническим настроениям в деятельности Рязанского губернского комитета.

[3] Речь идет о писателе-рязанце С. Т. Славутинском. Как и Салтыков, он совмещал писательство со службой и занимал в Рязани должность стар-

шего чиновника особых поручений при губернаторе. В этом качестве ему пришлось возглавить в 1858 году следствие по так называемому «дедновскому делу» — одной из наиболее жестоких в то время массовых экзекуций помещичьих крестьян. По этой причине имя Славутинского попало в «Колокол» и вызвало запрос к нему от Добролюбова. Взаимоотношения Славутинского и Салтыкова были исполнены неприязни.

[4] Михаила Никифоровича Каткова.

[5] Николая Филипповича.

[6] См. письмо 119, прим. 6.

[7] Еженедельная газета «Московский вестник» выходила с февраля 1859 по 1861 год. Фактическим руководителем газеты был И. В. Павлов. Салтыков напечатал в «Московском вестнике» два рассказа — «Зубатов» и «Гегемониев» — и драматическую сцену «Погребенные заживо» («Недовольные»). См. т. 3 наст. изд.

[8] Речь идет о либеральном публицисте Б. И. Утине, которому в 1862 году Салтыков предложит редактирование критического отдела в задуманном им журнале «Русская правда» (см. письмо 157). Конкретная причина одиозного замечания Салтыкова об Утине, сыне откупщика-миллионера, неизвестна.

[9] Статья С. С. Громеки «Польские евреи» появилась в «Современнике», 1858, № 7. По словам автора, он хотел в ней не только раскрыть «дурные стороны» еврейского быта, но и прежде всего «указать на общественные условия, которые служат главным источником этих явлений». Однако вторая часть статьи была опущена (по-видимому, по цензурным причинам), и общее содержание ее оказалось искаженным. В результате возникли протесты критики и самого автора, вызвавшие редакцию «Современника» на полемические разъяснения. См. *ЛН*, т. 51—52, стр. 228—229.

[10] Повесть «Яшенька» появилась в изд. «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина», т. VI, СПб., 1859. См. в наст. изд. т. 4.

[11] Возможно, Николая Львовича Мордвинова. В 1858 году он был директором канцелярии Министерства внутренних дел по делам дворянства.

1859

121. П. В. АННЕНКОВУ

2 января 1859. Рязань

Рязань. 2 января.

Я давно уже чувствовал потребность писать к Вам, многоуважаемый Павел Васильевич, но останавливался перед мыслью, что Вы за границей. Наконец, встретил Ваше имя под протестом по делу о евреях и более не сомневаюсь [1]. Протест — это дело хорошее, и я полагаю, что он подействовал на Зотова так же, как сюрприз действует на медведя. Но меня удивляет в нем одно: почему не было такого же протеста по поводу клевет того же Зотова на Островского? [2] почему нет и не будет такого же протеста против поступка г. Каткова (см. Изобличительные письма «Р<усского> В<естника>» № 22), который прямо называет Кошелева откупщиком и намекает на торги [3]. Подобные холопские выходки до того омерзительны, что возмущают самое невозмутимое душевное спокойствие. Хотя славянофилы и не отдельная нация, однако ж это партия и довольно сильная... И что за плоскость, что за беззубость в этих нелепых письмах, которых бездарность может разве равняться бездарности и тупоумию, разлитым в статье о «Сельской общине» того же пера? Неужели в литературе русской не поднимется ни один голос против площадного ругательства, называющего чужие убеждения «мерзостными кострами» и т. д.? [4]

Но меня беспокоит и огорчает еще другое, лично до меня относящееся обстоятельство. По приезде моем из Вятки, как Вам не безызвестно, я познакомился с г. Тургеневым. Был у него два раза, пользовался пожатием его руки, но посещением его не воспользовался, хотя правила самой простой учтивости требовали, чтобы г. Тургенев уже до конца сделал меня счастливым. В то время меня это задело несколько за живое, но, рассуждая сам с собою, я порешил это дело тем, что поступок г. Тургенева есть один из видов генеральства, которому не

чужды и наши литераторы. Задавшись этою мыслью, я успокоился и даже впоследствии отдавал г. Тургеневу на просмотр мои первые литературные опыты. Ныне я узнаю, будто г. Тургенев имеет какое-то предубеждение против нравственных моих качеств. Известие это крайне меня удивило. Уж не думает ли он, что я в «Очерках» описываю собственные мои похождения?.. Прошу Вас передать, что он напрасно так думает, что у меня еще довольно есть в душе стыдливости, чтобы не выставлять на позор свои собственные г<———>, и что он напрасно смешивает меня с Павлом Ивановичем Чичи-Мельниковым[5]. Обзирая свое прошлое, я, положа руку на сердце, говорю, что на моей совести нет ни единой пакости; нет даже гнусного кажения флигель-адъютантству, самого гнусного из всех гнусных кажений.

Может быть, <вам> не нравится моя раздражительность? Но ведь не всякому дается в удел благодушие.

Я на днях послал в «Современник» рассказ под названием «Развеселое житье» из жизни бродяги[6]. Вы бы меня весьма обязали, сказав откровенно, годится ли эта вещь на что-нибудь, кроме подтирки.

Весь ваш

М. Салтыков.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову в С. Петербурге, в Демидовском переулке против Английского клуба, в доме Висконти. *Почтовые штемпеля:* Рязань 1859 янв. 3; Получено 1859 6 янв. веч. *Помета Анненкова карандашом:* Салтыков 1859.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 3—5.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 7—9.

---

[1] Речь идет о «Литературном протесте» против антисемитской статьи «Знакомого человека» (П. М. Шпилевского), напечатанной в редактировавшемся В. Р. Зотовым журнале «Иллюстрация» (1858, № 35). Протест, под которым подписалась большая группа литераторов, в том числе Тургенев и Чернышевский, появился в № 258 газеты «СПб. ведомости» от 25 ноября 1858 года.

[2] Сводку материалов о клеветнически-обличительных выступлениях Зотова против Островского см. в статье: М. Д. Беляев. Газетная травля.— Сб. «Памяти А. Н Островского», Пгр., 1923, стр. 70—88.

[3] Находившийся в имении Кошелева, одного из вожаков славянофилов, винокуренный завод действительно вовлек его в 1840-е годы в откупные операции. Однако он прекратил их задолго до того времени, о котором идет речь в первом «Изобличительном письме» Байбороды (псевдоним М. Н. Каткова) («Русский вестник», т. 18, 1858, № 22, ноябрь, кн. 2, «Современная ле-

топись»). Здесь, на стр. 210, Катков, полемизируя с Кошелевым по вопросу о сельской общине, пишет, в частности, что Кошелев, по-видимому, считает этот вопрос «своею собственностью, по крайней мере своим откупом» и что его недовольство выступлениями «Русского вестника» на ту же тему объясняется тем, что Кошелев, «должно быть», подозревает в этом журнале своего «соискателя по торгам».

[4] Анонимная статья Каткова о сельской общине появилась в «Русском вестнике» 1858 года, кн. 9. Противник общины, Катков резко полемизировал в этом выступлении с ее славянофильской идеализацией в журналах Кошелева «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». Позиция Салтыкова по данному вопросу накануне отмены крепостного права характеризуется одним его ретроспективным признанием — в «Пестрых письмах»: «Мне, впрочем, и самому начинало казаться, что община скажет что-то новое» (т. 16, кн. 1 наст. изд. стр. 381).

[5] Салтыков показывал Тургеневу весной 1856 года рукопись первых рассказов из начатых тогда «Губернских очерков». Тургеневу рассказы не понравились. Известен ряд его резко отрицательных отзывов. Но все они относились к эстетическому неприятию «щедринского направления» и не затрагивали «нравственных качеств» Салтыкова. Протестуя против «смешивания» его с П. И. Мельниковым-Печерским (неизвестно, однако, проводились ли Тургеневым какие-либо сближения их), Салтыков протестовал против имевшего место или только предполагаемого отождествления его позиций по отношению к расколу — старообрядчеству с позициями будущего автора «В лесах» и «На горах». Ретивость в преследовании раскольников при Николае I не помешала Мельникову в начале нового царствования и перемены правительственного курса высказаться в ряде записок за широкую терпимость к расколу. Этот внезапный поворот породил нелестные для него толки. Они нашли отражение и в печати, в том числе и в «Колоколе» (см. л. 16 от 1 июня 1858, стр. 132).

[6] С рядом цензурных купюр и искажений рассказ был напечатан в «Современнике», 1859, № 2, стр. 441—469.

122. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

17 января 1859. Рязань

С величайшим удовольствием узнал я, многоуважаемый Владимир Павлович, об открытии Вами типографии и словолитни. По этому случаю у меня к Вам следующая всепокорнейшая просьба. Здешняя губернская типография имеет нужду в шрифте, и потому было бы весьма желательно, если бы Вы согласились исполнить заказ типографии и выслать полный шрифт, с тем чтобы типография выплатила Вам сумму по третям: 1-ю треть тотчас же, вторую в мае, третью в

сентябре. Если это дело для Вас возможное, то благоволите прислать ко мне: образцы шрифтов, в чем заключается полный шрифт, т. е. обыкновенный с подлежащим количеством петита, цицеро, латинских букв и т. д., какая цена шрифту, а также № и другим украшениям.

Поздравляю Вас с Новым годом и, разумеется, желаю всего лучшего. Здесь пронеслись было слухи, что меня переводят в Тверь, и, разумеется, это было бы отлично, но, кажется, все это не более как сплетни [1]. Здешний комитет ничего доброго не делает: говорят напыщенные фразы, нелепости и друг с другом ругаются. Последним актом комитета было положение, что помещик имеет право, если у него два имения, переселить крестьян из одного в другое, не спрашивая их согласия. Как Вам покажется это предположение о переселении народов? [2] Здесь была общая радость по случаю писем Байбороды. По-моему, письма эти глупы и неприличны. Намеки на откупа и торги составляют такой же странный поступок, как и поступок «Иллюстрации» с Чацкиным [3]. Я шутя говорил Кошелеву: хотя славянофилы и не народ, а все-таки вроде евреев, а потому не худо бы обратиться к суду публики. Но, к сожалению, Кошелев знает, чье мясо кошка съела, и протестовать не решается [4], а публицист Катков пользуется этим, что́ не совсем хорошо, особливо со стороны журнала, в котором ратоборствует царь откупщиков, Кокорев.

Скажите, пожалуйста, можно ли так спутать порядочную и дельную мысль, как это сделал Катков в статье о русской общине [5]. И какие площадные ругательства!

Получил два № Паруса... н-ну! [6]

На днях послал рассказ в «Современник» [7]. Кажется, не дурен.

Прошу Вас передать мое почтение Елизавете Дмитриевне.

Весь ваш
М. Салтыков.

Рязань. 17 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 5, лл. 5—6.

Впервые опубликовано: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879, стр. 2. Повторная публикация: «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 190—191.

---

[1] Для 1859 года слухи о переводе Салтыкова в Тверь оказались безосновательными.

[2] Об этом, исполненном крепостнического духа и содержания, постановлении Рязанского губернского комитета см. *Макашин II,* стр. 229.

[3] А. И. Чацкин поместил в «Русском вестнике» возражения на упомянутую в письме 121 антисемитскую статью в журнале «Иллюстрация». В ответ на это в «Иллюстрации» появилась новая статья, в которой Чацкин был назван «агентом» какого-то *N*, «нечестным путем разбогатевшего западнорусского жида».

[4] О былой причастности А. И. Кошелева к откупным операциям см. прим. 3 к письму 121.

[5] См. об этой статье в прим. 4 к письму 121.

[6] Существование этого нового славянофильского издания, предпринятого в Москве И. С. Аксаковым, оказалось недолговечным. Еженедельник «Парус» стал выходить с января 1859 года и после второго номера был запрещен. Мотивы запрещения аргументировались содержанием целых четырех статей, но прежде всего статьи М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории» (№ 2). Автор подверг здесь резкой критике (справа) внешнюю политику царизма. «Опасными» были квалифицированы также заявленное в издании требование гласности и «идея о самобытном развитии народностей, как славянских, так и иноплеменных».

[7] Рассказ «Развеселое житье». См. в т. 3 наст. изд.

123. П. В. АННЕНКОВУ

29 января 1859. Рязань

29 января. Рязань.

Меня несказанно обрадовало письмо Ваше, многоуважаемый Павел Васильевич, и я прошу Вас извинить меня, что немного замедлил ответом. Я теперь губернаторствую, и поэтому дела пропасть, и в особенности с Комитетом, члены которого ведут себя очень дурно. В особенности страдает от этого старец Кошелев, которого все здесь считают бунтовщиком и ненавидят до смерти[1]. Прилагаемое при сем письмо прошу Вас передать И. С. Тургеневу[2]. Благодарю Вас за обязательное посредничество, хотя, признаюсь, личико мое несколько покраснело, когда я увидел из письма Вашего, что Вы эпистолу мою подлинником показали Ив. Серг.[3]

Здесь есть слух *(и совершенно верный)*, что Парус запретили. Досадно! а я было все хотел наблюсти, до каких пор *можно*, и вышло, что только *до этих*. Пишут также, что была речь уготовать для Аксакова сеню в Вятке *(это тоже верно)* или в Вологде. Господи! как подумаешь, что эта *случайность* еще возможна, даже мороз по коже подирает. Говорят также, что Чичерин написал к некоему господину ругательное письмо и что некий господин напечатал это письмо с оговоркой, что очень, дескать, рад, что письмо это поможет Вам достичь

профессуры... Правда ли это?[4] Если правда, то Чичерин идею эту у Мельникова, нашего милого Павла Ивановича, украл. Сей последний давно уж сбирался писать, надеясь через это попасть в вице-директоры или, по крайней мере, в директоры Нижегородской ярмарки. Однако это довольно стыдно. Конечно, если очень на профессуру стои́т, то отчего и не употребить изворотец... нет, воля ваша, стыдно!

Роман Тургенева я не читал, потому что «Современник» до сих пор здесь не получен[5]. Я нисколько не сомневаюсь, что это прелестная вещь, и заранее предвкушаю наслаждение. Зато прочел Обломова и, по правде сказать, обломал об него все свои умственные способности. Сколько маку он туда напустил! Даже вспомнить страшно, что это только день первый! и что таким образом можно проспать 365 дней! Бесспорно, что «Сон» — необыкновенная вещь, но это уже вещь известная, зато все остальное что за хлам! что за ненужное развитие Загоскина! что за избитость форм и приемов! Но если нам, читателям, делается тяжко провести с Обломовым два часа, то каково же было автору проваландаться с ним 9 лет! И спать с Обломовым, и есть с Обломовым, и все видеть и видеть перед собой этот заспанный образ, весь распухший, весь в складках, как будто на нем сидел антихрист! Ведь сон-то мог и не Обломов видеть, зачем же было такую прелестную вещь вставлять в такой океан смрада? И заметьте ехидство: написано в 1849 году, а на двадцатых страницах есть уже выходки против натурализма, и другу Писемскому также щелчок (стр. 29). Видно, еще в 1849 году Обломову снилось, что он в 1858 году никуда не будет годен. Может быть, Вы назовете суждения мои дикими, но я по первой части не могу ничего хорошего ждать; ибо хотя г. Дудышкин и называет подобные произведения благовестом искусству, но я не могу скрыть от себя, что во сне человек более склонен к невежеству, нежели к благовесту. Замечательно, что Гончаров силится психологически разъяснить Обломова и сделать из него нечто вроде Гамлета, но сделал не Гамлета, а <— — —> Гамлета. Вообще Обломов на меня сделал такое же впечатление, которое делают говоруны-старички, которых так любят дамы: он раздражил мои нервы[6].

Сцены Островского прелестны, и самая мысль этих сцен великолепна[7]. Поневоле вспомнишь Писемского, что пьющий народ надежнее, нежели выморозки с румянцем на всю щеку. С величайшим нетерпением буду ждать Вашей статьи о «Тысяче душ»[8], хотя, признаться, «Атеней» здесь ужасная библиографическая редкость, а мне редакция распорядилась на сей год не высылать его. Я постом приеду в Петербург и тогда

порасскажу Вам кое-что по этому случаю. Я чрезвычайно люблю роман Писемского, но от души жалею, что он сунулся в какое-то великосветское общество, о котором он судит, как семинарист. Это производит ужасную неловкость и недовольство в читателе. Притом в самой завязке романа есть натяжка: когда ж бывает, чтобы штатные смотрители училищ женились на княжнах? У нас карьеры делаются проще: посредством преданности, лизанья рук и других частей тела и т. п. Ошибка в том, что автор извлекает своего героя из слишком низкого слоя, из которого никто и никогда не всплывал наверх[9]. У нас люди этого слоя, при железной воле, разбивают себе голову, а не карьеры делают. Правда, что если б он поступил иначе, то не было бы и романа.

Прочтите, пожалуйста, «Развеселое житье» и скажите Ваше мнение.

Весь ваш

М. Салтыков.

Вот какой редактор Некрасов. Я его много раз просил прочесть мой рассказ (благо остался с лишком месяц до напечатания) и сказать мне, не нужно ли что переделать. И все-таки не добился, чтоб он его прочел. Вероятно, прочтет в корректуре и расставит запятые.

Жена Вам кланяется. Поклонитесь от меня сладчайшему Дружинину. Он тоже что-то слишком благовестит в 1-м № «Библ<иотеки> для чт<ения>»: и Майков хорош, и Фет мил, и Тютчев прелестен...[10] Обнимем друг друга и возопием!

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, в Демидовском переулке, против Английского клуба, в доме Висконти. *Помета Анненкова карандашом:* Салтыков 1859. *Почтовые штемпеля:* Рязань 1859 янв. 31; С. Петербург 3 февр. 1859.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 6—8.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 9—12.

---

[1] Салтыков исправлял должность губернатора с 16 по 31 января 1859 года *(Аттестат)*. Большинство членов Рязанского губернского комитета были настроены крепостнически. Им противостоял член от правительства А. И. Кошелев, назначенный на этот пост по инициативе и при закулисном участии Салтыкова. См. *Макашин II,* стр. 224—232.

[2] Письмо неизвестно, как неизвестно и письмо Анненкова к Салтыкову от января 1859 года, в котором он, по просьбе Тургенева, развеял слухи о будто бы возникших у Тургенева сомнениях в «нравственных качествах» автора «Губернских очерков».

[3] Письмо Салтыкова к Анненкову от 2 января 1859 года (121).

[4] Известное письмо Б. Н. Чичерина к А. И. Герцену, знаменовавшее важный этап в отмежевании либерализма от революционности в общественном движении эпохи, было напечатано в листе 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 года (под криптонимом *«Ч»*). Во вступительной к публикации статье Герцена «Обвинительный акт» не было никаких намеков на «изворотец» автора с «профессурой».

[5] Речь идет о январской книжке «Современника» за 1859 год с «Дворянским гнездом» Тургенева. См. письмо 124.

[6] По-видимому, Гончаров «раздражил» нервы Салтыкова тягучей медлительностью своего повествования, столь несхожей с динамичной поэтикой автора «Губернских очерков». Следует, однако, иметь в виду, что этот «раздраженный» отзыв относится не ко всему «Обломову», а лишь к первой части романа. Написанная в 1849 году, она была напечатана спустя десятилетие в *Отеч. записках,* 1859, № 1. Сам Гончаров считал ее слабой и, подготавливая рукопись романа к печати, писал И. И. Льховскому (5/17 ноября 1858): «За десять лет хуже, слабее, бледнее я ничего не читал первой половины 1-й части: это ужасно! Я несколько дней сряду лопатами выгребал навоз и все еще много!» (Л. С. Утевский. Жизнь Гончарова, М., 1931, стр. 119). Но Гончаров при подготовке рукописи к публикации не только делал изъятия из текста 1849 года, но и вносил новый текст, в частности полемические выпады против обличительной литературы и «реального направления» середины — конца 1850-х годов. Выпады эти затрагивали (принципиально) не только Писемского, но и самого Салтыкова. См., например, стр. 28—30 и др. в т. 4 изд.: И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8-ми томах, М., 1953.

[7] Пьеса Островского «Воспитанница». Она была напечатана в «Библиотеке для чтения», 1859, № 1, с подзаголовком «Сцены из деревенской жизни».

[8] Статья Анненкова о «Тысяче душ», под названием «О деловом романе в нашей литературе», появилась в журнале «Атеней», 1859, № 2.

[9] Речь идет об образе губернатора-прогрессиста Калиновича из романа «Тысяча душ».

[10] В № 1 «Библиотеки для чтения» за 1859 год Дружинин поместил статью-рецензию «Стихотворения Аполлона Майкова. 2 тома. Изд. гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, СПб., 1858». Статья напечатана как редакционная (подпись — *Ред.*). «Отличительные качества музы» Майкова Дружинин усматривал в ее «многосторонности и разнообразии» по сравнению с другими «даровитейшими из его сверстников» — Тютчевым, Некрасовым и Фетом. Всех их автор квалифицировал как «первоклассных русских поэтов» (стр. 1, разд. «Критика»).

124. П. В. АННЕНКОВУ

3 февраля 1859. Рязань

Рязань. 3 февраля

Сейчас прочитал я «Дворянское гнездо», уважаемый Павел Васильевич, и хотелось бы мне сказать Вам мое мнение об этой вещи. Но я решительно не могу. Да и вряд ли кто возьмется за это, кроме разве Ал. Вас.[1], который своим сладостным пером сделает все возможное, чтобы разжидить светлую поэзию, разлитую в каждом звуке этого романа. Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом и, однако ж, все-таки пропадающее в пустом пространстве. Но чтоб и эти общие места прилично высказать, надобно самому быть поэтом и впадать в лиризм. Герои Тургенева не кончают своего дела: они исчезают в воздухе. Критику нельзя их уловить, потому что их нельзя держать в руках, как героев Писемского. Поэтому-то хоть о Тургеневе и много писали, но не прямо об нем, а лишь по поводу его. Можно написать много чепухи о лишнем человеке, как это и сделал Стерван Дудышкин[2], можно коснуться русского человека на rendez-vous[3], но о самом Тургеневе писать невозможно. Сочинения его можно характеризовать его же словами, которыми он заключает свой роман: на них можно только указать и пройти мимо[4]. Я давно не был так потрясен, но чем именно — не могу дать себе отчета. Думаю, что ни тем, ни другим, ни третьим, а общим строем романа. Конечно, это едва ли может ставить Тургенева высоко как художника (хотя Варвара Павловна есть прелестное создание и в художественном отношении, но она вместе с тем гадит общий строй романа) [5], но вряд ли он и сам претендует на это. У нас на Руси художникам время еще не приспело. Писемский как ни обтачивает своих болванчиков, а духа жива вдохнуть в них не может. От художников наших пахнет ябедой и семинарией; все у них плотя́но и толсто выходит, никак не могут форму покорить. После Тургенева против этих художников некоторое остервенение чувствуешь.

Извините, что, может, нагородил Вам чепухи, но именно желаю Вам передать мои впечатления в том виде, как они сложились тотчас по прочтении «Двор<янского> гнезда».

Весь Ваш

М. Салтыков.

Я получил письмо от Некрасова. Скажите ему, что деньги 200 р. мной получены, но я не уведомил об этом контору, во-первых, потому, что лень, а во-вторых, потому, что нужно написать только несколько строк, а не лист, что чрезвычайно поощряет к откладыванью. Он пишет, что «Развеселое житье» ему понравилось, но я как-то не доверяю его похвале, потому что он все в воздухе нюхает и заботится только об том, чтоб на публику впечатление было.

Еще просьба к Вам. Год тому назад я отдал в альманах Смирдина повесть под названием «Яшенька»[6]. Эти подлецы до сих пор ее не печатают, да и обратно не возвращают. Так как я совсем (т. е. нигде) не хотел бы печатать эту вещь, по причине ее совершенной посредственности, то Вы бы весьма обязали, вырвав ее из рук этого скотопромышленника Генкеля. Безобразов хлопотал, да не отдают. Надо полагать, что по рылам бить следует. За истечением года я имею полное право на получение повести обратно. Сделайте милость, постарайтесь.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, в Демидовском переулке, против Английского клуба, в доме Висконти. *Карандашная помета Анненкова:* Салтыков 1859. *На конверте почтовые штемпеля:* Рязань 1859 февр. 3; С. Петербург 6 февр. 1859.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 9—11.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 12—14.

Впечатления от только что прочитанного «Дворянского гнезда» (*Совр.,* 1859, № 1) исполнены восторженности и лиризма, необычных для восприятия Салтыковым других выдающихся новинок современной ему литературы. Однако восхищенная характеристика «светлой поэзии» романа завершается выражением сомнения в возможности, на основании именно этих качеств, «ставить Тургенева высоко как художника». Такое противоречие в оценке «Дворянского гнезда» и его автора может быть понято лишь в системе тех требований социально-активной эстетики, которые были характерны для Салтыкова и наиболее полно, для данного времени, изложены в программной части его статьи 1856 года «Стихотворения Кольцова». В частности, согласно одному из этих требований, «каждое произведение искусства необходимо должно иметь свой результат, и результат не отдаленный и косвенный, а близкий и непосредственный» (т. 5 наст. изд., стр. 13). Таких «результатов» Салтыков не находил тогда в сочинениях Тургенева.

---

[1] А. В. Дружинина.

[2] Статья С. С. Дудышкина «Повести и рассказы И. С. Тургенева».— *ОЗ*, 1857, № 1, отд. II.

[3] Статья Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous».— «Атеней», 1858, № 18, стр. 65—89.

[4] Эти слова, которыми заканчивается «Дворянское гнездо», относятся непосредственно к размышлениям автора о последней, случайной и безмолвной встрече Лаврецкого с Лизой: «Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо».

[5] Мысль Салтыкова: образ Варвары Павловны — женщины-хищницы — художественно совершенен, но он снижает («гадит») своей нравственно-этической неполноценностью «общий строй» романа, направленный на поднятие «нравственного уровня».

[6] О судьбе повести «Яшенька» см. прим. 10 к письму 120.

125. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

7 июля 1859 (?). Рязань

Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Владимир Павлович, на любезное Ваше письмо, что самое лучшее время для Вашего приезда в Рязань было бы теперь, т. е. от настоящего числа по 1-е августа, потому что теперь жена моя в отсутствии и, следовательно, нам будет свободнее, и сверх того, в первых числах августа я выеду дня на три в Москву навстречу жене. Для Вас будет особая комната, и Вы будете совершенно как дома. Вас, кроме мне <?>, ждет еще кн. Черкасская, которая не зовет Вас иначе, как notre charmant économiste[1]. Эта баба — самая гнусная во всей Рязанской губернии, а здесь довольно-таки гнусных баб[2]. Она на нас беспрестанно ябедничает, что возмущаем крестьян.

Жду Вас с великим нетерпением.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Елизавете Дмитриевне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Рязань.
7 июля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 5, лл. 7—8.

Впервые опубликовано: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879. Повторная публикация: «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 191.

Салтыков был в Рязани как в июле 1858 года, так и в июле 1859 года, причем и в том и в другом году он в начале августа находился в отпуске (*Аттестат*) и мог, таким образом, выезжать в Москву «навстречу жене». К предположительной датировке письма 1859 годом склоняют бумага и чернила. Приезжал ли В. П. Безобразов в Рязань — неизвестно.

---

[1] наш очаровательный экономист (*франц.*).

[2] Слова о «гнусных бабах» опирались на факты служебной практики Салтыкова, на многочисленные «дела» в защиту крепостных людей, которые ему приходилось рассматривать в Губернском правлении. К числу «гнусных баб» — помещиц Рязанской губ., известных своей жестокостью и тиранством, относились — наряду с кн. А. Д. Черкасской — кн. В. Д. Кропоткина, А. Н. Позднякова, Н. А. Иващенко и др. Подробнее см.: И. В. Князев. Из административной практики М. Е. Салтыкова-Щедрина конца 50-х гг. (По материалам Рязанского областного архива).— В сб. Волгоградского педаг. ин-та им. А. С. Серафимовича «Проблемы русской и зарубежной литературы», Саратов, 1965.

126. А. В. ДРУЖИНИНУ

18 октября 1859. Рязань

Рязань. 18 октября.

Вы не ошиблись, многоуважаемый Александр Васильевич, и очень верно угадали, что времени у меня мало. Так мало, что я даже не собрался писать к Вам с первой почтой. Очень Вам благодарен за Ваше предложение прислать что-нибудь в Ваш журнал [1]. Теперь, когда многие обо мне забыли, а еще более многие лягают меня [2], мне предложение Ваше было весьма отрадно. К сожалению, в настоящую минуту я ничего не могу выслать, но к январю вышлю что-нибудь, чтó Вы и напечатаете, когда вздумаете, по Вашему усмотрению. Жизнь провинцияльная (не смешивайте ее с деревенскою) далеко не удобна для литературных трудов. Надо быть вдали от гадостей этой жизни, чтобы достойно воспевать их. Настоящее мое призвание жить в деревне, но я женат, и осуществить эту мечту неудобно. Вообще моя жизнь как-то глупо сложилась. Ищу все лучшего и попадаю в худшее. Вы прекрасно делаете, что даете переводы Гейне; для меня это сочувственнейший из всех писателей. Я еще маленький был, как надрывался от злобы и умиления, читая его. Главное препятствие прислать Вам что-нибудь в настоящую минуту заключается в том, что я навлек на себя подозрительность и ненависть петербургской цензуры [3]. У меня есть одна вещица,

но она из быта помещичьего (съезд дворян по случаю *современного вопроса*), а в Петербурге это вряд ли может быть терпимо. В Москве же мне дали слово пропустить. Если Вы думаете, что пропуск возможен и в Петербурге, то напишите: я к Вам ее вышлю. Во всяком случае, ее можно печатать только в декабрьской книжке, да и то если эта книжка выйдет не ранее как в половине месяца [4].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 167, оп. 3, № 220, лл. 5—6.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 15. Повторная публикация: *Письма к Дружинину,* стр. 281—282.

---

[1] В «Библиотеку для чтения».

[2] Одной из иллюстраций к этим словам может служить, например, такое суждение одного из критиков, появившееся в печати летом 1859 года: «Мы называем г. Щедрина «покойным» в смысле литературном, так как последние произведения его действительно не производили уже такого впечатления, как первые, и он, ввиду такого внезапного поворота к нему публики спиною,— почти замолк» («Московское обозрение», 1859, № 2, стр. 46).

[3] По-видимому, речь идет о цензурных трудностях при прохождении в печать рассказа «Развеселое житье» (*Совр.,* 1859, № 2). См. в наст. изд. т. 3, стр. 579—580).

[4] Это о пьесе «Съезд». См. о ней в письме 129.

127. А. В. ДРУЖИНИНУ

27 октября 1859. Рязань

Не только одобряю цель Общества Литературного фонда и желаю в нем участвовать, но и приношу Вам искреннюю благодарность за то, что вспомнили обо мне. Вы мне ничего не ответили на запрос мой относительно направления нынешней петербургской цензуры. Пожалуйста, известите, потому что мне необходимо сообразоваться с теми сведениями, которые Вы сообщите.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Рязань.
27 октября 1859 года.

Ответ пишется с первою почтою после письма Вашего, которое пришло 25 октября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 3, № 220, л. 7.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 16. Повторная публикация: *Письма к Дружинину*, стр. 282.

«Общество литературного фонда» (офиц. назв.— «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым») было основано, по инициативе А. В. Дружинина, в Петербурге 8 ноября 1859 года (дата учредительного собрания). О Салтыкове — члене Общества см. в дальнейших письмах.

128. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

8 ноября 1859. Рязань

Вам известно, многоуважаемый Владимир Павлович, что у меня теперь новый начальник, М<уравьев>, который разразился над Рязанью подобно Тахтамышу [1].

Рязань, может быть, и полюбит это, потому что она и издревле к таким людям привыкла, но для меня подобное положение вещей несносно. Главное основание всех его действий — неуважение к чужой мысли, чужому мнению и чужому труду. Я вместе с тем обращаюсь к Н. А. Милютину и прошу его ходатайствовать о переводе меня куда-нибудь. Я преимущественно желаю в Тверь или Калугу [2]. Но только не во Владимир [3]. Вы бы сделали мне величайшее одолжение, если бы подкрепили просьбу мою Вашим ходатайством. Я так и прошу Милютина, чтобы он ответ свой передал мне через Вас. Съездите к нему, пожалуйста, и уведомьте меня. Засвидетельствуйте мое почтение Елизавете Дмитриевне. Более не пишу, потому что сию минуту идет почта.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Рязань. 8 ноября 1859.

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879, стр. 2. Повторная публикация: «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 191.

---

[1] 30 сентября 1859 года в управление Рязанской губернией вступил Н. М. Муравьев. Он был сыном М. Н. Муравьева, в ту пору министра государственных имуществ, а в недалеком будущем — усмирителя восстаний

в Литве и Белоруссии. Герцен писал о новом начальнике Салтыкова: «Россия знает, кто такой рязанский губернатор Муравьев, о котором в «Материалах по делу освобождения» сказано: «один из подлейших людей и сквернейших губернаторов...» («Колокол», л. 93 от 1 марта 1861 г.). О резко враждебных взаимоотношениях, возникших между Салтыковым и Муравьевым, см. *Макашин II,* стр. 256—267.

[2] Калужским губернатором был в это время В. А. Арцимович, один из идеологов и деятелей либеральной бюрократии.

[3] Салтыков не хотел во Владимир потому, что там жили Болтины — родители его жены, с которыми он находился в неприязненных отношениях.

129. А. В. ДРУЖИНИНУ

20 ноября 1859. Рязань

Вместе с сим посылаю к Вам, многоуважаемый Александр Васильевич, пьесу «Съезд». Если цензура допустит, то прошу Вас напечатать ее в «Библ<иотеке> для чтения», в январе или феврале. Я не потому желаю попасть в первые месяцы будущего года, чтоб это льстило моему самолюбию, но потому, что у меня имеются личные при этом расчеты. Пожалуй, напечатайте хоть в апреле, но только не в декабре[1]. Если цензура не дозволит, то потрудитесь возвратить рукопись ко мне. В случае напечатания я желал бы получить 125 р. с листа; это та самая плата, которую платят мне прочие журналы: если же вы признаете эту плату слишком значительною, то делайте как знаете. Из суммы, какая мне будет следовать, вычтите, сделайте милость, 25 рублей в пользу общества литератур<ного> фонда за первый год членства, и отдайте Печаткину 11 или 13 р. за забранные мной книги. Желал бы пожертвовать и более в пользу общества, но беден, как Иов. У нас переменили губернатора и дали одного из сукиных детей Муравьевых. Положение мое самое скверное, и я уже прошу через Милютина о переводе[2]. Если и Вам выберется случай положить лепту в пользу мою в этом смысле, то положите. Если увидите Безобразова, то скажите ему, чтоб не поленился съездить к Милютину за этим делом[3].

Хорошо, кабы перевели в Тверь, как я и прошу; ближе было бы к Питеру и можно было бы почаще справляться. Во всяком случае, уведомьте меня об ответе Бекетова касательно моей статьи. Если в Петербурге ее не пропустят, в Москве пропустят наверное.

Весь Ваш

М. Салтыков

Рязань.
20 ноября 1859.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 3, № 220, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 16—17. Повторная публикация: *Письма к Дружинину*, стр. 282—283.

---

[1] Пьеса «Съезд» была написана на материале уездных собраний рязанских дворян осени 1859 года, посвященных предстоящей отмене крепостного права. Собрания предшествовали губернскому дворянскому съезду, назначенному на декабрь. В этой связи уясняется просьба Салтыкова о публикации пьесы «хоть в апреле, но только не в декабре». Он не хотел, чтобы его сатира стала бы достоянием рязанского общества в дни съезда и комментировалась бы в связи с ним. Напечатать пьесу в «Библиотеке для чтения» не удалось по цензурным причинам. Она была опубликована под названием «Соглашение» в журнале «Время», 1862, № 4. Вошла в раздел «Недавние комедии» сборника «Сатиры в прозе». См. т. 3 наст. изд.

[2] Салтыков обращался к Н. А. Милютину с официальным письмом. Оно неизвестно.

[3] Дружинин исполнил просьбу Салтыкова, как это видно из следующей записки его, относящейся к концу ноября 1859 года: «Салтыков очень просит Вас, Владимир Павлович, поговорить с Милютиным по делу о его переводе на вице-губернаторство в Тверь, куда он просится» (*ГБЛ*, М. 7596.6).

130. П. В. АННЕНКОВУ

29 декабря 1859. Рязань

Рязань. 29 декабря.

Извините, многоуважаемый Павел Васильевич, что я, без Вашего предварительного разрешения, решился послать к Вам собственного моего изделия статью под названием «Скрежет зубовный»[1]. Я решился это сделать, во-первых, потому, что вполне полагаюсь на Ваше уменье различать хорошее от дурного, а во-вторых, и потому, что надеюсь вполне на врожденную Вам доброту сердечную. Будьте так добры, прочтите посылаемую статью, и если она покажется Вам пригодною, то передайте ее в «Современник»; это на счет Вашего вкуса. Относительно же сердечной доброты Вашей я имею след<ующие> виды: во-первых, передать Некрасову, что я не желаю никаких перемен в статье моей, кроме самомалейших; в случае же если цензура не согласится, без выпусков, одобрить статью к печатанию, то возвратить ее ко мне, а я отдам в один из московских журналов, и во-вторых, наблюсти, чтоб это условие было *действительно* исполнено. Я по опыту

знаю, каково печататься в «Современнике», где редакция не дает себе труда даже связывать пробелы, оставленные цензорским скальпелем[2]. Вы были бы крайне обязательны, если бы, по прочтении статьи, высказали мне вполне откровенное Ваше мнение.

Живу я в Рязани очень плохо и все хлопочу о переводе, т. е. сижу сложа руки и думаю, как бы хорошо махнуть в Тверь или в Калугу, а то, пожалуй, и в Саратов. Нам переменили губернатора и дали Муравьева, который откровенно принял губернию за лакейскую и действует en conséquence[3]. Я ему объявил, что с ним служить не намерен, и так как он уехал на днях в Петербург, то просил его заявить об этом министру. Рязанские дворяне начали было выборы шумно, а кончили постыднейшим образом. Муравьев обошел их совершенно, показав себя при этом величайшим подлецом. Представьте себе: меня хотели было судить за демократизм[4].

В Петербурге я зимой, вероятно, не буду, по той простой причине, что «одежды не имам да внити в онь»[5]. Послал еще к Дружинину статейку[6], но ни полслова от него не имею об участи ее.

Прошу Вас передать мой поклон всем знающим меня.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте почтовые штемпеля: Рязань дек. 30 1859; С. Петербург 2 янв. 1860.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 12—14.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 17—18.

---

[1] Статья появилась в *Совр.,* 1860, № 1.

[2] Имеется в виду рассказ «Развеселое житье» — одно из наиболее пострадавших от цензуры произведений Салтыкова, появившихся в *Совр.,* 1859, № 2.

[3] в соответствии *(франц.).*

[4] Губернатор Муравьев обвинил Салтыкова в том, что он содействовал возбуждению оппозиционных настроений среди рязанского дворянства, собравшегося в декабре 1859 года на очередные выборы (в органы своего самоуправления). См. *Макашин II,* стр. 233—238.

[5] Слова из великопостной молитвы «Чертог твой вижду...».

[6] Пьесу «Съезд». См. письмо 129.

131. В. П. БЕЗОБРАЗОВУ

29 декабря 1859. Рязань

Рязань. 29 декабря.

По письму Вашему, многоуважаемый Владимир Павлович, в котором Вы уведомляете меня, что *кем-то* поручено графине Барановой [1] уговорить тверского в<ице-> губернатора Иванова на переход в другую губернию [2], я писал в Тверь и получил ответ, что *никем никакого* подобного поручения даваемо не было. Я очень жалею, что обращался к Милютину. Это человек очень любезный в частном знакомстве, но никогда шагу ни для кого не сделает. Тем не менее, так как я обращался к нему официально, то мог бы он хотя доложить письмо мое к министру [3]. Я имел с Муравьевым столь неприятные встречи, что лично ему объявил, что служить с ним не буду, хотя бы мне пришлось выйти в отставку. Поэтому я просил бы Вас, о утопающий в шумных удовольствиях столицы Владимир Павлович, вновь попросить Ник. Ал. [4] доложить министру о моем непременном желании оставить Рязань. Если в Тверь нельзя, то я согласен и в иной город, лишь бы не слишком далеко от Москвы, т. е. не далее 400 верст. Сделайте одолжение, воззрите на меня и примите участие в этом деле. Теперь Муравьев сам в Петербурге. Перед отъездом он спрашивал меня, не желаю ли, чтоб он ходатайствовал мне какой-либо награды; на это я отвечал, что величайшею для меня наградой будет, если меня разведут с ним, и просил, чтоб он заявил об этом министру. Вот до какой крайности дошли наши отношения; можете сами судить, могу ли я после этого оставаться с ним. В Петербурге я не могу быть лично, по той естественной причине, что не имею денег. Сделайте одолжение, ответьте мне хоть на это письмо.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Передайте Н. А. Милютину, что в Твери, *кажется,* открывается вакансия председателя каз<енной> пал<аты> и Иванов намерен хлопотать об этом месте для себя через кн. Суворова [5] (своего свояка), который теперь в Петербурге. Сам Иванов поехал для этого в Петербург.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 5, лл. 9—10.

Впервые опубликовано: «Новое время», 1900, 14 ноября, № 8879, стр. 2. Повторная публикация: «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 191—192.

---

[1] Гр. А. А. Барановой, жене тверского губернатора гр. П. Т. Баранова.

[2] Вице-губернатор П. Е. Иванов действительно в скором времени покинул Тверь, но не вследствие «уговоров» губернаторши, а по предписанию недовольного им высшего начальства. См. *Макашин II*, стр. 264.

[3] См. письмо 129, прим. 2.

[4] Николая Алексеевича Милютина.

[5] Кн. В. И. Суворов занимал должность чиновника особых поручений Тверской казенной палаты.

1860

132. П. В. АННЕНКОВУ

16 января 1860. Рязань

Рязань. 16 января.

А меня, конечно, еще более обрадовало *Ваше* письмо, милый и добрейший Павел Васильевич, и я, право, не знаю, как и благодарить Вас[1]. Я в начале марта буду в Петербурге, *с тем чтобы не возвращаться в Рязань,* хотя бы, для достижения этого, нужно мне было подать в отставку[2]. Вот когда я буду совершенно свободен от служебных отношений, когда не будет беспрестанно подниматься во мне вся желчь, тогда увидим, способен ли я сделать *фигурный пирог.* А теперь и некогда, и нет охоты. Пора мне расстаться с добрыми малыми провинции, которые на языке порядочных людей называются бездельниками и мерзавцами.

Может ли быть пропущен *«Съезд»,* посланный мною к Дружинину? Он ничего мне не пишет, хотя я покорнейше просил его уведомить меня. Относительно «Скрежета» позвольте мне одну просьбу. Может быть, цензура затруднится пропустить его, имея в виду «Сон», который, в сущности, и заключает в себе всю мысль этой статьи. В таком случае можно было бы сон выпустить, но таким образом, чтобы читатель догадывался, что есть нечто. А именно, я полагал бы заключить статью так:

СОН

. . . .

и больше ничего. Это единственная уступка, которую я могу сделать, а иначе статья утратит весь свой запах[3]. Желал бы я также, чтоб обе статьи шли в мартовских или в апрельских книжках[4]. Я буду в Петербурге и лично просмотрю цензорские корректуры. Право, мне совестно утруждать Вас, но решительно не знаю, к кому обратиться.

Правда ли, что Мельникова не допустили даже баллотироваться в члены Общества всп<омоществования> б<едным> литераторам? и что Тургенев по этому случаю держал речь[5], в которой публично заявил некоторые не совсем опрятные факты из жизни этого Robert-Macaire'а[6]. Если это правда, то мне все-таки жаль Мельникова, потому что если он и подлец, то подлец не злостный, а по приказанью.

До свиданья; напишите мне, будете ли Вы еще в марте в Петербурге; я питаю сладкую надежду Вас видеть, потому что не забыл, что 15 марта обед в Англ<ийском> клубе[7]. Я же, во всяком случае, останусь в Петербурге не больше недели, потому что, что бы ни случилось, я все-таки хоть на время, для окончательного устройства своих дел, должен буду уехать[8].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Недавно я получил из Москвы письмо, что там какой-то аферист сватался и даже употребил девицу под моим именем, как вдруг явился обличитель, который доказал, как дважды два, что сей <- - -> совсем не тот.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, в Демидовском переулке, в доме Висконти. *Помета Анненкова карандашом:* Салтыков 1860. *Почтовые штемпеля:* <Рязань>. Отправлено <1860>. Генв. 16 *и* С. Петербург 19 янв. 1860. 2 час.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 15—17.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 19—20.

---

1 Письмо П. В. Анненкова неизвестно. Но очевидно, что Салтыков благодарит его за оценку посланной ему рукописи «Скрежет зубовный» и за посредничество в устройстве публикации этой статьи в *Совр.* См. письмо 130.

2 Салтыков выехал из Рязани в Петербург 6 марта и добился здесь согласия Ланского и Милютина на перемещение в Тверь, на ту же должность вице-губернатора. Официально дело было решено 3 апреля. Но к месту нового назначения Салтыков попал только в конце июня.

3 Цензура пропустила «Скрежет зубовный» — сатиру на либеральное «обличительство» и «гласность» — вместе с его последней частью. Эта часть, включающая «Сон», посвящена другой теме — разработке, в сказочной форме, мысли о том, что «возрождение» страны и общества не может быть достигнуто без участия народных масс — И в а н у ш к и.

4 О какой другой статье идет речь — неясно. Если о «Нашем дружеском хламе», напечатанном в *Совр.* лишь в августе (1860, № 8), то дату

написания этой статьи нужно было бы отодвинуть с начала 1860 года на конец 1859 года, что вряд ли возможно (см. *Макашин II*, стр. 266, 269 и 286). Скорее, слова «обе статьи» следует отнести только к «Скрежету зубовному», на том основании, что заключительная часть его (после черты) была первоначально самостоятельным произведением — «Смерть» — и лишь позднее была присоединена к новой рукописи (см. т. 3 наст. изд., стр. 614). Такое предположение согласуется с соседствующими письмами к Анненкову, в которых речь идет только о «Скрежете зубовном» (письма 130 и 133). Желание же, чтобы посланный материал появился «в мартовских или апрельских книжках», понятно. Салтыков хотел, чтобы его остро памфлетные, по отношению к рязанской действительности, писания были бы обнародованы не прежде, чем он расстанется с Рязанью.

[5] П. И. Мельников-Печерский не был членом Литературного фонда. Но биография автора «В лесах» и «На горах» не располагает сведениями, действительно ли его не допустили к баллотировке и что к этому делу был причастен Тургенев.

[6] Тип ловкого и беспринципного устроителя своих дел в одноименной пьесе французских драматургов Бенжамена Антье и Фредерика Леметра (1834).

[7] Салтыков был «записан» членом петербургского Английского клуба в 1856 году по рекомендации А. В. Дружинина, одного из тогдашних старшин клуба.

[8] В Рязань, для сдачи дел. См. в дальнейших письмах.

133. П. В. АННЕНКОВУ

27 января 1860. Рязань

Не знаю, как достойно возблагодарить Вас, многоуважаемый Павел Васильевич, за все подъятые Вами труды по поводу моего смиренства. Известие, что статья моя (которую Некрасов, неизвестно почему, именует повестью) будет напечатана в 1-м № «Современника», несколько меня озадачило, ибо я никак не ожидал такой поспешности[1]. Вообще после каждой статьи я ожидаю для себя чего-нибудь неприятного, и по этой причине самое появление их в печати делается какою-то неприятностью, которая чем позже случится, тем лучше.

Я совершенно разделяю Ваше мнение насчет либерального терроризма, который всасывается ныне всюду. Вот отчего я вознамерился бежать из Рязани, что и здесь также намерен этот терроризм воцариться. Теперь я собираю сведения для определения своих будущих прав состояния, ибо хотя мое денежное положение и улучшилось против прежнего[2], но все-таки не в такой степени, чтобы я прилично мог существовать

без пособия своего личного труда. Я писал к Некрасову и предлагал свои услуги; но с Некрасовым тяжело иметь дело, а потому позвольте мне на сей раз затруднить Вас покорнейшею просьбою. Не согласится ли Дружинин употребить меня в качестве кого-либо или даже чего-либо в «Библиотеке для чтения»? Я знаю, что у него уж есть на шее Писемский[3], но я не буду сидеть на шее и даже в качестве постоянного сотрудника могу принесть пользу, ибо на свободе буду в состоянии очень много писать. Я бы и сам обратился к Дружинину, но его деликатность несколько стесняет меня, и в том случае, когда я совершенно свободно обращаюсь к Некрасову, я затрудняюсь обратиться к Дружинину. Если А. В.[4] согласен, то пусть напишет мне об условиях, и, если можно, не далее будущего февраля, чтобы я перед отъездом в Петербург мог уже знать, чего мне держаться[5]. Надо, впрочем, сознаться, что Дружинин ведет свое дело плохо и «Библиотека д<ля> чт<ения>» все-таки не выходит из разряда скромных фиялок, и получается и читается в провинции весьма мало.

До свидания, многоуважаемый Павел Васильевич.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Рязань. 27 января.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В Петербурге, в Демидовском переулке, против Английского клуба в доме Висконти. *Почтовые штемпеля:* Рязань. 1860. Генв. 27 *и* С. Петербург 30 янв. 1860. 4 час.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 18—20.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 20—21.

---

1 В *Совр.,* 1860, № 1, появился «Скрежет зубовный». О том, почему Салтыков был «озадачен» такой «поспешностью», см. прим. 4 к письму 132.

2 В декабре 1859 года О. М. Салтыкова произвела раздел между сыновьями не разделенной еще части родовой вотчины и своих благоприобретенных владений. И хотя М. Е. Салтыков, в качестве «строптивого», был обделен, его материальное положение все же существенно «улучшилось». В общую собственность с братом Сергеем Евграфовичем он получил богатое торговое село Заозерье с деревнями в Ярославской губ. и мелкие владения в Тверской губ.

3 В 1857—1860 годах А. Ф. Писемский совместно с А. В. Дружининым редактировал «Библиотеку для чтения».

4 Александр Васильевич Дружинин.

5 См. об этом в письме 134.

134. А. В. ДРУЖИНИНУ

13 февраля 1860. Рязань

Не имею слов, как благодарить Вас, многоуважаемый Александр Васильевич, за Ваше теплое участие ко мне. Думаю, что я буду в Питере на третьей неделе поста, а много что на четвертой, и тогда можно будет лично нам условиться насчет моего будущего положения [1]. Если «Съезд» все-таки не пропущен, то и его оставьте у себя до личного моего свидания с Вами. Во всяком случае, я заменю его другою статьею, которую, по всей вероятности, и привезу с собою [2]. Странно, что «Съезд» не пропускают, а «Скрежет зубовный» пропустили, хотя последняя вещь гораздо сильнее и резче. В Москве мне непременно пропустит Драшусов, если только до того времени не погаснет, как погасли Крузе, Капнист и прочие светила [3].

Вы, конечно, прекрасно бы сделали, если б каким-нибудь образом вырвали журнал из рук Печаткина. Но для чего бы не взять журнал компании литераторов, с условием уплачивать Печаткину ежегодную аренду, и в то же время откладывать часть доходов, чтобы со временем и вовсе с ним развязаться? Неужели «Библиотекой» все-таки будут владеть люди посторонние литературе? Мне кажется, что случай слишком удобен, чтоб им не воспользоваться. Скажу Вам здесь кстати о расположении умов в провинциях относительно журналов. Всего более в ходу «Современник»; Добролюбов и Чернышевский производят фурор и о *«честной деятельности»* «Современника» говорят даже на актах в гимназиях. Провинция любит, чтоб ей говорили son fait [4] прямо и резко. Журналы русские ждет самая блестящая будущность, ибо число читающих постоянно увеличивается. Но надобно больше современности, больше полемики, и это очень понятно, потому что публика живет не отдаленными, а ежедневными, насущными интересами. Вы бы очень хорошо сделали, если б политический отдел и внутреннее обозрение отделили от журнала и издавали в виде приложения к журналу — еженедельно, а еще лучше в неделю два раза. Это для многих заменило бы ежедневную газету.

Прощайте, жму от души Вашу руку. Не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Рязань. 13 февраля 1860 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 3, № 220, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 22—23. Повторная публикация: *Письма к Дружинину*, стр. 283.

---

[1] Салтыков благодарит Дружинина за согласие привлечь его к участию в работе редакции «Библиотеки для чтения», о чем просил через Анненкова (см. письмо 133). Однако из этих и других излагаемых в письме планов ничего не вышло. Салтыков не решился еще выйти в отставку, чтобы «на свободе» «много писать», а Дружинин во второй половине 1860 года оставил редакторство «Библиотеки для чтения».

[2] В пределах известного материала этой «заменной» статьей мог быть лишь «Наш дружеский хлам», хотя он появился не у Дружинина в «Библиотеке для чтения», а у Некрасова в *Совр.*

[3] Либеральные цензоры Московского цензурного комитета. Один из них — Н. Ф. фон Крузе — цензуровал «Губернские очерки».

[4] всю правду *(франц.)*.

135. Д. Е. САЛТЫКОВУ

2 апреля 1860. Рязань

Поздравляю тебя, любезный друг и брат, с праздником Пасхи и от всей души желаю всего лучшего. Сестрицу, детей и Катю целую и тоже душевно поздравляю. Я доехал до Рязани с горем пополам;[1] местами по снегу, местами по голой земле. На Фоминой опять выезжаю из Рязани и надеюсь около 20 апреля быть в Петербурге. Хотя и отпустил поваренка по паспорту, однако едва ли он для нас не понадобился, потому что мы будем жить в garni[2] и надо, чтоб кто-нибудь обед нам готовил. Поэтому если он еще не нашел себе места, то хорошо было бы его удержать. Распорядись, пожалуйста, этим и скажи ему, что я дам ему 6 р. с<еребром> в месяц жалованья и на первый раз окопирую <!> всеми поварскими принадлежностями.

Лиза кланяется тебе, сестрице и всем твоим.

До свидания, любезный брат, будь здоров и верь искренности любящего тебя

М. Салтыкова.

Рязань. 2 апреля 1860 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 47, л. 41.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 153.

---

[1] Салтыков выехал из Петербурга в Рязань, для сдачи должности, в середине марта (1860 г.). Вернулся он в столицу, вместе с женой, 18 апреля.

[2] в меблированных комнатах *(франц.)*.

136. Д. Е. САЛТЫКОВУ

24 июля 1860. Тверь

Тверь. 24 июля.

Тысячу тысяч раз извиняюсь перед тобой, любезный друг и брат, в том, что до сих пор не писал к тебе. Первое время вступления в должность[1] бывает всегда до такой степени обильно занятиями, что мало остается досуга уделить чему-нибудь другому. Впрочем, веря и радуясь искренности наших нынешних отношений, я убежден, что ты на меня не в претензии за молчание. Сережа третьего дня проезжал через Тверь, разбудил нас в четыре часа утра, а в пять уж ушел на пароход и отправился в Заозерье. Устроились мы довольно сносно, хотя и не так привольно, как в Рязани[2]. Служба также идет хорошо, и с Барановым я покамест в большой приязни[3]. Относительно бабки[4] я должен тебе сказать, что Баранов уже писал, чтоб она подавала просьбу, но почему-то она этого не сделала до сих пор. Если увидишь Рикмейстер, то повтори ей, что надо подать просьбу, а место в августе очистится непременно. Что же касается до твоего поручения относительно выбора гимназии в Москве, то я до сих пор еще не видал здешнего директора[5] и потому не мог с ним переговорить об этом. Впрочем, так как ты еще через год думаешь переехать в Москву, то дело это еще не к спеху. В половине августа здесь ожидают государя, а около двадцатых чисел я сам, вероятно, буду в Петербурге на свадьбе Сережи и увижусь с тобой. Мать присылала сюда Алемпия[6], проездом в Петербург; послала письмо к Ефтимовскому[7], а мне ни полслова. Вот мы пришли к каким отношениям, и бог знает каким образом.

Прошу тебя поцеловать от меня и от жены милую сестрицу Адель и пожелать ей всего лучшего. Сережа сказывал, что теперь она поправляется; дай бог, а то что-то долго болезнь с нею не расставалась. Детей также целуем и Машу Гринвальд. Евграф Петрович[8] обещался быть здесь 3-го июля, да вот и до сих пор не едет.

Прощай, любезный друг и брат; я и Лиза тебя целуем и, при пожелании всего лучшего, просим не забывать нас.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 36—37. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 153—154.

[1] Салтыков вступил в должность тверского вице-губернатора 25 июня 1860 года *(Аттестат)*.

[2] Салтыков с женой поселились в Твери в двухэтажном каменном особняке на углу Рыбацкой ул. и Пивоваровского пер. (ныне ул. Салтыкова-Щедрина). Их квартира занимала весь второй этаж. Дом сохранился. На нем установлена мемориальная доска.

[3] Эти отношения с начальником губернии сохранились на все время тверской службы Салтыкова. По словам современника, тверской губернатор был человеком «не особенно выдающегося ума, но очень мягкий и благожелательный и не только не тормозивший, а скорее сочувствовавший либеральным стремлениям правительства» (*Белоголовый,* стр. 620).

[4] Петербургская знакомая Салтыковых хлопотала о месте для повивальной бабки Д. Г. Богдановой (см. в след. письмах).

[5] Директором училищ Тверской губ. был Н. А. Варнек.

[6] Крепостной человек О. М. Салтыковой, кучер. Упоминается в «Пошехонской старине».

[7] Поверенный человек О. М. Салтыковой в Твери.

[8] Е. П. Ивин, см. о нем прим. 5 к письму 118.

137. Д. Е. САЛТЫКОВУ

15 августа 1860. Тверь

Тверь. 15 августа.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за письмо, которое весьма меня обрадова<ло ка>к залог окончания всех бывших ме<жду нами> недоразумений[1]. Благодарю тебя <также за> все предпринятые тобою действия отно<сительно> устройства наших общих дел, но <что касаетс>я до меня, то едва ли что-нибудь удас<тся сдела>ть. Я должен тебе сказать, что <я> не писал к маменьке, с тех пор как виделся с тобой; к этому меня побудило <то?>, что несколько раз в Твери бывали из Ермо<ли>на люди ее и, привозя каждый раз письма к <раз>ным подьячим, ни разу не доставили мне даже самой коротенькой записочки от нее.

У меня есть до тебя просьба; губернатор здешний собирается на ревизию в губернию и останавливается только затем, что я предполагаю ехать в Петербург. Надо<бно нам> условиться с ним во времени, так <чтобы не по>мешать друг другу, а для этого <мне необхо>димо хотя приблизительно знать, <когда бу>дет свадьба Сережи[2]. Сделай одол<жение, из>вести меня, хотя в двух словах, но <только> *скорее,* когда назначена свадьба; <если> она будет в конце августа, то Ба<ранов> будет иметь время побывать в бл<ижай>ших городах.

Относительно московских гимназий я должен тебе сказать, что по новому положению о преобразовании средних учебных заведений во всех гимназиях будут реальные классы. Я не знаю, что это так тебя пугает! Я говорил с здешним директором о московских гимназиях, и он мне именно рекомендует 3-ю гимназию (на Лубянке), но в ней есть уже реальные классы. Прочие гимназии, по словам его, совершенно равны. Впрочем, я говорил с ним еще до получения твоего письма, а при свидании вновь переговорю и о результатах передам при свидании.

Вчера уехал отсюда государь, пробыв в Твери три дня. Я был однажды приглашен к обеду и имел честь представляться его величеству. Об наградах ничего не слышно, кроме по военной части. Я представлялся также великим князьям Константину и Михаилу Николаевичам [3].

Прошу тебя поцеловать ручки у милой сестрицы Адели и перецеловать всех детей. Жена тоже целует и сестрицу, и всех твоих. Мы душевно обрадовались, что сестрице лучше. Сережу и Машу целуем и желаем скорее видеть день, когда два пламени соединятся в один.

Прощай, милый друг, прошу тебя не забывать искренно тебя любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, л. 37.
Бумага повреждена, некоторые слова с трудом поддаются прочтению.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 154—155.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Свадьба С. Е. Салтыкова и Л. М. Ломакиной состоялась позже, в октябре. М. Е. Салтыков, по-видимому, присутствовал на ней, так как в октябре он выезжал в Петербург. См. письмо 139.

[3] О характере впечатлений Салтыкова от встречи с царем и великими князьями более определенное представление дают записи рассказов писателя, сделанные впоследствии Н. А. Белоголовым и В. П. Бурениным (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 623—624, 54—56).

138. Д. Е. САЛТЫКОВУ

31 августа 1860. Тверь

По письму твоему, любезный друг и брат, я спрашивал у гр<афа> Баранова, поступило ли прошение от пов<ивальной> бабки Богдановой, но прошения этого не поступало. Так

как из слов Рикмейстер я понял, что Богдановой все равно, в каком городе ни получить место, то я и полагал, что можно ее поместить и в уездный город. Я хлопотал, чтобы поместить ее в Твери, но повивальная бабка и помощница ее не желают выходить в отставку, и принуждать их к этому очень трудно, тем более что обе они скоро должны выслужить пенсию, и заставить их выйти теперь значило бы лишить последних способов к пропитанию. К сожалению, впрочем, я и теперь, не могу сказать ничего решительного по этому делу, потому что инспектор вр<ачебной> управы, которого содействие в этом деле преимущественно требуется, все время находится в разъездах по губернии, да и сама Богданова так мало о себе думает, что до сих пор даже просьбы не прислала, а без просьбы ничего и начать формально нельзя[1].

Я вновь по письму твоему говорил с директором училищ насчет московских гимназий, и он мне с большою похвалой отозвался о 4-й гимназии (бывшем Двор<янском> институте), в доме Пашкова. Там инспектором классов мой товарищ по Лицею Бибиков[2], известный и тебе.

Баранов ждал-ждал моей поездки в Петербург и наконец решился 4-го сентября ехать. Отсутствие его будет продолжаться до 11-го числа, и в течение того времени мне нельзя будет оставить Тверь[3]. Если Сережа вздумает играть свадьбу в этот промежуток времени, то придется мне прислать ему одну Лизу. Скажи ему об этом; да неужели же здоровье Алины Яковлевны так плохо? Пожалуйста, напиши, когда можно ожидать свадьбу, хотя приблизительно. В надежде на скорую поездку в Пете<рбург> Лиза оставила там у меховщика свой <сал>оп; то ежели свадьба будет отложена еще на неопределенное время, нужно будет распорядиться выручкою салопа, потому что уж делается холодно.

У меня все время сидел на шее спасский священник Николай, с просьбой, чтоб я ему выхлопотал для дочери дьяконское место к Егорью[4]. Теперь я ему это устроил, и он уже приводил ко м<не> выбранного им жениха. Вряд ли он по<нрави>тся маменьке, потому что мал ростом, а она отцу Николаю наказывала именно в<ыб>ирать большого, чтоб не перешивать риз.

Поцелуй за меня сестрицу Адель, Сережу, Машу и всех детей. Жена тоже всех вас целует. Затем, желая тебе всего лучшего, остаюсь навсегда любящий брат

Тверь. 31 августа. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 47, л. 40.

Бумага повреждена, некоторые слова с трудом поддаются прочтению.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 155—156.

---

[1] Тем не менее хлопоты Салтыкова увенчались успехом. В «Памятной книжке Тверской губ.» на 1861 год Д. Г. Богданова числится «занимающей должность младшей повивальной бабки г. Твери».

[2] Александр Илларионович.

[3] С 5 по 11 сентября 1860 года Салтыков исправлял должность начальника губернии *(Аттестат)*.

[4] О Егорьевском храме близ Ермолино — см. в письме 71.

139. Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

28 октября 1860. Тверь

Милостивая государыня графиня Елена <!> Васильевна [1].

Письмо Ваше, которым Вы приглашаете меня к участию в предпринимаемом Вами журнале [2], пришло в Тверь в то время, как я находился в Петербурге [3], и потому я невольным образом был вынужден замедлить ответом. Предложение Ваше я принимаю с большим удовольствием и употреблю все силы, чтобы исполнить Ваше желание. Так как у меня в настоящее время нет ничего готового, то не знаю, буду ли иметь возможность выслать Вам что-нибудь для первых номеров, но, во всяком случае, постараюсь.

Затем, при желании Вам всевозможных успехов предпринимаемому Вами изданию, прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть

Вашим, милостивая государыня,
покорнейшим слугою

Тверь. 28 октября 1860 г.

Михаил Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 34, л. 1.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 67, стр. 464.

---

[1] Ошибочное «Елена» в обращении указывает на то, что Салтыков мало знал корреспондентку, писательницу Елизавету Васильевну Салиас де Турнемир, выступавшую в печати под псевдонимом Евгении Тур.

[2] Задуманный Салиас де Турнемир (вместе с ее друзьями Е. М. Феоктистовым и Г. В. Вызинским) двухнедельный журнал назывался «Русская

речь». Он стал выходить в Москве с января 1861 года и просуществовал до января 1862 года, когда объединился с другим изданием. Участие Салтыкова в «Русской речи» не состоялось.

[3] В Петербург Салтыков мог выехать не раньше 4 октября. Этим числом датированы его записки о ревизии присутственных мест Калязина и Кашина (Н. Журавлев. М. Е. Салтыков-Щедрин — ревизор.— В журнале «Красный архив», 1937, № 4, стр. 162—171).

140. ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ГОРОДА ТВЕРИ И ТВЕРСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ СВИТЫ Е. И. В. ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ГР. П. Т. БАРАНОВУ

28 декабря 1860. Тверь

Милостивый государь граф Павел Трофимович.

На словесное предложение Вашего сиятельства имею честь ответствовать, что я охотно принял бы на себя исполнение обязанностей по званию члена Губернского комитета по крестьянскому делу [1], если бы правительству угодно было в то же время оставить меня при ныне занимаемой мною должности тверского вице-губернатора.

К сему имею честь присовокупить, что в Тверской губернии, Калязинского уезда находится имение матери и двух братьев моих, до 1600 душ при 12 тысячах десятин земли; мне же собственно, в общем владении с братом, принадлежит Тверской губернии Калязинского уезда при сельце Мышкине 40 душ при 300 десятинах земли и Ярославской губернии Угличского уезда в селе Заозерье с деревнями 1500 душ при 6 тысячах десятин земли [2].

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Тверь. 28 декабря 1860 года. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГА Калин. обл.,* ф. 484, д. 1, л. 52.

Впервые опубликовано: Н. Журавлев. М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии, Калинин, 1939, стр. 77 (факсимильно). Повторная публикация: *ЛН,* т. 67, стр. 464—466.

---

[1] Описка Салтыкова. Нужно читать «Губернского присутствия по крестьянскому делу». Кандидатура Салтыкова была предложена Барановым в письме министру внутренних дел Ланскому от 11 января 1861 года (*ЦГИА,* ф. 1291, оп. 123, ед. хр. 49, лл. 1—1 об.). В члены «присутствия» Салтыков не вошел. Но, по его просьбе, ему было

«дозволено» посещать заседания «присутствия» без права голоса (*ГА Калин. обл.,* ф. 484, д. 7, л. 3).

[2] Справка о земельных владениях Салтыкова в Тверской губ. понадобилась в связи с тем, что членами «присутствия» (помимо так называемых «коронных» членов — от правительства) могли назначаться лишь местные помещики-землевладельцы.

141. Д. Е. САЛТЫКОВУ

29—31 декабря 1860. Тверь

Поздравляю тебя, любезный друг и брат, с наступающим Новым годом и с прошедшим днем ангела милой сестрицы. Всем вам душевно желаю всего лучшего и исполнения ваших желаний. Сестрицу целую и детей также.

Об маменьке ни слуху ни духу. В декабре был у меня Антон[1], который говорил, что к 19-му декабря ее ждали в Москву и что в то же время туда должен был приехать Витовтов[2]. От Сережи получил тоже в декабре письмо, но ничего особенного он не пишет. Есть ли какие-нибудь известия об Гринвальдах, и в каком положении дела Сережи?

Я сам надеюсь в январе побывать в Петер<бурге и тогда погово>рю с тобой подробно. У нас теперь все внимание обращается на составление губернского присутствия по крестьянскому делу. Я со своей стороны заявил согласие быть членом этого присутствия, если правительство согласится оставить за мной и должность вице-губернатора. Но вряд ли это состоится.

В будущем месяце я, вероятно, отправлюсь также на ревизию в Весьегонск и Бежецк, и если это состоится, то на возвратном пути заеду к Сереже в Заозерье[3].

Жена поручила мне передать ее поцелуй тебе, сестрице и детям.

Прощай, любезный друг, желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать преданного и любящего тебя брата

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, л. 42. Оборван верхний край листа, бумага повреждена, часть текста размыта.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 156—157, с редакторской датой: «После 19 декабря 1860 г.»

Письмо написано после заявления Салтыкова губернатору от 28 декабря (см. письмо 140) и до января, называемого *«будущим* месяцем». Отсюда датировка.

[1] Крепостной человек О. М. Салтыковой.

[2] Состоявшаяся или только предполагаемая поездка О. М. Салтыковой в Москву была, по-видимому, связана с предстоявшим вскоре бракосочетанием ее младшего сына, гвардии ротмистра Ильи Евграфовича, с дочерью генерал-адъютанта П. А. Витовтова, Аделью.

[3] Салтыков выехал на ревизию в Весьегонск и Бежецк 12 января, а возвратился в Тверь, по-видимому, 26 января. На обратном пути он заезжал к брату Сергею Евграфовичу в Заозерье. Намерение побывать в январе в Петербурге не осуществилось.

1861

142. Д. Е. САЛТЫКОВУ

8 апреля 1861. Тверь

Тверь. 8 апреля.

Позволь мне, любезный друг и брат, обратиться к тебе с просьбой. Сережа пишет мне, что у Ермакова[1] должно быть оброчной суммы в настоящее время до 150 р.; призови его и возьми собранные деньги для хранения у себя. Мне это необходимо, ибо я думаю отпустить Лизу в Петербург на праздники и деньги эти она могла бы найти у тебя. Сделай милость также, скажи Ермакову, чтоб он настоятельнее действовал в сборе оброков, и запрети ему выдавать паспорты неплательщикам. Ты весьма бы обязал нас, если б взял на себя труд поверить его отчетность, сколько и за кем состоит недоимки, как за прежнее время, так и за мартовскую треть. О том, сколько есть у Ермакова оброчной суммы налицо и сколько он надеется собрать до праздников, сделай милость, уведомь <мен>я не позже Страстной недели, ибо это необходимо мне в расчетах при отправлении Лизы в Петербург.

Уставная грамота (т. е. форма) еще не утверждена окончательно; как скоро будет утверждена, я вышлю к тебе экземпляр; это будет не позже следующей недели[2]. Не хочешь ли получать наши губернские ведомости?[3] Там печатаются все постановления и распоряжения губернского присутствия. Я думаю, что тебе не лишнее было бы знать их. Если ты согласен, то напиши, по какому адресу высылать. Цена 3 р. 75 к.

От меня только что вчера уехал Илья, который идет в мировые посредники. Это уж дело конченное, и теперь делаются распоряжения по назначению мировых посредников. Их будет в Калязинском уезде трое: Милорадович, Юрьев Сергей и брат Илья. Твое имение будет в участке Юрьева[4].

Пожалуйста, поцелуй за меня и за Лизу милую сестрицу Адель и детей. Всем им, а равно и тебе, мы желаем всего лучшего и просим принять наше поздравление с предстоящими праздниками св<ятой> Пасхи.

В мае я буду ждать тебя в Твери. Уведомь, не слышно ли что о Гринвальдах. Мих<аил> Ник<олаевич> хотел быть в мае в Петербурге; будет ли? С Ильею приехала Катя, которая гостит у нас до Страстной.

Прощай, любезный друг и брат, же<лаю> всего лучшего и прошу не забывать лю<бящего> тебя

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 43—44. Бумага повреждена, некоторые слова размыты и читаются предположительно.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 453—455 (факсимиле).

---

[1] Доверенное лицо Салтыкова и его брата Сергея Евграфовича, по управлению ярославским оброчным имением Заозерье, находившимся в их общем владении. Из местных крестьян.

[2] «Формы» уставных грамот утверждались для каждой губернии местными Присутствиями по крестьянским делам (размеры пореформенного надела и повинностей различались по губерниям).

[3] В качестве вице-губернатора Салтыков был редактором ex officio «Тверских губернских ведомостей».

[4] Тверской список мировых посредников имел репутацию самого «левого» среди списков других губерний. В составлении его активную роль играл Салтыков (*Макашин II,* стр. 349—355). М. А. Милорадович и Н. А. Юрьев (брат товарища и приятеля Салтыкова с детских лет — С. А. Юрьева) принадлежали к либеральному крылу тверских посредников. Иными оказались позиции брата Салтыкова — Ильи Евграфовича.

143. Е. И. ЯКУШКИНУ

11 мая 1861. Тверь

Тверь. 11 мая.

Извините меня, многоуважаемый Евгений Иванович, что тревожу Вас покорнейшею моею просьбой. В бытность мою в Ярославле[1], я сообщал Вам о желании моем приобрести усадьбу вблизи этого города или же хотя и подальше, но на Волге, и Вы были так обязательны, что обещали мне Ваше содействие по этому делу. В настоящее время до меня дошло сведение, что в 10 верстах от Ярославля продается усадьба Шелахово (по Московскому шоссе) г. Кафтырева, бывшая

Бёма. Усадьбу эту очень хвалят, но прежде, нежели осмотреть ее лично, я желал бы иметь некоторые подробности о ней. Вы бесконечно обязали бы меня, если б разузнали, действительно ли и за какую цену продается эта усадьба, есть ли в ней дом, сад и другие хозяйственные заведения, сколько имеется при ней земли и какого качества, сколько рогатого скота и т. п., а также поселены ли и в каком количестве крестьяне или дворовые люди. Если бы можно было достать подробную опись имению, то это, разумеется, было бы весьма удобно. Снова прося Вас извинить меня за делаемое Вам беспокойство, льщу себя надеждой, что Вы не оставите меня без ответа на настоящее письмо мое [2].

Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо. Губернское присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Покуда я ездил в Ярославль, уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуций. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности [3], а помещики, вместо того чтоб уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков. Я со своей стороны убеждаю, что военная экзекуция мало может оказать в таком деле помощи [4], но, как лицо постороннее занятиям присутствия, имею успех весьма ограниченный. Впрочем, я со своей стороны подал губернатору довольно энергический протест против распоряжений присутствия и надеюсь, что на днях мне придется слететь с места за это действие [5]. Всех хуже действует, всех громче и настоятельнее говорит о необходимости экзекуций Коробьин, с которым я даже перестал кланяться из-за этого [6].

Здесь разнесся слух, что кн. Оболенского переводят в Москву [7]. Если это так, то нельзя не сожалеть, что Ярославская губерния лишится такого хорошего человека. О том, кто должен быть назначен на его место, еще нет никаких известий.

Прошу Вас верить искренности моего к Вам уважения и преданности, с которыми и остаюсь

готовый к услугам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 280, 285 (на стр. 281—284 — факсимиле).

Письмо обращено к Е. И. Якушкину — сыну декабриста И. Д. Якушкина, занимавшему в это время должность управляющего Ярославской па-

латой государственных имуществ. Входя по своей должности членом в Губернское по крестьянским делам присутствие, он принимал, с либеральных позиций, деятельное участие в проведении крестьянской реформы в губернии.

---

[1] Салтыков был в Ярославле во время своей и О. М. Салтыковой поездки в Заозерье. Он выехал из Твери не раньше 23 апреля и вернулся не позже 4 мая (см. письмо С. Е. Салтыкова к Д. Е. Салтыкову от 8 мая 1861 года — *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 12, № 128, л. 55 об).

[2] Покупка имения под Ярославлем не состоялась. Но в начале 1862 года Салтыков приобрел (на имя жены) небольшую подмосковную усадьбу при селе Витенево, на реке Уче, недалеко от станции Пушкино Ярославской жел. дороги.

[3] Законодательство 19 февраля на два года оставляло «освобожденных» крестьян в том же положении относительно отбывания «господских денежных и смешанных повинностей», в каком они были прежде. «Смешанная повинность» — сочетание барщины и оброка.

[4] Позиция Салтыкова по вопросу о волнениях, которыми ответили «освобожденные» крестьяне на Манифест 19 февраля, изложены в двух его статьях 1861 года «К крестьянскому делу» и «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу». См. в наст. изд. т. 5.

[5] Протеста Салтыкова губернатору найти не удалось.

[6] Управляющий Тверской палатой государственных имуществ, камер-юнкер В. Г. Коробьин был ярым крепостником. Герцен назвал его имя среди «атаманов государственного разбоя», получивших «августейшую благодарность» за взимание беззаконных податей с государственных крестьян («Колокол», л. 73 от 15 июня 1860 г., стр. 607).

[7] Слух подтвердился. Военный и гражданский губернатор Ярославля кн. А. В. Оболенский был вскоре переведен на ту же должность в Москву. Оболенский вместе с калужским губернатором Арцимовичем считались столпами правительственного либерализма в провинциальной администрации.

144. П. В. АННЕНКОВУ

16 мая 1861. Тверь

Спешу отвечать, многоуважаемый Павел Васильевич, на Ваше милейшее послание. Пароход от Твери до Симбирска отправляется по средам и субботам в 6 часов утра; следовательно, если Вы выедете из Москвы во вторник или в пятницу и пробудете у нас попозднее, то от нас же можете отправиться прямо на пароход ночевать. Каюты бывают на две, на три и на четыре персоны; на одну не бывает; но иногда и совсем кают не бывает, потому что не всегда ходят большие пароходы. Место 1-го класса до Симбирска стоит 36 р. 10 к., вто-

рого класса 21 р. 90 к. и третьего класса 11 р., за багаж платится по 1 р. 50 к. с пуда. За каюты прибавляется 25% с особы, т. е. ежели Вы желаете иметь каюту на два лица, то должны будете заплатить 90 р. 25 к. Предупреждаю Вас также, что места 3-го класса на палубе и очень неудобны. Часто случается, что каюты берутся заранее, и потому Вы весьма бы благоразумно сделали, если бы дали мне знать по телеграфу, когда намерены ехать. Я устроил бы для Вас как следует и, сверх того, мог бы выехать к Вам навстречу на железную дорогу и помочь Вашей неопытности. Нечего Вас уверять, что и я и жена моя будем совершенно счастливы познакомиться с Вашей супругой[1]. Вас же я отменно рад буду видеть, тем более что мне в настоящую минуту так гадко жить, как Вы не можете себе представить. Тупоумие здешних властей по крестьянскому делу столь изумительно, что нельзя быть без отвращения свидетелем того, что делается. Думаю к осени совсем рассчитаться с службой и делаю все распоряжения, чтобы достигнуть этого счастливого результата без особенного для себя урона в материальном отношении[2].

Прощайте, с нетерпением ожидаю Вас и прошу не изменить Вашего намерения о посещении искренно Вас уважающего

Тверь.
16 мая 1861 года.

М. Салтыкова.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В Москве, на Кузнецком мосту, в гостинице «Россия». *Почтовые штемпеля:* Москва 17 мая 1861 *и* Николаевская ж. д. 17 мая 1861. *Помета П. В. Анненкова карандашом:* Салтыков 1861.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 2, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 23—24.

В связи с очередной поездкой П. В. Анненкова в Симбирскую губернию, где находилось его имение, «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», секретарем которого он был выбран (10 марта 1861), поручило ему устройство агентства «Общества...» в Симбирске «и вообще привлечение ученых и литераторов Приволжского края к содействию и участию в Обществе» (см. «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Список его членов в 1859—1884 гг.», СПб., 1885, стр. 2). Поручение это, несомненно, было одной из тем бесед Анненкова с Салтыковым при их свидании в Твери.

---

[1] Анненков был женат на Глафире Александровне Ракович.

[2] Закулисное участие Салтыкова в оппозиционном движении тверских либералов, ставшее известным властям, заставило его «рассчитаться с службой» (все еще, как оказалось потом, не окончательно) раньше, чем он намеревался. Он подал прошение об отставке, которое было принято 20 января 1862 года. См. письмо 153.

145. П. В. АННЕНКОВУ

19 мая 1861. Тверь

По получении письма Вашего, многоуважаемый Павел Васильевич, я принялся за исполнение Вашего поручения, причем встретились следующие обстоятельства. В последние дни Волга так обмелела, что правление «Самолета» не знает, придет ли снизу к среде большой пароход, или же должно будет отправлять пароходы плоскодонные до Казани и там сдавать пассажиров на большие пароходы. У плоскодонных пароходов нет семейных кают, а есть особые каюты мужские и особые женские. С другой стороны, если и придет большой пароход, то может случиться так, что в нем будет семейная каюта только на 3 и на 4 лица, Вам же невыгодно будет брать такую для себя. Итак мой совет Вам следующий: во всяком случае, приезжайте в Тверь во вторник, и во вторник же утром я возьму для Вас билеты на пароходе на среду до Симбирска; если можно, в каюте на двух и одно место во втором классе; если же пароход будет плоскодонный, то возьму просто два билета в 1-м классе, и супруга Ваша будет в дамской каюте.

Отпишите мне, пожалуйста, с почтой в воскресенье, как Вы признаете мое предположение[1]. Ожидаю Вас с величайшим нетерпением, тем более что Вы пишете о разных литературных невзгодах[2], которых я совсем не знаю, а между тем собираюсь послать одну штуку[3] и желал бы наперед знать, чего держаться. В Петербурге ли Некрасов?

Весь ваш

М. Салтыков.

Тверь.
19 мая 1861 г.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В Москве, на Кузнецком мосту, в гостинице «Россия». *Почтовые штемпеля:* Тверь 19 мая 1861; Москва 20 мая 1861. *Помета П. В. Анненкова карандашом:* Салтыков 1861.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 2, лл. 4—6.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 25.

---

[1] «Предположение» было одобрено, и Анненков с супругой приехали в Тверь во вторник 23 мая. Уже из Симбирска Анненков писал Тургеневу 4 июня: «В Твери нас встретил Салтыков и устроил пароход, накормив превосходным ужином...» («Труды публичной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 3, М., 1934, стр. 121).

[2] Возможно, Анненков имел в виду резкое усиление политического контроля над печатью, предписанное апрельским циркуляром цензурного ведомства.

[3] В пределах известного материала слова об «одной штуке» могут быть отнесены только к памфлетному очерку из нового «глуповского цикла» — «Клевета», хотя напечатана была эта сатира лишь осенью (*Совр.,* 1861, № 10).

146. Д. Е. САЛТЫКОВУ

3 июня 1861. Тверь

Спешу отвечать тебе, любезный друг и брат, на письмо твое. Твой мировой посредник Юрьев, но не Сергей, а Николай Андреевич, а Сергей Андреевич у него кандидатом. Калязинские мировые посредники уже вступили в должности. Спасско-салтыковская волость образована; в нее вошли: твое Спасское имение, а также Бревново и Беляевка, и туда же причислено Чириковское имение все. Центр волости в Спасском. Но Семеновская и Артемьева вошли в волость Семеновскую, которой центр у Семена святого, а Курилово вошло в Ермолинскую волость. Я думаю, что Курилово также легко будет перечислить в Семеновскую волость, но к Спасской волости перечислить эти деревни будет затруднительно, как по причине дальности расстояния, так и по случаю перерыва другими помещичьими имениями. В Семеновской волости мировым посредником брат Илья. Так как ты сам будешь в деревне, то тебе виднее будет, каким образом это лучше сделать, и в таком случае ты напишешь в губернское присутствие; но думаю, что семеновские крестьяне и куриловские будут роптать на причисление их к Спасской волости.

А тебе не мешает и даже очень не мешает побывать в деревне, потому что, как я слышал от маменьки, бывшей у нас в мае проездом из Москвы, крестьяне твои не совсем покойны и плохо платят оброки.

Очень жалею, что тебе нельзя будет остановиться у нас

проездом в деревню, но, во всяком случае, предупреди меня, когда ты выедешь, потому что я приеду на станцию, чтобы видеться с тобой. Это весьма можно удобно сделать посредством телеграфа.

Я думаю 8 июля побывать в Ермолине и оттуда пробраться в Заозерье для составления уставной грамоты[1]. Конечно, побываю и у тебя во Спасском и посмотрю на твое устройство.

Сделай милость, понудь Ермакова к сбору оброков; он мартовскую треть совсем еще не начинал, а она уже к концу подходит. Неужели же нет никаких мер против этого?

Очень рад, что сестрица Адель поправляется здоровьем; надеюсь, что деревенский воздух послужит для нее в большую пользу. Как же ты думаешь? совсем ли оставить Петербург и поселиться в Москве, как предполагал прежде, или же ехать за границу? О Гринвальдах никакого слуха; если сватовство Сережи расстроилось, то не мешало бы, кажется, хоть уведомить его об этом.

Прошу тебя от меня и жены поцеловать добрую и милую сестрицу и всех детей. Затем прошу тебя верить искренности моей братской любви к тебе и остаюсь навсегда любящий тебя брат

Михаил Салтыков.

Тверь. 3 июня 1861 года.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 47, лл. 45—46. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 161—162.

---

[1] Девятнадцать селений ярославского имения М. Е. и С. Е. Салтыковых, находившегося, как сказано, в общем владении братьев, были разделены при проведении реформы на две сельские общины. Одну составило село Заозерье (645 душ), другую — восемнадцать мелких деревень (708 душ). Соответственно этому были составлены только две уставные грамоты. Размежевание земельных угодий было предоставлено самим крестьянам. Составление уставных грамот затянулось. Одна — по деревням, была введена в действие 5 мая, другая — по Заозерью, 26 июня 1862 года.

147. Е. И. ЯКУШКИНУ

7 июня 1861. Тверь

Тверь. 7 июня.

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за сообщение сведений по имению Кафтыревых. В настоящее время, я, к сожалению, не могу оставить Твери, чтобы лично

осмотреть это имение, и потому поручил этот осмотр моему брату. По всей вероятности, он явится к Вам, и я надеюсь, что Вы не откажете ему в совете и содействии в этом важном для меня деле [1].

Крестьянское дело идет в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской. В течение мая месяца было шесть экзекуций; в одной выпороли 17 человек, в другой троих, в третьей двоих; в трех случаях солдатики постояли-постояли и ушли [2]. Но с тех пор, как вступили в должность мировые посредники, потребность в экзекуциях начинает ослабевать. Гр. Баранов, очевидно, действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин, который рассвирепел ужасно и с которым, вследствие сего, я перестал кланяться. Вам, быть может, покажется ребячеством с моей стороны подобная штука, но увы! я и до сих пор не всегда умею скрывать свои чувства, особенно если это чувства омерзения. Свирепость Коробьина произошла оттого, что он получил известие, что в Михайловском уезде (Рязанской губ.) *где у него находится имение,* крестьяне ворвались в земский суд и стоптали исправника. Отсюда ярость, отсюда приурочение личной боязни к принципу общему [3]. «Это они пробуют свои силы!» — вопиет Коробьин.— «Свои силы», бессознательно повторяет Баранов и вслед за этим краснеет. И, несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усовещевать его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; [4] но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой; вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды.

Об Арнаутовском погроме нам кое-что известно и здесь [5]. Командир полка, бывшего на экзекуции, доносил начальнику дивизии (полк квартирует в Кашине), что один эскадрон еще оставлен в имении, с таким распоряжением: выводить людей каждый день на барщину и каждый же день резать по крестьянской корове на мясные порции. Дуббельт, перед отправлением в экспедицию, был в Твери и говорил другу своему Баранову: «Я стрелять не стану, а только всех их кур и коров передушу». И Баранов ничего, даже не замахнулся на своего друга, даже не назвал его сукиным сыном. Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие.

Еще одна новость; Вам, вероятно, известно дело калужского Арцимовича; теперь оно кончилось [6]. Государь вызывает <?> его для объяснений в Москву и одобрил его действия. Арцимович еще ни разу не посылал команды. Что на него жаловались дворяне — это не диво, но даже соседние губерна-

торы доносили, что им житья нет от того, что Арцимович не порет. Имена этих достойных сановников: П. М. Дараган и А. П. Самсонов[7]. Оболенского жаль действительно; кто на его место — еще неизвестно.

Прощайте; быть может, в июле увидимся.

Весь ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, лл. 3—4.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 285, 286, 288.

---

[1] О судьбе этого дела см. прим. 2 к письму 143.

[2] Эти строки — одна из множества иллюстраций к тому, как занижались официальной отчетностью сведения о крестьянских волнениях и их усмирениях в годы реформы. По материалам Департамента генерального штаба, в мае 1861 года в Тверской губернии воинские команды для ликвидации очагов крестьянских волнений посылались не *шесть* раз, как сообщает полностью информированный Салтыков, а будто бы три раза. Согласно этим материалам, в Корчевский уезд было послано 8 мая два эскадрона, в Кашинский — 25 мая — три эскадрона и в Бежецкий — 23 мая — два эскадрона (*ЦГВИА,* ф. 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 2, лл. 237, 457 и 458).

[3] Эту тему Салтыков вскоре разработал в очерке «К читателю» (*Совр.,* 1862, № 2, см. в т. 3 наст. изд.).

[4] Вероятно, речь идет о том «энергическом протесте» Салтыкова, о котором он сообщал Якушкину в письме 143.

[5] Крестьяне угличского уездного предводителя дворянства Арнаутова, находившиеся в большом притеснении у помещика, отказались «после объявления воли» от исполнения полевых работ и внесения оброка в прежних размерах. На угрозы командированного из Петербурга флигель-адъютанта генерал-майора Дуббельта 3-го прислать несколько эскадронов драгун, которые будут жить на продовольствии крестьян, последние отвечали, что не боятся прихода и «целой дивизии». Тогда Дуббельт получил от царя разрешение судить арнаутовцев военным судом. Однако до суда дело не дошло. После того как в некоторые деревни были введены войска, арестованы и наказаны (поркой) зачинщики, крестьяне, по словам рапорта, «покорились и стали работать на помещика». Эпицентр событий — село Ворошилово — находился в верстах десяти от села Заозерья, имения М. Е. и С. Е. Салтыковых.— *ЛН,* т. 13—14, стр. 286, 288.

[6] Калужский губернатор В. А. Арцимович — «лучший губернатор России», по отзыву Герцена («Колокол», л. 112 от 15 ноября 1861, стр. 940),— вступил, после обнародования реформы, в борьбу с крупным местным землевладельцем и заводчиком генерал-майором С. И. Мальцовым. Арцимович выступил в защиту крестьян и намеревался отдать имение Мальцова под опеку, чем навлек на себя ненависть не только со стороны помещиков и

администраторов крепостников, но и нового министра внутренних дел П. А. Валуева, снарядившего сенаторскую ревизию губернии.

[7] Оба названных губернатора — тульский (Дараган) и смоленский (Самсонов) «прославились» кровавыми, «апраксинскими» (село Бездна) методами борьбы с крестьянскими волнениями.

148. Н. А. НЕКРАСОВУ

6 ноября 1861. Петербург

Извините, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я не могу воспользоваться приглашением Вашим обедать завтра вместе в трактирном заведении. По обстоятельствам, мне необходимо ехать завтра в Тверь [1].

Цензор так хорошо пропустил «Клевету», что это меня поощряет [2]. Нельзя ли остальные две вещи пустить обе вместе в ноябрьской книжке? Если можно, то пришлите мне цензорскую корректуру в Тверь, откуда я возвращу к Вам в самом скором времени [3].

Во всяком случае, к февралю или марту пришлю Вам что-нибудь новое [4].

Весь ваш

6 ноября. С. Петербург. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 338, оп. 1, № 69, л. 6.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 319.

---

[1] Салтыков приезжал в Петербург из Твери осенью 1861 года для объяснений с Добролюбовым, Чернышевским и Некрасовым по поводу так называемой «обручевской истории» (*Макашин II,* стр. 368—384). Он остановился «в Итальянской, дом Шагидера» и пробыл в столице неделю: с 1-го или 2-го по 7 ноября (*Некрасов,* т. 10, стр. 459 — письмо неправильно датировано здесь «началом октября»; нужно: «3 ноября 1861 г.»).

[2] *Совр.,* 1861, № 10 (ценз. разр.— 5 ноября). «Клевета» — одна из сатир распавшегося «глуповского цикла», введенная в книгу «Сатиры в прозе». Совсем без цензурных вмешательств дело, однако, не обошлось. См. т. 3 наст. изд., стр. 467—468.

[3] В *Совр.,* 1861, № 11 (ценз. разр.— 7 декабря) появился лишь один очерк — «Наши глуповские дела». Второй «вещью» была не пропущенная тогда цензором статья «К читателю». Салтыков взял с собою ее корректурные гранки для доработки. См. т. 3 наст. изд.

[4] Салтыков выполнил свое обещание. Однако присланные им статьи «Глупов и глуповцы», «Глуповское распутство» и «Каплуны» при жизни писателя опубликованы не были. См. т. 4 наст. изд. и письма 154 и 156.

149. П. В. АННЕНКОВУ

23 ноября 1861. Тверь

Многоуважаемый Павел Васильевич!

На письмо Ваше считаю долгом отозваться, что я справлялся о положении Елены Матвеевны Ходаковской [1], и результат этих изысканий следующий. Г-жа Ходаковская лишена *решительно* всяких средств к существованию и в настоящее время пропитывается лишь при помощи общественной благотворительности. Ей около 70 лет, а потому, по старости и крайней слабости здоровья, трудов никаких нести не может. С начала нынешнего года она находится в богадельне, устроенной графиней Барановой [2] частным образом и содержимой на счет случайных пожертвований. Так как источники, на счет которых содержится это заведение, весьма ненадежны и притом весьма скудны, то понятно, что и содержание находящихся в нем женщин не завидно. Расспрашивая г-жу Ходаковскую о том, чем может быть полезно ей общество литерат<урного> фонда, я узнал, что она была бы весьма обязана, если бы ей была определена пенсия рублей по 60 в год. Это дало бы ей средство оставить богадельню и приютиться в частном доме, с уплатой рублей по 5 в месяц за свое содержание. Если же общество не может этого для нее сделать, то я полагал бы оказать ей пособие рублей в 150, так как она весьма нуждается в белье и носильном платье. Из этого Вы видите, что положение этой женщины одно из самых безотрадных. Пенсии и никаких вообще доходов она ниоткуда не получает.

Что касается до напоминания Вашего насчет статьи для детского сборника, то хотя я начал писать, но не могу с достоверностью сказать, скоро ли пришлю. Я чувствую себя тупым и ленивым; думаю даже, что вовсе должен буду оставить литературные труды. Но статейку пришлю во всяком случае. Если придет вовремя и будет признана удобною, то воспользуйтесь ею; если же придет поздно, то разорвите [3].

Прошу Вас засвидетельствовать от меня и от жены почтение супруге Вашей.

Душевно Вас уважающий

М. Салтыков.

Тверь.
23 ноября.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, на углу Владимирской и Графского переулка, в доме Граве. *Почтовые штемпеля:* Тверь 24 ноября 1861 *и* С. Петербург 25 ноября 1861. *Помета Анненкова карандашом:* Салтыков 1861.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 21—23.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 26—27.

---

[1] Анненков запрашивал Салтыкова о Е. М. Ходаковской как секретарь и член комитета Литературного фонда. Она была вдовой археолога и историка З. Я. Доленга-Ходаковского (Адама Чарноцкого), лишенного дворянства, сосланного в солдаты в Сибирь и умершего, после возвращения из ссылки, в Тверской губернии.

[2] Супругой губернатора.

[3] Биография Салтыкова не располагает никакими другими сведениями о начатой им статье для какого-то «детского сборника».

150. П. В. АННЕНКОВУ

3 декабря 1861. Тверь

Сердечно благодарен Вам, многоуважаемый Павел Васильевич, за Ваше участие в судьбе Ходаковской. По крайней мере, эта бедная женщина будет иметь возможность освободиться от богадельни. Деньги за первую половину года вышлите лучше на мое имя или на имя графини Анны Алексеевны Барановой, а на имя самой Ходаковской не высылайте, потому что для бедных людей получение денег с почты представляет всегда некоторые затруднения. Само собой разумеется, что ни я, ни графиня Баранова не имеем намерения опекать Ходаковскую и выдавать ей деньги по частичкам, но отдадим ей всю сумму сполна.

Смерть Добролюбова меня потрясла до глубины души, хотя, видев его в начале ноября, я и ожидал этого известия [1]. Да, это истинная правда, что жить трудно, почти невозможно. Бывают же такие эпохи. Моя «Клевета» взбудоражила все тверское общество и возбудила беспримерную в летописях Глупова ненависть против меня. Заметьте, что я не имел в виду Твери, но Глупов все-таки успел поднюхать себя в статье. Рылокошения и спиноотворачивания во всем ходу. То есть не то чтобы настоящие спиноотворачивания, а те, которые искони господствовали в лакейских. Шушукают и хихикают, пока барина нет, а вошел барин — вдруг молчание, все смешались и глупо краснеют: мы, дескать, только что сию минуту тебя обгладывали [2].

Весь ваш

М. Салтыков.

Не поедете ли Вы как-нибудь в Москву? Вы меня истинно облагодетельствовали бы, если бы заехали в Тверь. Есть одно обстоятельство, которое мне хотелось бы передать Вам, обстоятельство очень важное, но которое не желаю передать бумаге [3].

Тверь.
3 декабря.

На конверте: Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, на углу Владимирской и Графского переулка, в доме Граве. *Почтовый штемпель:* 3 декабря 1861; *Печать с гербом Салтыкова. Помета Анненкова карандашом:* Салтыков 1861.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 24—26.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 27—28.

---

[1] Салтыков посетил Добролюбова для объяснений по драматической «обручевской истории», когда он уже не поднимался с постели (умер в ночь с 16 на 17 ноября).

[2] После появления в печати салтыковской «Клеветы» представитель в Твери III Отделения, жандармский штаб-офицер подполковник Симановский, докладывал своему начальству: «...заслуживает внимания неприятное и не в пользу вице-губернатора Салтыкова впечатление, произведенное на общество статьею его «Клевета», напечатанной в № 10 „Современника...“» («Русская мысль», 1906, № 1, стр. 38).

[3] Этим «обстоятельством», скорее всего, была либо «обручевская история», либо предстоящий в середине декабря съезд мировых учреждений губернии, оказавшийся вершиной в оппозиционном движении тверских либералов. См. *Макашин II,* стр. 385—397.

151. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 декабря 1861. Тверь

Посылаю Вам, уважаемый Николай Алексеевич, в 3-х пакетах, корректуру «К читателю» с сделанными как в самой корректуре, так и на особых листах изменениями [1]. Надеюсь, что цензор пропустит; если же и затем не пропустит, то лучше совсем не печатать, потому что выйдет бессмыслица [2]. Я писал к Вам не раз и предлагал некоторые вопросы, но ответа от Вас нет [3].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Тверь. 25 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 5765, № 61, л. 1.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи*, стр. 176—177 (без указания года). Повторная публикация: *Неизданные письма*, стр. 19 (с полной датой).

---

[1] Корректурные гранки статьи «К читателю», с авторской правкой, вызванной замечаниями цензора, неизвестны. Но «особые листы» — три рукописных фрагмента — сохранились (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 1, № 54).

[2] Салтыков надеялся, что статья, предназначавшаяся еще для ноябрьской книжки *Совр.*, но задержанная цензорскими замечаниями, появится после сделанных изменений в январской книжке за 1862 год (см. письмо 152). Но «К читателю» появилось лишь в февральской книжке журнала.

[3] Эти письма и содержание находившихся в них «некоторых вопросов» неизвестны.

1862

152. В КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

3 января 1862. Тверь

Имею честь покорнейше просить контору «Современника» высылать мне в настоящем году этот журнал в Тверь, по прежнему адресу, впредь до особого уведомления [1], поставив цену журнала и пересылки мне на счет.

Вместе с тем покорнейше прошу контору уведомить меня, будет ли помещена в январской книжке «Современника» статья моя «К читателю» в том виде, как она мною исправлена [2].

Тверь. *М. Салтыков.*
3 января 1861 <?> года.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 37, л. 1.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 28. Салтыков ошибочно датировал письмо 1861 годом. Год устанавливается по упоминанию о напечатании очерка «К читателю» (*С,* 1862, № 2).

---

[1] Салтыков собирался уйти в четырехмесячный отпуск, намереваясь, видимо, провести его не в Твери (*Макашин II,* стр. 399).

[2] См. письмо 151 и прим. к нему.

153. ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ГОРОДА ТВЕРИ И ТВЕРСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ СВИТЫ Е. И. В. ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ГР. П. Т. БАРАНОВУ

20 января 1862. Тверь

Его сиятельству, господину начальнику
Тверской губернии
Тверского вице-губернатора
статского советника
Михаила Евграфова Салтыкова

Прошение

По домашним обстоятельствам и крайне расстроенному здоровью не имея возможности продолжать службу, считаю долгом покорнейше просить ходатайства Вашего сиятельства об увольнении меня от оной.

При сем прилагаю лист девяностокопеечного достоинства, для написания мне аттестата.

Тверской вице-губернатор
статский советник
Салтыков.

Тверь, 20 января 1862 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА, «Дело» № 19,* л. 6.
Впервые опубликовано (по копии): *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 54.

Прошение об отставке скрывает причины, заставившие Салтыкова оставить службу несколько раньше, чем он намеревался это сделать. Подлинные причины отставки остаются документально не вполне установленными. Несомненно, однако, что они связаны с участием Салтыкова в движении «тверской оппозиции», ставшем известным властям (*Макашин II,* стр. 385—404). Отставка была принята «высочайшим указом» 9 февраля 1862 года. После отставки, до весны, Салтыков продолжал жить в Твери.

154. Н. А. НЕКРАСОВУ

21 февраля 1862. Тверь

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, еще две статьи, которые я просил бы Вас напечатать в мартовской книжке, разумеется, если это возможно[1]. До Святой я пробуду в Твери[2], следовательно, просил бы Вас цензорские корректуры прислать мне туда. Позвольте мне еще одну просьбу:

нельзя ли прислать мне с Европеусом 1000 р. По моему счету, с напечатанием «К читателю», за редакцией будет 330 р., а так как я теперь высылаю Вам материалу около 3-х листов, то с высылкою просимой мной суммы, за мною будет весьма небольшой долг, который я и потщусь заработать.

Весь Ваш

21 февраля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, ед. хр. 31, л. 1. Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 29.

---

[1] «Глуповское распутство» и «Каплуны». За несколько дней до отправки их в *Совр.* Некрасову была послана статья «Глупов и глуповцы». Салтыков просил напечатать все три статьи вместе, поставив «первым номером» «Глупов и глуповцы», как вступление к начатому им циклу «глуповских» очерков. Однако рукопись «Глупов и глуповцы» затерялась в редакции и не попала ни в набор, ни в цензуру. Другие же две статьи, набранные для майской книжки *Совр.,* были запрещены (см. в наст. изд. т. 4, стр. 547—548; о дальнейших попытках напечатать статьи — там же, стр. 556—557).

[2] То есть до конца марта. Однако из письма к Чернышевскому от 14 апреля (156) видно, что уехал Салтыков из Твери около 19 апреля.

155. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

30 марта 1862. Тверь

Тверь. 30 марга.

Милостивый государь Федор Михайлович.

По обещанию, имею честь послать Вам две драматические сцены, которые просил бы Вас, если найдете это возможным, напечатать в апрельской книжке журнала «Время»[1]. Что касается до гонорария, то прошу Вас определить его самим, не стесняясь ничем. Вы бы весьма меня одолжили, если б прислали мне на просмотр цензорские корректуры. До 17 апреля я пробуду еще в Твери, а потом переберусь в Москву и в то время сообщу Вам свой адрес.

Примите уверение в совершенной преданности искренно Вас уважающего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 212, оп. 1, № 94, л. 1.

Впервые опубликовано: «Из архива Ф. М. Достоевского». Письма русских писателей. М.—П., 1923, стр. 99.

---

[1] Салтыков послал Достоевскому две ранее написанные сцены из «Недавних комедий»: «Съезд» или «Соглашение» (1859) и «Погоня за счастьем» (1861). Появились в печати в журнале бр. М. и Ф. Достоевских «Время», 1862, № 4 (ценз. разр.— 6 апреля).

156. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

14 апреля 1862. Тверь

Милостивый государь Николай Гаврилович.

Вероятно, Вам известно, что я вместе с Унковским и Головачевым задумал издавать с будущего года в Москве журнал, который будет выходить два раза в месяц[1]. Независимо от официальной программы, уже поданной в московский цензурный комитет[2], мы предполагаем с августа приступить к печатанию объявления, в котором с большою ясностью выразится как цель издания журнала, так и самое направление его. Препровождая при сем проект этого объявления, мы просим Вас сообщить нам Ваше искреннее мнение об нем и не оставить нас Вашими советами[3]. Глубоко ценя и уважая Вашу честную общественную деятельность, мы заранее можем ручаться, что замечания Ваши будут приняты нами с величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Вас, чтобы я писал это письмо лишь от своего имени: А. И. Европеус может удостоверить Вас в противном, но дело в том, что я и будущие мои соредакторы покуда рассеяны в разных местах по лицу России. Если Вы найдете свободную минуту, чтоб удовлетворить нашей покорнейшей просьбе, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мне, так как я на будущей неделе уезжаю из Твери в деревню[4] и не могу еще положительно определить свой адрес. Впрочем, до 19 числа еще пробуду в Твери.

Вместе с тем позвольте нам заявить надежду, что, хотя по отношениям своим к «Современнику» Вы и не можете принять деятельного участия в нашем журнале, но не откажете нам в сотрудничестве, которое для нас особенно важно, как доказательство Вашей симпатии к задуманному нами делу.

Теперь позвольте мне обратиться к Вам с просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасов, с которым я виделся в Москве[5], сообщил мне, что редакция «Современника» пред-

полагает находящиеся в ее распоряжении три моих рассказа разделить на два номера, т. е. напечатать их в апрельской и майской книжках[6]. По словам Некрасова, это сделано в том внимании, что рассказы займут много места. Но я убежден, что все рассказы, вместе взятые, не займут более $3^1/_2$ печатных листов, и если это только возможно, то просил бы Вас убедительнейше пустить их все в апрельской книжке. Это для меня необходимо по многим соображениям, которые я объяснил лично Н. А. Некрасову. Но каково бы ни было решение Ваше по этому предмету, во всяком случае прошу Вашего распоряжения насчет высылки ко мне цензорских корректур: или в Тверь, если они уже готовы, или на имя Плещеева, если они будут готовы не раньше 19 числа. Я возвращу их с первой почтой. Еще одна просьба: так как я уезжаю из Твери, то нельзя ли прекратить высылку «Современника» на мое имя, а вместо того прислать мне билет на получение журнала из Московской конторы.

С истинным почтением и с совершенной преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

М. Салтыков.

14 апреля 1862 г. Тверь.

Печатается по тексту первой публикации: «Былое», 1906, № 2, стр. 250—251.

Подлинник неизвестен.

Настоящее письмо вместе с письмами 157 и 159 относятся к важному эпизоду в биографии Салтыкова — к его попытке создать, после ухода с государственной службы, новый литературно-политический журнал и руководить им. Журнал должен был называться «Русская правда». Его главным назначением было стать органом общенациональной демократической оппозиции, журнальной трибуной для «всех» групп и направлений «великой партии прогресса». Подробнее о целях издания и об истории этого запрещенного начинания см. Приложения, IV, и *Макашин II,* стр. 481—494.

---

[1] Как в инициативе создания нового журнала, так и в выработке его программы и в организационных хлопотах доля А. М. Унковского и А. А. Головачева, а также А. И. Европеуса — трех вожаков тверских либералов — была невелика. Душою дела был Салтыков.

[2] Салтыков еще не знал, что подача прошения и «программы», датированных мартом, задержалась в Москве до 21 апреля.

[3] Как отнесся Чернышевский к обращенным к нему просьбам и предложениям, остается неизвестным.

[4] В Витенево. Однако последующие апрельское и майское письма Чернышевскому и Утину (157—159) помечены Москвой.

[5] В середине марта.

[6] Речь идет все о тех же трех статьях «глуповского цикла»: «Глупов и глуповцы», «Глуповское распутство» и «Каплуны». Все они предназначались автором сначала для мартовской, потом для апрельской книжек *Совр.*, но ни одна из них не появилась тогда в печати. См. письмо 154, прим. 1.

157. Б. И. УТИНУ

28 апреля 1862. Москва

Милостивый государь Борис Исакович!

В последнее свидание наше Вы сказали мне, что не прочь были бы принять материальное участие в предположенном мною и гг. Унковским и Головачевым журнале, с тем чтобы Вам предоставлена была редакция политического обозрения и с тем чтобы Вам можно было продолжать жить в Петербурге. Это желание Ваше я передал моим сотоварищам, которые с величайшею охотою принимают Ваше обязательное предложение и просят меня заявить Вам, что пребывание Ваше в Петербурге не может иметь никакого влияния на тот отдел, который Вы берете в свое распоряжение, тем более что все мы в этом случае вполне Вам доверяем. Было бы желательно также, чтобы Вы приняли на себя критический обзор русских и иностранных сочинений, а также журнальных статей по тем отраслям наук, которые Вы найдете более для себя близкими, а также чтение присылаемых в журнал статей по тем же предметам. Материальное участие каждого из нас заключается в том, что мы вносим в общую кассу по 5 т. р. и обязуемся деньги эти доставить в половинном количестве к сентябрю, а другую половину к январю будущего 1863 года. Если Вы найдете для себя удобным такое же участие, то мы будем этому очень рады. Прибыли от журнала мы предполагаем делить так: прежде всего 6% на капитал до тех пор, пока он не будет возвращен, а остальное по мере участия и работ каждого из соредакторов.

Прошение о разрешении журнала нами уже подано и в понедельник пошло из Московского цензурного комитета к министру нар<одного> просвещения. Не будете ли Вы так добры справиться о положении этого дела и, если возможно, ускорить разрешением его.

Посылаю Вам программу журнала, не ту, которая подана нами в цензурный комитет, а ту, которую мы предполагаем

печатать при открытии подписки. Просим Ваших замечаний на нашу программу[1]. Во всяком случае, ожидаю Вашего ответа, который и прошу Вас адресовать так: Алексею Николаевичу Плещееву, на Плющиху, в доме Дараган, с передачею такому-то.

Примите уверение в совершенной преданности уважающего Вас

М. Салтыкова.

NB. Журнал будет издаваться 2 раза в месяц. Цена — 12 р. за экземпляр с пересылкою.

Москва. 28 апреля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 4, № 5, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 30—31.

---

[1] Утин выполнил обе просьбы: справился в Министерстве просвещения, в каком положении находится вопрос о «Русской правде», и сообщил свои замечания на программу журнала. См. письмо Утина к Салтыкову от 6 или 7 мая 1862 года (известное лишь в черновике, с утраченным окончанием): *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 376—377 (с широкой датой: «Половина мая»).

158. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

29 апреля 1862. Москва

Милостивый государь Николай Гаврилович.

Возвращая корректуры, прошу Вас извинить меня, что так долго продержал их: дело в том, что я был в деревне в то время, как <они> были присланы. Мне кажется, что Вы придаете «Каплунам» смысл, которого они не имеют. Тут дело совсем не об уступках, а тем менее об уступках в сфере убеждений, а о необходимости действовать всеми возможными средствами, действовать настолько, насколько каждому отдельному лицу позволяют его силы и средства. Эту же самую мысль я провел в имеющейся у Вас программе предполагаемого нами журнала. По моему мнению, главное теперь — единство действия и дисциплина. Если будет существовать эта последняя, то, само собой разумеется, устранится возможность множества ошибок.

Впрочем, я желаемые исправления сделал.

Очень жаль, что Вы не прислали мне цензорскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано.

Соболезную также о пропаже одной моей статейки. Если она сыщется, то потрудитесь напечатать ее вместе с прочими

первым номером. Эта статейка не более полулиста займет, и печатать ее особо не стоит. Если же она не найдется ко времени, то не печатайте совсем; я тисну ее где-нибудь в газетке.

Сделайте одолжение, прикажите выслать мне несколько оттисков прилагаемых статей и несколько оттисков «К читателю».

С истинным уважением имею честь быть
покорнейшим Вашим слугой

Москва. 29 апреля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 1, оп. 1, № 478.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 288—290.

«Каплуны» — одно из самых проблемно-острых произведений Салтыкова начала 60-х годов, предназначавшихся для *Совр.,*— были запрещены цензурой. Но еще до того, как решение властей стало известно редакции, Чернышевский обратился к автору с просьбой внести в текст некоторые изменения. «Желаемые исправления» были сделаны. Однако обстоятельства исторического момента — весной 1862 года русские революционеры жили ожиданием всеобщего крестьянского восстания — заставили, по-видимому, Чернышевского изменить первоначальное решение о публикации «Каплунов». Позднее, в письме к А. Н. Пыпину от 6 апреля 1871 года (311), Салтыков, напомнив о главной идее произведения («следует из тесных рамок сектаторства выйти на почву практической деятельности»), сообщил: «Н<иколай> Г<аврилович> <...> писал ко мне по этому случаю, оспаривал меня и убедил взять очерк назад. Но он ни одним словом не обвинял меня, и я счел, что тут скорее идет речь о *несвоевременности,* нежели о внутреннем достоинстве идеи». Письма и замечания Чернышевского о «Каплунах» неизвестны, но установлены те места текста очерка, которые вызвали его возражения и были либо удалены, либо переработаны Салтыковым (*Макашин II,* стр. 445—461). «Соболезнование» о пропаже одной «статейки» относится к «Глупову и глуповцам». Рукопись вскоре нашлась, но напечатана не была и увидела свет лишь в 1926 году. См. т. 4 наст. изд.

159. Б. И. УТИНУ

16 мая 1862. Москва

Москва, 16 мая.

Извините, пожалуйста, многоуважаемый Борис Исакович, что так долго не отвечал на письмо Ваше[1]. Дело в том, что я все время был в деревне, и письма Ваши получил только на днях. Отказ в разрешении издавать журнал мы уже получили через Цензурный комитет, и нет нужды Вам пересказывать, какое горестное впечатление произвело на всех нас сие отвра-

тительное происшествие. Следует полагать, что причина отказа есть только маска, под которою неискусно скрыто нежелание отдать журнал именно нам[2]. Теперь представляется два пути приблизиться к журнальному ремеслу: взять или «Московский вестник» или «Век». Насчет «Московского вестника» мы уже входили в переговоры с его владельцем, неким г. Козловым. Он отдан был на подержание («Русской речи», у которой до того не было политического обозрения)[3]. Программа «Моск<овского> вестн<ика> очень обширная, а уступает его владелец весьма выгодно, т. е. соглашается ничего не брать, покуда журнал не будет приносить чистого дохода, а впоследствии, когда будет чистый доход, то выговаривает себе из него 10%. Теперь дело состоит в том, чтобы от г. Феоктистова, последнего редактора «Моск<овского> вестн<ика>», получить согласие, в виде общего прошения со мною (Ст. сов. М. Евгр. Салтыков) и Головачевым (Кол. регистратор Аполлон Филиппович), которым бы он передавал нам редакторство «Моск<овского> вестн<ика>». Если он согласен, то пусть пришлет подписанное им прошение на имя Плещеева или Козлова, а мы его здесь подпишем. Не можете ли Вы взять на себя труд уговорить его сделать это? А затем мы уже от себя будем просить, чтобы из еженедельной газеты сделать журнал, выходящий два раза в месяц. «Московский вестн<ик>» не прекращен, а только временно приостановлен, следовательно, наивно думать, чтоб и в этой просьбе отказали. На всякий случай, не можете ли Вы подхлопотать об этом у тех, от которых это дело зависит. Что касается до «Века», то об этом Унковский уже писал к Елисееву и спрашивал, на каких условиях журнал этот будет уступлен[4]. Так как письмо послано только вчера, то Вы весьма бы обязали нас, если б вошли с г. Елисеевым в личное сношение по этому предмету.

Замечания Ваши на программу будут приняты к соображению, когда нам будет разрешен журнал. Вообще ее во многом надо будет изменить. Не будете ли Вы так добры уведомить меня, когда возвратитесь из-за границы. Перед печатанием объявления не худо бы нам собраться всем вместе и обсудить это дело. Думаю, впрочем, что существенного разномыслия не встретится. Извините, пожалуйста, что затрудняю Вас делом, которое, быть может, и результата никакого иметь не будет. На отказ в разрешении нам журнала мы на днях принесем в Сенат жалобу[5]. Укажем на разрешение «Голоса» и «Современного слова».

Прощайте, будьте здоровы; крепко жму вашу руку.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 1181, оп. 2, № 1, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 20.

---

[1] См. прим. 1 к письму 157.

[2] Отказ в разрешении на издание журнала был мотивирован формально: «по случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания» (из отношения министра просвещения А. В. Головнина в Московский цензурный комитет от 5 апреля 1862 г.— «Красный архив», 1923, № 4, стр. 397). В действительности журнал не был разрешен по политическим причинам. Власти не хотели создания нового органа демократически-оппозиционного направления, в котором все предполагаемые руководители и главные участники побывали в ссылке — Салтыков, Унковский, Европеус, Плещеев.

[3] В январе 1862 года двухнедельный журнал «Русская речь» объединился с еженедельной газетой «Московский вестник» в одно издание, под ред. Е. М. Феоктистова. Объединенное издание — «Русская речь и Московский вестник» — оказалось недолговечным. Передача его в руки Салтыкова и его компаньонов не состоялась.

[4] Г. З. Елисеев, редактор только что переставшего выходить (но не запрещенного) журнала «Век», пошел навстречу сделанным предложениям. При этом он и Некрасов, в целях соединения «однородных сил» (т. е. демократических сил), выдвинули проект некоей «коалиции» нового московского издания с группой *Совр.* (см. письмо Г. З. Елисеева к А. М. Унковскому от 19 мая 1862 г.— *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 377—379). Однако и эта попытка Салтыкова и его компаньонов получить в свои руки печатный орган осталась без результата.

[5] Жалоба в Сенат не была принесена. О причинах этого Салтыков писал в конце 1862 года (в третьем лице): «Салтыков мог, на общем законном основании, принести жалобу Сенату; почему же он не воспользовался этим правом? А потому просто, что в то время, когда вышел отказ, он думал, что и в самом деле существует какое-то правило о временном неразрешении журналов; когда же он впоследствии убедился, что такого правила нет или что оно нарушается, то срок на подачу жалобы прошел».— *Арсеньев, Материалы...,* стр. 73.

160. А. Н. ПЫПИНУ

Середина декабря 1862. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич. Замеченную вами поправку в статье о «цензуре» я сделал, но вряд ли самая статья пройдет, потому что пошла уже к министру, а это худой знак[1]. Из четырех рассказов, отданных мной в «Современник», цензор и Цеэ пропустили только один: из этого вы можете судить, как приятно мне работать[2]. «Записки башкир-

ца» Некрасов боится печатать, потому что они были присланы в редакцию в 1860 году, и Некрасов не убежден, не были ли они напечатаны в других журналах[3]. Поэтому типография опять без работы. Нет ли чего-нибудь у вас или у Антоновича?[4] У меня хотя есть готовая статья, но она идет под конец книжки[5].

Насчет журналов (толстых) я на днях условлюсь с Антоновичем, как нам их получать. Из газет Некрасов выписал для меня «Московские ведомости» и «Наше время». Сверх того, я получаю лично «Петербургские ведомости». Все эти газеты я по истечении недели буду доставлять вам или Антоновичу. Для вас же и Антоновича Некрасов хотел выписать «Голос» и «Северную пчелу»; сверх того, Антонович будет получать «Очерки». Я просил бы вас газеты эти по истечении недели присылать для просмотра ко мне.

Весь ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 134, оп. 4, № 601, л. 1.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, стр. 466—467.

---

[1] Статья Салтыкова «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год». Статья была напечатана в *Совр.,* 1863, № 1—2, под псевдонимом «Т — н» (Тверянин). Первоначально она называлась «О цензуре». В исправленном виде Салтыков вновь посылал статью Пыпину, о чем свидетельствуют сохранившиеся корректурные гранки с пометами: «2 корр. Декабря 29» и «Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Пыпину» (*ИРЛИ,* ф. 366, оп. 2, № 8).

[2] До сих пор считалось, что Салтыков подготовил для *Совр.,* 1863, № 1—2, три рассказа. Из них один был пропущен: это «Деревенская тишь». И два запрещены: «Глупов и глуповцы. Общее обозрение» и «Каплуны» (в новой редакции). Два запрещенных рассказа были заменены двумя же новыми — «Для детского возраста» и «Миша и Ваня» (см. следующее письмо к Некрасову от 22—26 декабря). В комментируемых же словах Салтыков пишет о четвертом рассказе — сданном и запрещенном. Скорее всего, это было «Глуповское распутство». Вместе с «Каплунами» оно было еще в апреле 1862 года запрещено цензурой. Но вследствие восьмимесячной приостановки *Совр.* Салтыков не знал об этом запрещении и вместе с «Каплунами» (в переработанной по замечаниям Чернышевского редакции), по-видимому, сдал в набор и «Глуповское распутство». Менее уверенное альтернативное предположение может быть отнесено только к рассказу «После обеда в гостях». Но он был напечатан в следующей мартовской книжке *Совр.*

[3] «Заметки башкира о башкирцах» Назарова были напечатаны в *Совр.,* 1863, № 11.

[4] А. Н. Пыпин дал для № 1—2 две статьи: «Процессы о печати в Австрии» и «Наши толки о народном воспитании»; М. А. Антонович — также две: «Литературный кризис» и «Краткий обзор журналов за истекшие восемь месяцев».

[5] Это была первая статья из начатой Салтыковым хроники «Наша общественная жизнь» (см. в т. 6 наст. изд.).

161. Е. И. ЯКУШКИНУ

22 декабря 1862. Петербург

С.-Петербург. 22 декабря.

Многоуважаемый Евгений Иванович.

Позвольте мне еще раз прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбой. Дело заключается в том, что мы подали с братом в Опекунский совет просьбу о разрешении нам продать из угличского нашего имения отдельную пустошь, не вошедшую в состав крестьянского надела села Заозерья с деревнями, с тем чтобы при продаже этой не высчитать с нас долга Опекунскому совету, но перевести его вполне <?> на крестьянский надел.

По заведенному порядку, Опекунский совет отсылает нашу просьбу в Ярославское губернское присутствие с требованием, которого смысл заключается в том, достаточен ли земельный надел и обеспечивает ли он числящийся на имении казенный долг.

Дело в том, что, по желанию крестьян, на наше имение составлены две уставные грамоты; по одной — крестьяне взяли весьма незначительное количество земли, по другой — почти полное количество: но имение заложено в общем составе. Хотя я убежден, что даже и по тому имению, где крестьяне наделены малым количеством земли, следующая нам за него выкупная ссуда все-таки вполне обеспечивает казенный долг, но на всякий случай, если б могли встретиться какие-нибудь в этом деле недоумения, то нельзя ли принять во внимание обе грамоты в совокупности.

Сделайте одолжение, не оставьте этого дела без Вашего содействия и, если возможно, поторопите кого следует ответом Опек<унскому> совету.

Вы весьма бы обязали, уведомив меня о положении дела. Адрес мой: на Васильевском Острову, в 5-й линии, дом Шмита,

или просто в редакцию «Современника», которого я состою в настоящее время одним из редакторов.

Вновь прошу Вас извинить меня за беспокойство и верить полному уважению, с которым я имею честь быть

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 638, лл. 5—6.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 175—176.

К моменту перехода Заозерья во владение М. Е. и С. Е. Салтыковых (1859 г.) большинство земель этого угличского имения Салтыковых было заложено Сохранной казне Опекунского совета. На поместье числился долг в сумме 52 000 руб. При составлении уставных грамот крестьяне согласились на участие в платежах долга путем взносов 4 р. $69\frac{3}{4}$ к. за десятину полученной надельной земли в течение шести лет (*Макашин II,* стр. 468—469).

162. Н. А. НЕКРАСОВУ

22—26 декабря 1862. Петербург

Посылаю Вам рассказ, многоуважаемый Николай Алексеевич, но прошу Вас, прочитайте его и прикажите печатать только в таком случае, если он не слишком уж слаб [1]. В таком случае я напишу еще рассказ [2], который на днях отдам в типографию, и можно будет напечатать все вместе с «Деревенскою тишью» под общим названием: «Невинные рассказы» (первою пойдет «Дерев<енская> тишь») [3]. Разумеется, окончательно это может разъясниться только в пятницу [4], но все-таки набрать не мешает теперь же, тем более что в типографии нет работы. Карнович так и не прислал мне «Мир<ового> посредника»; сделайте одолжение, нельзя ли это устроить? [5]

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 3.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 32—33, с датой: «Середина декабря 1862 г.»

Письмо написано после 20 декабря 1862 года (дата возвращения Некрасова в Петербург из Карабихи) и за несколько дней до пятницы 28 декабря (см. ниже прим. 4), то есть между 22 и 26 декабря.

Настоящее письмо начинает сохранившуюся в весьма малом числе серию писем Салтыкова, относящуюся к периоду его работы как члена редакции «Современника» (с ноября 1862 г. по октябрь 1864 г.), к Некрасову.

---

[1] Рассказ «Для детского возраста». См. в т. 3 наст. изд.

[2] «Миша и Ваня». См. в т. 3 наст. изд.

[3] Так и было сделано. Публикация в *Совр.*, 1863, № 1—2, называлась: «Невинные рассказы. I. Деревенская тишь. II. Для детского возраста. III. Миша и Ваня. Забытая история».

[4] То есть в пятницу 28 декабря, так как другие декабрьские пятницы исключаются: Некрасова с конца ноября по 20 декабря не было в Петербурге (уезжал на похороны отца). «Окончательно <...> разъясниться» должен был вопрос о цензурной судьбе ранее подготовленной Салтыковым серии: «Глупов и глуповцы. I. Общее обозрение (затерявшаяся рукопись эта нашлась — см. прим. 1 к письму 154), II. Деревенская тишь. III. Каплуны» (в переработанной по замечаниям Чернышевского редакции) и, быть может, IV. «Глуповское распутство» (см. прим. 2 к письму 160). «Глуповская» серия была запрещена (за исключением «Деревенской тиши»), и Салтыков заменил ее серией «Невинных рассказов» (см. пред. прим.).

[5] Салтыкову нужен был № 25 редактировавшейся Е. П. Карновичем двухнедельной газеты «Мировой посредник». Напечатанная в этом номере корреспонденция «Еще пример дикости» послужила поводом для написания Салтыковым статьи «Несчастие в Порхове», появившейся в *Совр.*, 1863, № 1—2, под названием «Известия из Полтавской губернии». См. в т. 5 наст. изд.

163. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 декабря 1862. Петербург

Был у Вас два раза, многоуважаемый Николай Алексеевич, и не мог застать дома. Посылал к Бекетову справиться об участи статьи Якушкина и получил от него в ответ записку Цеэ к Головнину и ответ Головнина на той же записке. Цеэ пишет: Препровождаю тебе статью Якушкина, из которой ты увидишь, что главная цель автора заключается в том, чтоб показать, что правительство действовало совсем глупо. Головнин отвечает: Полагаю, что пропустить можно статью, но следует из нее много вымарать; того, что ты назначил к исключению, *мало:* статью я отослал к вел. кн. Константину (т. е. не я, а Головнин) [1].

На этом остановилось дело, и что будет дальше, когда возвратится статья, Бекетов этого мне не объяснил, и хотя я сегодня был у него, но он куда<-то> уехал на похороны. Вам не мешало бы опять побывать у Цеэ, чтоб справиться, тем бо-

лее что, быть может, у него и корректуры нет. Если будете, то потрудитесь также похлопотать у Цеэ и за мою статью «Глуп<овское> распутство», которая тоже у него киснет [2].

Но так как вообще нет надежды на скорый исход этих переговоров, то мой совет таков: начать печатание с статьи Берга и после нее печатать статью Жуковского. Таким образом, хотя сколько-нибудь будет успеха, а к 3-му числу, быть может, и подоспеет что-нибудь. Если Вы согласны, то не прикажете ли так и распорядиться. После статьи Берга можно бы печатать «Прометея». Ваших стихов все еще нет в типографии [3]. Для начала «Совр<еменного> Обозр<ения>» я дал статью, которая должна быть сегодня набрана, да Пыпин дал статью, которую я также велел набирать скорее. Что прежде выйдет из цензуры, то и можно будет печатать [4].

Ко мне принес вчера Южаков много рассказов, но большинство их совершеннейшая ерунда. Просит по 75 р. за лист (так будто бы ему прежде платили), но я внушил ему, что вряд ли такая плата будет удобна. Я берусь эти рассказы исправить, если он согласится, а насчет цены пришлю его к Вам, но более 50 р. давать нельзя, по моему мнению [5].

Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для «Свистка»; если материалы не дурны, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина, который уже печатался в «Искре» [6].

Поэтому я не могу быть завтра у Вас, но был бы рад, если б Вы поутру заехали.

Весь Ваш

М. Салтыков.

29 декабря. Суббота.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 4—5.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 33—35.

---

[1] По более позднему (1866 г.) свидетельству председателя С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова, статья П. И. Якушкина «Велик бог земли русской!» — «рассказ о явлениях, сопровождавших в среде простонародья первую весть об освобождении крестьян и самое исполнение Положения»,— была запрещена Главным управлением цензуры. Однако возглавлявший цензурное ведомство министр просвещения А. В. Головнин полагал, что статья может быть дозволена, и это свое мнение отправил вместе со статьей на апробацию в Варшаву к вел. кн. Константину Николаевичу — тогда наместнику Царства Польского, другу и покровителю Головнина. В результате статья была напечатана (*Совр.,* 1863, № 1—2), хотя цен-

зор Цеэ многое выкинул из нее «в силу основной ее мысли», что «одно Провидение спасло Россию во время объявления Манифеста 19 февраля...».

[2] То есть «киснет» вместе со статьей П. И. Якушкина. См. прим. 2 к письму 160.

[3] Все названные в первой части абзаца произведения были напечатаны в *Совр.*, 1863, № 1—2, хотя и в другой последовательности, а именно: Эсхил. Скованный Прометей. Последняя сцена из трагедии. Пер. М. Илецкий (М. Л. Михайлов); Н. В. Берг. Мои скитания по белу свету, гл. I—IV; Н. А. Некрасов. Бессонница. (Из поэмы «Рыцарь на час», гл. IV: Валежников в деревне.— Светлая осенняя ночь с легким морозом); Ю. Г. Жуковский. О народности в политике.

[4] В этой части абзаца имеются в виду две статьи из *Совр.*, 1863, № 1—2: Салтыков. Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год и Пыпин. Наши толки о народном воспитании.— Первая статья напечатана под псевдонимом *Т — н;* вторая — без подписи.

[5] Из рассказов Е. Д. Южакова в 1863 году был напечатан лишь один «Посиденок и свадьба» — в № 7 *Совр.* Как можно предполагать на основании комментируемого текста, рассказ был отредактирован («исправлен») Салтыковым.

[6] В ближайшем выпуске «Свистка» (№ 9 при *Совр.*, 1863, № 4) приняли участие: М. А. Антонович, В. П. Буренин, В. М. Жемчужников, П. М. Ковалевский, Некрасов и Салтыков (В. Боград. Журнал «Современник». М.— Л., 1959, стр. 422—423).

1863

164. И. А. ПАНАЕВУ

8 февраля 1863. Петербург

8 февраля. Петербург.

Милостивый Государь Ипполит Александрович.

По прилагаемому при сем счету, засвидетельствованному Н. А. Некрасовым, следует мне получить с редакции денег 359 р., которые я просил бы Вас вручить подателю сего. С совершенным почтением имею честь быть

Ваш покорный слуга

М. Салтыков.

8 февраля.

В три раза мною в счет работ получено:

а) 150 р., б) 500 р. и в) 500 р.	1150 р. — к.
Заработано:	
Редакционные за декабрь и январь	300 » — »
«Невинные рассказы» по 100 р. за лист, 3 л.	300 » — »
«Наша общественная жизнь» по 100 р. за лист, $1^1/_4$ л.	125 » — »
О цензуре, 1 л. по 75 р.	75 » — »
«Известие из Полтавской губернии» и «Драматурги-паразиты», $2^1/_8$ л. по 75 р.	159 » — »
Библиография, $2^1/_4$ л. по 75 р.	168 50 к.
«Московские письма» и «Петербургские театры» $2^1/_4$ л.	169 » — »
Итого	1296 р. 50 к.

Сверх того, мною заплачено из собственных денег:

Г. Унковскому за статью «Новые основания судопроизводства», $1^1/_2$ л. по 75 р. . . .	112 р. 50 к.
Г. Плещееву вперед в расчет	100 » — »
Итого	1509 р. — к.

Внизу под текстом рукою Некрасова: Прошу доплатить по сему счету. Н. Некрасов. *Вверху рукою Салтыкова:* По сему счету 359 р. получил. М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН,* т. 13—14, стр. 59—60. Подлинник неизвестен. Год устанавливается по содержанию письма: все упоминаемые в нем произведения напечатаны в № 1—2 *Совр.* за 1863 год (см. тт. 3, 5 и 6 наст. изд.). Под статьей «О цензуре» имеется в виду «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год».

165. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

14 марта 1863. Петербург

С.-П.-бург, 14 марта.

Извините, уважаемый Александр Николаевич, что доселе не исполнил Вашего поручения. Был два раза у Чужбинского и насилу застал дома: Чужбинский говорит, что никак не может добиться от Кушелева положительного ответа; наконец, по совещанию со мною, Чужбинский вчера опять был у Кушелева, но не застал его дома и отправился к Благосветлову, которому Кушелев, вместе с журналом, передал все свои издания, а в том числе и Ваше. Благосветлов отвечал следующее: что 2 т<ысячи> р<ублей> обязан Кушелев выд<ать> Вам в то время, когда разойдутся первые 3 т<ысячи> экз<емпляров>, но что эти первые 3 т. экз. еще не разошлись и он, Благосветлов, предоставляет Вам сделать в этом случае поверку. В записке, которую Вы мне передали, действительно есть нечто двусмысленное на этот счет, а именно сказано, что Кушелев имеет право продавать второе издание только по распродаже первого и *заплатив Вам две тысячи.* Мы с Чужбинским условились таким образом: завтра он опять поедет к Кушелеву, и если уже ничего из этого не выйдет, то в воскресенье я к нему поеду и постараюсь на чем-нибудь порешить дело. О последствиях во всяком случае уведомлю Вас не далее понедельника.

Пришлите нам что-нибудь хоть ко Святой[1]. Кланяйтесь Горбунову и скажите ему, что совестно так обманывать: обещал на первой еще неделе дать рассказ[2], да и до сих пор ничего не дал.

Прощайте, будьте здоровы.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* № 139581, ед. хр. 2277.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 505—506.
Год определяется по связи с письмом 166.

В 1859 году вышло в свет двухтомное собр. соч. А. Н. Островского, в издании литературного мецената, основателя журнала «Русское слово», гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. Истощив свои средства, он передал в 1862 году журнал и все другие свои издательские дела и расчеты своему соредактору Г. Е. Благосветлову.

---

[1] Первая после возобновления *Совр.* пьеса Островского появилась лишь в сентябрьской книжке журнала за 1863 год («Тяжелые дни»).

[2] Пасхальная неделя; начиналась 31 марта. И. Ф. Горбунов только что перед тем напечатал в № 1—2 *Совр.* «На большой дороге. Сцены из народного быта». Больше ничего он в *Совр.* не давал.

166. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

16 марта 1863. Петербург

Милостивый государь Александр Николаевич.

Сегодня, наконец, я добился удовольствия лицезреть Кушелева, но, к сожалению, не могу сказать Вам ничего утешительного. Он, положительно, упирается, что обязан заплатить Вам лишь тогда, когда разойдутся первые 3 т<ысячи> экземпляров Ваших сочинений, и когда я сказал ему, что, очень вероятно, Вы будете отстаивать свое право законным путем, то он мне отвечал, что если он в чем-нибудь убежден, то это все равно, к каким бы путям против него ни прибегали. Тем не менее, однако ж, в заключение сказал, что он на днях соберет все справки по этому делу и сообразит его окончательно; если он найдет себя в положении сомнительном, то немедленно заплатит деньги. В пятницу на этой неделе обещал прислать решительный ответ, по получении которого уведомлю Вас немедленно.

Уважающий Вас

М. Салтыков.

16 марта 1863 г.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* № 139582, ед. хр. 2278.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 506.

Как и предыдущее (165), настоящее письмо к Островскому, а также последующее (168) посвящены посредничеству Салтыкова, совместно с писателем А. С. Афанасьевым-Чужбинским, в деле неоконченных платежей Г. А. Кушелева-Безбородко по собранию сочинений драматурга.

167. И. А. ПАНАЕВУ

16 марта 1863. Петербург

Препровождаю, на обороте сего, счет следующим мне деньгам за работы в 3-м № «Современника». Если Вы, многоуважаемый Ипполит Александрович, найдете этот счет верным, то я покорнейше просил бы следующие по нему деньги вручить подателю для передачи мне.

Прошу Вас верить искренней преданности уважающего Вас

М. Салтыкова.

16 марта 1863 г.

«После обеда в гостях»	11 стр.
«Несколько полемических предположений» . .	9 »
«Московское письмо»	12 »
«Анафема» (библиография)	2 »
Дополнение к «Известию из Полт<авской> губ.»	1 »
«Наша общественная жизнь»	27 »
	62 стр.
Всего следует, рассчитывая по 100 р. за лист	387 р. 50 к.
Да редакционных за февраль	150 » —»
Итого	537 р. 50 к.
Заплачено мною собственных денег:	
Г. Буренину за 3 стихотворения[1]	45 р. — к.
Г. Бергу (отдано Плещееву в счет романа «Закоулок»)[2]	55 р. — »
Г. Мазуренко в счет «Записок Хуторянина»[3]	50 р. — »
Итого	150 р. — к.
А всего следует мне из конторы получить . .	687 р. 50 к.
Из этого числа 200 р. на погашение забранных мною вперед 1000 р.	
Остается получить	487 р. 50 к.
Остается за мной в долгу	800 р. — »

По счету 487 р. 50 к. получил

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН*, т. 13—14, стр. 60.

Подлинник неизвестен. Упоминаемые в письме произведения Салтыкова см. в тт. 3, 5 и 6 наст. изд.

---

[1] В *Совр.* (1863, № 3) напечатаны следующие стихотворения В. П. Буренина: «Поник я долу головой...», «Какая жалкая судьба...», *** («Много в детстве страшных сказок...»).

[2] Ф. Н. Берг. Закоулок (Посв. М. Н. Коптевой).— *Совр.*, 1863, №№ 1—3.

[3] «Записки хуторянина» Н. Н. Мазуренко опубликованы в *Совр.* (1863, № 3) под его псевдонимом-перевертышем. «Н. Окнерузам».

168. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

2 апреля 1863. Петербург

Милостивый государь Александр Николаевич.

Очень жалею, что не имею ничего утешительного сказать Вам по Вашему делу с Кушелевым. Этот господин дал мне слово прислать окончательный ответ еще в Страстную пятницу, но вот уже и Христос воскрес, а я никакого ответа не получаю. Из этого я усматриваю, что он платить деньги Вам не желает. Условие Ваше у меня в сохранности, но так как Вы писали мне, что на Фоминой будете в Петербурге, то я и надеюсь вручить Вам этот документ лично.

Весь Ваш

М. Салтыков.

2 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, № 139583, ед. хр. 2279.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 507.

Год определяется по связи с письмом 166.

169. И. А. ПАНАЕВУ

26 апреля 1863. Петербург

26 апреля.

Милостивый государь Ипполит Александрович.

По прилагаемому счету следует мне получить из конторы для меня и для удовлетворения гг. Унковского и Буренина 656 р. за вычетом 200 р. для погашения моего долга «Современнику». А потому не будете ли Вы так добры в счет этих

денег выслать мне 275 р., а на остальные 381 р. прислать на имя московского Базунова записку, чтоб удовлетворил ими г. Унковского, с которым я имею счета и который может удовлетворить и Буренина.

Не будете ли Вы также так добры послать мне счет должных Плещеевым денег, включив в него и 50 р., числящихся в прилагаемом счете. Не лишним считаю при этом присовокупить, что Плещеевым в настоящем году помещено в «Современнике» 6 стихотворений [1] на сумму 90 р.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Должен редакции	800 р.
Следует за работы по апрельской кн<ижке>:	
Редакционных за март	150 р.
Дано Плещееву (известно Н<иколаю> Ал<ексеевичу>), которые и следует записать ему в счет	50 р.
Библиография, 21 стр.	
«Общественная жизнь», 28 стр.	
Свисток.	
«Цензор впопыхах», 7 стр.	
«Анекдот об Юркевиче», 6 стр. (за остальные 8 стр. следует получить Антоновичу).	
«Секретное занятие», 3 стр.	
Стихов, 5 стр.	
«Литературные будочники и сопелковцы», 4 стр.	
«Заключение», 2 стр.	
А всего за 76 стр. или 4³/₄ л	475 р.
Всего	675 р.
Г. Буренину за стихи в «Свисток» [2] по условию с Н. А. Некрасовым	50 р.
Г. Унковскому за статью [3] 28 стр. по 75 р.	131 р.
Итого	856 р.
За вычетом 200 р. для погашения долга следует получить	656 р.
Остается за мной в долгу	600 р.
По сему счету получил 656 р.	

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН*, т. 13—14, стр. 61. Подлинник неизвестен.

Год устанавливается по содержанию письма: все упоминаемые в нем произведения Салтыкова напечатаны в № 4 *Совр.* за 1863 год (см. в тт. 5 и 6 наст. изд.).

---

[1] В первых четырех номерах *Совр.* 1863 года напечатаны не шесть, а семь стихотворений Плещеева.

[2] В. П. Буренину в «Свистке» (№ 9) принадлежит «Песнь московского дервиша», опубликованная под псевдонимом «Мих. Змиев-Младенцев».

[3] «Новые основания судопроизводства».— *Совр.,* 1863, № 4.

170. А. Я. КОНИССКОМУ

1 мая 1863. Петербург

Милостивый государь Александр Яковлевич.

В ответ на письмо ваше от 17 апреля, адресованное на имя редактора «Современника», я, как автор возбудившей ваше негодование статьи, считаю долгом отвечать, что вы едва ли правильно поняли смысл этой статьи. Прежде всего я должен сказать, что статья эта была написана первоначально вовсе не на эту тему, а на тему о происшествии в Порхове, о котором, вероятно, вам известно из газет. Но [цензурные] некоторые препятствия заставили изменить тему и заменить ее другою, отчего в статье действительно произошла некоторая несвязность. Но и за всем едва ли можно придать статье тот смысл, который вы ему <?> придаете. Ни редактор «Современника», ни я положительно не знаем никого из участников порховской истории, но мы знаем, что драки и избиение посредников с некоторых пор сделались фактом до того общим, что невозможно не обратить на него внимание. С этой-то точки зрения и рассматривалось это дело.

В 3-м № «Современника» я уже написал дополнение к «Известию», которое ставит вопрос на надлежащую точку. Ныне, с получением вашего письма, я счел долгом вновь разъяснить отношения редакции «Современника» к этому делу, и заметка моя будет помещена в 5-м №.

Засим позвольте мне думать, милостивый государь, что замечания, высказанные вами насчет направления «Современника» будут вами самими признаны преждевременными.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

1 мая 1863 года. М. Салтыков.

На листе 1, очевидно, рукою Конисского дата получения письма — 8 мая.

Печатается по подлиннику: Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киев; ф. 77, № 124, л. 1.

Впервые опубликовано: «Звезда», 1945, № 10—11, стр. 209. Повторная публикация: *ЛН,* т. 67, стр. 470 (на стр. 469 — факсимиле).

Письмо украинского писателя А. Я. Конисского, находившегося в вологодской ссылке, было вызвано статьей Салтыкова «Известие из Полтавской губернии», появившейся, без подписи автора, в *Совр.,* 1863, № 1—2. Она была посвящена вопросу о преследовании мировых посредников помещиками-крепостниками. Это была вторая редакция статьи. Первая, не появившаяся в печати по цензурным причинам, называлась «Несчастие в Порхове» и была построена на материале событий (избиение посредника) в Псковской губернии. Материал переработанной редакции был заимствован из псевдонимной корреспонденции неизвестного лица, полученной *Совр.* из Полтавы. В ней, как оказалось, содержались неверные и тенденциозные сведения. Они перешли в статью Салтыкова, но были сняты им, как только он узнал правду, в новой заметке — «Дополнение к «Известию из Полтавской губернии». Заметка эта появилась в № 3 *Совр.* Письмо А. Я. Конисского и другие протесты заставили Салтыкова вновь, в третий раз, выступить по теме статьи. В № 5 *Совр.* он напечатал реплику «Еще по поводу «Заметки из Полтавской губернии». В ней он признал свою частную невольную ошибку в использовании непроверенных сведений, но еще раз разъяснил принципиальную правильность своего выступления. См. в наст. изд. т. 5, стр. 600—604.

171. И. А. ПАНАЕВУ

11 мая 1863. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Сегодня в 6 часов я уезжаю в Москву, а потому весьма нуждаюсь в деньгах. Хотя «Современник» за май еще не вышел, но так как статья, мною написанная для этой книжки, уже набрана и пропущена цензурой [1], то я просил бы Вас удовлетворить меня теперь по прилагаемому счету, который Вы впоследствии, по выходе книжки, можете проверить. Вместе с тем я просил бы Вас в счет моего долга удержать на этот раз не 200, а 150 р., так как мне очень нужны деньги. Останется за мной 450 р., которые Вы и пополните из следующих мне редакционных денег за май, июнь и июль.

Еще одна просьба: нет ли у Вас Красных книжек Некрасова[2] 1-й и 2-й; если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой, с вычетом следующих денег из 250 р.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим покорным слугой

М. Салтыков.

11 мая 1863 г.

Должен редакции	600 р.
Следует за № 5-й получить:	
Редакционных за апрель	150 р.
За статью «Наша общественная жизнь», $2^1/_2$ листа	250 р.
Итого	400 р.
А за уплатой 150 р. в счет долга	250 р.
За сим за мной в долгу	450 р.

По сему счету от Звонарева 250 р. получил

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН*, т. 13—14, стр. 61—62. Подлинник неизвестен.

---

[1] Упомянутая ниже статья «Наша общественная жизнь» («Кислое время, кислая жизнь...»). См. в наст. изд. т. 6, стр. 76—111, 596—603.

[2] «Красные книжки» — серия задуманных Некрасовым общедоступных книжек в целях распространения своих стихотворений среди народа. Первую из них (СПб., 1862. 36 стр.) составили «Коробейники», вторую (СПб., 1863. 24 стр.) — стихотворения «Огородник», «Забытая деревня», «Городская кляча» и др. После второго выпуска издание было запрещено.

172. Н. А. НЕКРАСОВУ

Первая половина мая 1863. Петербург

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, изуродованную г. Бекетовым корректуру;[1] посмотрите сами, что он сделал, и можно ли было ожидать, чтобы до такой степени могло дойти преследование самых невинных мыслей. Я завтра в час у Вас буду; если возможно уладить с Бекетовым, то потрудитесь.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, ед. хр. 32, л. 6.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 36, с датой: «1862—1863».

Датируется временем пребывания в Петербурге и Некрасова и Салтыкова в период участия последнего в редакции *Совр.* (конец декабря 1862— начало мая 1863 г.) и цензурования журнала Бекетовым (по июль 1863 г.).

---

[1] О корректуре какого произведения идет речь, неизвестно.

173. А. Н. ПЫПИНУ

15 августа 1863. Витенево

Пишу к вам, многоуважаемый Александр Николаевич, вследствие письма А. Ф. Головачева о стесненных обстоятельствах, в которых находится «Современник». К 25 числу вышлю к вам рассказ свой, который вы и поместите в конце первого отдела, и еще вышлю нечто вроде фельетона. Так как книжка «Современника» уже запаздывает, то думаю, что статьи мои придут еще вовремя, тем более что обе печататься должны в конце отделов [1].

Я взял себе для разбора книги: стихи Фета, «Русская правда и польская кривда» и несколько книг издания Общества распространения полезных книг. Уведомьте, сделайте милость, как можно скорее (на имя Базунова), не готовы ли уже разборы которой-нибудь из этих книг, чтоб мне не писать напрасно. Во всяком случае, эти разборы не будут высланы мной ранее 30 августа [2].

Весь Ваш

М. Салтыков.

15 августа.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 134, оп. 4, № 601, л. 2.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, стр. 467—468.

---

[1] Рассказы и фельетон Салтыкова были помещены в *Совр.,* 1863, № 8: «Как кому угодно. Рассказы, сцены, размышления и афоризмы» и «В деревне». См. в наст. изд. т. 6.

[2] Рецензия Салтыкова на 2-томное издание «Стихотворения А. А. Фета» была напечатана в *Совр.,* 1863, № 9. Рецензия на анонимную брошюру «О русской правде и польской кривде», написанную по заказу министра внутренних дел П. А. Валуева П. И. Мельниковым (А. Печерским), была запрещена цензурой. Однако значительную часть запрещенного текста Салтыков использовал в другой критической заметке, о книжке В. В. Львова, «Сказание о том, что есть и что была Россия...». Эта заметка была напечатана в *Совр.,* 1863, № 10. Рецензий на издание Общества распространения полезных книг в *Совр.* за 1863—1864 гг. не появлялось.

174. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

15 сентября 1863. Петербург

Милостивый государь Александр Николаевич.

Проезжая в прошедшую среду через Москву[1], я намеревался быть у Вас, но Плещеев сказал мне, что Вы отправились из Москвы куда-то удить рыбу. Между тем у меня была до Вас всепокорнейшая просьба: не имеете ли Вы чего-нибудь написанного для «Современника», который уж так давно не давал читателям ничего хорошего по части беллетристики, что даже становится совестно. В настоящую именно минуту журнал наш находится в величайшем затруднении, и Вы, конечно, сделали бы большое для него одолжение, оказав ему помощь своею пьесой. Если у Вас есть что-нибудь готовое, то не будете ли так добры выслать в возможно непродолжительном времени, адресуя посылку в редакцию «Соврем<енника>», так чтобы мы могли поместить Вашу вещь в сентябрьской книжке[2]. Вы весьма бы также обязали меня, если б дали мне ответ на мою настоящую просьбу по тому же адресу.

В ожидании Вашего ответа, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим,
милостивый государь,
покорнейшим слугою

М. Салтыков.

С.-П.-бург.
15 сентября 1863 г.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* № 139584, ед. хр. 2280.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 507—508.

---

[1] В среду 11 сентября, из Витенева в Петербург.

[2] В *Совр.,* 1863, № 9, помещена пьеса Островского «Тяжелые дни. Сцены из московской жизни».

175. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

20 сентября 1863. Петербург

Милостивый государь Яков Петрович!

Позвольте мне напомнить Вам обещание Ваше относительно повести[1], которой доставление выручило бы «Современник» из большого затруднения.

Еще одна просьба: из Ваших слов я заключаю, что Якушкин бывает у Вас довольно часто: между тем у меня случился с ним следующий довольно скверный анекдот. Давеча он приходил в редакцию «Современника», но несколько более, нежели в своем виде, и наговорил мне, что был у меня и оставил мне пакет с статьею. Возвратившись домой, я никакого пакета не нашел, а так как адрес Якушкина мне совершенно неизвестен, то покорнейшая моя просьба заключается в том, чтобы сообщить Якушкину при случае, что пакета никакого у меня нет [2].

Если Вы будете так обязательны, что доставите Вашу повесть, то не признаете ли возможным доставить прямо ко мне: в Знаменскую гостиницу, № 11, если меня и моего человека не будет дома, то можно оставить нумерному.

С совершенным уважением имею честь быть Ваш покорнейший слуга

20 сентября. Петербург. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 403, оп. 1, № 57, л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 184.
Датируется по связи содержания с письмом 178.

---

[1] Полонский дал *Совр.* не повесть, а рассказ «Медный лоб самого низкого сорта». Напечатан в октябрьской книжке.

[2] Произведений П. И. Якушкина в *Совр.* в 1863—1864 годах не появлялось.

176. И. Ф. ГОРБУНОВУ

Середина октября 1863. Петербург

Помня Ваше обещание, многоуважаемый Иван Федорович, доставить для «Современника» рассказ, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли возможным прислать нам этот рассказ для ноябрьской книжки [1], которая скоро начнет уже печататься. Если бы Вы доставили к 1-му числу ноября, то весьма бы обязали преданного Вам

М. Салтыкова.

Жительство имею близь Алекс<андринского> театра, дом Афанасьева.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 501, оп. 1, № 5.

Впервые опубликовано: И. Ф. Горбунов. Сочинения, т. III, ч. 1—4, СПб., 1907, стр. 75.

Год устанавливается на основании времени работы Салтыкова в редакции *Совр.* и адреса. Приехав в середине октября 1864 года в Петербург, Салтыков остановился не в доме Афанасьева, близ Александринского театра, где жил до июня, а в гостинице Клее на Михайловской ул. (см. письмо 197). Месяц и время месяца определяются указанием на предстоящее начало печатания «ноябрьской книжки» *Совр.*

---

[1] Рассказ не был прислан.

177. И. А. ПАНАЕВУ

16 октября 1863. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Сделайте одолжение, пришлите мне с сим подателем деньги по прилагаемому счету. В числе их я желал бы получить расписку на имя московского Базунова, чтоб он выдал 200 р. А. М. Унковскому, которые я ему должен. Если Вы стесняетесь выслать мне всю сумму, то вышлите, по крайней мере, 300 р. и расписку на Базунова.

Весь Ваш

М. Салтыков.

16 октября 1863 г.

По прежнему счету контора мне должна . . .	309 р.
В сентябрьской книжке напечатано:	
«Прощаюсь, ангел мой, с тобою»	19 стр.
Разборы Кохановской и Фета	20 стр.
«Наша обществ<енная> жизнь»[1]	21 стр.
Итого	60 стр.
За 60 страниц следует	375 р.
Редакционных за сентябрь	150 р.
А всего следует	834 р.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН,* т. 13—14, стр. 62. Подлинник неизвестен.

---

[1] См. в наст. изд. тт. 8, 9, 6.

178. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

19 октября 1863. Петербург

Милостивый государь Яков Петрович.

Позвольте просить Вас от себя и от имени Никол<ая> Ал<ексеевича> Некрасова разрешить поставить Ваше имя под повестью, печатаемою в настоящее время в «Современнике»[1]. Для журнала это важно, потому что имена авторов известных имеют свой авторитет для публики.

Весь Ваш

19 октября 1863 года. *М. Салтыков.*

Потрудитесь прислать Ваш ответ с сим посланным, на имя метранпажа типографии.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 42.

Впервые опубликовано: Н. А. Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Пгр., 1922, стр. 279.

---

[1] См. прим. 1 к письму 175.

179. И. А. ПАНАЕВУ

30 октября 1863. Петербург

30 октября.

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне 100 руб. в счет должных мне редакцией денег. Крайне необходимо, потому что наступает 1-е число, а с ним и неизбежные расчеты.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 139. Повторная публикация: *ЛН*, т. 13—14, стр. 62.

Подлинник неизвестен.

180. И. А. ПАНАЕВУ

9 ноября 1863. Петербург

9 ноября.

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне вперед до расчета 150 руб., ибо имею самую великую крайность в деньгах.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 139; вторично: *ЛН,* т. 13—14, стр. 63. Год устанавливается по связи с письмом 182. Подлинник неизвестен.

181. П. В. АННЕНКОВУ

Середина ноября 1863. Петербург

Давеча, бывши у Вас, я говорил Вам, уважаемый Павел Васильевич, о новом рассказе, написанном мною[1]. Не хотите ли прочесть его? Быть может, он Вас позабавит. Когда прочтете, возвратите.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 27—28.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 37.
Датируется по связи содержания с письмом 183.

---

[1] Салтыков послал Анненкову рассказ «Здравствуй, милая, хорошая моя!». Он был напечатан в *Совр.,* 1864, № 1, с подзаголовком «Провинциальный романс в действии» и впоследствии вошел в цикл «Помпадуры и помпадурши». См. в наст. изд. т. 8.

182. И. А. ПАНАЕВУ

16 ноября 1863. Петербург

16 ноября.

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Имею, поистине, величайшую крайность в деньгах, а потому покорнейше просил бы Вас, если возможно, прислать мне со Звонаревым следующее по прилагаемому счету.

Весь Ваш

М. Салтыков.

За редакцией оставалось	84 р. — к.
Редакционных за октябрь	150 » — »
За 10 стр. в библиографии (последние 3 статьи).	62 » 50 к.
Итого	296 р. 50 к.

Печатается по тексту первой публикации: «Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 140; повторная публикация: *ЛН,* т. 13—14, стр. 63.

Подлинник неизвестен. Год устанавливается по упоминанию о «последних 3 статьях» в библиографии. Это: «Сказание о том, что есть и что была Россия... В. В. Львова. СПб. 1863», «Киевские волнения в 1855 году. С. С. Громеки. СПб., 1863» и «Руководство к судебной защите по уголовным делам. К. Ю. А. Миттермайера. М., 1863» (см. в наст. изд. т. 5).

183. П. В. АННЕНКОВУ

19 ноября 1863. Петербург

Оказывается, что завтра «Сомнамбула» [1], почтеннейший Павел Васильевич. Нельзя ли ехать, хотя бы и в бенуар, если невозможно достать во 2-м ярусе? Прочитали ли Вы мой рассказ? [2] Если прочитали, то возвратите и скажите Ваше мнение. Каков-то роман Леонтьева, которым Вы имеете насладиться сего числа, совместно с Галаховым и Страховым? [3] Скажите, пожалуйста.

Ваш

М. Салтыков.

19 ноября.

На письме печать с гербом Салтыкова и помета Анненкова: Салтыков 1863.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 29—30.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 37.

---

[1] «Сомнамбула» — опера В. Беллини (1831), часто шедшая на сцене Итальянского театра в Петербурге.

[2] «Здравствуй, милая, хорошая моя!». См. прим. к письму 181.

[3] Роман К. Н. Леонтьева «В своем краю», напечатанный в *Отеч. записках,* 1864, №№ 5 и 7. Салтыков написал на него рецензию в *Совр.,* 1864, № 10 (см. в наст. изд. т. 5). В комментируемом письме он имеет в виду чтение рукописи романа в собрании группы литераторов, в том числе Анненкова, Галахова и Страхова (Сб. «Памяти К. Н. Леонтьева», СПб., 1911, стр. 48—51).

184. И. А. ПАНАЕВУ

Между 9 и 14 декабря 1863. Петербург

Будьте так добры, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне деньги по прилагаемому счету в понедельник или во вторник.

Весь Ваш

М. Салтыков.

За мною было	200 р.
Следует получить по выходе ноябрь<ской> книжки:	
Редакционные за ноябрь	150 »
Полистной платы за статьи:	
«Современное движение в расколе»	$5^{1}/_{2}$ стр.
«Петербургские театры»	$16^{1}/_{2}$ »
«Наша общ<ественная> жизнь»	26 »
	48 стр.
Всего 3 листа	300 р.
Итого	450 р.
Следовательно, за вычетом долга следует получить	250 р.

250 р. через Гусева получил

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН,* т. 13—14, стр. 64, с отнесением к ноябрю 1863 года. Эта же дата (также без мотивировки) повторена в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 188. Однако № 11 *Совр.* за 1863 год (ценз. разр.—13 ноября и 9 декабря), в котором напечатаны все упоминаемые в записке произведения (см. тт. 5 и 6 наст. изд.), вышел в свет 14 декабря. Судя же по содержанию записки, она, вероятнее всего, написана после цензурного разрешения № 11 и до его выхода в свет, то есть между 9 и 14 декабря 1863 года.

Подлинник неизвестен.

185. И. А. ПАНАЕВУ

18 декабря 1863. Петербург

Вы весьма обязали бы меня, многоуважаемый Ипполит Александрович, если б прислали мне записку на имя Базунова (в Москву) о выдаче А. М. Унковскому 102 р. Взамен этой записки я вручу подателю ее наличные деньги в таком же количестве.

Весь Ваш

18 декабря. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 37, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 32, с неправильным отнесением к 1862 году. Эта же дата перешла в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 175.

В письме речь идет о погашении личного долга Салтыкова Унковскому, что подтверждается следующими записями от 2 февраля в конторской книге *Совр.* за 1864 год: «Получено от г. Салтыкова взамен выданных на его счет из суммы «Современника» из московской конторы при магазине Базунова 102 рубля» (*ИРЛИ,* ф. 628, оп. 1, л. 12 об. и л. 269) и «Выдано г. Унковскому на счет Салтыкова 102 руб.» (там же, л. 268 об.). Следовательно, письмо написано в 1863 году.

186. К. Г. ЛАВРИЧЕНКО

21 декабря 1863. Петербург

Милостивый государь Кондрат Гаврилович!

Прочитав присланную вами в редакцию «Современника» главу из романа, считаю долгом уведомить вас, что глава эта сама по себе имеет несомненные литературные достоинства, но что редакция считает невозможным печатать ее, не имея в руках своих полного романа. Когда роман этот будет у вас готов, то благоволите прислать его, и если он соответствует достоинству присланной главы, то редакция не замедлит войти с вами в условия относительно его помещения [1].

Примите уверения и проч.

21 декабря 1863 г. *М. Салтыков.*

Печатается по тексту первой публикации: К. Лавриченко. Вера в жизнь. Шестидесятые годы. Роман в двух частях. Письмо к автору М. Салтыкова..., СПб., 1902, стр. III. Повторная публикация: *ЛН,* т. 67, стр. 471—472. Подлинник неизвестен.

[1] Роман К. Г. Лавриченко не был напечатан в *Совр.* Одна из глав его — вероятно, и посылавшаяся Салтыкову — под названием «Воробьиная ночь» появилась в славянофильском «Дне» И. С. Аксакова. Полностью роман был издан лишь в 1902 году самим автором.

187. П. В. АННЕНКОВУ

1863. Петербург

Пользуясь Вашим обещанием, многоуважаемый Павел Васильевич, препровождаю при сем корректуры моей статьи[1]. Очень желал бы знать Ваше мнение, а так как статья должна поступить безотлагательно к цензору, то весьма бы Вы обязали меня, если б сообщили мне Ваше мнение завтра.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На письме помета Анненкова: Салтыков 1863.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, л. 31.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 36.

---

[1] О корректуре какой статьи идет речь, неизвестно.

1864

188. И. А. ПАНАЕВУ

11 января 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Будьте так добры прислать мне расчет мой по декабрьской книжке. Мне следует редакционных за декабрь 150 р. и за статьи от 197 по 253 стр., а всего без пробелов за 55 стр. 347 р. 75 к., всего же мне следует 493 р. 75 к. [1]

Сверх того, следует послать г. Дружинину в Лугу остальные деньги за рассказ его «Люба» в 38½ стр. [2] Всего за этот рассказ следует ему 120 р. 30 к.; в то число ему уже послано 50 р. и послан экземпляр «Соврем<енника>» 16 р. 50 к., следовательно, нужно бы дослать 53 р. 80 к., но из них Вы потрудитесь удержать 16 р. 50 к. и запишите его пренумерантом на «Современник» 1864 года, а остальные 37 р. 30 к. пошлите в Лугу.

Будьте так добры, уведомьте меня, могу ли я надеяться, что 30 января Вы мне дадите полномочие получить в Москве от Базунова 1500 р. Повторяю, что я возвращу Вам 500 р. 15 февраля, 750 р. 1 марта, 250 р. в апреле.

Ваш

М. Салтыков.

11 января.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН,* т. 13—14, стр. 65. Подлинник неизвестен.

---

[1] На указанных Салтыковым страницах *Совр.* напечатаны: хроника «Наша общественная жизнь» и рецензии «Воля. Два романа из быта беглых А. Скавронского» (Г. П. Данилевского) и «Полное собрание сочинений Г. Гейне» (см. в наст. изд. т. 6, стр. 180—223 и т. 5).

[2] Н. С. Дружинин. Люба. Из воспоминаний об отживших.— *Совр.*, 1863, № 12.

189. И. А. ПАНАЕВУ

25 января 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Будьте так добры, пришлите мне обещанное переводное письмо на получение от Базунова (в Москве) 1500 р. Если можно, то завтра, т. е. в воскресенье.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш
покорнейший слуга
М. Салтыков.

25 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 37, л. 5.

Впервые: *Письма,* стр. 38; повторная публикация: *ЛН,* т. 13—14, стр. 66. Письмо написано в субботу 25 января и, следовательно, может относиться только к 1864 году, что подтверждается также записью в конторской книге за 1864 год о выдаче Салтыкову 28 января 1500 рублей (*ИРЛИ,* ф. 628, оп. 1, № 7, л. 268 об.).

190. П. В. АННЕНКОВУ

11 февраля 1864. Петербург

У меня в четверг вечером обещался быть Тургенев, многоуважаемый Павел Васильевич, а потому не будете ли и Вы так добры посетить мою хижину, вместе с Глафирой Александровной, которую жена усерднейше о том просит [1]. Если бы Вам почему-либо было нельзя, то прошу Вас дать знать.

Весь Ваш
М. Салтыков.

11 февраля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 32—33.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 38.

---

[1] Тургенев и Анненков были приглашены на вечер к Салтыкову в четверг 13 февраля. Он жил тогда в доме Афанасьева близ Александринского театра. Перед отъездом Тургенева из Петербурга в конце февраля они виделись еще раз. Салтыков просил Тургенева о сотрудничестве в задуманном им «Альманахе». См. *Тургенев. Письма,* т. V, стр. 247.

191. И. А. ПАНАЕВУ

12 февраля 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Мне следует получить за январскую книжку следующее количество денег: редакционных 150 р., за рассказ 23 стр.[1], за «Обществ<енную> жизнь» 31 стр.[2], за библиографию, с 79 по 86 стр., за 7 стр.[3], а всего за 61 стр. 381 р. 25 к.; итого 531 р. 25 к. Из этого числа прошу Вас вычесть: 100 руб., так как я в Москве взял у Базунова сверх 1500 р. еще 100 р., и 33 р. за 2 экз. «Современ<ника>». Остальные 398 р. 25 к. прошу Вас прислать мне, если возможно, в пятницу в редакцию, где я буду около 1 ч. пополудни.

Весь Ваш

12 февраля. *М. Салтыков.*

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН*, т. 13—14, стр. 66.

Подлинник неизвестен. Год устанавливается по содержанию письма: все упоминаемые в нем произведения напечатаны в *Совр.*, 1864, № 1.

---

[1] «Здравствуй, милая, хорошая моя!» Провинциальный романс в действии (см. в наст. изд. т. 8).

[2] См. в наст. изд. т. 6.

[3] На указанных страницах помещены следующие рецензии: «Новые стихотворения А. Плещеева..., М., 1863», «Наши безобразники. Сцены Н. А. Потехина. СПб., 1864», «Сказки Марко Вовчка. СПб., 1864» (см. в наст. изд. т. 5).

192. И. А. ПАНАЕВУ

17 марта 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

За февральскую книжку «Современника» мне следует получить:

Редакционных за февраль . . . . 150 р.

За статьи:

в библиографии стр. 260—271 и стр. 289—290[1], всего за 12 стр., «Наша обществ. жизнь» 35 стр.[2], а всего за 47 стр. 293 р. 75 к. Деньги эти, 443 р. 75 к., прошу Вас мне не присылать, а почесть их в счет моего долга конторе (1500 р., взятых

у Базунова). Остальное количество долга я надеюсь пополнить в скором времени. Прошу Вас также прислать мне расписку в получении от меня уплаты в счет долга.

Весь Ваш

17 марта 1864 г. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: Музей-квартира Н. А. Некрасова в Ленинграде, собр. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 66.

---

[1] На указанных страницах напечатаны следующие рецензии Салтыкова: «Новые стихотворения А. Н. Майкова» и «Воздушное путешествие через Африку. Сост. по запискам доктора Фергюссона Юлием Верн» (см. в наст. изд., т. 5).

[2] См. в наст. изд. т. 6, стр. 257—289, 651—655.

193. И. А. ПАНАЕВУ

13 апреля 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

За мартовскую книжку мне следует получить:

Редакционных		150 р. —
За статью «На заре ты ее не буди» 35 стр.	71 стр.	443 р. 75 к.
«Наша общественная жизнь»[1] 36 стр.		
Всего		593 р. 75 к.

Деньги эти почислите в счет моего долга конторе полным количеством, а так как мною уже уплачено в этот счет 443 р. 75 к., то *убедительнейше* прошу Вас прислать мне на них расписку в получении от меня 1037 р. 50 к., так как мне это необходимо для моих счетов. Вместе с тем мне было бы необходимо послать в Москву 100 р., то если у Базунова есть деньги «Современника», пришлите мне записку на выдачу этой суммы г. Унковскому, а я выдам подателю, для вручения Вам, сто р. наличными.

Весь Ваш

13 апреля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: Музей-квартира Н. А. Некрасова в Ленинграде, собр. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 66—67. Год устанавливается по содержанию письма: все упоминаемые в нем произведения опубликованы в *Совр.*, 1864, № 3.

---

[1] См. в наст. изд. тт. 8 и 6, стр. 290—329, 655—665.

194. И. А. ПАНАЕВУ

Между 13 и 16 апреля 1864. Петербург

Милостивый государь Ипполит Александрович.

Вновь позволяю себе убедительнейше просить Вас о присылке мне расписки в получении от меня 1037 р. 50 к. в уплату моего долга, а также расписки на получение от Базунова в Москве 100 р. взамен тех, которые я выдам подателю наличными деньгами. Если б возможно было Вам прислать все это сегодня вечером, я был бы весьма Вам обязан, ибо успел бы тогда завтра отправить расписку в Москву.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: Музей-квартира Н. А. Некрасова в Ленинграде, собр. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 67, с датировкой март — апрель 1864 года. В *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 191, сказано, что письмо написано «после 13 апреля 1864 г.» (очевидно, по связи с письмом 193). Более точная дата устанавливается по черновой расписке конторы *Совр.*, выданной Салтыкову 16 апреля 1864 года: «В счет уплаты редакции «Современника» за взятые в нынешнем 1864-м году у ней заимообразно из московской конторы при книжном магазине Ив. Вас. Базунова Михаилом Евграфовичем Салтыковым одной тысячи пятисот рублей серебром, засчитываются следующие от редакции Михаилу Евграфовичу Салтыкову за статьи его, помещенные в II и III №№ «Современника» 1864 г. с помесячным за февраль и март месяца сего года одна тысяча тридцать семь рублей пятьдесят коп. серебром, что и свидетельствую» (*ЛН*, т. 13—14, стр. 68). Следовательно, письмо написано между 13 и 16 апреля 1864 года.

195. В КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

Май — июнь 1864. Петербург

Долгу редакции с выходом мартовской книжки . . .	462 р.
Следовало получить:	
Редакторских за апрель и май	300 р.
За статьи в апрельской книжке в библиографии (страницы 255—261, 266—267) всего за 7 стр.[1] и в майской кн<ижке> «Литературные мелочи», 25 стр., и «Чужая вина»[2], $2\frac{1}{2}$ стр., всего за $34\frac{1}{2}$ стр. . . .	215 р.
Всего	515 р.

Долг Левитова 50 р. М. Е. Салтыков просит настоятельно редакцию принять на себя и выдать ему эти деньги.

Салт<ыков>.

Печатается по тексту первой публикации: *ЛН,* т. 13—14, стр. 68, с примечанием: «Составлен, судя по почерку, не им, <Салтыковым>, а другим лицом, очевидно, по его поручению». Датируется приблизительно маем — июнем 1864 года по содержанию.

Подлинник неизвестен.

---

[1] На этих страницах напечатаны следующие рецензии Салтыкова: «Записки и письма М. С. Щепкина», «Моя судьба. М. Камской», «Рассказы из записок старинного письмоводителя. А. Высоты» и «Сборник из истории старообрядчества. Изд. Н. И. Попова» (см. в наст. изд. т. 5).

[2] См. в наст. изд. т. 6 и т. 5.

196. Н. А. НЕКРАСОВУ

5 октября 1864. Витенево

Скажите, куда Вы пропали, любезнейший Николай Алексеевич. Островский пьесу для «Совре<менника>» написал[1]; на днях ее дают в Московском театре[2], я было ему говорил, чтоб послал ее в редакцию, но он, видно, никому, кроме Вас, отдать не хочет. «Заметку» мою в август<овской> книжке не напечатали[3], и я получил от Пыпина (уже после выхода книжки) письмо[4], в котором он пишет, что находит мою заметку слишком серьезною (?). Ну, да черт с ними, а дело в том,

что мне совершенно необходимо видеться с Вами и поговорить обстоятельнее. Ибо тут идет дело об том, могу ли угодить на вкус гг. Пыпина и Антоновича. Я послал на днях мою хронику[5], с просьбой уважить меня, напечатать без перемен. Что будет — не знаю. Когда я поступал в редакцию, Вы говорили, что необходимо придать журналу жизни, и так как это совершенно совпадало с моими намерениями, то я и отнесся к делу сочувственно. Надо же дать мне возможность вести это дело.

Я в деревне решительно ничего не могу делать; маленькие дела решительно отвлекают меня. Поэтому мне желательно бы ехать в П<етер>б<ург>, и я жду только Вашего приезда, чтобы решиться. Убедительно Вас прошу заехать ко мне в деревню, хотя переночевать, ибо я не знаю, успею ли я вовремя приехать в Москву по Вашему приглашению.

5 октября. Витенево.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Поворот ко мне с Пушкинской станции.

Печатается по автографу: *ГБЛ*, М., 5765, № 61, л. 2.

Впервые опубликовано: *Архив Карабихи,* стр. 170—171, без указания года. Повторная публикация: *Неизданные письма,* стр. 22—23, с неверной годовой датой «1863» (вместо 1864), перешедшей и в *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 184—185.

Настоящее письмо является одним из документов, с одной стороны, известной «журнальной полемики» 1863—1864 годов, а с другой — возникших в связи с нею разногласий внутри *Совр.,* которые послужили причиной выхода Салтыкова из состава редакции журнала. См. в наст. изд. т. 6, стр. 692—697.

---

[1] Пьеса «Шутники». Напечатана в *Совр.,* 1864, № 9.

[2] На сцене московского Малого театра «Шутники» были поставлены впервые 12 октября 1864 года, но премьера пьесы состоялась раньше, 9 октября в петербургском Александринском театре.

[3] Свою «Заметку» (см. в наст. изд. т. 6) Салтыков написал для августовской книжки, после того как узнал, что его ответ на полемическую статью Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» не был, по решению Пыпина и Антоновича, помещен в *Совр.* (ни самого Салтыкова, ни Некрасова не было тогда в Петербурге).

[4] Письмо А. Н. Пыпина неизвестно.

[5] По-видимому, речь идет о хронике «Наша общественная жизнь», начинающейся словами: «Итак, история утешает...» и предназначавшейся для *Совр.,* 1864, № 11. Напечатана она не была. См. т. 6 наст. изд., стр. 362—380.

197. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ М. Х. РЕЙТЕРНУ

20 октября 1864. Петербург

Его высокопревосходительству, господину
Министру финансов
статского советника
Михаила Евграфова Салтыкова

Прошение

Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство об определении меня на открывшуюся вакансию председателя Полтавской казенной палаты. При сем считаю долгом представить о службе моей аттестат.

20 октября 1864 года.

Статский советник *Михаил Салтыков.*

Жительство имею: в С.-Петербурге, в Михайловской улице, в гостинице Клее.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 560, оп. 16, № 130, л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 55.

Вследствие разногласий с группой М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева и А. Н. Пыпина в редакции *Совр.* ряд статей Салтыкова был в 1864 году отвергнут. Это обстоятельство, а также резкое усиление цензурных репрессий создали трудную обстановку для продолжения журнальной деятельности Салтыкова. Он принимает решение временно отойти от нее и возвратиться на государственную службу, но не в Министерство внутренних дел, ставшее проводником правительственной реакции, а в более либеральное Министерство финансов. Возглавлявший это министерство М. Х. Рейтерн был старшим лицейским товарищем Салтыкова.

По какой именно причине Салтыков из двух имевшихся вакансий выбрал сначала службу в Полтаве, а через несколько дней заменил ее Пензой, из документов не видно.

198. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «СОВРЕМЕННИКА» Н. А. НЕКРАСОВУ

Не ранее 6-го — не позднее 25 ноября 1864. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич.

Оставляя Петербург, я могу на будущее время быть только сотрудником издаваемого Вами журнала, не принимая более участия в трудах по редакции.

Примите уверение и проч.

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: *Совр.,* 1864, № 11—12 (ценз. разр.— 25 ноября и 30 декабря) с датой «Ноябрь — декабрь 1864 г.».

Подлинник неизвестен. Датируется периодом между назначением Салтыкова 6 ноября 1864 года председателем Пензенской казенной палаты *(Аттестат)* и отъездом его 25 ноября из Петербурга в Витенево.

199. П. В. АННЕНКОВУ

14 декабря 1864. Витенево

Витенево. 14 декабря.

Очень меня беспокоит, многоуважаемый Павел Васильевич, получили ли Вы мое письмо с справкой по Вашему делу, а также Ваши квитанции [1]. Будьте так добры, уведомьте меня, собственно для моего спокойствия. Адресуйте в книжный магазин Базунова, для передачи мне. Я живу еще в деревне; дела мои до того гадки [2], что я собственно для того, чтобы не видать их, уезжаю в Пензу 2-го или 3-го буд<ущего> месяца. А как туда ехать противно — не можете себе представить. Прошу Вас засвидетельствовать мое и жены моей почтение многоуважаемой Глафире Александровне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 33—34.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 39.

---

[1] О каком «деле» и каких квитанциях идет речь — неизвестно.

[2] В 1863 году мать Салтыкова потребовала возврата его большого долга (23 тыс. руб.), сделанного в декабре 1861 года в связи с покупкой Витенева.

В этих целях она «засеквестровала все доходы» с Заозерья, ярославского имения Салтыкова и его брата Сергея Евграфовича (см. письмо 202). Дело дошло даже до того, что летом 1864 года, когда Салтыков собрался ехать в Витенево, к нему явился полицейский пристав и потребовал подписки о невыезде из Петербурга в связи с предъявлением ко взысканию Ольгой Михайловной заемных писем сына (С. А. Унковская. Воспоминания о М. Е. Салтыкове. Рукопись).

1865

200. П. В. АННЕНКОВУ

8 января 1865. Москва

8 января. Москва.

Сейчас еду в Пензу, многоуважаемый Павел Васильевич, и утруждаю Вас моим письмом единственно с тем, чтоб напомнить об Ал<ексее> Андр<иановиче> Головачеве. Здесь разнеслись слухи, что общий наш знакомый М. А. Языков оставляет службу по акцизу в Туле[1]. Вероятно, на его место будет назначен его помощник, то нельзя ли похлопотать о Головачеве на место этого последнего? Вот моя просьба, и ею я заключаю мое письмо, ибо сию минуту отправляюсь на машину.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте: В С. Петербург. Его высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. На углу Итальянской улицы и Эртелева переулка, в доме Шландера. *Помета Анненкова:* Салтыков 1865. *Почтовые штемпеля:* Москва 9 января *и* С. Петербург 11 янв. 1865. 2 часа.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 36—38.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 39—40.

---

[1] М. А. Языков возглавлял в это время Питейно-акцизное управление в Туле. А. Я. Головачева-Панаева в своих воспоминаниях рассказывает, что видела Салтыкова на литературных вечерах Языкова, друга Белинского, еще в начале 1840-х годов, когда Салтыков был лицеистом (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 46).

201. НАЧАЛЬНИКУ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ФИНАНСОВ Ф. Т. ФАН-ДЕР-ФЛИТУ

16 января 1865. Пенза

16 января 1865 года.

В Канцелярию господина министра финансов.

Имею честь довести до сведения Канцелярии господина министра финансов, что я 14 января сего 1865 года вступил в должность.

Председатель *Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 560, оп. 16, № 13, л. 13. На бланке председателя Пензенской казенной палаты, рукой писаря; только подпись — автограф Салтыкова.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 55.

202. П. В. АННЕНКОВУ

2 марта 1865. Пенза

Пенза, 2 марта.

Тысячу раз прошу Вас извинить меня, многоуважаемейший Павел Васильевич, за мое молчание, которое делается в особенности непростительным после письма Вашего, полученного мною уже в Пензе. Очень сочувствую Вашему печальному положению относительно взятых Вами 5% билетов с выигрышами, но полагаю, что Вы едва ли не поспешили отделаться от них; слышно, что они продаются теперь с премией, а впоследствии, вероятно, будут продаваться еще дороже. Что касается до меня, то я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкою и засасывающею, нежели я предполагал. Гаже и беспорядочнее здешней казенной палаты невозможно себе представить; мало того, что она отнимает у меня все время, но, что всего хуже, я не имею ни малейшего повода заключить, чтоб труд мой принес какой-нибудь плод *для меня* в будущем, т. е. чтобы я когда-нибудь мог приобрести необходимый для меня досуг[1]. И все это за 3 т<ысячи> р<ублей>, которыми я поневоле дорожу, потому что милая моя родительница засеквестровала все доходы с моего имения и я решительно оставлен теперь на произвол судьбы и министерства финансов[2].

О Пензе могу сказать одно: не похвалю. Это до того пошлый отвратительный городишко, что мне делается тошно от одной мысли, что придется пробыть в нем долго. Губернатор здешний вот каков: происхождения из польской шляхты, по-

пал на службу к кн. Воронцову, был у него чем-то вроде метрдотеля и, имея значительный рост и атлетические формы, приглянулся княгине и удостоился разделять ее ложе. Вследствие сего, приобрел силу и у Воронцова, когда тот наместничал на Кавказе, и получал самые лакомые дела[3]. Между прочим, на долю его выпало следствие о греке Посполитаки, известном откупщике, который не гнушался и приготовлением фальшивых денег. Уличив Посполитаки, как следует, Александровский (это губернатор-то и есть) предложил ему такую дилемму: или идти в Сибирь, или прекратить дело и отдать за него, Александровского, дочь с 6 милл<ионами> приданого. Выбран был последний путь, и вот теперь этот выходец — обладатель обольстительной гречанки (от которой теперь, впрочем, остались только кости и кожа) и баснословного богатства. Кроме того, Александровский приобрел 200 т. р. след<ующим> образом. Брат его служил адъютантом у Бебутова[4], который, как известно, не имеет бессребреничества в числе своих добродетелей. После какой-то победы он послал адъютанта своего в Петербург с известием и, пользуясь этим случаем, вручил ему 200 т<ысяч> р., прося пристроить их в ломбарт. Николай сделал Александровского флигель-адъютантом, и тот, исполнивши поручение своего владыки, возвращался восвояси с ломбартными билетами на имя неизвестного. Но на одной из станций около Тифлиса встретился с каким-то проезжим, поссорился и получил пощечину. Должно быть, это сильно поразило новоиспеченного флигель-адъютанта, потому что он застрелился[5]. Билеты перешли к брату, яко к наследнику, и хотя Бебутов писал к нему письма с усовещеваниями, но Александровский остался непоколебим.

Вот Вам глава Пензенской губернии; остальное на него похоже, если не хуже. У меня начинаются складываться Очерки города Брюхова, но не думаю, чтобы вышло удачно[6]. Надобно, чтобы и в самой пошлости было что-нибудь человеческое, а тут, кроме навоза, ничего нет. И как плотно скучился этот навоз — просто любо. Ничем не разобьешь.

Прошу Вас засвидетельствовать почтение от меня и от жены добрейшей Вашей супруге.

Пожалуйста, не забывайте нас; бог даст, когда-нибудь и свидимся.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Что значат стихи Фета («Библ<иотека> для чтения» № 2)

Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человека???...[7]

На конверте: Его высокопревосходительству Павлу Васильевичу Анненкову. В С. Петербурге, на углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шландера. *Почтовый штемпель:* С.-Петербург. 8 мар. 1865. 2 часа.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 1, лл. 35—37.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 40—42.

---

[1] К первым месяцам службы Салтыкова в Пензе относится обширное делопроизводство по вопросу «Об урегулировании торговли и промышленности в Пензенской губернии» (многие черновые бумаги написаны рукою Салтыкова). Кроме того, значительное время заняло у Салтыкова составление «Свода замечаний на инструкцию губернским и уездным казначействам на время опыта единства кассы». Позднее он не раз использовал это «единство кассы» в своей сатире на бюрократию и централизацию.

[2] Три тысячи рублей — оклад (годовой) председателя Казенной палаты. О наложении О. М. Салтыковой запрета на все доходы с ярославского имения Салтыкова — см. в письме 199.

[3] В 1840-х годах будущий пензенский губернатор В. П. Александровский, уголовную характеристику которого дает Салтыков, служил чиновником особых поручений при наместнике Кавказского края кн. М. С. Воронцове. Жена его, кн. Елизавета Ксаверьевна (рожд. граф. Браницкая) славилась своею красотою. В 1820-х годах ею был увлечен Пушкин, посвятивший ей несколько стихотворений.

[4] Генерал-лейтенант кн. В. О. Бебутов I; с 1855 года — начальник Гражданского управления Закавказского края.

[5] Майор А. П. Александровский был «пожалован» флигель-адъютантом 8 августа 1854 года, но уже 28 августа исключен из списков умершим.

[6] «Очерки города Брюхова» не были написаны. Но, по-видимому, к этому замыслу относятся сведения из письма жены асессора Пензенской казенной палаты А. Ф. Максимова о каком-то памфлете («критике») на пензенское общество и пензенскую администрацию, который Салтыков читал в 1865 или 1866 году в местных гостиных (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 509—510).

[7] Этими двумя строками кончается стихотворение А. А. Фета «К молодому дубу», напечатанное в «Библиотеке для чтения», 1865, № 2.

203. Н. А. НЕКРАСОВУ

8 апреля 1865. Пенза

Пенза. 8 апреля.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, нечто для помещения в «Современнике»[1]. Виноват, что замешкался, но, право, было совсем некогда. В августе к 15-му чис-

лу меня вызывает министерство в Петербург, где я и пробуду, по всем вероятиям, не менее как до половины сентября, а может быть, даже и до октября. В Петербург я, наверное, привезу *повесть*[2]. Вероятно, также увижусь и с Вами. Сверх того, быть может, в бытность в Петербурге напишу и фельетон или два, ибо в Петербурге я работаю всегда как-то легче[3]. Но все это, и в особенности фельетоны, должно пройти сквозь цензуру Вашей духовной консистории[4]. Я и теперь иногда не прочь бы что-нибудь милое написать, да подумаешь-подумаешь и скажешь: черт возьми да и совсем. Нехорошо писать даром. Кстати: не желаете ли, чтобы я написал хорошие и милые рецензии на романы: «Некуда», «В путь-дорогу» и «Марево»?[5] Я напишу. Если желаете, то пришлите мне самые романы, кои хотя я и читал, но все-таки недурно иметь их под руками.

Удивляюсь, как Вы допускаете Антоновича так безрасчетно растрачивать Вашу собственность. Вот он уже подарил Благосветлову Ваш винокуренный завод — что же будет, если он в следующей книжке подарит Зайцеву Вашу Карабиху?[6] А от него все может статься. Вы-то при чем останетесь? Что ж делать в сем случае? спросите Вы меня. Разумеется, ничего другого, как только молиться об укрощении антоновичевского духа. Составленную на сей предмет молитву я вместе с сим посылаю к Головачеву, на коем, как на секретаре, лежит обязанность приносить за всю редакцию прошения и благодарения[7].

И зачем Антонович так плодит? Вот, например, по поводу разъяснения Зайцеву ощущений и побуждений внешних и внутренних, стоило бы только сказать, что, по мнению Зайцева, то, что происходит *на* носу, принадлежит к области физиологии, а что происходит *в* носу, принадлежит к области психологии, или иначе, в носу начинается психология, а так как в носу как и в <———> очень темно, то и т. д. Было бы понятнее[8].

Благодарю за книгу и за «Современник»[9], которым, однако ж, утешаюсь в весьма ограниченной степени.

Прощайте; право, когда-нибудь напишите мне, и, между прочим, будете ли в сентябре в П.-бурге. А впрочем, если и напишете, что будете — все-таки не будете. Таков у Вас нрав обманный[10].

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 336, оп. 3, ед. хр. 32, лл. 8—9. Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 43—45.

[1] «Завещание моим детям». Некрасов собирался опубликовать его в опаздывавшей мартовской кн. *Совр.* (ценз. разр.— 22 марта и 21 апреля), о чем свидетельствует его помета на сохранившейся части рукописи: «Совр.», № 3, цицеро. Набирайте скорее и поместите в эту книжку. Некрасов». Однако опубликовать «Завещание...» удалось, да и то в искаженном цензурой виде лишь в *Совр.*, 1866, № 1 (см. т. 7 наст. изд., стр. 542—548).

[2] «Тихое пристанище». Это произведение задумано было как «большой роман» еще в конце 1850-х годов; к работе над ним, уже в жанре повести, Салтыков возвращался на протяжении многих лет. Однако закончено и напечатано оно не было. См. т. 4 наст. изд.

[3] Состоялась ли осенью 1865 года поездка Салтыкова в Петербург, неизвестно. Никаких произведений Салтыкова в *Совр.* 1865 года не появилось.

[4] «Духовной консисторией» Салтыков шутливо называл критиков и публицистов «Современника»: Пыпин (по матери), Елисеев и Антонович — все происходили из духовной среды. В данном случае непосредственно имеется в виду Антонович, представлявший в то время литературно-критическую часть редакции.

[5] Называются антинигилистические романы Н. С. Лескова — «Некуда»; П. Д. Боборыкина — «В путь-дорогу» и В. П. Клюшникова — «Марево». В конце 1864 — начале 1865 года они вышли отдельными изданиями. Специальных рецензий на эти романы Салтыков не написал, но неоднократно полемизировал с этими и другими произведениями антинигилистической литературы в своей критике и публицистике. О «Некуда» он подробно говорит в рецензии на двухтомное изд. «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого». См. тт. 6 и 9 наст. изд. по указателям имен.

[6] В имении Карабиха, которое Некрасов «для собственного проживания летом» купил в конце 1861 года, был винокуренный завод. Управлявший имением брат Некрасова, Федор Алексеевич, по соглашению с поэтом, значительно перестроил и расширил завод как свою собственность, а через несколько лет (в 1865—1866 гг.) купил у него и Карабиху. Здесь и ниже Салтыков иронизирует над предметом и приемами полемики Антоновича с «Русским словом». В *Совр.*, 1865, № 1, в статье «Литературные мелочи» («Русскому слову». Денежное несчастие с г. Благосветловым») Антонович («Посторонний сатирик») высмеял напечатанное в «Русском слове», 1864, № 12, объяснение «От редакции» о том, что писатель М. Воронов, получив аванс за повесть «Тяжелые годы», конец ее не представил в редакцию. Благосветлов ответил Антоновичу в «Русском слове», 1865, № 1, статьей «Буря в стакане воды, или Копеечное великодушие г. Постороннего сатирика». Антонович полностью перепечатал это необычное для журнальных традиций объяснение в *Совр.*, 1865, № 2 — «Глуповцы в «Русском слове» (посв. Г. Е. Благосветлову)». Перепечатка сопровождалась полемическими комментариями. В частности, после слов Благосветлова «у меня нет винокуренных заводов», намекавших на Некрасова, Антонович замечал в скобках: «А у меня их два, и один я думаю подарить вам; надеюсь, не откажетесь».

[7] Это шутливое послание Салтыкова секретарю редакции *Совр.* А. Ф. Головачеву неизвестно.

[8] В «Русском слове», 1864, № 12, В. А. Зайцев поместил статью о Шопенгауэре «Последний философ-идеалист». Антонович отвечал ему в *Совр.,* 1865, № 2, полемической статьей «Промахи». Доказывая в ней, что Зайцев не понял статью Сеченова «Рефлексы головного мозга», в частности, один из основных тезисов ее: «психический акт не может явиться в сознании без внешнего чувства возбуждения», Антонович подробно, на пяти страницах, разъяснял, почему «возбуждения от полостей», то есть внутренних органов, нельзя считать возбуждениями «внутренними».

[9] Вероятно, «Стихотворения Н. А. Некрасова», СПб., 1864, и *Совр.,* 1865, № 2.

[10] Некрасов вернулся в Петербург из Карабихи в первой половине сентября 1865 года (*Некрасов,* т. 11, стр. 48).

1866

204. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ Я. А. КУПРЕЯНОВУ

Телеграмма

4 ноября 1866. Пенза

Согласен с удовольствием [1].

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес: Из Пензы, 4 ноября 1866 г. Петербург, директору департамента государственного казначейства.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 565, оп. 9, 1866, ед. хр. 134563, л. 999. Впервые опубликовано: *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 798.

[1] Салтыков подтверждает свое согласие на предложенный ему перевод из Пензы в Тулу на ту же должность управляющего Казенной палатой.

205. БАРОНУ Г. О. РОЗЕНУ

Телеграмма

13 ноября 1866. Пенза

Будьте добры уведомьте, состоялся ли предложенный мне перевод в Тулу [1]. Ответ оплачен.

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес: Из Пензы, 13 ноября 1866 г. Петербург, Литейная, дом Пеля, барону Розену.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 565, оп. 9, 1866, ед. хр. 134563, лл. 104—105. Впервые опубликовано: *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 798.

[1] Лицеист, участник Севастопольской обороны, знакомый Герцена и Огарева, корреспондент «Колокола», барон Г. О. Розен занимал в Пензе

должность управляющего акцизом и близко сошелся с Салтыковым. Запрос Салтыкова был передан Розеном директору Департамента Государственного казначейства Купреянову, и тот на другой день, 14 ноября 1866 года, телеграфно сообщил Салтыкову о состоявшемся переводе его в Тулу (*ЦГИА,* цит. дело, л. 105). К месту нового назначения Салтыков, однако, приехал лишь 28 декабря, по миновении предоставленного ему отпуска, проведенного в Петербурге.

1867

206. А. Ф. КАБЛУКОВУ

1 февраля 1867. Тула

Тула. 1 февраля.

Извините меня, многоуважаемый Алексей Федорович, что давно не отвечал на Ваше письмо от 3-го февраля [1]. Причина тому была хлопоты по устройству и по службе [2]. Вещи и мебель из Витенева доставлены благополучно, за что и приношу Вам искреннюю мою благодарность. Матвей Васильевич пишет, что он сдал Вам что есть в Витеневе и оставшуюся у него на руках сумму, но не пишет, уплатил ли Корочкин недоимку как за постоялый двор, так и за мельницу за сентябрьскую треть [3]. Ежели не уплатил, то, пожалуйста, взыщите с него; да нельзя ли так устроить, чтоб он и за январскую треть отдал, потому что условие у нас было отдавать деньги за треть вперед. Из имеющихся у Вас денег прошу Вас удовлетворить и себя условленным содержанием; я же просил бы Вас по истечении месяца присылать мне краткий счет полученным деньгам и произведенным расходам [4].

Еще Матвей Васильевич не докончил одного дела: отдал в уездную управу мой план (для поверки количества земли) и оттуда его не вытребовал. Сделайте одолжение, вытребуйте как-нибудь и храните у себя.

Я хотел совершить на Ваше имя законную доверенность, но палата встретила затруднение в том, что звания зубного врача нет [5]. Сделайте одолжение, уведомьте Ваше настоящее звание, и тогда я немедленно вышлю Вам доверенность, по которой Вам действовать будет удобнее.

Прошу Вас передать от меня и от жены глубочайшее и искреннейшее уважение добрейшей и почтеннейшей Марье Ивановне [6]. Всем Вашим и их домашним потрудитесь также от нас поклониться.

Затем, искренно желая Вам всего лучшего, остаюсь навсегда

преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 1—2. Публикуется впервые.

Этим письмом начинается серия еще не бывших в печати писем Салтыкова к фактическому управляющему его подмосковным имением Витенево, купленным в начале 1862 года на имя жены. Крепостной человек калужского помещика Тутолмина А. Ф. Каблуков — отец известного впоследствии ученого физика-химика, почетного академика И. А. Каблукова — был обучен фельдшерскому и зубоврачебному делу. После смерти Тутолмина он получил, по его завещанию, вольную и, сдав экзамены на диплом в Московском университете, поступил на службу врачом для крестьян, сначала к гр. Панину, в усадьбу Марфино, а потом, в 1857 году, к помещику Крымову, владельцу соседнего с Витеневом сельца Пруссы. В 1867 году Салтыков по рекомендации вдовы умершего Крымова, Марии Ивановны (почти каждое письмо заканчивается приветствиями в ее адрес), обратился к Каблукову с просьбой взять на себя присмотр за Витеневом. Предложение было принято, что положило начало и послужило главным содержанием (хозяйственным) десятилетней переписки Салтыкова и его жены с Каблуковым, вплоть до 1877 года, когда Витенево было продано (С. Макашин. Письма М. Е. и Е. А. Салтыковых к А. Ф. Каблукову. Обзор.— *ЛН,* т. 67, стр. 520—529).

---

[1] Описка Салтыкова: нужно, видимо, 3 января. Письмо Каблукова неизвестно.

[2] Салтыков приехал в Тулу 28 декабря 1866 года и на следующий день вступил в управление Казенной палатой.

[3] Письмо Матвея Васильевича, предыдущего управляющего Витеневом, неизвестно.

[4] Настоящего помещичьего хозяйства в Витеневе при Салтыкове не было, хотя покупка имения и была сделана с целью заняться им (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 651—652). Здесь не пахали, не сеяли, не жали «от помещика». Почти все земли и все остальные источники дохода — водяная мельница с плотиной, бумажная фабрика (вскоре проданная), отдельные строения, сдавались в аренду. В одном из строений съемщик М. И. Корочкин — московский мещанин-толстосум, из породы щедринских Колупаевых и Разуваевых — устроил постоялый двор.

[5] Звание «зубного лекаря» было присвоено Каблукову дипломом Московского университета.

[6] Крымовой (см. выше).

207. А. Ф. КАБЛУКОВУ

20 марта 1867. Тула

20 марта. Тула.

Искренно благодарен Вам, многоуважаемый Алексей Федорович, за Ваше письмо[1]. Посылаю Вам доверенность, данную женою на Ваше имя, которая дает Вам свободу в действиях. Из приложенного Вами отчета я вижу, что у Вас денег осталось к 1-му марта около 300 р. Сверх того, следует получить с Корочкина за аренду постоялого двора и мельницы с лишком 200 р. Поэтому ежели Вам не предстоит больших расходов по имению, то будьте так добры, вышлите мне в Тулу 150 р., а буде Корочкин отдаст, то и 200 р., так как я весьма нуждаюсь. Но не наступил ли срок страховать что-нибудь? Помнится мне, что срок в декабре, но все-таки потрудитесь взглянуть в полисы и напишите мне. Когда страхована мельница? Может быть, жена соберется летом на месяц в Витенево, то потрудитесь набить погреб льдом. Но если бы сыскался кто-нибудь желающий нанять на лето дом, то охотно бы мы уступили его. Напишите, пожалуйста, целы ли хоть кадки на погребе, а то без этого и ехать в Витенево нельзя будет.

Нельзя ли продать скотный двор. Матвей Васильевич писал, что 250 р. давали, да так и кончилось этим дело. Я боюсь, что он совсем сгниет. Посмотрите, пожалуйста, также, как поживает за рекой дом, выстроенный Нейфельдом[2]. Нельзя ли и его продать? Контракт Горностаевский или, лучше сказать, копию с него обещался мне выхлопотать Матвей Васильевич, но, верно, на него надежда плохая. Поэтому, будьте так добры, примите это дело на себя. О том, куда следует подать прошение[3], Вы можете узнать от приятеля моего Алексея Николаевича Плещеева[4]. Видеть его можно в Контрольной палате (на Воздвиженке, в том же доме, как и Казенная палата). Ему это дело известно. Контракт был заключен в сентябре 1864 г. у маклера Власова.

Напишите, пожалуйста, какие ваши предположения насчет земли?

Когда сойдет снег, то потрудитесь, пожалуйста, осмотреть лес как при Пестовской дороге, так и за рекой и на Поповой Кулисе. Находите ли вы Семена благонадежным.

Милостивой государыне Марье Ивановне и всем вашим потрудитесь передать от меня и от жены почтение.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 3—4. Публикуется впервые.

---

[1] Письмо А. Ф. Каблукова неизвестно.

[2] Немец-арендатор, пользуясь доверчивостью Салтыкова, чуть было не обманул его на крупную сумму. Тем не менее Салтыков сдавал ему впоследствии часть имения. См. письмо 221 и *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 651—652.

[3] Прошение Салтыкова мировому судье Болышевского участка Московской губ. и уезда было подано в конце июля 1867 года. См. Приложения, V.

[4] Салтыков был дружески связан с А. Н. Плещеевым, начиная с конца 1840-х годов, когда они оба участвовали в собраниях «петрашевцев».

208. А. Ф. КАБЛУКОВУ

5 апреля 1867. Тула

5 апреля. Тула.

20 марта я послал к Вам, многоуважаемый Алексей Федорович, доверенность и в то же время просил о присылке мне 200 р. денег[1]. Имея крайнюю надобность в сих последних, вновь покорнейше прошу Вас поспешить их высылкою.

Прошу Вас передать наше почтение многоуважаемой Марье Ивановне и всем Вашим.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 5. Публикуется впервые.

---

[1] См. письмо 207.

209. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ М. Х. РЕЙТЕРНУ

5 апреля 1867. Тула

5 апреля
1867 года.

Господину министру финансов.

Имея надобность в представлении вашему высокопревосходительству некоторых объяснений по делам службы, позво-

ляю себе покорнейше просить разрешения вашего прибыть на несколько дней в Петербург во время праздников Святыя Пасхи.

Управляющий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 560, оп. 16, № 130, л. 16. На бланке управляющего Тульской казенной палатой, рукой писаря; подпись — автограф Салтыкова.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 55.

Напряженные взаимоотношения с пензенским губернатором В. П. Александровским заставили Салтыкова проситься о переводе на ту же должность в другой город (*Пантелеев*, стр. 183). В ноябре 1866 года Салтыков был назначен управляющим Тульской казенной палаты и в конце декабря вступил в должность (*Салтыков в воспоминаниях*, стр. 798). Но и в Туле, так же как в Пензе и Рязани, Салтыков сразу же не поладил с губернатором М. Р. Шидловским — одним из самых ретроградных представителей высшей администрации царизма. Комментируемое официальное письмо было вызвано необходимостью для Салтыкова объясниться с министром по поводу одной из ссор с Шидловским. Ответом было отношение министра Рейтерна от 14 апреля 1867 года с разрешением Салтыкову прибыть на десять дней в столицу (*ЦГИА*, цит. ф. и д.).

210. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ М. Х. РЕЙТЕРНУ

13 апреля 1867. Тула

13 апреля
1867 года.

Господину министру финансов.

Господин тульский губернатор беспрерывно присылает в Казенную палату своих чиновников за различными справками, в особенности же по делам о недоимках.

Чиновники эти, являясь в палату, решительно отвлекают делопроизводителей ее от занятий.

Я неоднократно просил лично г. губернатора устранить эти посещения, тем более что нет и закона, который бы ставил палату под гнет беспрерывной ревизии губернаторских чиновников, но ходатайства мои остались без успеха. Не далее как сего числа, пришедши в палату, я застал, что в отделении казначейств занимаются два чиновника губернатора, гг. Лавров и Голиков, без всякой церемонии перерывая дела и бумаги, несмотря на то, что, по случаю табельного дня, того

чиновника, в ведении которого состоят требующиеся дела и который бы мог доставить нужную справку, налицо в палате не было.

Имея в виду, что подобное беспрерывное вмешательство в дела палаты, по предметам большею частию весьма не важным и не требующим особенной спешности, отвлекает подведомственных мне чиновников от занятий более серьезных и ставит палату в невозможность быть исправною, я считаю долгом представить о сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и покорнейше просить распоряжения вашего, чтобы палате были даны способы спокойно заняться исправлением тех недостатков, на которые постоянно жалуется генерал-майор Шидловский и которых устранение замедляется собственно оттого, что г. Шидловский не дает возможности пристально и серьезно заняться каким-либо делом.

Управляющий
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 560, оп. 16, № 130, лл. 18—19. На бланке управляющего Тульской казенной палатой; рукой писаря; только подпись — автограф Салтыкова.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 56.

По поводу этой жалобы министр Рейтерн 5 мая запросил объяснений у губернатора Шидловского. Последний отвечал подробным донесением 15 мая: Салтыков не допускает исправников и губернаторских чиновников в канцелярию Казенной палаты, так что, иронизировал губернатор, он сам собирается ездить за справками, надеясь, что ему-то, может быть, не откажут; Салтыков добивается полной независимости от начальника губернии и держит себя с ним так резко, что губернатор вынужден избегать личных встреч (*ЦГИА,* цит. ф.).

211. А. Н. ПЫПИНУ

18 апреля 1867. Тула

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Посылаю при сем справку по делу о выкупном объявлении г. Благовещенского, которому следует затем хлопотать уже в Гл<авном> вык<упном> учреждении. Более не пишу, потому что надеюсь видеть Вас в Петербурге, куда на днях собираюсь.

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков.

Тула. 18 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 621, № 750, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 23—24.

В апреле в Туле Салтыков мог быть только в 1867 году, так как приехал сюда на службу в конце декабря 1866 года, а уехал — был переведен в Рязань — в октябре 1867 года.

О каком Благовещенском идет речь в записке, установить не удалось. Вряд ли об известном литераторе Н. А. Благовещенском, как это раньше комментировалось. Он был разночинцем, имений не имел и, следовательно, не мог участвовать в выкупных операциях.

212. А. Ф. КАБЛУКОВУ

20 апреля 1867. Москва

Москва. 20 апреля.

Я нахожусь в Москве проездом в Петербург, многоуважаемый Алексей Федорович. Из Петербурга буду обратно в Москве 27-го, т. е. в четверг на Фоминой. Вы бы весьма меня обязали, если б приехали на несколько часов в Москву для свиданья со мной. Я останавливаюсь на углу Газетного переулка и Петровки в гостинице «Франция».

Прошу передать мое почтение милостивой государыне Марии Ивановне и всем Вашим.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 22.
Публикуется впервые.

Датируется по упоминанию «четверга на Фоминой» неделе, приходившегося на 27-е число. Совпадение этих календарных данных относится к 1867 году.

213. А. Ф. КАБЛУКОВУ

25 мая 1867. Тула

Тула. 25 мая.

Благодарю Вас, многоуважаемый Алексей Федорович, за Ваши хлопоты по востребованию копии с контракта горностаевского[1]. Я полагаю, что жена моя приедет в Москву 16-го,

а в Витенево 17 июня. Но наверное я буду иметь возможность известить Вас только перед самым ее отъездом. Я вышлю письмо к Вам 10-го числа и попрошу Вас 13-го или 14-го числа за ним послать в Москву. Насчет земли думаю, что было бы недурно, если б крестьяне дали 450 р., но, впрочем, прошу Вас в этом случае действовать по Вашему усмотрению. Для приезда жены покамест нужно, во-первых, выставить в доме окна, выходящие на реку, и окна в комнатах, которые идут от кабинета, против церкви; в прочих комнатах окон не выставляйте[2]. Во-вторых, надобно прополоть клубнику; полагаю, что два раза в лето будет достаточно, и думаю, что теперь, когда к<рестья>не обсеялись, до навозницы самое время это сделать.

Но возьмет ли Корочкин на съем место за парком, где были прежде оранжереи. Он прежде его брал за 50 р., но я полагаю, что и 40 р. достаточно. Это тем более желательно, что у него есть лошадь и корова, которые, вероятно, и без того тут пасутся.

Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы к<рестья>нам и их детям было невозможно шататься по нашему парку и саду. Целы ли ворота, ведущие в парк. Ужасно скучно, что эти негодяи все ломают.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне Марье Ивановне и всем Вашим. Засим в ожидании скорого свидания остаюсь преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 6—7. Публикуется впервые.

---

[1] Об иске к Горностаеву по поводу нарушения им контракта см. письмо 207, прим. 3.

[2] Дом был одноэтажный, деревянный, на каменном фундаменте, в двенадцать окон и большим балконом по фасаду, обращенным к реке Уче. Сзади дома был сад, переходящий в парк. В настоящее время от бывшей усадьбы Салтыкова сохранились лишь часть парка и остатки фундамента дома. От села Витенево эту часть усадьбы ныне отделяет Канал имени Москвы, проложенный здесь по руслу реки Учи.

214. А. Ф. КАБЛУКОВУ

9 июня 1867. Тула

Тула. 9-го июня.

Многоуважаемый Алексей Федорович.

Жена выедет отсюда 20-го числа, а в Витенево приедет 21-го по 4-часовой машине. Потрудитесь, пожалуйста, к этому времени выслать лошадей. Будьте так добры также приказать вымыть полы в доме и в кухне и почистить несколько в саду.

Милостивой государыне Марье Ивановне и всем Вашим потрудитесь передать от нас почтение.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 8.
Публикуется впервые.

215. Ф. А. ВОНЛЯРСКОМУ

11 июля 1867. Тула

Тула. 11 июля.

Прошу у Вас извинения, многоуважаемый Федор Ардальонович, что до сих пор не отвечал на Ваше письмо. Во-первых, меня страшно обуревает лень, во-вторых, ездил по губернии и, в-третьих, был у жены в деревне, куда и опять дней на десять на днях отправляюсь[1]. Крайне благодарен Вам за память и надеюсь предстоящей зимой быть в Петербурге и разделить с Вами время. Очень верю, что вам скучно; новые Ваши обязанности далеко не привлекательны[2]. В Пензе эта служба далеко не так несносна, в Петербурге же Вы имеете дело совсем с другими лицами. Я думаю, что для Вас было бы полезнее удалиться в уезд; и жизнь дешевле и дело сподручнее. Крайне рад, что у Вас Софья Федоровна[3] и что она здорова и воспитывается в правилах благочестия. Таким образом, желание Марии Федоровны осуществилось[4], и теперь надобно озаботиться исполнением другого желания относительно Антона Федоровича. Вероятно, он ждать себя не заставит.

К Розену я не пишу, ибо опасаюсь оторвать его от государственных занятий[5]. Будьте так добры, узнайте от него, можно ли надеяться на возвращение Купреянова к прежней должности, а также на возвращение Грота[6]. Для меня это во-

просы первой важности, ибо если этих лиц не будет, то Министерство финансов сделается для меня пустыней и мне будут строить одни пакости. О себе скажу Вам одно: ленюсь и скучаю безмерно и даже не могу преодолеть себя, потому что палатская служба опротивела до тошноты. Не знаю, что со мной и будет, ежели не выручит какой-нибудь случай. Я вообще не из тех людей, которые удобно и скоро пристраиваются, а теперь еще более стал брюзглив и нетерпелив. К этому еще присоединились денежные затруднения. Литературного ничего в голову не идет, кроме самого непозволительного. Коли хотите, я и пишу, но единственно для увеселения потомства[7].

Сегодня я получил на имя жены письмо. Судя по почерку, должно быть, это Марья Федоровна. Разумеется, оно лежит нераспечатанное, а так как жена в деревне и я буду у нее не ближе 22-го числа[8], то письмо должно покуда пролежать у меня. Во всяком случае, бог наградит М. Ф. за ее добродетель.

Прощайте и покуда не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Барону и баронессе передайте мой глубочайший поклон[9].

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 694 (герцогов Мекленбург-Стрелицких), оп. 1, № 937.

Впервые опубликовано: «Красный архив», 1941, т. 2 (105), стр. 160. Повторная публикация: *ЛН,* т. 67, стр. 475—476.

Ф. А. Вонлярский — пензенский помещик и сослуживец Салтыкова по Пензенской казенной палате. В конце 1866 года он переехал в Петербург и продолжал службу в центральном аппарате Министерства финансов («Новое время», 1903, № 9879 от 5 сентября — некролог).

---

[1] По губернии Салтыков путешествовал с 25 мая по 1 июня; в Витенево, к жене, ездил с 22 по 30 июня и вновь уехал 13 июля; в Тулу возвратился 20-го того же месяца («Тульские губернские ведомости», 1867, №№ 22, 26 и 29).

[2] Вонлярский занимал должность старшего ревизора Департамента неокладных сборов Министерства финансов.

[3] Так Салтыков шутливо именует новорожденную дочь Вонлярских.

[4] Жена Вонлярского, рожд. Уварова.

[5] Барон Г. О. Розен был племянником декабриста А. Е. Розена. Как и Салтыков, воспитывался в Александровском лицее, который окончил в 1848 году. Участник Крымской войны. С 1861 по 1866 год служил в Пензе, возглавляя местное Питейно-акцизное управление. К началу этого периода

относится заграничная поездка Розена, во время которой он познакомился в Лондоне с Герценом и Огаревым и стал корреспондентом «Колокола». В донесении в III Отделение пензенского жандармского штаб-офицера А. Глобы от 23 апреля 1866 года отмечалось, что Салтыков «с управляющим Пензенским акцизом, бароном Розеном, человеком давно уже не отличающимся добрыми верноподданническими чувствами,— ведет большую приязнь» (Б. Бухштаб. После выстрела Каракозова.— «Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 61—67). Эту «приязнь» Салтыков сохранил к Розену и впоследствии. Он встречался с ним как в Петербурге, куда Розен перешел на службу (впоследствии став сенатором), так и во время своих заграничных поездок.

[6] «Прежняя должность» Я. А. Купреянова была — старший ревизор Министерства финансов; К. К. Грота — директор Департамента неокладных сборов того же министерства.

[7] Имеются в виду два «непозволительных» — в цензурном отношении — произведения, которые были написаны Салтыковым в это время: наброски сатиры на пензенские нравы и быт — «Очерки города Брюхова» и памфлет-гротеск на начальника Тульской губернии Шидловского — «Губернатор с фаршированной головой» (*Салтыков в воспоминаниях*, стр. 508—511).

[8] Салтыков в точности рассчитал свой приезд. В его Прошении мировому судье по конфликтному делу с арендатором Горностаевым сказано: «прибыв 22 сего июля в Витенево...» (*ЦГАЛИ*).

[9] Г. О. Розену и его жене.

216. А. Ф. КАБЛУКОВУ

2 августа 1867. Москва

Москва. 2 августа.

Горностаев не явился на вызов; поэтому мировой судья решит это дело на месте и вызовет Вас, многоуважаемый Алексей Федорович[1]. Если бы вызов этот замедлился, то будьте так добры в субботу 12-го числа съездить на витеневских лошадях в Болышево и напомнить г. Любимову его обещание кончить это дело на днях.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Прошу Вас уведомить меня, чем кончится это дело.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, л. 9.
Публикуется впервые.

[1] О «деле» с купцом Горностаевым см. письма 207 и 213, а также Приложения, V. Любимов — мировой судья Болышевского участка Московской губ. и уезда.

217. А. Ф. КАБЛУКОВУ

15 августа 1867. Тула

Тула. 15 августа.

С удивлением узнал я, многоуважаемый Алексей Федорович, что Вы не получили письма моего, посланного в Москве по городской почте[1]. Этим письмом я уведомлял Вас, что Горностаев к разбирательству не явился и что Любимов обещал разобрать мою претензию на месте[2]. Вместе с тем я просил Вас, ежели дело это замедлится, то напомнить об нем г. Любимову. Очень было бы досадно, если б Горностаев и в этот раз ушел без наказания. Нам с ним еще три года возиться, и ежели он каждый раз будет такие штуки проделывать, то это будет накладно.

Отвод крестьянам земли также, по желанию моему, отложен до вытребования от Вашлинина <?> объяснения.

Вот все, что я покамест имею Вам сказать о делах. Будьте так добры, исполните относительно сада и грунтового сарая то, об чем мы с Вами лично условливались. Напишите также, согласились ли Вы с Корочкиным и каким образом. Прикажите забить досками окна за рекою.

Прошу Вас засвидетельствовать мое и жены почтение милостивой государыне Марии Ивановне и всем Вашим. Мы горячо благодарим Марию Ивановну за ее доброту и одолжения, которыми она нас осыпала прошлым летом.

Затем, желаю Вам всех благ, остаюсь преданный Вам

М. Салтыков.

Буде крестьяне и Корочкин отдадут деньги 1-го сентября, то будьте так добры прислать рублей двести мне в Тулу. Я крайне нуждаюсь.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 10—11. Публикуется впервые.

---

[1] Несомненно, это письмо 216, помеченное «Москва. 2 августа». Оно было получено адресатом, но, по-видимому, с опозданием.

[2] Об иске к купцу Горностаеву, разбиравшемся мировым судьей Любимовым, см. письма 207, 213, 216, а также Приложения, V.

218. НАЧАЛЬНИКУ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ГЕНЕРАЛУ М. Р. ШИДЛОВСКОМУ

19 сентября 1867. Тула

Г. Тульскому губернат<ору>

Им<ею> ч<есть> пок<орнейше> пр<осить> В<аше> П<ревосходительст>во разрешить мне воспользовать<ся> отпуском в С<анкт->П<етер>-бург и Москву на 28 дней.

Лист гербовой бумаги <в 1 рубль(?)> при сем прила<гаю>.

<Управляющий Тульской Казенной палатой>

Салт<ыков>.

Отпускное прошение Салтыкова. На полях бумаги рукою писаря: «19 сентября, № 17720». Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1. Публикуется впервые.

Накануне, 18 сентября 1867 года, Салтыков получил из Министерства финансов телеграмму о необходимости ввиду сложившихся конфликтных отношений с начальником Тульской губернии Шидловским избрать другую Казенную палату (*ЦГИА,* ф. 565, оп. 9, 1867 г., ед. хр. 34566, л. 496). Салтыкову не хотелось уступать настояниям губернатора, и, взяв отпуск, он отправился для переговоров в Петербург. Но, приехав в столицу, он узнал, что Шидловский жаловался на него самому царю. Министру финансов Рейтерну с трудом удалось заменить грозящую Салтыкову отставку (как оказалось ненадолго) переводом его из Тулы в Рязань. В Тулу для сдачи должности Салтыков приехал 28 октября («Тульские губернские ведом.», 1867, № 40).

219. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ Я. А. КУПРЕЯНОВУ

Телеграмма

19 сентября 1867. Тула

Прошу обождать, в субботу буду в Петербурге лично[1].

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес: Из Тулы, 19 сентября 1867 г. Петербург. Директору Департамента государственного казначейства Купреянову.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 565, оп. 9, 1867 г., ед. хр. 34566, л. 497.

Впервые опубликовано: *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 800.

---

[1] См. прим. к письму 218. В Петербург Салтыков приехал в субботу 23 сентября.

220. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ М. Х. РЕЙТЕРНУ

8 ноября 1867. Рязань

8 ноября 1867.

Господину министру финансов.

Вступив сего числа в управление Рязанскою казенною палатою, имею честь донести о сем вашему высокопревосходительству.

Управляющий

Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 560, оп. 16, № 130, л. 27. На бланке управляющего Рязанской казенной палатой, рукой писаря; только подпись — автограф Салтыкова.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 56.

221. А. Ф. КАБЛУКОВУ

13 ноября 1867. Москва

Москва. 13 ноября.

Письмо это, многоуважаемый Алексей Федорович, передаст Вам Егор Мартынович Лианозов, председатель конкурса[1] по делам Нейфельда. Он предлагает купить завод с торгов и просит у меня в таком случае оставить за ним мельницу и всю заречную часть земли. Дает 600 р. в год, т. е. на 100 р. больше, нежели мы предполагали взять с Корочкина. Но так как это дело, т. е. продажа завода, должно окончательно состояться 14-го декабря, то г. Лианозов просит не заключать с Корочкиным до тех пор контракт. При этом он обязался, что ежели от этого произойдет для меня убыток, т. е. ежели с Корочкиным дело расстроится, а с Лианозовым почему-либо не состоится, и другой арендатор будет давать менее, нежели давал Корочкин, то разницу г. Лианозов обязуется уплатить. Поэтому, будьте так добры, протяните дело с Корочкиным до 14 декабря, не объявляя ему, впрочем, о переговорах с Лианозовым. 15-го же декабря съездите в Москву к Лианозову (которого адрес узнаете от подателя сего письма) и окончательно осведомьтесь от него, в каком положении дело. С Лианозовым я заключу контракт сам на 12 лет, причем постараюсь, чтобы последние 6 лет получать по 700 р.

Марье Ивановне и всем Вашим потрудитесь передать наш поклон. Жена, которая здесь в Москве, тоже свидетельствует всем почтение.

Будьте здоровы. Уважающий Вас

М. Салтыков.

Корочкин может остаться и при одном питейном доме, ежели крестьяне не пожелают уничтожить свой.

Печатается впервые: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 125, лл. 112—113.
Публикуется впервые.

---

[1] Конкурс — здесь — собрание кредиторов для рассмотрения дел несостоятельного должника и использования его имущества. В данном случае рассматривалось дело немца-предпринимателя Нейфельда, арендовавшего у Салтыкова в Витеневе усадебную землю с мельницей и построившего там винокуренный завод и питейный дом. См. письмо 207.

222. Н. А. НЕКРАСОВУ

14 ноября 1867. Рязань

Рязань[1]. *14 ноября.*

Вследствие письма Вашего[2], многоуважаемый Николай Алексеевич, посылаю Вам «Нового Нарцисса», которого я значительно сократил и переделал[3]. Я полагаю, что нет причин, которые могли бы воспрепятствовать печатанию этой статьи, ибо для всех ясно, в чем заключается делаемый мною упрек[4].

Пишу и еще статейку, которую через две недели пришлю *непременно*[5]. Желал бы служить Вам бо́льшим, но не хватает силы. Нахожусь в большом унынии.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 336, оп. 3, № 39, лл. 8—9.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 45—46, с неверной датой «19 ноября», перешедшей в *Изд. 1933—1941*, т. XVIII, стр. 198.

---

[1] В середине сентября 1867 года Салтыкову ввиду его резко обострившихся отношений с тульским губернатором Шидловским было предложено избрать для продолжения службы Казенную палату в какой-либо другой губернии. Вскоре (13 октября) он был назначен в Рязань (подробнее см. прим. к письму 218).

[2] Это письмо Некрасова неизвестно.

[3] В первоначальной редакции, известной Некрасову (см. письмо 224) и перерабатывавшейся по его совету с учетом цензурных обстоятельств, очерк назывался «Новый Нарцисс, или Пагубная страсть к самовосхвалению» (*ИРЛИ*, ф. 366, оп. 1, № 77).

[4] «Новый Нарцисс» был напечатан в *Отеч. записках,* 1868, № 1. Обличение политического бессилия земства, созданного реформой 1864 года, было враждебно встречено либеральной прессой. См. т. 7 наст. изд., стр. 551.

[5] Был прислан рассказ из «помпадурского» цикла «Старый кот на покое». См. письмо 223.

223. Н. А. НЕКРАСОВУ

26 ноября 1867. Рязань

Недели полторы тому назад послал я Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, один рассказ; теперь посылаю другой [1]. После этого я получил от Вас телеграмму о том, что «Отеч. записки» переходят к Вам без участия Краевского, и искренно сожалел, что все это случилось месяцем позже. Желательно бы знать, на каких условиях и каким образом это случилось. Ответ я уже послал Вам в тот же день по телеграфу. Я просил Вас объявить меня в качестве сотрудника потому собственно, что из Вашей телеграммы не мог видеть, в чем заключается Ваше предложение [2]. Рассказы мои, ежели признаете возможным, поместите, но при этом я желал бы, чтобы первым помещен был «Нарцисс», а потом, спустя месяц или два, «Старый кот на покое» [3]. Прочитайте этот последний и обсудите, можно ли печатать его безопасно. Хорошо было бы, ежели бы Вы дали прочесть кому-нибудь из членов Совета [4]. Хотя я и не вижу в нем ничего особенного, но так напуган всеми бывшими со мной передрягами, что боюсь даже самой невинной шутки. Не хотите ли, чтоб я писал Вам что-нибудь кроме рассказов, периодически, и какие будут Ваши условия [5]. До Рождества я пришлю Вам еще что-нибудь; не спешу, потому что теперь идет дело не о сборнике, а о журнале, который будет притом выходить не один, а два раза в месяц<!>; [6] следовательно, нет надобности в очень скорой работе. Еще одна просьба: если Вы признаете мои рассказы удобными к помещению, то не можете ли одну половину следующего мне гонорария обращать на погашение должных мною 600 р., а другую высылать мне. Вы бы даже весьма обязали меня, если б впредь до расчета выслали теперь 200 р. [7] Впрочем, я еще не знаю, по каким ценам Вы предполагаете меня рассчитывать, и ожидаю от Вас уведомления. Впрочем, я не сомневаюсь, что тут затруднений не может быть.

В ожидании от Вас скорого известия остаюсь Ваш

Рязань. 26 ноября. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 12.
Впервые (неисправно) опубликовано: *Письма,* стр. 46—47.

---

[1] Ранее был послан «Новый Нарцисс...», с наст. письмом — «Старый кот на покое». См. письма 222 и 224.

[2] Еще в июле 1867 года Краевский и Некрасов вели переговоры об участии последнего в редактировании принадлежавших Краевскому *Отеч. записок.* Позднее в ходе переговоров Некрасову удалось получить согласие Краевского на то, чтобы привлечь к участию в издании руководящую группу запрещенного «Современника». Однако находившийся в середине октября 1867 года в Петербурге Салтыков отказался принимать участие в журнале, пока редактором его будет Краевский. Лишь через месяц была достигнута принципиальная договоренность, что *фактическим* редактором *Отеч. записок* с начала 1868 года будет Некрасов, а Краевский останется собственником издания и его номинальным ответственным редактором (М. В. Теплинский. «Отечественные записки» (1868—1884). Южно-сахалинск, 1966, стр. 19—63). Телеграмма Некрасова и ответ Салтыкова неизвестны. Возможно, что в телеграмме сообщалось о полном устранении имени Краевского как редактора с обертки журнала, чего, однако, не удалось добиться.

[3] Напечатаны соответственно в *Отеч. записках,* 1868, №№ 1 и 2.

[4] Речь идет о Совете Главного управления по делам печати.

[5] Получив согласие Некрасова (см. письма 224 и 226), Салтыков с начала 1868 года стал помещать в *Отеч. записках* «Письма из провинции» и «Признаки времени», с подзаголовками: «Периодические заметки» для первого цикла и «Периодические размышления» — для второго. В 1869 году он издал эти циклы в книге «Признаки времени и Письма о провинции» (т. 7 наст. изд.).

[6] Описка Салтыкова: нужно — «не два, а один раз в месяц». До перехода в руки Некрасова *Отеч. записки* выходили два раза в месяц. Но в первом же объявлении об издании журнала под новой редакцией (см. прим. 5 к письму 224) было сообщено об изменении периодичности на ежемесячную.

[7] Просьбу Салтыкова Некрасов выполнил. См. письмо 226.

224. Н. А. НЕКРАСОВУ

6 декабря 1867. Рязань

Рязань. 6 декабря.

Вы просите меня[1], многоуважаемый Николай Алексеевич, рассказ для 1-й книжки «Отеч. записок»; но я уже два рассказа послал к Вам (оба страховыми письмами), один 15, другой 27 ноября[2] — ужели Вы их не получили? Относительно губернаторских рассказов[3] я думаю погодить; время не уйдет

еще. За фельетон[4] я примусь немедленно, как только получу от Вас достоверное известие, что журнал Вам разрешен[5]. Я думаю, что, не объявляя об этом до сих пор, Вы много теряете. Во всяком случае, прошу Вас не замедлить уведомлением меня так, чтобы я мог прислать фельетон ко времени. Уведомьте меня, получили ли Вы два рассказа моих? Один из них «Новый Нарцисс», вам известный, несколько переделан; другой — новый, Вам неизвестный. Я хотел бы начать с первого[6].

Скажите, должен ли я прислать Вам рассказ о губернаторе с фаршированной головой[7]. Я его распространю и дам еще более фантастический колорит. Но я тогда только желал бы его напечатать, если бы Валуев его пропустил[8].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 13.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 47—48.

---

[1] Описка Салтыкова: нужно — «у меня».

[2] См. выше письма 222 и 223.

[3] Так в письмах к Некрасову Салтыков называл свои рассказы, составившие книгу «Помпадуры и помпадурши». См. т. 8 наст. изд.

[4] «Письма о провинции». Первый «фельетон» появился в *Отеч. записках,* 1868, № 2.

[5] Первое объявление о решенном преобразовании *Отеч. записок* появилось в печати 17 декабря 1867 года, но имя Некрасова как фактического редактора обновленного издания не было названо («СПб. ведомости» и «Голос», 1867, № 348).

[6] См. письмо 223.

[7] Этот памфлет на тульского губернатора М. Р. Шидловского Салтыков читал в Петербурге осенью 1867 года ряду лиц, несомненно и Некрасову. В существенно переработанном виде, под названием «Органчик», вошел в «Историю одного города» (см. *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 77 и 493—494, и т. 8 наст. изд.).

[8] По должности министра внутренних дел П. А. Валуев был в это время (до середины марта 1869 г.) также и начальником Главного управления по делам печати.

225. А. Ф. КАБЛУКОВУ

13 декабря 1867. Рязань

Будьте так добры, многоуважаемый Алексей Федорович, приезжайте в Москву в понедельник по 1-ой машине[1]. Я приеду туда, чтобы покончить с делом о мельнице. Остановлюсь

на Петровке в гостинице «Франция», как и всегда; если же там не найду свободного номера, то или напротив, в гостинице «Россия», или же на углу Столешникова переулка и Петровки, в гостинице «Англия».

Милост<ивой> государыне Марии Ивановне и всем Вашим свидетельствуем наше почтение.

Ваш
М. Салтыков.

13 декабря
Рязань.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 12. Публикуется впервые.

---

[1] Этим определяется день приезда Салтыкова в Москву: ближайший понедельник приходился в декабре 1867 года на 18 число.

226. Н. А. НЕКРАСОВУ

20 декабря 1867. Рязань

Рязань. 20 декабря.

Письмо Ваше, многоуважаемый Николай Алексеевич[1], было получено во время странствованья моего по губернии, откуда я возвратился только вчера вечером[2]. Благодарю Вас за деньги — 200 р., которые я также получил. Вообще, весьма Вам обязан за высказываемое Вами теплое ко мне участие. Балет я непременно окончу и доставлю Вам к 1-му числу. Надо было его почти весь переделать[3]. Фельетон тоже желал бы прислать к назначенному Вами сроку, но вряд ли успею. Думаю, что лучше отложить до 2-й книжки. Содержанием его будут размышления о легковесных деятелях[4]. Вообще, я думаю, что я не сойдусь[5] с другим Вашим фельетонистом[6].

Прощайте, желаю Вам всего лучшего и, преимущественно, успеха в предпринятом деле.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 15.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 48.

---

[1] Письмо Некрасова неизвестно.

[2] Салтыков вернулся из Спасска. Во время странствий по Рязанской губернии он, судя по письму 225, заезжал 18 декабря, на обратном пути, в Москву.

[3] Написанная еще в 1864 году сатира на современный писателю балет (по существу же, на все виды и формы безыдейного, лишенного общественного содержания искусства) была до этого уже дважды запрещена цензурой при попытке опубликовать ее в *Совр.*, 1864, № 11—12, в форме отзыва на постановку балета «Наяда и рыбак» на сцене петербургского Большого театра (см. в наст. изд. т. 5) и в *Совр.*, 1866, № 1 — в виде отзыва на балет «Фиаметта» (см. *ЛН*, т. 67, стр. 401—402). В переделанном виде (см. письмо 228) в форме отзыва на поставленный в Большом театре во время пребывания Салтыкова осенью 1867 года в Петербурге балет «Золотая рыбка» напечатан без подписи в *Отеч. записках*, 1868, № 3 (первоначально Некрасов предполагал напечатать его в № 2 — см. *Некрасов*, т. 11, стр. 103). Под названием «Проект современного балета (по поводу «Золотой рыбки»)» вошел в цикл «Признаки времени» (т. 7 наст. изд.).

[4] «Легковесные». См. письмо 229 и прим. 1 к нему.

[5] В смысле: «не совпаду».

[6] Вторым фельетонистом *Отеч. записок* в это время был В. А. Слепцов.

227. А. М. УНКОВСКОМУ

20 декабря 1867. Рязань

Рязань. 20 декабря.

Очень жаль, что Вы не получили письма моего, многоуважаемый Алексей Михайлович [1]. В нем я просил Вас о следующем: когда-то Некрасов оказывал мне готовность ссудить меня деньгами (2500 р.) для уплаты Н. С. Ржевской, за 7% [2]. 1-го февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, начинает уже беспокоиться. Обращаться с этой просьбой к Некрасову лично — весьма неприятно, потому что рискуешь получить отказ. Вам же, как лицу не причастному в деле, принять в нем участие ничего не стоит. Я желал бы получить эти деньги под два векселя, на равную сумму каждый, один на год, а другой на два года. Процентов хорошо бы не более восьми. Если Некрасов будет согласен, то я к 1-му февраля приеду в Петербург, чтобы дать ему обязательство.

Очень прискорбно, что у Вас дома не совсем благополучно. От души желаю, чтобы Любовь Федоровна вышла из своего положения с честью.

Пожалуйста, напишите, что скажет Некрасов.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 62.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 24—25.

Салтыков был управляющим Рязанской казенной палатой с конца октября 1867 до середины июня 1868 года; следовательно, 20 декабря в Рязани он мог быть только в 1867 году.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Деньги были взяты Салтыковым у его тверской знакомой Н. С. Ржевской в декабре 1861 года в связи с покупкой имения Витенево. Некрасов выполнил просьбу Салтыкова. См. письмо 230.

228. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 декабря 1867. Рязань

Рязань. 25 декабря.

Посылаю, многоуважаемый Николай Алексеевич, вместе с сим страховым письмом программу балета. Сделайте одолжение, сообразите его построже и продержите сами корректуру, чтобы при верстании как-нибудь не наврали. Я предпослал балету предисловие, которое, надеюсь, не будет Вам противно[1]. К будущей февральской книжке пришлю фельетон *непременно*[2].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 336, оп. 3, № 32, л. 17.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 49.

---

[1] «Проект современного балета» (см. письмо 226 и прим. 3 к нему) состоял из двух частей: почти заново написанного «Предисловия» и обновленной редакции «программы балета» — сатиры-пародии на балетное либретто. См. в т. 7 наст. изд.

[2] Неясно, относятся ли эти слова к очерку «Легковесные» или к первой статье цикла «Письма из провинции». См. письмо 229.

229. Н. А. НЕКРАСОВУ

9 января 1868. Рязань

9 января. Рязань.

Вместе с сим, страховым письмом посылаю к Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, фельетон под названием «Признаки жизни»[1]. Есть слабая надежда, что еще поспею. Но, во всяком случае, прошу Вас предварительно рассмотреть его.

Я уже послал Вам балет — получили ли Вы его?[2] По-моему, предисловие вышло довольно удачно. В изложении второго акта прошу Вас сделать перемену: когда Гале предлагают корону, то слова бумажный колпак следует заменить словами *балетный* колпак[3]. Хотя у меня и не было никакой задней мысли насчет короны вообще, но все-таки лучше, чтобы не было и повода к толкованьям.

К февральской книжке надеюсь прислать провинциальное письмо[4].

Я охотно взял бы на себя разбор книг, но не знаю, что разбирать. Подожду романов Стебницкого, Клюшникова и проч., обещанных «Литературною библиотекой»[5]. Впрочем, если бы Вы нашли что-нибудь любопытное, то напишите.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 19.
Впервые неточно опубликовано: *Письма,* стр. 49—50.

---

[1] Предназначавшийся для *Отеч. записок,* 1868, № 1, в серии «Признаки жизни. Периодические заметки», фельетон «Легковесные. Их торжество, опасения и окопы» был уже набран (на наборной рукописи помета: «Отеч. зап.», № 1. Отд. 2-е»), но в печати тогда не появился и затем неоднократно переделывался Салтыковым (см. письма 226, 231, 233, 236 и 237).

Он был опубликован лишь в *Отеч. записках,* 1868, № 9, в качестве самостоятельного очерка «Легковесные (Картины в натуральную величину)». Позднее этот очерк был включен в книгу «Признаки времени». См. в т. 7 наст. изд.

[2] «Проект современного балета». См. письмо 226, прим. 3.

[3] Изменение не было внесено. В «изложении» второго акта «балета» в тексте *Отеч. записок,* 1868, № 3, министр говорит новоиспеченной царице: «Помилуйте! да ведь это бумажная корона!» Лишь в отдельном изд. 1869 года Салтыков заменил последние слова на «бумажный колпак».

[4] «Письма из провинции. Письмо первое» — *ОЗ,* 1868, № 2.

[5] Журнал «Литературная библиотека» объявил в ноябрьском номере 1867 года (№ 24 и сл.) о приобретении романов «Резонеры» М. Стебницкого (Н. С. Лескова), «Две семьи» В. Крестовского, «Признания Сергея Чапыгина» Я. Полонского и др.

230. Н. А. НЕКРАСОВУ

19 января 1868. Рязань

Рязань. 19 января.

Сердечно благодарю Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, за Ваше согласие ссудить меня 2500 рублями [1].

Я 28 января выеду отсюда и 31-го числа буду в Петербурге, потому что хотя для меня и тяжеловаты эти поездки, но ведь надо же совершить заемное обязательство. Я привезу Вам еще «Провинциальное письмо» [2], которое совсем уж готово и переписывается.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 21.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 50.

---

[1] См. письмо 227.

[2] «Письма из провинции. Письмо первое» — *ОЗ,* 1868, № 2.

231. Н. А. НЕКРАСОВУ

27 января 1868. Рязань

Рязань. 27 января.

2-я часть фельетона [1] дурно расположена, многоуважаемый Николай Алексеевич, а потому и неудовлетворительна. Сверх того, есть неполноты и неясности; все это я переделываю и

привезу сам. 1-го числа я буду в Петербурге на 3 дня [2]. Более остаться не могу.

Вновь душевно благодарю за Ваше участие [3].

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 23.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 51.

---

[1] «Легковесные». См. письма 226, 229, 233, 236, 237 и т. 7 наст. изд.

[2] Во время пребывания в Петербурге Салтыков присутствовал на обеде, устроенном Некрасовым по случаю выхода первой книги *Отеч. записок* новой редакции (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М., ЗИФ, 1928, стр. 209).

[3] Некрасов дал Салтыкову просимые им взаймы 2500 руб. См. письма 227 и 230.

232. А. Ф. КАБЛУКОВУ

29 января 1868 (?)

Спешу ответить Вам, многоуважаемый Алексей Федорович, что я на продажу флигеля Кузнецу за 300 р. согласен, но с тем, чтобы весной были заравнены им те ямы, которые окажутся при вырытии столбов. Жаль, что Вы не пишете, сполна ли он отдает деньги или по частям, и для какого употребления ему нужен флигель? Хорошо было бы, если б деньги получить сполна.

Что Корочкин? Как уплата денег?

Прошу Вас передать наше почтение Марье Ивановне и всему Вашему семейству.

Весь Ваш
М. Салтыков.

29 января.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 125, л. 114.
Публикуется впервые.

Годовая дата определяется предположительно по связи с письмом Е. А. Салтыковой к А. Ф. Каблукову от 20 августа 1868 г., в котором сохраняется просьба найти покупателя, желающего приобрести флигель за 300 руб.

233. Н. А. НЕКРАСОВУ

18 февраля 1868. Рязань

Рязань. 18 февраля.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, переделанный фельетон и прошу Вас, если можно, поместить его в апрельской книжке [1]. Роман Решетникова постараюсь прочесть и выслать к 5-й неделе поста [2]. Если Вы поместите в 3-й книжке балет, то прошу везде, где написано *московские* публицисты, «Москов<ские> ведомости» заменить словом *русские* публицисты [3]. Рецензии не замедлю выслать [4]. Попросил бы Вас прислать новые сочинения Стебницкого и Данилевского [5]. Недавно объявлены в газетах.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 24.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 51.

---

[1] Фельетон «Легковесные», появившийся лишь в *Отеч. записках,* 1868, № 9. См. письма 229, 231.

[2] Посланная вскоре в Рязань рукопись первой части романа Ф. М. Решетникова «Где лучше?» (см. письмо 234) была отредактирована Салтыковым и возвращена в редакцию *Отеч. записок* в конце марта. См. письмо 238.

[3] Замены были сделаны, но проведены не последовательно, кое-где в тексте остались «Московские ведомости» и «московские публицисты». См., напр., т. 7 наст. изд., стр. 120.

[4] См. письма 234 и 236.

[5] Рецензия Салтыкова на «Новые сочинения» Г. П. Данилевского появилась в *Отеч. записках,* 1868, № 8.

234. Н. А. НЕКРАСОВУ

4 марта 1868. Рязань

Рязань. 4 марта.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, еще «письмо из провинции» [1]. Роман Решетникова получил и в скором времени возвращу [2]. Не спешил, потому что Вам, кажется, нет особенной крайности. Вам послала повесть г-жа

Хвощинская[3]. Рецензии вышлю в конце месяца к апрельской книжке[4]. Февральская книжка «Отеч. записок» пришла только сегодня. Недурно было бы устранить эту медленность.

Книги я получил все[5].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 26.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 52.

---

[1] «Письмо второе» — *ОЗ,* 1868, № 4.

[2] Рукопись романа «Где лучше?». См. письма 233, 237, 238 и прим. к ним.

[3] Повесть «Два памятные дня» Н. Д. Хвощинской (псевдоним: В. Крестовский). Писательница постоянно жила в Рязани и находилась в дружеских отношениях с Салтыковым. Повесть появилась в *Отеч. записках,* 1868, № 4.

[4] См. прим. 1 к письму 236.

[5] См. письмо 233.

235. Кн. А. И. УРУСОВУ

18 марта 1868. Рязань

При отъезде моем в воскресенье[1] из Москвы оказалось, что Вы, многоуважаемый князь, забыли в моем номере Ваши бумаги. Хотя я и просил доставить Вам их немедленно, но на всякий случай считаю нелишним предупредить Вас об этом.

Будьте здоровы.

Ваш *М. Салтыков.*

Рязань. 18 марта.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 311, оп. 16, карт. 42, л. 10.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 57.

Помета на письме «Рязань. 18 марта» может относиться только к 1868 году.

---

[1] Это могло быть «воскресенье» 3 или 10 марта 1868 года. Скорее, 3-го Сохранилась фотография Салтыкова, снятого в Москве, с дарственной надписью А. И. Урусову, датированная 1 марта 1868 года *(ИРЛИ).*

236. Н. А. НЕКРАСОВУ

21 марта 1868. Рязань

Посылаю Вам, уважаемый Николай Алексеевич, разбор «Бродящих сил»[1]. Извините, более не успел, не по недостатку времени, а оттого, что мною овладела страшная тоска. К майской книжке пришлю все остальное[2]. Тут же, кстати, будет Святая, и времени выйдет довольно. Отчего Вы не печатаете фельетон?[3] Оттого ли, что он *не хорош,* или оттого, что печатать его не время теперь? Скажите, пожалуйста, прямо, ибо это необходимо для моих соображений. Я было собрался другой фельетон писать.

Мои «Письма из провинции» весьма меня тревожат. Здешние историографы[4], кажется, собираются жаловаться, а так как тут все дело состоит в том, я ли писал эти письма или другой[5], и так как, в существе, письма никакого повода к преследованию подать не могут, то не согласится ли Слепцов или кто другой назвать себя отцом этого детища, в случае ежели будут любопытствующие узнать это. Впрочем, я оставляю это на Ваше усмотрение, потому что я теперь потерял всякую меру. Скоро, кажется, горькую буду пить. Так оно скверно.

Весь Ваш

Рязань. 21 марта. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 33.

Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, стр. 53—54.

---

[1] Рецензия Салтыкова на «Бродящие силы» В. Авенариуса помещена в *Отеч. записках,* 1868, № 4, без подписи. См. т. 9 наст. изд.

[2] См. письмо 234.

[3] «Легковесные». См. письма 229, 231 и прим. к ним.

[4] Историографы, на эзоповском языке Салтыкова,— проникнутые духом крепостного права и дореформенных нравов чиновники-администраторы и деятели дворянского самоуправления. Обличительной характеристике их уделено большое внимание в «Письме первом» цикла «Письма из провинции». См. т. 7 наст. изд.

[5] Первые семь «Писем из провинции» печатались за подписью «Н. Гурин»; остальные пять — под постоянным псевдонимом «Н. Щедрин».

237. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 марта 1868. Рязань

Рязань. 25 марта.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Отвечать «СПб<ургским> вед<омостям>» значило бы только раздувать глупейшую историю, которая, несомненно, упадет сама собою[1]. Да и на что отвечать? На каком основании утвердиться? Основание это есть, но оно нецензурное. В этом-то вся и беда, что мы не можем высказывать *всей* своей мысли. Я намеревался писать о священных отечественных нужниках и о каплунах — статья эта могла бы быть косвенным ответом на вздорные нападки по поводу «Нарцисса», но отложил это писание до напечатания первого посланного Вам фельетона[2]. Теперь я вижу, что фельетон мой, по обстоятельствам, едва ли может быть напечатан, и на Святой пришлю Вам другой фельетон, который будет служить ответом «П<етер>б<ургским> ведомостям»[3].

Роман Решетникова — такой навоз, который с трудом читать можно[4]. Однако я его выправляю и думаю, что в этом виде можно будет его печатать. Боюсь, не надувает ли Вас Решетн<иков> и не есть ли этот роман его перепечатка романа «Глумовы», когда-то печатавшегося в «Рус<ском> слове»[5]. Я «Глумовых» не читал, но есть признаки, которые наводят сомнение. Во всяком случае, послезавтра я эту работу кончу и вышлю Вам роман.

Здесь все узнали, кто автор «Писем из провинции» — и дуются безмерно. Разумеется, нельзя думать, чтобы 2-е письмо смягчило впечатление. Мне очень трудно и тяжело; почти неминуемо убираться отсюда[6]. Нельзя ли пристроить меня при новом управлении Никол<аевской> жел. дороги чем-нибудь вроде директора по счетной части, или в новом поземельном банке. Я был бы крайне рад, потому что обстоятельства мои из рук вон плохи.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Готового у меня ничего нет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 336, оп. 3, № 32, л. 2 об.
Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1927, № 4, стр. 54.

---

[1] Уже вскоре после выхода в свет № 1 обновленных *Отеч. записок*, в которых был напечатан очерк Салтыкова «Новый Нарцисс...», сатирически критиковавший либеральное крохоборчество земских учреждений (введен-

ных реформой 1864 года), газета «СПб. ведомости» (в № 45 от 16 февраля 1868 г.) писала, что многие видят в этой сатире «презрение к <...> действительным заслугам земства», выраженное с позиций бюрократии. Вопрос о необходимости отвечать «СПб. ведомостям» возник перед редакцией журнала в связи с новым выступлением этой газеты в № 80 от 22 марта. В нем от имени авторов нескольких полученных «из южных губерний» писем заявлялось в связи с публикацией салтыковской сатиры, что «от новых» *Отеч. записок* ожидали большего такта и большего понимания дела» по отношению к «не окрепшему еще учреждению» либерального содержания. Сообщая далее об обеде, который будто бы хотел устроить некий исправник в одном уездном городе «в честь обратившегося на путь истинный Щедрина», газета вопрошала: «Этого ли хотят «Отечественные записки» и г. Щедрин?..»

[2] Первый посланный «фельетон» — «Легковесные». См. письма 226, 228, 229 и 231.

[3] «Другой фельетон» — «Литературное положение». В связи с цензурными затруднениями он появился в *Отеч. записках* лишь в 1868, № 8 (в составе цикла «Признаки времени»). В первых печатных текстах его содержалась полемика с нападками «СПб. ведомостей». Потом она была снята. См. т. 7 наст. изд., стр. 558—559.

[4] Роман Решетникова «Где лучше?» печатался в *Отеч. записках,* 1868, №№ 6—10 (часть первая, о которой идет речь, в №№ 6—8). Об отношении Салтыкова к роману в целом см. письмо 241 и прим. 1 к нему.

[5] Роман «Глумовы» печатался в «Деле», 1866—1867 (№№ 2, 3, 4, 7, 9). Предположение Салтыкова было ошибочным.

[6] В июне Салтыков действительно был уволен от занимаемой должности. См. письмо 243.

238. Н. А. НЕКРАСОВУ

26 марта 1868. Рязань

Рязань. 26 марта.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, рукопись Решетникова [1]. Думаю, что он писал это не иначе, как в пьяном виде. Впрочем, я ее значительно сократил и полагаю, что печатать будет можно. Для большего спокойствия в этом смысле, отдайте прочесть ее Слепцову. Теперь это ему большого труда не составит, потому что рукопись исправлена. Не переделал ли Решетников «Глумовых» («Русс<кое> слово») и выдает теперь этот роман за новый.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 28.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 52.

---

[1] См. письмо 237 и прим. 4 и 5 к нему.

239. Н. А. НЕКРАСОВУ

Конец апреля 1868. Рязань

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, рецензию на книгу Минаева [1]. Если годится, то поместите. Через неделю вышлю еще «Письмо из провинции» и попрошу поместить его в майской книжке, ежели найдете это возможным [2].

Во всей Рязани едва ли два-три человека найдется, которые смотрят на меня не враждебно. Поэтому жить очень скучно, и живем совершенно одни.

Решетникова роман крайне расплывчат, но в том виде, как мною сокращено, его печатать можно. Только сличите его с «Глумовыми» — не один ли и тот же это роман [3].

К осени рассказы будут [4].

Крепко жму Вашу руку и остаюсь преданный

М. Салтыков.

К Унковскому мало пишу, потому что и он совсем не пишет. Даже не уведомляет, получил ли на первой неделе поста деньги, полученные мной от Базунова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 30.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 53.
Датируется по упоминанию рецензии на книгу Д. Минаева (см. прим. 1) и по связи с письмом 240.

---

[1] Рецензия Салтыкова на сборник Д. Минаева «В сумерках. Сатиры и песни» помещена в *Отеч. записках,* 1868, № 5 (без подписи). Рецензия имеет принципиальный интерес постановкой вопроса об «истинном назначении» сатиры. См. в т. 9 наст. изд.

[2] Это было «Письмо третье» цикла. Как и просил Салтыков, оно было напечатано в майской книжке. См. письмо 240, прим. 1.

[3] См. письмо 237, прим. 4 и 5.

[4] В конце 1868 года в *Отеч. записках* появился «губернаторский рассказ» «Старая помпадурша» (№ 11), а в начале 1869 года были напечатаны: первые шесть главок «Истории одного города», с включенным в них другим «губернаторским рассказом» — «Органчик» (№ 1), и два рассказа из распавшегося цикла «Для детей»: «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (№ 2) и «Дикий помещик» (№ 3).

240. Н. А. НЕКРАСОВУ

5 мая 1868. Рязань

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, третье *Письмо из провинции*[1]. Хорошо, если Вы найдете возможным поместить его, потому что письма мои производят (по крайней мере, в Рязани) решительное впечатление[2]. Может быть, конечно, я и ошибаюсь, потому что, сидя в маленьком кружке, трудно судить о безотносительном достоинстве своих трудов, но, во всяком случае, думаю, что для провинции эти письма не безынтересны, потому что попали прямо в больное место (в особенности третье).

2-ю часть романа Решетникова получил сегодня и на неделе примусь за него. Рецензию на Минаева выслал; не знаю, удовлетворила ли она Вас; я старался быть умеренным, но удалось ли, не знаю. Вы прочтите когда-нибудь этого стихотворца — истинно, ничего нет противнее. Остальные рецензии вышлю непременно на днях[3]. Прислали бы Вы мне «Типы прошлого». Это г. Маркевича; надлежит им позаняться[4].

Пожалуйста, пришлите мне 200 р. Таким образом, я буду должен 1000 р., и все напечатанное с февраля пойдет в уплату. Пожалуйста, поскорее пришлите, потому что совсем сижу без денег.

Кланяйтесь Унковскому.

Весь Ваш

5 мая. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 32—33.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 53—54.

---

[1] «Письмо третье» напечатано в *Отеч. записках,* 1868, № 5. В нем характеризуется «торжество ненавистничества», то есть проявления натиска реакции в провинции, после выстрела Каракозова в Александра II (4 апреля 1866 г.). По-видимому, Салтыков читал свое «третье письмо», в рукописи, какому-то кружку рязанцев.

[2] См. письма 236, 237 и 239 и прим. к ним.

[3] О каких рецензиях (по-видимому, на книги, присланные Некрасовым — см. письмо 234) идет речь, неизвестно. Ближайшие рецензии Салтыкова — в *Отеч. записках,* 1868, № 8, на книги: «Гражданский брак» Н. И. Чернявского и «Новые сочинения» Г. П. Данилевского. Последние Салтыков просил Некрасова прислать ему еще в феврале (см. письмо 233).

[4] В *Отеч. записках* отзыв на изданную в 1868 году в Москве «Русским вестником» книгу «Типы прошлого» Б. Лесницкого (псевдоним Б. М. Маркевича) не появился.

241. Н. А. НЕКРАСОВУ

12 мая 1868. Рязань

Вчера я послал Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, ту часть романа Решетникова, которую Вы прислали ко мне, оставив только у себя 6-ю главу, которая не кончена. Жду окончания 2-й части. Хотя я многое урезал и сократил, но все-таки советовал бы внимательнее прочитать корректуру; вероятно, придется еще кой-что исключить. В этом романе такая бездна ненужных и ни с чем не вяжущихся подробностей, что даже ничем объяснить себе нельзя. Затем общее впечатление — хорошее, наглядно рисующее безвыходность некоторых отношений[1]. Затем я, незадолго перед этим, послал к Вам третье письмо из провинции с просьбой прислать мне 200 р.[2] Получили ли Вы это письмо, нашли ли возможным его напечатать? Уведомьте меня и деньги, прошу, вышлите, ибо я в весьма стесненном положении. Ради бога, не сетуйте на меня, что я мало пишу. Во-первых, постороннего дела пропасть, во-вторых, я все болен. Надеюсь к августу Вас угостить целым рядом рассказов[3]. Напишите откровенно, следует ли продолжать письма из провинции? Я с своей стороны считал бы это полезным, потому что вижу действие, ими производимое, но не знаю, таково ли впечатление их в Петербурге[4].

Прощайте, будьте здоровы. Остаетесь ли на лето в Петербурге, или едете куда-нибудь?[5] Где Унковский? кланяйтесь ему, пожалуйста.

Весь Ваш

12 мая. Рязань. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, лл. 34—35. Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 54—55.

---

[1] Настоящий отзыв Салтыкова о романе Решетникова «Где лучше?» и его месте в литературе своего времени существенно корректирует его первоначальные впечатления (письмо 237). См. также рецензию Салтыкова на роман и отзыв о нем в статье «Напрасные опасения» (т. 9 наст. изд.).

[2] См. письмо 240.

[3] См. письмо 239, прим. 4.

[4] Работу над «Письмами о провинции» Салтыков продолжал: последнее, двенадцатое, напечатано было в 9-й книжке 1870 года.

[5] Лето 1868 года Некрасов провел под Петербургом, на даче в Лигово.

242. Н. А. НЕКРАСОВУ

23 мая 1868. Рязань

Будьте так добры, многоуважаемый Николай Алексеевич, уведомьте, следует ли писать продолжение писем из провинции. У меня начато 4-е письмо [1]. Я спрашивал Вас об этом, но ответа не получил. Как Вы думаете, можно ли будет напечатать те два губернаторские рассказа, которые Вам известны [2]. Я один из них предполагаю переделать, т. е. распространить и дать фантастический характер. Что же окончание романа Решетникова? получили ли начало 2-й части?

200 р. получил и много Вам благодарен за них [3].

Рязань. 23 мая.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 336, оп. 3, № 32, л. 36.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 55.

---

[1] Четвертое и пятое «Письма из провинции» напечатаны в *Отеч. записках,* 1868, № 9.

[2] Первый «губернаторский рассказ» — «Старая помпадурша»; второй, которому был дан «фантастический характер»,— «Органчик». См. прим. 4 к письму 239.

[3] См. письмо 240.

243. МИНИСТРУ ФИНАНСОВ М. Х. РЕЙТЕРНУ

3 июня 1868. Рязань

Милостивый государь Михаил Христофорович.

Г. директор Департамента государственного казначейства, письмом от 29 минувшего мая (сегодня мною полученным), сообщил мне, что Ваше превосходительство изволите признавать невозможным оставить меня в должности управляющего Рязанской казенной палатой. Как ни неожиданно для меня такое решение, я считаю долгом покориться ему и просить Ваше превосходительство о причислении меня к министерству финансов. Позволяю себе думать, что причина столь внезапного поворота в моей жизни заключается не в служебной моей деятельности, которая всецело была посвящена честному и добросовестному исполнению лежащих на мне обязанностей. Это убеждение и надежда, что Ваше превосходительство до

некоторой степени находили мою службу не бесполезною, дают мне смелость просить Вас, при всеподданнейшем докладе об увольнении меня от занимаемой мною должности, довести до сведения государя императора, что я очень хорошо помню, что я обязан его величеству освобождением из восьмилетнего изгнания в Вятку и что с тех пор, по крайнему моему разумению, вся моя деятельность, как служебная, так и частная, была проникнута благодарным воспоминанием об оказанной мне милости.

С совершенным почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим слугою

Михаил Салтыков.

Рязань.
3 июня 1868 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 560, оп. 16, № 130, л. 28.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, стр. 207.

Непосредственным поводом к отставке, предложенной Салтыкову «сверху» (хотя она и соответствовала намерениям писателя), послужили жалобы на него рязанского губернатора Н. А. Болдарева не только министру финансов М. X. Рейтерну, но и министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. По просьбе последнего, в высшем органе политической полиции царизма III Отделении были собраны все имевшиеся там материалы на Салтыкова. На основании их начальник III Отделения и шеф жандармов гр. П. А. Шувалов представил в конце мая 1868 года доклад Александру II не только об удалении Салтыкова из Рязани, но и о запрещении ему впредь занимать какие-либо должности на государственной службе. О Салтыкове в этом документе сказано, что он «постоянно обращал на себя внимание высшего правительства, как чиновник, проникнутый идеями, не согласными с видами государственной пользы и законного порядка» (С. Макашин. Новое о Щедрине.— «Лит. газета», 1946, № 8, 6 февраля). Салтыков был уволен «высочайшим» приказом по гражданскому ведомству 14 июня 1868 года.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

А. Для архивных источников

Аттестат — *ЦГИА,* ф. 560 (Министерства финансов), оп. 16, № 130, 1864 г.; «Сведения о службе д. ст. сов. Михаила Евграфовича Салтыкова».

ГА Калин. обл.— Государственный архив Калининской области.

ГА Киров. обл.— Государственный архив Кировской области.

ГА Моск. обл.— Государственный архив Московской области.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Москва.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ГЦТМ — Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

«Дело» № 19 — *ЦГИА,* ф. 1284 (Департамента общих дел МВД), оп. 75, № 19, 1856 г.: «О причислении к Министерству внутренних дел надворного советника Салтыкова».

«Дело» № 169 — *ЦГАОР,* ф. 109 (III Отделения) 1-я эксп., № 169, 1848 г.: «Об отправлении тит. сов. Салтыкова на службу в Вятку».

«Дело» № 737 — *ЦГИА,* ф. 1286 (Департамента полиции исполнительной МВД), оп. 11, № 737, 1848 г.: «По отношению г. военного министра о высылке тит. сов. Салтыкова на службу в Вятку».

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, Ленинград.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, Высших органов государственной власти и государственного управления СССР, Москва.

ЦГВИА — Центральный Государственный Военно-исторический архив СССР, Москва.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив СССР, Ленинград.

Б. Для печатных источников

Цитаты из сочинений и писем М. Е. Салтыкова-Щедрина указываются:

1) с римской нумерацией томов по *Изданию 1933—1941;*

2) с арабской нумерацией томов по настоящему изданию.

Арсеньев. Материалы... — К. К. Арсеньев. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Страницы указываются по изданию: Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), изд. 5-е. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1905—1906, т. 1, 1905.

Архив Карабихи — «Архив села Карабихи». Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примечания составил Н. Ашукин. М., 1916.

Белоголовый — Н. А. Белоголовый. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове.— Цитируется по сборнику *Салтыков в воспоминаниях.*

Из архива Островского — Неизданные письма к А. Н. Островскому. Из архива А. Н. Островского, по материалам театрального музея им. А. А. Бахрушина.— М.— Л., «Academia», 1932.

Изд. 1933—1941 — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах. М.— Л., ГИХЛ, 1933—1941.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—88. М., Изд-во «Наука» (ранее Журнально-газетное объединение), 1931—1975 (издание продолжается).

Макашин I — С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. М., ГИХЛ, 1951, изд. 2-е, дополненное.

Макашин II — С. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., «Художественная литература», 1972.

М. вед. — Московские ведомости.

Неизданные письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма (1844—1889). Редакция Н. В. Яковлева. Подготовили к печати Е. Н. Дубов и Е. М. Макарова. М.— Л., «Academia», 1932.

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. 1—12. Под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского. М., ГИХЛ, 1948—1953.

Отеч. записки или *ОЗ* — «Отечественные записки».

Пантелеев — Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове.— Цитируется по сборнику *Салтыков в воспоминаниях.*

Письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под редакцией Н. В. Яковлева, при участии Б. Л. Модзалевского. Л., Государственное издательство, 1925 (Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук).

Письма к Дружинину — Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). Редактор и комментатор П. С. Попов. В серии «Летописи Государственного литературного музея», кн. 9. М., 1948.

Салтыков в воспоминаниях — «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А. Макашина. М., Гослитиздат, 1957.

Совр. или *С.* — «Современник».

Спасская — Л. Н. Спасская. М. Е. Салтыков и его вятские друзья Ионины.— Цитируется по сборнику *Салтыков в воспоминаниях.*

Тургенев. Соч.— И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968. Серия: Сочинения в 15-ти томах.

Тургенев. Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968. Серия: Письма в 13-ти томах.

СОДЕРЖАНИЕ

1851

1852

1853

1854

1855

1856

1857

1858

1859

1860

1861

1862

1863

1864

1865

Михаил Евграфович

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Собрание сочинений, т. 18, кн. 1

Редактор *В. Фридлянд*

Художественный редактор
С. Данилов

Технический редактор
Л. Титова

Корректоры *Т. Кузина*
и *Л. Овчинникова*

Сдано в набор 22/I 1975 г. Подписано в печать 10/IX 1975 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. 22,0 печ. л. 22,0 усл. печ. л. 19,36 + 1 вкл. = 19,41 уч.-изд. л. Тираж 30 500 экз. Заказ 4276.
Цена 1 р. 35 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.